

1904.

Годъ 12.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

— 96 —
АСТА

ET

COMMENTATIONES

IMP. UNIVERSITATIS JURIEVENSIS

(OLIM DORPATENSIS).

№ 6.

ЮРЬЕВЪ.

Типографія К. Маттисена.

1904.

Отъ редакціи.

Редакція „Ученыхъ Записокъ ИМПЕРАТОРСКАГО Юрьевскаго Университета“ взаменъ особыхъ извѣщеній симъ имѣетъ честь предложить всѣмъ учрежденіямъ, редакціямъ и лицамъ, съ коими она состоитъ въ обменѣ изданіями въ текущемъ 1904 году, продолжать этотъ обменъ и въ будущемъ 1905 году.

Редакторъ Е. Пассекъ.

1904.

Годъ 12.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

№ 6.

ЮРЬЕВЪ.

Типографія К. Маттисена.

1904.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Юрьевскаго
Университета.

Юрьевъ, 20 декабря 1904 г.

№ 2742.

Ректоръ : Г. Левицкій.

СОДЕРЖАНИЕ.

Научный отдѣлъ.

Стр.

Н. К. Грунскій. Кіевскіе глаголическіе листки. Выпускъ II. 1— 59

Приложенія.

Проф. М. Красноженъ. Дополненіе къ краткому очерку церковнаго права. 1— 14

Проф. Н. Н. Бѣлявскій. Полицейское право 81—176

Проф. П. П. Пусторослевъ. Программа лекцій по общей части русскаго уголовнаго права съ краткимъ изложеніемъ нѣкоторыхъ понятій и объясненій. Выпускъ I . 81—192

Н. К. Грунскій.

Кієвскіє
глаголическіє листки.

Выпускъ II.

Начертанія буквѣ.

Разсматривая начертанія буквѣ К. Л. сравнительно съ начертаніями другихъ древне-церк. славянскихъ памятниковъ глаголической письменности, мы будемъ пытаться возстановить на основаніи этого сравнительнаго матеріала первоначальный типъ глаголическихъ буквѣ. Разрѣшеніе этого вопроса, столь важнаго для опредѣленія древности К. Л., заставитъ насъ подойти также къ вопросу объ источникахъ глаголической азбуки, такимъ образомъ коснуться тѣхъ теорій, которыя въ настоящее время являются господствующими, относительно этихъ источниковъ. Слѣдовательно, прійдется затронуть и вопросъ объ отношеніи кириллицы и глаголицы. Это тѣмъ болѣе необходимо, что теорія, напр., о происхожденіи глаголицы изъ греческаго курсивнаго письма, несмотря на всѣ вызванныя и вызываемыя опроверженія, находитъ себѣ сильнаго и упornaго защитника въ лицѣ ак. Ягича, который и въ позднѣйшемъ своемъ трудѣ „Zur Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache“ проводитъ все ту же теорію происхожденія глаголицы изъ греческаго курсивнаго письма. Отзвукъ этого мнѣнія находимъ и въ обширной рецензій на этотъ трудъ ак. Ламанскаго, который, проводя мысль о древности кириллицы передъ глаголицей, говоритъ, что „ясный, свѣтлый, изящный умъ“ Константина не могъ предпочесть некрасивый, неразборчивый курсивъ красивому и удобочитаемому греческому уставу и полууставу (Изв. Отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Н. 91, 317—18). Между тѣмъ еще раньше ак. Соболевскій, затронувъ слегка въ своемъ печатномъ курсѣ ц.-слав. яз. теорію о происхожденіи глаголицы изъ греческаго курсива и

опровергнувъ нѣкоторые пункты этой теоріи, самъ пошелъ по ложному пути. Его ошибка состояла въ методѣ доказательствъ. По мнѣнію ак. Соболевскаго, начертанія кирилловскія вполне объясняются изъ греческаго алфавита (для звуковъ существовавшихъ въ слав. и греческ.). Въ этихъ начертаніяхъ есть сходство и съ глаголическими. То же особенно можно сказать о начертаніяхъ, не бывшихъ въ греческомъ алфавитѣ или „малоизвѣстныхъ“ (?) послѣднему. „При этомъ кирилловскія буквы оказываются или очень близкими къ своимъ греческимъ первообразамъ (б, зѣло), гораздо болѣе близкими, чѣмъ глаголическія, или вполне ясными по образованію (щ, ю), чего никакъ нельзя сказать объ ихъ глаголическихъ двойникахъ. Такимъ образомъ тождественное съ греческою β кирилловское б не можетъ быть объяснено изъ глаголическаго б, а глаголическое б вполне можетъ быть объяснено изъ б; или, ясное по образованію кирилловское ю не можетъ быть объяснено изъ глаг. ю, но наоборотъ, глагол. ю легко объясняется изъ ю и т. д.“ (23). Какъ увидимъ дальше, эти основныя точки, изъ которыхъ исходитъ ак. Соболевскій совершенно невѣрны, т. к. изъ начерт. кирил. б, ю вовсе нельзя выводить начертанія глаг. б и ю.

Приведенныя мнѣнія такихъ знатоковъ, какъ академики Ягичъ, Ламанскій, Соболевскій, показываютъ въ какомъ, въ сущности, неопредѣленномъ положеніи находится одинъ изъ главныхъ вопросовъ древне-церковно-славянской письменности. Какъ увидимъ дальше, есть стороны, которыя при разрѣшеніи этого вопроса не принимаются во вниманіе, да и не являются разработанными, какъ, напр., приемы орфографіи.

А (ф. і). Особенно схоже съ начертаніями гл. обр. второго почерка а на нѣкоторыхъ страницахъ Зографскаго Ев., гдѣ оно имѣетъ такое же закругленіе на концѣ горизонтальной черты съ одной стороны и черточку съ другой. То же можно сказать отчасти и объ Охридскомъ Ев. Начертанія Пражскихъ Отр. и Ассем. Ев. гораздо болѣе грубы. Въ Синайск. Пс. черточки на горизонтальной линіи иногда

одинаковы, иногда лѣвая больше, причемъ на вертикальной линіи отсутствуетъ черточка. Последнее можно сказать и относительно Син. Тр., гдѣ также особенно развиваются по величинѣ побочныя линіи на чертѣ горизонтальной, т. обр. начертаніе какъ бы приближается къ позднѣйшему хорватскому. Въ Маріинскомъ Ев. особенно развивается первая черточка при горизонтальной линіи. Такимъ образомъ, судя по большинству древнихъ глаголическихъ памятниковъ, можно думать, что начертаніе а К. Л. принадлежитъ къ древнѣйшему типу: изъ него легко объяснить возникновеніе другихъ — были лишь продолжаемы черты, при чемъ последнее вызывалось удобствами письма, такъ какъ если письмо было мелкое, то трудно было бы выдержать характеръ начертаній К. Л., а нужно было бы употреблять подобныя, какъ въ Маріинск. Ев., особенно Синайск. Пс.

Догадки относительно прототипа для этого глаголическаго начертанія различны.

Ак. Ягичъ (33-й т. Сб. Имп. Ак. Н. по Отд. рус. яз. и сл. 149), высказываетъ мысль, что нужно ожидать „не найдется ли въ греческой письменности подходящаго начертанія буквы а въ памятникахъ болѣе близкихъ ко времени и мѣсту дѣятельности славянскихъ первоучителей, чѣмъ до сихъ поръ“.

Существованіе крестообразнаго а въ греческой письменности отмѣчено уже палеографами. Такъ, напр., у Гардгаузена (*Griechische Paleographie* на табл. IV подѣ 680 г.) мы видимъ это а, правда, съ соединеніемъ двухъ конечныхъ чертъ, то же подѣ 600 г. (*ibid.*) на табл. III подѣ 233 г. Это а является безъ верхней черты¹⁾.

Пр. Бѣляевъ (Зап. Казан. Ун. 86 г., стр. 268) отмѣчаетъ употребленіе крестообразнаго а въ канцелярскомъ письмѣ.

Вондракъ (*Arch. f. sl. Ph.*, 19, 182) видитъ здѣсь а ерфеврейскій, но подходящаго вполнѣ начертанія ему не удается

1) Ср. также изображеніе греч. а крестомъ *alphabet. graecis*. Матеріалы Моск. Ун. 55 г. въ статьѣ Klien'a подѣ № 11. Монфаконъ отмѣчаетъ въ азбукѣ одной изъ религіозн. греч. сектъ между начертаніями а крестообразное. Относительно а ср. Wattenbach's *Anleitung zur Griechischen Paleographie*. 2-е изд. Leipzig. (Прилож. литограф. 2 стр.) Въ одной латин. псалтыри 10 в. (Снимки въ *The Paleogr. Society*, 188—9) въ сокращенномъ написаніи слова *kalendas* послѣ к начертаніе тожественное съ глаг. а.

отмѣтить; иногда въ еврейскихъ памятникахъ мы видимъ начертаніе нѣсколько приближающееся къ крестообразному (ср., напр. таблицы Chwolson'a *Corpus inscr. hebraic.*, особ. № 172).

Была высказана также догадка (В. Миллеромъ Ж. М. Н. Пр. 84. № 3) о заимствованіи начертанія глаг. а изъ часто употреблявшагося въ греческихъ рукописяхъ изображеній креста.

Кромѣ близкаго къ крестообразному начертанію а въ греческой письменности можно еще указать начертаніе, состоявшее изъ черты наверху и внизу котораго были поставлены точки ÷ (См. таблицу у Allen. *Notes ou abbreviations in greck. manuscripts okf. 1889.* Ср. Muller. *Handbuch der kl. Altertums-Wissenschaft.* М. 92, 322).

Въ греческихъ памятникахъ мы отмѣчаемъ присутствіе крестообразнаго а въ качествѣ междустрочнаго знака. То же находимъ и въ памятникахъ древн. церк.-слав. письменности, такъ въ одномъ кирилл. Ев. XI в. употребленъ какъ междустрочный знакъ — крестъ употреблявшійся здѣсь и какъ нотный значекъ (См. статью Бычкова — Отрывки Ев. XI в. *Извѣстія Арх. Общ.* 65 г. т. V). Этотъ крестъ является полнымъ подобіемъ начертанія глаголическаго а, съ такимъ же закругленіемъ поперечной горизонтальной черты и съ небольшою линіей при вертикальной (См. снимокъ при статьѣ Бычкова, *ibid.*).

Въ Маріинскомъ Ев. мы замѣчаемъ, напр., очень похожее на а начертаніе, стоящее вмѣсто точки. Отличіе этого начертанія заключается въ продолженіи вертикальной черты и отсутствіе побочныхъ линій (Ср. табл. литограф. изд. Ев. отъ Луки стр. 22, строка 7-я отъ конца).

Всѣ эти данныя позволяютъ намъ прійти къ заключенію что начертаніе глаголическаго а могло быть обязано и тому, что подобное начертаніе встрѣчалось какъ начертаніе греческаго а и тому, что подобное начертаніе вообще часто встрѣчалось въ качествѣ знака. Здѣсь могло быть обоюдное дѣйствіе. Его могло освятить благочестивое желаніе придать крестообразную форму первому начертанію азбуки.

Б (ф. 2). Первая черта нѣсколько изогнута у 1-го писца и 2-го (у послѣдняго попадаетъ и прямая). У 1-го писца

форма буквы нѣсколько меньше. Разница особенно заключается въ нижней чертѣ: у 2-го писца она иногда очень мала, т. обр. свидѣтельствуесть какъ бы о своей второстепенности. У 2-го же писца верхняя половина какъ то меньше нижней, затѣмъ наблюдается болѣе закругленный значекъ этой части.

Начертанія Пражск. Отр. отличаются глав. обр. нижней чертой, которая пишется изогнутой. Въ Ассеман. Ев. закруглена нижняя часть, такъ что нижняя черточка составляетъ продолженіе вертикальной. Въ общемъ схожи съ начертаніями К. Л. начертанія Маріинскаго Ев. — черты только болѣе прямы. Нѣсколько другую систему въ написаніи этой буквы можно отмѣтить отчасти въ Клоц. Сб. особенно въ Син. Пс., на нѣкоторыхъ страницахъ Зограф. Ев. Въ послѣднемъ начертаніи буквы б писалось двумя приемами: сначала верхняя часть вся, и затѣмъ къ ней приставлялась нижняя (ф. 3). Очевидно, послѣднія начертанія вызывались лишь удобствомъ письма.

Происхожденіе начертанія глаголич. б загадочно.

Въ пользу мнѣнія, высказаннаго Гейтлеромъ (Die alb. und sl. Schriften) и Ягичемъ, о происхожденіи этого начертанія изъ греческ. $\mu\lambda$, $\mu\beta$, можно, дѣйствительно, приводить произношеніе слав. б греками черезъ соединеніе названныхъ звуковъ, напр.: жаба — $\zeta\alpha\mu\lambda\alpha$ и пр. (См. Матовъ. Гръцко-български студии, Сборникъ за нар. умовъ. 93 г., т. 9-й, 65, 67). Кромѣ того названіе этой буквы въ греческой рукописи, найденной Бандуричемъ — $\mu\lambda\omicron\beta\eta$ (Срезневскій. Древн. глаг. п., 27).

Бѣляевъ не соглашается съ этимъ мнѣніемъ въ виду того, что если бы б было лигатурой, то и въ кириллицѣ было что либо подобное, между тѣмъ какъ тамъ “мы имѣемъ несомнѣнно ту же унциальную „виту“, какъ и въ буквѣ „вѣдѣ“ только съ незначительнымъ измѣненіемъ” (270). Какъ лигатура она стояла бы на концѣ азбуки. Затѣмъ особенно, по Бѣляеву, это не могло быть потому, что греки не передавали славянск. б черезъ $\mu\lambda$, а черезъ β , при чемъ, по его мнѣнію, стоитъ лишь думать, что писецъ вторую половину начиналъ снизу. Теорія Бѣяева на первый взглядъ убѣдительно, но только въ греческихъ рукописяхъ мы не найдемъ доказательства графическаго для подтвержденія этого мнѣнія: въ греч. рукописяхъ нѣтъ подобнаго приема письма. Противъ

же мнѣнія Ягича, намъ кажется, особенно можетъ говорить слѣдующее обстоятельство. Если для изображенія слав. **б** взято $\mu + \pi$, то почему же глаголическое **м** не похоже на это греч. μ лежащее въ основѣ **б**; слѣдовательно нужно допустить, что составитель пользовался различными начертаніями для изображенія одного и того же звука. Слѣдовательно, если бы **б** состояло изъ μ , то и въ изображеніи этого послѣдняго мы видѣли бы начертаніе похожее на **б**, а этого нѣтъ.

Вондракъ видитъ въ начерт. гл. **б** перевернутое начертаніе самаритянской буквы **м**. Приводитъ онъ случаи смѣшенія въ словахъ **м** и **б**. Вондракъ указываетъ также, ссылаясь на Гезеніуса, что форма самаритянскаго **м** употреблялась и обращенная въ правую сторону, слѣдовательно была тождественно по начертанію съ глаголической.

Если мы обратимся къ статьѣ Paläographie въ Allgemeine Encyclopädie der Wissen. Ersch. und Gruber (9 часть), то на стр. 311 мы увидимъ, что, дѣйствительно, въ самаритянскомъ письмѣ употреблялось 2-якое начертаніе для **б**. **м**., одно изъ нихъ очень похоже на глаголическое **б** съ той лишь разницей, что черточка нижняя идетъ въ противоположную сторону.

Въ литогр. изд. Маріин. Евангелія (см. стр. 23, стр. 2) имѣется **б** по формѣ подобное самаритянскому **м**, но здѣсь по сличеніи съ подлинникомъ оказалась ошибка (у Ягича въ транскрипціи также ошибка противъ подлинника: нужно не **бѣ** народъ 213₁₆, а **ѣбх** народъ).

Въ армянскомъ алф. мы имѣемъ начертаніе **б** какъ перевернутое еврейское **ב**, т. обр. нѣсколько неполное глагол. **б** (ср. ф. 4). Затѣмъ очень важно для насъ, что въ армянскомъ для **б** и **п** употребляется начертаніе подобное еврейскому **ת**. Если мы обратимся къ начертанію глаголич. **б**, то увидимъ, что характеръ этого начертанія говоритъ скорѣе въ пользу измѣненныхъ по направленію еврейско-самаритянскихъ начертаній, чѣмъ греческой литературы. Въ глагол. начертаніи нижняя линия имѣетъ вполне самостоятельное значеніе, она не является какимъ-то росчеркомъ, добавочнымъ, ненужнымъ, какъ можно то думать, если выводить начертаніе изъ $\mu\pi$. Правда, въ нѣкоторыхъ случаяхъ эта черточка очень маленькая (напр., у 2-го писца К. Л.), но какъ показываетъ большинство памятниковъ, это является лишь извѣстнымъ свойствомъ отдѣль-

наго переписчика. Въ одномъ изъ памятниковъ (Миханов. Отр.) мы наблюдаемъ случаи безъ этой черточки, но трудно видѣть въ этомъ начертаніи позднѣйшаго письма отголосокъ начертанія первичнаго.

Впрочемъ, можно, защищая предположеніе о греческомъ происхожденіи буквъ, говорить, что въ начертаніяхъ съ маленькой нижней черточкой является первоначальная форма и что эта черточка, явившаяся въ началѣ лишь какъ ломанное продолженіе вертикальной, была продолжена потомъ.

В (ф. 4). Особенной разницы въ начертаніи этой буквы у 1-го и 2-го писца мы не находимъ. Разница между отдѣльными начертаніями замѣчается лишь въ большемъ или меньшемъ закругленіи верхнихъ кружковъ или большей, или меньшей круглоты нижней части. Въ Пражскихъ Отр. мы замѣчаемъ большую прямоту чертъ и, какъ въ начертаніи другихъ буквъ, грубость начертаній; основная фигура состоитъ изъ трехъ прямыхъ линій, при чемъ закругленія не отличаются симметрией. Въ другихъ др.-ц.-сл. памятникахъ начертаніе этой буквы въ большинствѣ круглѣе, чѣмъ въ К. Л. Особенно это можно сказать о Син. Тр., Син. Пс., Ассем. Ев. Въ Клоц. Сб. также это начертаніе болѣе кругло, но въ заголовкахъ, гдѣ употреблены по размѣру гораздо большія начертанія, **в** схоже очень съ **в** Кіев. Л. Намъ кажется, что не такая сравнительно круглота начертанія **в** К. Л. могла зависѣть первоначально не отъ того, что выработалась такая уже система, типъ буквы въ зависимости отъ извѣстной школы, а зависѣло отъ размѣра линежки. Трудно было бы писать начертанія **в** К. Л., какъ и нѣкоторыхъ другихъ буквъ того же памятника, въ такомъ небольшомъ междустрочномъ разстояніи, какое мы находимъ, напр., въ Зограф. Ев., Син. Тр. и пр. Если разстояніе это увеличивалось, доказательствомъ чему являются, напр., упомянутые заголовныя буквы Клоц. Сб., измѣнялось въ болѣе угловатое и начертаніе буквы.

Относительно происхожденія даннаго начертанія высказываемо было нѣсколько мнѣній. Тейлоръ (Arch. f. sl. Ph., III), напр., выводилъ его изъ греческаго υ , Ягичъ изъ минускульнаго β похожаго нѣсколько по фигурѣ на лат. u , съ послѣднимъ соглашается вполне Бѣляевъ.

Начертаніе глаг. в ясно до очевидности говорить о заимствованіи изъ начертанія латинскаго v, и только желаніе выводить глаголицу всецѣло изъ греческаго алфавита можетъ заставлятъ прибѣгать къ разнымъ догадкамъ.

Г (ф. 5). Въ начертаніи этой буквы мы замѣчаемъ какъ бы двѣ части — главную верхнюю и меньшую — нижнюю. Такое впечатлѣніе производитъ вообще начертаніе этой буквы и въ нѣкоторыхъ другихъ глаголическихъ памятникахъ. Начертаніе въ II Пражск. Отр. особенно подтверждаетъ высказанную мысль: нижняя часть составляетъ какъ бы извѣстный росчеркъ, закругленіе. Чѣмъ круглѣе начертанія, тѣмъ скорѣе скрывается и вообще уничтожается разница между двумя частями и эти части дѣлаются какъ бы одинаковыми. Въ Ассеман. Ев. закругленія даже почти сливаются, но въ начертаніи большой начальной буквы. (См. I сним. Асс. Ев. у Гейтлера, 10 строка снизу) ясно выдѣляются незначительность нижней части. То же наблюдаемъ и въ Син. Пс., впрочемъ, въ этомъ памятникѣ попадаются начертанія и съ равнобѣрно развитыми частями. Второстепенность нижней части можно прослѣдить не только въ большихъ, но и малыхъ начертаніяхъ этой буквы другого памятника Синайскаго Тр. Равнобѣрность частей выступаетъ въ Клоц. Сб., Зогр. Маріинск. и упомян. Ассем. Ев., но только въ строчныхъ буквахъ.

Ак. Ягичъ выводитъ начертаніе глаг. г изъ греческаго минускульнаго γ, для доказательства чего приводитъ различныя начертанія послѣдняго. Но приведенныя начертанія вовсе не могутъ служить основательнымъ подтвержденіемъ высказаннаго мнѣнія. Если выводить начертаніе изъ греческаго, то мы получили бы нѣсколько иную фигуру близкую, напр., къ изображеніямъ строчн. буквъ Кл. Сб., Зогр. и др., т. е. съ одинаково развитыми частями, а начертанія этихъ послѣднихъ самъ Ягичъ считаетъ болѣе позднимъ сравнительно съ болѣе угловатыми. Вондракъ, напр., также рѣшительно высказывается за древность начертанія г въ К. Л., въ которыхъ нижняя часть принимаетъ горизонтальное положеніе (См. Archiv 19, 183—4). Если на основаніи данныхъ наблюденій видѣтъ въ верхней части господствующую, главную сравнительно съ нижней, вторую считать разившейся

до равномерности съ первой позднѣе, то легче выводить начертаніе глаг. г изъ латинскаго. Бѣляевъ на основаніи начертаній однихъ только г и д глагол. азбуки дѣлаетъ слѣдующее слишкомъ поспѣшное заключеніе: „очевидное происхожденіе глаголическихъ буквъ: глаголь и добро, на ряду съ такими же кирилловскими, какъ нельзя болѣе ясно показываетъ, что глаголица есть такое же видоизмѣненіе на славянскій ладъ греческаго курсива, греческой скорописи, какъ кирилица представляетъ собою приспособленіе греческихъ книжныхъ, литургическихъ унциаловъ въ славянской азбука“ (271).

Данной буквѣ проф. Миллеръ придаетъ особенное значеніе: глаголическая азбука произошла, по его мнѣнію, изъ авестійской начинавшейся съ буквы г. Отсюда, по мнѣнію Миллера, произошло и названіе азбуки. Противъ этого можно привести то, что названіе — явленіе позднѣйшее и на немъ нельзя основывать подобныхъ заключеній¹⁾.

Д (ф. 6). Разница у 1-го и 2-го писца главнымъ образомъ въ томъ, что у 1-го писца буква эта меньше другихъ буквъ, хотя у него иногда (напр. въ заголовоч.) она имѣетъ такую же величину, какъ и др. буквы. Во второй половинѣ буквы, какъ у 1-го, такъ и у 2-го писца можно замѣтить гораздо большую угловатость сравнительно съ 1-й частью. Особенной разницы въ характерѣ начертаній этой буквы нѣтъ.

Признавая присутствіе сравнительно съ другими буквами меньшаго д въ К. Л., но отмѣчая въ то же время, что это начертаніе и у 1-го писца (въ заголовочной строкѣ 2 об.) и особенно у 2-го достигаетъ обыкновенной величины, мы не можемъ съ увѣренностью сказать о первоначальности начертаній меньшаго. На то не даютъ намъ права и другіе памятники.

1) По Миллеру, изобрѣтатель стремился скрыть, замаскировать источники азбуки. Такой взглядъ, высказываемый и раньше и находившій себѣ послѣдователей (ср. напр. взглядъ арх. Амфилохія на глагол. азбуку, какъ криптографическую. Дополненія къ Галич. 4 Ев. 145—78) принять, конечно, нельзя. Если мы не знаемъ начала нѣкоторыхъ глаголическихъ буквъ или не можемъ съ увѣренностью на нихъ указать, то изъ этого еще не слѣдуетъ прибѣгать къ такому заключенію.

Мы не можемъ также говорить о вліяніи подобнаго глаголическаго **д** на возникновеніе такихъ начертаній кирилловскихъ, какъ **д** недавно открытой надписи Самуила. Въ этомъ случаѣ скорѣе можно согласиться съ возраженіемъ проф. Флоринскаго, чѣмъ съ мнѣніемъ ак. Ягича и Милетича (Ср. Чтенія въ Обществѣ лѣтописца Нестора 1900 г. в. II, 81¹⁾).

Мнѣ удалось отмѣтить въ одной греческой рукописи (**Х вѣка**) употребленіе наряду съ обыкновен. минуск. **д** сравнительно меньшее **д** маюскульной формы (См. ф. 7), т. обр. вполнѣ подходящей къ типу кирилловскаго меньшаго начертанія (рукоп. Мюнхенск. Библ. № 3. *Monacensis Graecus*). Такимъ образомъ вполнѣ объясняется начертаніе кирилловск. Самуил. надписи изъ греческаго источника. Изъ послѣдняго же объясняется и возникновеніе начертанія глаголическаго.

Е (ф. 8). У 2-го писца верхняя горизонтальная черта имѣетъ иногда загибъ. Въ Пражскихъ Отр. мы замѣчаемъ, что въ 1-мъ (**В**) черта поперечная одна, во 2-мъ загибъ имѣетъ не верхняя, а нижняя. Въ Син. Пс. начертанія сходны съ **К. Л.**, поперечная линия имѣетъ иногда загибъ, иногда двѣ черточки сливаются. Въ Син. Тр. большая буква съ загибомъ, маленькія обыкновенно безъ загиба. Въ Охр. Ев. большая буква съ двумя черточками, при чемъ выступаетъ верхняя, малая буква съ одной чертой. Выступленіе верхней черты наблюдается въ Клоц., С. Ассем. Ев. и въ большихъ буквахъ Зограф. и Маринскаго (въ послѣднихъ съ загибомъ).

Въ малыхъ буквахъ Зогр. Ев. мы видимъ выступленіе нижней черты, то одну черту, то иногда выступленіе верхней только безъ загиба. Въ Маринск. Ев. тоже въ малыхъ наблюдаемъ выступленіе нижней, то сліяніе, то одну черту²⁾.

1) Между начертаніями **д** надписи Самуила и нѣкоторыхъ другихъ кирилловскихъ памятниковъ, дѣйствительно, существуетъ сходство. Такъ это находили въ Добромировомъ Ев., какъ отмѣчаютъ профф. Флоринскій и Карскій, а также и въ Супральской рукописи. Можно вообще найти сходство между надписью Самуила и послѣднимъ памятникомъ въ начертаніяхъ буквы.

2) Въ Клоц. Сб. нижняя черта иногда почти незамѣтна. Въ силу послѣдняго и объясняется ошибка Гейтлера (См. стр. 66 его

Всѣ эти данныя приводятъ къ любопытнымъ заключеніямъ. Во 1-хъ начертанія **е** въ К. Л. древнѣйшія, во 2-хъ въ глаголической письменности можно отмѣтить стремленіе отличать **е** униціальное отъ минускульнаго, стремленіе, конечно, явившееся въ сравнительно болѣе позднее время, во 3-хъ начертаніе **е** съ одной черточкой обявано также времени позднѣйшему, во 4-хъ начертанія въ I (В) Пражск. Отр. **е** свидѣтельствуютъ о позднѣйшемъ времени своего происхожденія.

Тѣ данныя, которыя приводитъ ак. Ягичъ, какимъ образомъ изъ совершенно противоположнаго по формѣ начертанія греческаго **е** могло образоваться начертаніе глаголическое, далеко не убѣдительно (151 ст., хотя съ нимъ соглашается и Бѣляевъ, 271). Благодаря подобному методу, какимъ пользуется здѣсь почтенный ученый, можно изъ любого начертанія вывести совершенно на него не похожее.

Можно бы привести въ параллель къ глагол. начертаніямъ **е** тѣ, которыя мы находимъ въ латинскихъ рукописяхъ. (Ср. табл. въ Матеріалахъ Моск. Унив., таблицы къ статьѣ Klien'a; также у Тейлора The Alphabet т. II, 126 стр. Въ нѣкоторыхъ латинскихъ рукописяхъ можно найти еще болѣе сходства, напр., въ таблицахъ изданныхъ Arndt'омъ, въ одной изъ рукописей, относимыхъ къ VI—VII. См. ф. 8.). Но и приведенныя нами послѣднія начертанія не подходятъ такъ къ глаголическимъ, какъ тѣ, которыя отмѣчены Вондракомъ въ самаритянской азбукѣ и по обозн. звуку очень близкія къ **е** (передаваемые такъ и въ греч. языкѣ). Трудно здѣсь положительно говорить о заимствованіи прямо изъ самаритянскаго письма: **е** вѣдь не то, что **б**, **ш**, **ц** и пр., звукъ этотъ имѣется и въ греческомъ, и въ латинскомъ языкахъ, незачѣмъ было ходить за ними такъ сравнительно далеко.

Впрочемъ, могла заставить сдѣлать это разница въ оттѣнкахъ произношенія греческаго и славян. **е**. Что въ восточной письменности было начертаніе для **е** очень близкое къ глаголическому, на это можетъ указывать особенно начертаніе финикійскаго алфавита (См. ф. 8.).

изслѣд.), по которому, въ начерт. **е** Клоц. Сб. поперечная черта одна. Эта ошибка отмѣчена Вондракомъ (Arch. 19, 26). Впрочемъ и до Вондрака, совершенно правильно отмѣтилъ эту букву на таблицѣ къ своему изданію Копитаръ.

Ж (ф. 9). Особенной разницы въ написаніи этой буквы у писцовъ мы не замѣчаемъ. У 2-го писца иногда верхнія черточки менѣе расходятся и вся фигура не такъ раздается въ ширь, но этого нельзя сказать о всѣхъ начертаніяхъ. У 1-го писца чаще, чѣмъ у 2-го попадается начертаніе ж въ меньшемъ размѣрѣ сравнительно съ другими буквами. Сравнивая съ другими памятниками, мы убѣждаемся въ томъ, что начертаніе ж К. Л. принадлежитъ къ первоначальнымъ. Такое же начертаніе, писанное двумя приемами, мы наблюдаемъ въ другихъ древнѣйшихъ глаг. памятникахъ.

Въ Зограф., Ассеман. и особенно Син. Тр. выдается особенно верхняя часть, выступающая надъ другими буквами. Въ Син. Пс. нижняя часть раздается въ длину, верхушка выходитъ гораздо меньше. Что начертаніе, писавшееся однимъ приемомъ, позднѣйшее, въ этомъ можетъ убѣждать Охридское Ев., гдѣ наряду съ подобными начертаніями ¹⁾ въ изображеніи малыхъ, въ большихъ употребляется начертаніе подобныя какъ въ большинствѣ другихъ древн. глагол. памятниковъ. Также позднѣйшимъ начертаніемъ является начертаніе Праж. Отр., гдѣ верхняя часть выражается одной линіей (ф. 10).

Для объясненія происхожденія даннаго начертанія Тейлоръ прибѣгаетъ къ черезчуръ искусственной догадкѣ. По его мнѣнію, ж возникло изъ лигатуры двухъ греческихъ буквъ τ + σ, причемъ эти буквы были расположены такъ $\overset{\sigma}{\tau}$. Ягичъ видитъ въ ж „монографическую комбинацію двухъ греческихъ курсивныхъ знаковъ, можетъ быть двухъ ϑ“ (152). Бѣляевъ выводитъ изъ греч. ζ (273). Правда, принимая во вниманіе звукъ, нужно признать, что Бѣляевъ болѣе правъ. Греки для выраженія ж прибѣгаютъ именно къ ζ, напр. ζουπανος — жупанъ и др. (Срав. Матовъ. Сбор. за Н. Ум. 93 г. т. 9-й 65—66). Въ рукописи, найденной Бандуричемъ, ж названо ζηυήτ — въ которомъ нельзя не видѣть отраженіе: живете, опять таки ж—ζ. Противъ мнѣнія Бѣляева можно лишь привести графическое затрудненіе при сближеніи ζ и ж. Не избѣгаетъ этого затрудненія и Вондракъ, выводящій начерт. ж изъ встрѣчающагося начертанія греческ. ζ, похожаго на арабскую цифру 3 съ верхней только горизонтальной чертой. Онъ при-

1) И въ К. Л. (напр. 3 об. с.) можно отмѣтить уже нѣсколько подобныя формы.

бѣгаетъ къ искусственнымъ пріемамъ, прибавляя разные кружки будто бы для дифференціаціи съ начертаніемъ другихъ буквъ (Arch. 19, 184).

Видѣть въ начертаніи ж надписи Самуила вліяніе написаній глаголическихъ, какъ въ К. Л., опять таки нельзя, какъ мы сказали это насчетъ д. Мы уже замѣтили, что начертаніе ж въ К. Л. иногда меньше начертаній другихъ буквъ, хотя и не настолько, какъ, напр., ш, т; у 2-го же писца рельефно выступаетъ равномѣрная фигура этой буквы, то же отчасти можно сказать и о 1-мъ писцѣ. Въ другихъ памятникахъ мы видимъ, что начертаніе этой буквы не меньше начертаній другихъ буквъ, а иногда даже наоборотъ. Слѣдовательно, не говоря уже о другихъ памятникахъ глаголическихъ, сами К. Л. не даютъ намъ права заключать о существованіи, какъ извѣстнаго типа, начертаній ж меньшихъ въ сравненіи съ начертаніями другихъ буквъ.

З (ф. 11). Разница у 1-го и 2-го писца замѣчается не такъ въ формѣ начертаній, какъ лишь въ размѣрѣ: у 2-го начертаніе этой буквы, какъ и другихъ крупнѣе. Сравнивая начертанія этой буквы въ разныхъ глаголическихъ памятникахъ, Вондракъ (Glagolita Cloz, 30 и 32) признаетъ древнѣйшей форму К. Л. Подобныя начертанія мы встрѣчаемъ и въ другихъ памятникахъ, такъ, напр., отчасти въ Клоц. Сб. хотя нужно замѣтить, что форма начертанія здѣсь довольно сильно видоизмѣняется. Вондракъ отличаетъ въ Клоц. Сб. 2 разныхъ типа начертанія буквы з, типа совершенно независимыхъ другъ отъ друга. Съ этимъ мы согласиться не можемъ: всѣ начертанія з въ Клоц. Сб. представляютъ лишь извѣстныя измѣненія одного начертанія. Доказательствомъ тому могутъ служить приведенныя начертанія К. Л. Если мы возьмемъ послѣднее изъ приведенныхъ и нѣсколько его наклонимъ вправо, то получимъ фигуру легко обращающуюся въ кругловатую и т. обр. также въ фигуру — прототипъ всѣхъ тѣхъ начертаній, въ которыхъ средняя черта имѣетъ горизонтальное направленіе. Слѣдовательно и подобныя же начертанія Клоц. Сб. угловатыя, напоминающія намъ первыя приведенныя начертанія К. Л., и кругловатыя, происхожденіе которыхъ, какъ мы видимъ, идетъ изъ первыхъ, имѣютъ между собою близкое соот-

ношеніе. Отсюда также можно вывести заключеніе о первоначальности начертанія угловатаго, господствующаго въ К. Л. Вондракъ находитъ сходство между начертаніями К. Л. и упом. Клоц. Сб. Но въ другихъ памятникахъ есть еще болѣе сходства съ К. Л. Нужно смотрѣть не только на 4-угольникъ, но и на поперечную линію съ конечнымъ закругленіемъ. И вотъ, если мы обратимъ вниманіе на послѣднее, то увидимъ, что въ К. Л. линія пересѣкаетъ 4-угольникъ болѣе вверхъ, а въ Клоц. Сб. болѣе горизонтально. Подобное К. Л. разсѣченіе мы замѣчаемъ скорѣе въ Ассеман. Ев. и Маріинскомъ, и вообще большинство древнѣйшихъ глаголич. памятниковъ указываетъ не только на угловатую форму этой буквы, но и на направленіе вверхъ поперечной линіи. Въ Вѣнскихъ Листахъ-памятникѣ сравнительно болѣе поздняго происхожденія уже форма не та — закругленная съ горизонтальной поперечной чертой. На основаніи этого и подобныя начертанія Клоц. Сб. съ главной частью прямоугольной (См. ф. 12) скорѣе болѣе новы, чѣмъ попадающіяся тамъ же другія начертанія схожія съ начертаніями К. Л., а между тѣмъ послѣднія Вондракъ называетъ „новыми“ или сложившимися черезъ борьбу „старога“ и „новаго“ (различныхъ) начертаній. Изъ всѣхъ разнорѣчивыхъ объясненій ученыхъ, какъ возникло это начертаніе, ни одно, кажется не можетъ претендовать на полную убѣдительность. Вслѣдъ за Шафарикомъ — Гейтлеръ, Ягичъ объясняли изъ греч. ζ . Тейлоръ указывалъ на ζ . Указываютъ вслѣдъ за Гейтлеромъ, на примѣръ — $\epsilon\delta\upsilon\eta$, переданный Іоанномъ Екзархомъ — $\epsilon\text{з}\text{ни}$. Ягичу происхожденіе изъ ζ „кажется вѣроятнымъ, въ особенности потому что, какъ сейчасъ увидимъ (дальше ак. Ягичъ говоритъ о происхожденіи з ф ла изъ греч. ζ), греч. буквѣ ζ дано другое назначеніе“ (152). Станнымъ кажется это послѣднее: почему пренебреженнымъ осталось греч. ζ для слав. глаголич. начерт. з (откуда однако, взято кирилловское з) и для образованія этого начертанія взято начертаніе греч. з , произношеніе которой было, конечно, (несмотря на подобный примѣръ, какъ $\text{ез}\text{ни}$ въ сущности по своей единственности ничего не говорящее), далеко не тождественно произношенію слав. з . Выводы Бѣляева даннаго начертанія изъ начерт. греч. ζ хотя логически и послѣдовательны, зато не убѣдительно въ графическомъ отношеніи.

И (ф. 13). Начертанія у 2-го писца иногда крупнѣе; у 2-го же въ 3-мъ начертаніи замѣчаемъ внизу черточку всецѣло направленную въ правую сторону и притомъ нѣсколько вкось; верхняя часть этой фигуры иногда меньше, чѣмъ у 1-го писца. Послѣднія два начертанія очень близки между собою. Въ К. Л. можно даже отмѣтить начертанія — звенья¹⁾. Это, напр., мы находимъ въ рельеф. начертаніи слова Іже (2 об. ¹⁰, ф. 14).

Оба знака, какъ извѣстно употребляются для обозначенія одного и того же числительнаго.

Въ Пражскихъ Отр. также можно отмѣтить существованіе начертанія посредствующаго между двумя указанными. Оно, какъ и въ К. Л., возникло въ силу заполнения нижней части черниломъ.

Въ общемъ, въ большинствѣ древнѣйшихъ глаголич. памятниковъ типъ данныхъ 3-хъ начертаній одинаковъ — разница заключается лишь въ извѣстныхъ закругленіяхъ (напр., Ассем. Ев.), большемъ развитіи вертикальной черты въ 3-мъ начертаніи, такъ что эта черта заходитъ за строку (напр., Син. Тр., Ассем. Ев.) или въ развитіи, напр., въ и верхней 3-угольной части (напр. Клоц. Сб.).

Въ извѣстномъ *Abecedarium Bulgaricum* (см. снимки въ изд. Копитара Клоц. Сб.) подъ ise стоитъ 2-е привед. начертаніе, подъ isei — 1-е, т. обр. только 2 начертаніе для и, хотя здѣсь есть и начертаніе похожее на 3-е, но стоитъ послѣ т, и названо hic, по порядку соотвѣтствуя оу. Это начертаніе отличается тѣмъ отъ 3-го, что въ немъ черты не сходятся и не образуютъ сливаясь вертикальной линіи, а продолжается вкось одна — правая.

По мнѣнію ак. Ягича, 1-е начертаніе возникло изъ греческой Η, 2-е и 3-е представляютъ стилистическія передѣлки греческаго ι, „гдѣ вмѣсто двухъ точекъ, сообразно глаголическому стилю, сдѣланы двѣ округлости“ (153). Еще раннее Тейлоромъ была высказана мысль о возникновеніи изъ греч. Η — 3-го начертанія, а изъ ι или ει — 1-го. Ягичъ, опираясь на большое сходствѣ глаг. „иже“ съ греч. ι, а и съ Η, допускаетъ въ этомъ случаѣ какъ бы перестановку въ алфавитахъ. Съ мнѣніемъ Ягича соглашается пр. Бѣляевъ. Къ

1) То же можно указать, напр., въ Син. Тр. Ср. введеніе Гейтлера (XV стр.).

соображенію Ягича, основанному на большомъ сходствѣ начертаній, Бѣляевъ присоединяетъ еще слѣдъ : „въ пользу сопоставленія г. Ягича говорить употребленіе глагол. и и і, что, по нашему мнѣнію, гораздо важнѣе. Дѣло въ томъ, что глаг. и или знакъ, соотвѣтствующій по порядку буквъ кирилловскому и и греч. η, въ памятникахъ употребляется именно тамъ, гдѣ въ кирилловской азбукѣ ставится і, а глагол. і напротивъ ставится тамъ, гдѣ въ кирилл. алфавитѣ стоитъ и или употребляется смѣшанно, такъ что покойный И. И. Срезневскій при транскрипціи глаголическихъ текстовъ кирилловскими буквами ставилъ і тамъ, гдѣ въ глагол. текстѣ стоитъ знакъ для и же, а и напротивъ тамъ, гдѣ стоитъ знакъ і. Кромѣ того въ пользу сопоставленія глаг. и же съ і говоритъ и то обстоятельство, что въ буквахъ лигатурахъ, какъ ѣ, стоитъ въ глаголицѣ и тамъ, гдѣ въ кириллицѣ ставится і. Наконецъ и написаніе глаг. і очевидно произошло изъ и и тамъ, гдѣ глаголическое письмо приближается къ кириллицѣ, глаг. і пишется совершенно одинаково съ кирилл. и; разница заключается только въ томъ, что глаголическое і соединяется кромѣ середины, вверху и внизу, какъ это видно въ написаніи слова „ради“ въ 17 снимкѣ у Срезневскаго“ (276—277). Бѣляевъ обращаетъ вниманіе на начертаніе буквы и къ абес. bulg (hic) по значенію близкое къ і и по начертанію тоже, и замѣчаетъ, что, исчезая какъ буква въ собственномъ значеніи, этотъ знакъ могъ быть употребленъ затѣмъ, какъ і. Такимъ образомъ Бѣляевъ не выводитъ 2-го начертанія глагол. і (2 и 3) изъ одного греч. ζ, а прибѣгаетъ къ иному объясненію, прибѣгаетъ, впрочемъ къ алфавиту позднѣйшему, искаженному, отъ котораго нельзя въ этомъ случаѣ имѣть извѣстную исходную точку. Но попытка Бѣляева важна уже потому, что, слѣдовательно, мнѣніе Ягича ему въ этомъ случаѣ не показалось убѣдительнымъ. Затѣмъ ошибка отчасти Бѣляева, а еще раньше Срезневскаго въ томъ, что они говорятъ о 2 начертаніяхъ, считая 2 схожихъ совершенно одинаковыми. Глаголическіе памятники, какъ увидимъ, дѣлаютъ различіе въ употребленіи 3-го и, т. обр. намъ и нужно говорить о происхожденіи 3 начертаній. Иное дѣло — наши догадки объ общности 2-хъ начертаній — факты памятниковъ одно, а догадки — другое.

Въ пользу мнѣнія ак. Ягича о происхожденіи и изъ η

можетъ отчасти служить названіе этой буквы въ рукописи, найденной Бандуричемъ — ѣ, хотя и і названо ѣѣ. Если же говорить о стилистической передѣлкѣ изъ і то, мнѣ кажется, скорѣе можно относительно 3-го начертанія: въ немъ есть все же какъ бы остатки вертикальной черты, т. обр. это начертаніе скорѣе могло бы опереться на греческое, какъ на свой прототипъ. Изъ него уже можно образовать второе начертаніе болѣе сложное.

Замѣтимъ также, что въ армянскомъ алфавитѣ есть знакъ *gie, hie*, т. е. и, похожій на одно изъ начертаній глаголическаго и (Ср. ф. 15. Изъ *Thesaurus pontif. sacrar. Angelo Rocca Comerte 1745., 243*). Такая же фигура есть и въ коптскомъ алфавитѣ это *janjia* (для обозн. j, g, dzd). Въ коптскомъ, кромѣ этого знака, есть еще 2 для обозначенія собственно и: *ita* (греч. η) и *jauta* (греч. ι. Ср. *Taylor. The Alphabet II, 194*).

Вондракъ считаетъ возможнымъ вліяніе на начерт. (2 и 3) глаголич. і еврейскаго *און'а*, при чемъ утолщенія вверху могли, по Вондраку, перейти въ кружки (*Arch. 19, 182—3*), хотя самъ Вондракъ замѣчаетъ, что фонетическое значеніе этого знака преимущественно е. Къ тому же и начертаніе не особенно подходитъ, скорѣе его можно сблизить еще съ *his* въ *abescenarium bulgaricum*.

Срезневскій въ своемъ изданіи К. Л. употребляетъ не тройкое начертаніе и, а 2-кое — и, і; относительно употребленія этихъ двухъ начертаній онъ замѣчаетъ, что въ К. Л. и = і, т. обр. начертанія употребляются совершенно безразлично.

Коляржъ, говоря также о 2-хъ видахъ и, вопреки мысли Срезневскаго о безразличномъ ихъ употребленіи, замѣчаетъ здѣсь извѣстныя правила:

1) і, і (Кол. обозн. и) пишется для обозначенія числительнаго іо, какъ союзъ, въ мѣстоименіяхъ іже, імъ и т. д.; послѣ гласнаго: *своімъ . . .*, послѣ согласныхъ внутри и на концѣ слова (за исключеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ).

2) и (Кол. обозн. і) обознач. число 20; пишется передъ гласными: *оупъвание . . .*, передъ согласными въ началѣ словъ, гдѣ и по чешски исчезаетъ обыкновенно: *исповѣди, изволи . . .*

Выводы Коляржа неточны.

Такія составленія, какъ:

клмента і об. ^{11, 8} климентоу і об. ¹² — а ^{17, 3}

	млостивы і об. ₈	милостиваѣ ₂ ₈
	милостиѣ ₃ ₂₂	милостиѣ ₂ ₁₉
просімъ ₂ ₇	просимъ ₃ ₁₀ , ₂ ₁₂	
сілахъ ₇ ₂	сілахъ ₇ ₇₋₈	сілахъ ₇ об. ₈

говорятъ намъ о смѣшеніи въ употребленіи **з** начертаній и. Но это смѣшеніе не исключаетъ возможности отмѣтить и въ К. Л. извѣстныхъ правилъ въ употребленіи этихъ знаковъ или, по крайней мѣрѣ, въ иныхъ случаяхъ остатковъ этихъ правилъ.

Такъ :

- 1) Союзъ постоянно пишется **ї** (одно исключеніе 5 об. ₄ — и).
- 2) То же начертаніе господствуетъ въ **ї** же (8 р.; 1 разъ — и) и въ косвенныхъ падежахъ этого мѣстоименія и мѣст. и (7 разъ; 1 р. и).

Подъ вліяніемъ этихъ косвенныхъ падежей можетъ быть объясняются и написанія: нашихъ, твоихъ и пр.

- 3) Въ началѣ другихъ словъ господство и (8 разъ и; 1 разъ — **ї**; 2 раза **ї**).

4) Сочетаніе двухъ **и** выражается черезъ **иі**, **иї**, **иі**.

5) Послѣ гласныхъ не пишется **и**.

6) Преобладаетъ употребленіе **і**.

7) Очень рѣдкое употребленіе на концѣ слова начертанія — **и**.

Что указанныя наблюденія имѣютъ значеніе, на это намъ указываютъ другіе древ. глаголическіе памятники.

Въ Зографскомъ Ев. союзъ, какъ и въ К. Л., изображается **ї**; съ **ї** начинаются въ этомъ памятникѣ слова (начин. этой буквой) и затѣмъ это начертаніе употребляется послѣ гласныхъ въ срединѣ слова. Любопытно, что если послѣ союза **ї** слѣдуетъ слово начинающееся съ зв. **и**, то послѣднее уже не пишется **ї**, а **и**: **ї** исцѣлѣѣ (Матѣ 13₁₅) **ї** избѣдетъ **і** **і** **і**. Это отражается и на мѣстоименіи **ї** же, которое писалось т. обр. не всегда послѣдовательно. Сочетаніе двухъ **и** выражается черезъ **иі**: люди (Матѣ 1₄, 13₁₅ каменихъ, **і** **і** **і**. Ср. **і** **і** **і**. 12₁₂, 8₃₀, 7₁₅ и др.).

Въ Маріинскомъ Ев. союзъ въ большинствѣ также выражается **ї**, но очень часто замѣняется **и**. То же можно сказать о **и** начинающемся слово. Какъ замѣтилъ уже ак. Ягичъ, **ї** „пишется главнымъ образомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ (т. е. союзъ) соединяетъ цѣлыя предложенія или части ихъ“ (Мар. Ев. 420). Дѣйствительно, при чтеніи памятника можно

вынести такое заключеніе. При томъ, мнѣ кажется, что постановка этого начертанія и замѣна его другимъ вовсе не зависѣла отъ желанія писца провести какую либо разницу въ смыслѣ, способствовать синтаксическимъ цѣлямъ. Происходило это совершенно въ силу неразличенія этихъ знаковъ. Подлинникъ, находившійся передъ писцомъ могъ имѣть въ употребленіи *і* еще большее сходство съ Зогр. Ев., чѣмъ то теперь находимъ въ Маріин. Ев. Переписывавшій его писецъ, естественно, послѣ точки скорѣе могъ удерживать правописаніе подлинника, чѣмъ идя вглубь. Затѣмъ — я никакъ также не могу согласиться съ ак. Ягичемъ, что въ постановкѣ *і* какъ союза (вмѣсто *и*, какъ говорить ак. Я., вмѣсто *і*, какъ скажемъ мы) послѣ словъ, оканчивающихся на *ъ* (напр., привѣсь *і* и пр.; подобная замѣна далеко не такъ часто и постоянна) казался не „простой орфографической произволь, а скорѣе тонкая передача звуковыхъ процессовъ“ (420—1).

Въ Клоц. Сб. союзъ пишется, какъ и въ упомянутыхъ выше памятникахъ, *і* (3 раза только *и*). То же нужно сказать объ *і* же. Въ словарѣ къ памятнику въ изданіи Вондрака напечатано, правда, и же, но въ текстѣ мы видимъ *і* же (Ср. 105 стр.).

То же можно сказать о косвенныхъ падежахъ этого мѣстоименія, хотя встрѣчается и *хъ*. Данное начертаніе употребляется тоже главнымъ образомъ въ началѣ словъ (Ср. Вондр., 27), иногда вмѣсто него выступаютъ 2 другія начертанія. *И* главн. обр. отмѣчается въ концѣ словъ, напр., въ неопредѣленномъ склоненіи (*ibid.*). Преобладаетъ *і*.

Въ Син. Тр. очень часто союзъ *і* замѣняется начертаніемъ *и*. Послѣдняя буква господствуетъ. *і* отмѣчается очень послѣдовательно написанной въ *і* же (исключеній очень мало). Начертаніе *і* очень рѣдко употребляется, постоянно оно только въ словѣ *ї*. Особенно часто употребленіе *і* на послѣднихъ страницахъ памятника, гдѣ оно выступаетъ довольно послѣдовательно въ союзѣ, затѣмъ въ такихъ случаяхъ какъ: твої, твоїхъ, боиаштеї, їзбра.

Въ Синаиск. Псалт. для обозначенія союза и въ мѣстоимен. *і* же употребляется также *і*, употребляется это начертаніе и въ началѣ словъ. Впрочемъ, вездѣ въ упомянутыхъ случаяхъ, мы видимъ и другія начертанія, на нѣкоторыхъ страницахъ данное начертаніе даже совершенно отсутствуетъ. Въ общемъ, т. обр., относительно употребленія 3-хъ начертаній и въ этомъ памятникѣ можно сказать господствуетъ

забвение первоначальных правилъ. Разница въ орфографіи во многомъ, конечно, зависѣла и отъ разныхъ переписчиковъ, которыми былъ переписанъ памятникъ ¹⁾).

Въ Пражскихъ Отрывкахъ находимъ разное употребленіе начертаній. Въ I A — только и. Въ I B — два начертанія *ї* и *и* — первое въ союзѣ и началѣ словъ. Въ II A вездѣ *и*, за исключеніемъ 2-хъ словъ: *їуда*, *гї*, хотя друг. разъ *гї*. Въ II B также *и* и въ союзѣ и въ началѣ словъ.

Въ Ассемановомъ Ев. начертанія *и* и *і* употребляются смѣшанно. Въ началѣ слова замѣчается преимущественное употребленіе *и*. Сочетаніе *з и* передается здѣсь обыкновенно черезъ *і и*. Ягичъ, ставя это въ параллель съ Супрасльскою рукп., гдѣ обыкновенно сочет. *з и* передается *и і*, видитъ одно изъ доказательствъ, что глаголич. *і* = кириллов. *и*, глагол. *и* = кирил. *і* (Предисл. къ изд. Ев., XIV). Но, какъ мы видѣли и въ глаголическихъ рукописяхъ въ сочетаніи *з и* употребляется *иі* или *ии*, т. обр. отсюда нельзя сдѣлать никакихъ заключеній здѣсь относительно взаимнаго отношенія начертаній глаголическихъ и кирилловскихъ.

Въ Вѣнскихъ Листкахъ мы видимъ почти исключительное употребленіе *и*. Остатокъ прежней транскрипціи можно видѣть въ сохраненіи разъ *ї* въ значеніи союза (ясно видно на табл. Bb, въ изд. Ягича, стр. 8-я; относительно союза *и* на табл. Ab строка 3-я снизу трудно сказать, что либо опредѣленное). Кроме того можно отмѣтить въ этомъ памятникѣ новое начертаніе — прямая палочка (въ словѣ *imr* Ba, 4 стр. отъ конца) вертикальная съ чертами горизонтальными наверху и внизу.

1) Гейтлеръ устанавливаетъ для С. Пс. главн. обр. 3 почерка. (Psaltir je, kako ja mislim, dovršen od najmanje tri, a može biti i više pisara, Uvod, VI). О 4-мъ онъ говоритъ какъ то неопредѣленно. По имѣющимся у насъ снимкамъ (стр. 8—9, 130—2) и приложеннымъ къ трудамъ Гейтлера (Die alban. и изд. — стр. 31, 197, 216) мы можемъ сдѣлать заключеніе, что почеркъ 130—2, дѣйствительно, одинъ, но тотъ же почеркъ мы замѣчаемъ на стр. 8—9. На стр. 8 мы замѣчаемъ также присутствіе иного почерка въ нѣсколькихъ строчкахъ (12-ти) въ этомъ убѣждаетъ насъ сличеніе носовыхъ, изображ. здѣсь отдѣльно, совершенно несхожихъ по фигурѣ на начертанія тѣхъ же буквъ раньше, начерт. буквъ с, н, е и пр. Почеркъ иной и сравнительно съ 31 ст. и совершенно непохожъ на почеркъ 216. 31 же стр. отнести къ той же рукѣ, какъ 8—9, невозможно, на что указываютъ начертанія *в*, *о*, *ь*, *ц* и пр.

Въ Гршковичевыхъ Отрывкахъ мы находимъ изрѣдка употребленіе начертанія **і** въ союзѣ и началѣ словъ.

На 1-й, позднѣйшей страницѣ К. Л. одно только употребляется начертаніе (**и**).

Всѣ данныя, выбранныя нами изъ упомянутыхъ глаголическихъ памятниковъ, приводятъ прежде всего къ заключенію, что въ первоначальной графикѣ для союза **и** и мѣстоименія **и**, въ мѣстоименіи и же — употреблялось начертаніе **і**. Подтверждаетъ это та послѣдовательность въ употребленіи означеннаго начертанія въ этихъ случаяхъ во всѣхъ почти упомянутыхъ памятникахъ. Нельзя того же сказать объ употребленіи даннаго начертанія въ словахъ, начинающихся съ **и**. Здѣсь памятники уже болѣе расходятся. Можно предположить, что въ первоначальной графикѣ данное начертаніе и было только установлено для союза и мѣстоименія **и**. Затѣмъ, было естественно, что начертаніе это примѣнялось такъ же послѣдовательно при мѣстоименіи и же. При scriptio continua разграниченіе подобнаго **и**-союза и мѣстоименія отъ другихъ словъ являлось особенной необходимостью, и т. обр. начертаніе иное вызывалось чисто практическими нуждами. И потому мы видимъ такое послѣдовательное употребленіе этого знака въ К. Л. Если въ другихъ памятникахъ мы видимъ поступательное движеніе этого начертанія — обозначенія имъ начальнаго **и** въ словахъ, то это также обуславливалось отчасти практическими удобствами, вызванными измѣненіями въ орфографіи: когда исчезали знаки придыханія, трудно было отличить иногда слово начинавшееся съ гласной. Трудно его было отличить и тогда, когда обозначалось знаками придыханія гласная послѣ гласной, а затѣмъ въ написаніи этого начертанія могла сыграть особенную роль, конечно, и аналогія. При выставленномъ нами предположеніи легко объяснить и графическое происхожденіе этого начертанія, какъ измѣненіе болѣе первоначальнаго **і**. Твердо установленное въ основѣ правило и было причиной того, что въ послѣдствіи иногда смѣшивались не эти столь близкіе по происхожденію начертанія, а напр. **і** и **и**. Что древняя графика не любила ставить двухъ одинаковыхъ начертаній **и**, на это указываютъ сравнительныя данныя приведенныхъ памятниковъ, гдѣ мы встрѣчаемъ **иі**, **ии**, **иі** въ сочетаніяхъ или измѣненіе сообразно этому въ разныхъ словахъ (напр. если за союзомъ шло слово начинавшееся съ **и**).

Если въ дальнѣйшемъ руководствоваться тѣми данными, которыя мы извлекаемъ изъ К. Л., то можно думать, что первоначально начертаніе **и** употреблялось въ началѣ словъ, а начертаніе **і** — въ концѣ. О количественномъ отношеніи употребленія перваго знака къ другимъ въ началѣ слова я уже сказалъ. Въ концѣ же словъ мы видимъ преимущественное употребленіе **і**. Случаевъ замѣны **і** въ концѣ словъ другими начертаніями очень мало (число случаевъ на концѣ **і** около 152; **и** — 2 раза; **ї** — 7 разъ)¹⁾.

Относительно середины слова трудно сказать что либо опредѣленное, опираясь на К. Л. Какъ мы уже отчасти могли видѣть изъ вышеприведенныхъ сопоставленій въ серединѣ господствуетъ смѣшеніе начертаній **и**, особенно **и** и **і**, при чемъ послѣднее здѣсь является преобладающимъ. Можно, впрочемъ, замѣтить, что послѣ гласныхъ въ серединѣ словъ мы не видимъ употребленія начертанія **и**, хотя примѣровъ такихъ мы встрѣчаемъ здѣсь вообще мало, при томъ родѣ — своихъ, твоихъ.

Хотя въ серединѣ словъ попадается и начертаніе **ї**, но оно внесено, скорѣе всего, отчасти въ силу смѣшенія начертаній, характеризующаго до извѣстной степени памятники, отчасти аналогій, напр. въ твоихъ и пр. и наконецъ смѣшенія буквъ **с** и **и**. Этимъ послѣднимъ (т. е. близостью начертаній **с** и **и**) мы можемъ объяснить такіе примѣры, какъ сїлахъ, просїмъ и пр.; здѣсь писецъ могъ смѣшать **с** съ **и**, а послѣ послѣдняго нужно было ставить начертаніе уже другого **и**.

На основаніи всего сказаннаго нѣтъ основаній согласиться съ мнѣніемъ Ягича относительно **ї**, высказаннаго въ слѣдующихъ словахъ въ предисловіи къ Зографскому Евангелію: *Neque vero dubitare licet, quin ex ipsius scribae sententia majoris ponderis fuerit **ї**, quam **і*** (въ предисловіи говорилось о разницѣ между начертаніями **ы** и **ѣ**, причемъ послѣднее имѣетъ въ Зограф. Ев. дифтонгическое значеніе). *Ac primum quidem in alphabeto glagolítico unum **ї** ubi vis adhibitum esse videtur deinde **і** quod ex illo fluxit ad exprimendum sonum **ы** (**y**) usurpari coeptum est, quem noster codex observat (XXV).*

1) Здѣсь не берется во вниманіе начертаніе **і** въ сочетаніяхъ съ **ь**, о чемъ дальше.

Приводя послѣднія слова ак. Ягича, мы тѣмъ самымъ приближаемся уже къ вопросу о **ѣи** и **ѣ** въ древ.-ц.-слав.-графикѣ къ начертаніямъ каковыхъ звуковъ, нарушая алфавитный порядокъ, мы и переходимъ ¹⁾.

ѣи, ѣ (ф. 16). Для выраженія нашего слитнаго звука въ К. Л. мы видимъ начертаніе **ѣи**, напр. нѣи, тѣи, слоужбѣи, бѣити, и пр. Для выраженія нашего дифтонгическаго **ѣи** употреблено **ѣ**, напр. вѣсмогѣ, вѣчнѣ, принесенѣ. Оба написанія проведены съ замѣчательной послѣдовательностью, такъ что изъ многочисленныхъ примѣровъ употребленія того и другого знака можно привести лишь одну ошибку на л. 7 — принесенѣи и на 2-мъ л. вѣсмогѣи, отмѣтимъ, однако, что это слово въ другихъ мѣстахъ пишется съ **ѣ**.

Какъ произносилось окончаніе въ вѣчнѣи и пр. можетъ указывать, по нашему мнѣнію, такой характерный примѣръ уклоняющагося написанія отъ приведенныхъ — вѣсмогѣи. Здѣсь писецъ по ошибкѣ поставилъ начертаніе **ѣи** и замѣтивъ свою ошибку поправилъ ее прибавкой лишняго **і**.

Такой послѣдовательности въ употребленіи данныхъ соединенныхъ знаковъ въ другихъ древнѣйшихъ глаголическихъ памятникахъ мы не находимъ. Нѣтъ также полнаго сходства въ соединеніи **ѣ** съ разными начертаніями звука **и**.

Въ Зографскомъ Ев. въ знач. **ѣи** К. Л. употребляется **ѣ**, а въ значеніи **ѣ** — К. Л. — **ѣі**, замѣняемое, впрочемъ и **ѣ**. Начертаніе **ѣі** отмѣчается и въ косвенныхъ падежахъ прил., напр., малѣихъ, мртвѣихъ и пр. Съ Зограф. не совсѣмъ сходится Маріинское Ев.: въ немъ не употребляется **ѣі**, а **ѣ** (изрѣдка вм. послѣд. **ѣи**). Въ Ассеманов. Ев. **ѣ** и **ѣи** употре-

1) Я посвятилъ довольно мѣста обзорнѣю употребленія разныхъ начертаній **и**, потому что въ извѣстной послѣдовательности ореограф. пріемовъ, наблюдаемыхъ хотя отчасти въ древн. глаг. памятникахъ, заключается, по моему мнѣнію, одно изъ доказательствъ древности глаголической алфавитной системы предъ кирилловской. Въ древнѣйшихъ кириллов. памятникахъ наблюдается употребленіе также троякаго начертанія **и**, но такого отзвука сознательнаго отношенія къ употребленію различныхъ начертаній **и**, какъ въ нѣкот. глагол., мы открыть не можемъ: здѣсь особенно чувствуется совершенное излишество этихъ начертаній.

бляются смѣшанно. Въ Син. Тр. и Син. Пс. для обозначенія слитнаго **ы** иногда, если не ошибки у Гейтлера, **ѣи**, **ѣї**. Въ Псалтыри для выраженія дифтонгическаго звука отмѣчаемъ иногда употребленіе **ѣи** (напр. ѣдѣи 108 л. (88 стр.), попадаютъ также пр. какъ живѣиї 339-й л. (стр. 289). Въ Пражск. Отр. употребляется только **ѣи** для обозначенія **ы** (слит.). Въ Клоц. Сбор. за немногими исключеніями для слитнаго звука **ы** (исключ. съ **ї** см. Вондракъ Клоц. Сб., 28). Въ Гршковичевыхъ Отрывкахъ мы замѣчаемъ сходство съ К. Л. въ выраженіи слитн. звука черезъ **ѣи**.

Въ своемъ изслѣдованіи Гршкович. Отр. ак. Ягичъ замѣчаетъ о сходствѣ въ употребленіи **ѣи** въ такихъ памятникахъ, какъ К. Л., Ассеманово Еван. Гршковичевы Отр., Пражск. Отр. и нѣсколькихъ строчекъ глаголич. текста въ Слѣпченскомъ апостолѣ (Starine 93 г. 26 т., 97 стр.). Мы затрудняемся видѣть во всѣхъ перечисленныхъ памятникахъ одну палеографическую систему въ виду того, что во 1-хъ въ перечисленныхъ памятникахъ мы не находимъ такого послѣдовательнаго различенія **ѣи** отъ **ѣ**, какъ въ К. Л. во 2-хъ и система употребляемыхъ начертаній **и** — разная.

Выдѣляя т. обр. К. Л. изъ другихъ памятниковъ мы должны упомянутой чертѣ — послѣдовательности обознач. **ѣи** и **ѣ** — придавать большое значеніе, такъ какъ она можетъ свидѣтельствовать о древности памятника и древности его системы.

Въ К. Л. употребляется и **ы**: **сы** (6 л.) заповѣды (6 л. об.). Какъ произносится знакъ **ы** можно убѣдиться изъ сопоставленія упом. род. и мн. ч. заповѣды съ такой же формой скврѣностиї (ф. об., 14).

ѣ (ф. 17). Разсматривая начертаніе этой буквы въ разныхъ др. гл. памятникахъ, мы отмѣчаемъ сходство К. Л. особенно съ Зограф. Ев. Въ Мар. Ев. кружокъ или обращенъ въ другую сторону, или отдѣльно приставленъ къ чертѣ. Въ Син. Тр. фигура хотя и похожа очень на нач. К. Л., но 2-я часть какъ то рѣзче выдѣляется. Въ Асс. Ев. замѣчаемъ развитіе 1-й половины, т. обр. начертаніе является какъ бы древнѣйшимъ развитіемъ начертанія К. Л. и прототипомъ для позднѣйшихъ хорватскихъ, гдѣ 1-я часть, увеличившись въ размѣрѣ, принимаетъ четверугольную форму.

Въ Праж. Отр. начертаніе хотя и приближается къ К. Л., но первая часть состоитъ изъ прямыхъ линій.

Начертаніе это ак. Ягичъ выводитъ изъ сочетанія греч. нач. $\gamma + \iota$ (172—173).

Вондракъ стремится вывести изъ самаритянскаго $\text{jud}'a$, имѣвшаго форму, похожую нѣсколько на начер. Пражск. Отр. съ увеличеніемъ 1-й части и отсутствіемъ закругленія. (Вондракъ же пользуется въ своихъ сличеніяхъ начертаніемъ К. Л., менѣе, по нашему, похожимъ на приводимое самарит. начертаніе). Самаритянское начертаніе $\text{jud}'a$ представляетъ нѣсколько измѣненное финикійское начертаніе $\text{jod}'a$ а на сходство съ послѣднимъ глаголическаго дерева указывалъ еще Шафарикъ. Вондракъ стремится доказать, что знакъ этотъ первоначально звучалъ тоже, какъ jod . Но имѣя въ виду тѣ данныя, которыя мы извлекаемъ изъ древнѣйш. глагол. памятниковъ, въ томъ числѣ изъ К. Л., мы, конечно, никогда не скажемъ, что начертаніе дерева обозначало звуки j . На это обращаетъ вниманіе самъ Вондракъ, пользуясь примѣрами изъ Зограф. Ев.

Если и въ греческомъ γ передъ ϵ , ι , какъ стремится доказать Вондракъ, звучало, какъ j , тогда для объясненія возникновенія этого глаголическаго начертанія можно воспользоваться и мнѣніемъ ак. Ягича. Доказательства, что начертаніе это звучало, какъ j , основываетъ Вондракъ главнымъ образомъ на попавшемся въ Дечанскомъ Ев. словѣ и гета (передав. греч. слово iota) и на мѣстѣ данной буквы въ азбукѣ. Но слово и гета врядъ ли можетъ повести къ такимъ заключеніямъ: зачѣмъ было славянину, если онъ вѣрно передавалъ слово это писать вмѣсто и е т а. Да если въ этомъ случаѣ и согласиться, что $g = j$, то трудно основываться на одномъ примѣрѣ. Порядокъ буквъ ничего не говоритъ: могъ ли сознать составитель близкую, родственную связь между и и $\text{jot}'omъ$, а если уже сознать, то почему онъ ш не поставилъ послѣ с, которыя также близки. Сравнивая же данныя, которыя мы находимъ въ памятникахъ относительно употребленія начертанія, мы видимъ, что оно употребляется главн. образомъ въ извѣстныхъ словахъ и при томъ греческаго происхожденія. Къ послѣднимъ, напр., прежде всего нужно отнести такія какъ: анѣль, еванѣлие. Первый примѣръ мы находимъ и въ К. Л. Сличая эти написанія съ греческими, мы видимъ,

что нѢ = γγ, т. е. двумъ греческимъ γ. На основаніи близости начертаній 2-хъ γ съ глагол. начертаніемъ (см. ф. 18), мы можемъ сказать, что и начертаніе такъ наз. дервя возникло изъ греческаго начертанія двухъ γ. Что могли подражать въ этомъ случаѣ греч. графикѣ указываетъ такіе примѣры, какъ Савв. Кн. — агглъ, аггла; Ассем. Ев. — еваггелие и т. п. Можно возразить противъ высказаннаго мнѣнія, что лишнимъ явится тогда начертаніе н (если видѣть графич. подражаніе греческ. образцамъ), которое мы находимъ передъ Ѣ въ упомянутыхъ словахъ. Но относительно этого можно бы даже замѣтить, что первоначально этого н иногда, и не бывало. Доказательствомъ въ этомъ случаѣ можетъ служить Зографское Ев. Въ заголовкѣ Евангелія отъ Луки (см. снимокъ 1 въ изд. Ягича) большими буквами написано (безъ титла): еваѣелие. Правда, приведенные примѣры не могутъ быть вполне убѣдительно: ихъ такъ мало. Противорѣчатъ этому также написанія такихъ словъ, какъ левъ ѣи, параскевьѣи, въ виду того, что въ греческихъ написаніяхъ этихъ словъ не только не можетъ быть рѣчи объ н, но нѣтъ и г (λεως, παρσκευή). Но съ другой стороны и постановка Ѣ въ этихъ словахъ или г въ попадающихся подобныхъ примѣрахъ въ нѣкоторыхъ кирилловскихъ памятникахъ (параскевги, левги, особенно характерно параскевги въ Терн. Ев.) показываетъ, что здѣсь это случилось благодаря произношенію этихъ словъ. Слѣдовательно, сюда написаніе Ѣ было внесено какъ графическое уже изъ другого источника. Такимъ источникомъ и могли послужить начертанія γγ въ словахъ ἄγγελος, εὐαγγέλιον, гдѣ второе γ произносилось очень мягко. По всей вѣроятности и звукомъ глаголическаго дервя было это очень мягкое г, граничащее съ очень мягкимъ д.

К (ф. 19). Подобныя начертанія н К. Л. мы видимъ и въ другихъ памятникахъ. Разница главн. обр. заключается въ нижней черточкѣ, которая принимаетъ иногда разныя формы: то она напоминаетъ кавычку (напр., Праж. Отр.), то получаетъ наклонное положеніе (напр., Клоц. Сб.)¹⁾, то принимаетъ еще черточку, внизу (Маріин. Ев.) и т. д.

¹⁾ Копитаръ въ своей таблицѣ (при изд. Клоц. Сб.) или неполно, или не совсемъ вѣрно отмѣтилъ начертаніе этихъ буквъ. Въ этомъ

Хотя между греческимъ минускульнымъ *κ* и глаголическимъ начертаніемъ того же звука замѣчается большое сходство, но вполне походяго на глагол. начертанія греческаго не имѣется. Поэтому прототипъ этой буквы нѣкоторые видѣли и видятъ отчасти и теперь въ еврейскомъ *κ*. Такъ Вондракъ указываетъ на кодексъ Карасу-Базарскій, гдѣ начертаніе *κ* состоитъ изъ 2-хъ отдѣльныхъ частей: верхняя часть изъ 2-хъ линій образующихъ уроль, а нижняя прямая (Arch. 19, 179). Въ позднѣйшихъ написаніяхъ этой еврейской буквы замѣчается измѣненіе: перпендикулярная черта раздѣляется.

Мы находимъ еще большее сходство съ еврейскимъ „кафъ“ (а не „кофъ“, на котор. указ. В. и указывалъ еще раньше Шафарикъ). Еще болѣе близко по начертаніямъ еврейское „гэ“, которое въ иныхъ случаяхъ по начертанію своему прямо таки тождественно глаголич. *κ*, но по звуку это начертаніе, хотя и принадлежитъ къ одному разряду съ *κ* — къ гортаннымъ, все же иное: оно вполне соотвѣтствуетъ или *h* или *g* (См. Гезеніусъ Евр. Грам. Ср. Chwolson. Corpus inscr. hebraic.).

Указывая на сходство еврейск. начертаній съ глаголич. въ данномъ случаѣ, мы въ то же время не можемъ не отмѣтить на первый взглядъ странности заимствованія этого начертанія изъ еврейскаго, странности въ виду того, что незначѣмъ въ этомъ случаѣ было обращаться для заимствованія къ еврейскому алфавиту.

Для объясненія этой видимой странности можно, кажется прибѣгнуть къ предположенію, что греч. *κ* въ нѣкоторыхъ случаяхъ (напр. предъ нѣкотор. гласн., какъ теперь въ греческомъ) звучало не какъ *κ*, а болѣе мягко (на что указываетъ и постановка значка въ др. сл. рук.) и потому прибѣгнули къ знаку другого алфавита, знаку передающему болѣе подходящій звукъ.

Л (ф. 20). Начертаніе *л* у 2-го писца нѣсколько болѣе кругловато (особенно верхняя часть). Большинство начертаній убѣждаетъ, что чертились они не сразу, а сначала нижняя

легко убѣдиться, просмотрѣвъ фотогр. снимки при новомъ изд. Вондрака.

часть, затѣмъ самостоятельно приписывалась верхняя. Этимъ объясняется почему черточка вертикальная и конецъ закругленія не сходятся. Упоминаемъ объ этомъ особенно потому, что въ подобномъ начертаніи мы видимъ древнѣйшее сравнительно съ тѣми, гдѣ начертанія образуютъ начертанія писанныя въ одинъ пріемъ, т. е. верхняя часть составляетъ продолженіе нижней или начертанія эти сливаются. Последнее происходило уже отъ требованій болѣе скорого письма. Это слитіе, напр., наблюдаемъ въ л очень похожемъ на начертаніе г п. К. Л. — Праж. II Отрывка. Типъ начертаній л подобныхъ л К. Л. сохраняется въ большинствѣ другихъ древ. гл. памятниковъ лишь въ заглавныхъ буквахъ, въ обыкновенныхъ мы видимъ расширеніе кружочковъ и ихъ слитіе ¹⁾ (иногда впрочемъ удерживается первоначальное написание и въ строчныхъ буквахъ).

Принимая во вниманіе извѣстную систему глаголическаго письма — стремленіе къ округленности, можно вмѣстѣ съ нѣкоторыми изслѣдователями видѣть оригиналь этой буквы въ греческой л.

Вондракъ говоритъ о возможности возникновенія начертанія изъ самаритянскаго *zavad*, имѣвшаго форму угла съ небольшимъ заворотомъ сторонъ. Изъ приведеннаго начертанія этой буквы онъ выводитъ начертаніе К. Л. которое считаетъ древнѣйшимъ. Изъ греческаго Вондракъ затрудняется выводить гл. обр. потому, что трудно объяснить возникновеніе горизонтальной черты, имѣющей въ нижней части глаголич. начертанія. Однако, возникновеніе это довольно легко объясняется, если мы будемъ чертить греческую букву съ неособенно выпуклой серединой. Изъ самаритянскаго же начертанія гораздо труднѣе вывести начертаніе глаголическое, чѣмъ изъ греческаго.

М (ф. 21). Нижняя часть этой буквы иногда шире, такъ что почти равна верхней. Подобное начертаніе находимъ въ Пражскихъ Отрывкахъ. То же можно сказать и о Зограф.

¹⁾ Въ Клоц. Сб. верхняя часть этой слившейся буквы носитъ нѣсколько угловатый характеръ. Хотя нужно замѣтить, что иногда угловатая фигура, будто бы похожая на 3-угольникъ (см. Вондракъ 27, 32), происходила отъ растекавшихся чернилъ.

и Марин. Ев., только тамъ сообразно меньшему письму уменьшается вертикальная линия и т. обр. кружки верхніе и нижніе приближаются. Въ другихъ памятникахъ (напр. Син. Пс., Син. Тр., Клоц. Сб.) эта вертикальная черта совсѣмъ иногда исчезаетъ и нижніе кружки соединяются съ верхней линіей самостоятельно. Послѣднее начертаніе вызвано было, конечно, болѣе скорописнымъ характеромъ памятниковъ и вообще оно должно считаться позднѣйшимъ сравнительно съ такими, какъ К. Л.

Относительно происхожденія этого начертанія можно сказать то же, что о предыдущей буквѣ. И въ этомъ случаѣ попытка Вондрака вывести это начертаніе изъ самаритянскаго б и по формѣ не похожего, кажется намъ также неудачной.

Н (ф. 22). Разницу мы уже отмѣтили въ написаніи 1-го и 2-го писца. Мы видѣли, что 2-й писецъ пишетъ очень часто сливая правую черточку съ полукругомъ.

Въ Пражск. Отр. мы находимъ начертаніе сходное съ отмѣченнымъ у 2-го писца К. Л., только отличающееся большей рѣзкостью, угловатостью и лишними черточками при 2-хъ горизонтальныхъ чертахъ начертанія. Замѣтимъ, что начертанія Праж. Отр. по величинѣ не уступаютъ начертаніямъ К. Л.

Въ другихъ памятникахъ, начертанія обыкновенныхъ малыхъ буквъ у которыхъ гораздо меньше, чѣмъ въ К. Л. и Праж. Отр. (напр. Зограф., Марин. Ев. Син. Тр., Син. Пс., Клоц. Сб., Ассем. Ев.), начертаніе и также сходно съ начертаніемъ, отмѣчаемымъ у 2-го писца.

Есть, конечно, и извѣстная разница, хотя типъ (по отнош. указанной черты) выдерживается. Въ Зограф. Ев. черточка верхняя поднимается болѣе вверхъ, въ Син. Пс. опущена болѣе внизъ, въ Марин. Ев. — съ утолщеніемъ и пр. Въ большихъ же буквахъ этихъ же памятниковъ мы наблюдаемъ начертанія подобныя начертаніямъ 1-го писца. Такъ напр. въ Маринск. Ев. (см. стр. 110, 70 литогр. изданія), Клоц. Сб. (см. снимокъ 1-й при изд. Вондрака, а также на таблицѣ III, 7 строка — большая буква въ обычнов. строчкѣ), Зограф. Ев. (подлинникъ, л. 11 об.), Ассем. Ев. (фотогр. изд. пам., нах. въ Акад. Н.).

Въ Охридскомъ Ев. (см. снимки у Гейтлера) мы видимъ такое же начертаніе большой буквы, а также и въ обыкновенныхъ буквахъ въ начертаніи и черточки указ. не сходятся.

Всѣ эти данныя приводятъ насъ къ слѣдующему выводу. Въ К. Л. мы видимъ первоначальное начертаніе **н** у 1-го писца глав. обр. начертаніе какъ бы уставное. Это древнѣйшее начертаніе удерживается и 2-мъ писцомъ, который, однако, переходитъ уже къ другому начертанію, какъ бы полуставному, характеризующему болѣе мелкое письмо другихъ памятниковъ. Въ этихъ послѣднихъ сохраняются также оба вида начертаній, употребляемая уже въ разныхъ цѣляхъ — одно обозначаетъ большую букву, другое — малую.

Если взглянуть на начертаніе греческаго курсивнаго **η** (въ особенности въ этомъ случаѣ можно указать на начертанія, приведенныя на таблицѣ къ статьѣ Клина въ Матер. Моск. Универ.), то дѣйствительно, легко убѣдиться, что это начертаніе могло послужить основой для соответствующаго начертанія глаголическаго. Только препятствіемъ здѣсь являются горизонтальныя лініи этого послѣдняго, которыя не находятъ себѣ данныхъ для объясненія въ греческомъ начертаніи, а признать ихъ второстепенными, добавочными мы все же не имѣемъ полного права.

о (ф. 23). Особенной разницы въ начертаніи этой буквы мы не находимъ. У 2-го писца очень часто, впрочемъ, наблюдается расширение и сближеніе круглыхъ частей и т. обр. въ нѣкоторыхъ случаяхъ большая круглота буквы. И въ другихъ древнѣйшихъ памятникахъ типъ этой буквы остается и разница только выражается въ большей или меньшей круглотѣ частей и ихъ сближеніи. Заглавныя буквы въ памятникахъ представляются съ менѣ развитыми колечками и т. обр. въ первомъ начертаніи К. Л. также можно видѣть первоначальное начертаніе. Мы замѣчаемъ сходство въ начертаніи **о** особенно съ 1-мъ почеркомъ К. Л. въ Клоц. Сб. Вондракъ въ своемъ предисловіи къ памятнику, желая отмѣтить въ палеографіи памятника зародыши хорватской глаголицы, говоритъ, что **о** въ Клоц. Сб. состоитъ изъ горизонтальной лініи, выходящей иногда за закругленія, т. обр. получается какъ бы прототипъ дальнѣйшей угловатой

буквы. Собственно же говоря, въ большинствѣ эта буква скорѣе склонна къ закругленію, особенно если мы будемъ брать ея нижнюю часть. То же мы наблюдаемъ и въ К. Л.: верхняя часть выходила и тамъ болѣе угловатой, чѣмъ нижняя, писавшаяся съ вертикальной линіей однимъ приемомъ. Правда, въ силу утолщенія вертикальной линіи, послѣдняя кажется какъ бы отдѣленной отъ закругленія.

Ак. Ягичъ пытается указать начатки глаголич. начертанія **o** въ греческомъ курсивѣ, напр. въ такихъ словахъ, какъ *λογος*, гдѣ **o** имѣетъ небольшіе рожки.

Впрочемъ, форму глаголич. **o** онъ объясняетъ графическими приемами славянскихъ грамотеевъ, желаніемъ ихъ „примѣнить любимый элементъ украшенія, округлость“. Объясненіе это могло бы на первый взглядъ удовлетворить, но, на самомъ дѣлѣ, встрѣчается то затрудненіе что въ изображеніи этого **o** мы не видимъ такой равномерной „округлости“.

Попытки Тейлора и проф. Бѣляева вывести это начертаніе изъ недописаннаго начертанія греч. **o** также не могутъ претендовать на убѣдительность. Почему спрашивается это недописанное, рѣдкo встрѣчающееся начертаніе могло послужить основой для начертанія глаголическаго.

Начертаніе глагол. **o** вошло, какъ извѣстно, въ составъ начертанія **ou**.

Oy (ф. 24). У 1-го писца эта буква состоитъ какъ бы изъ двухъ **o**, у 2-го — вторая половина буквы отличается отъ первой или продолженіемъ верхней черты или добавочной чертой посерединѣ изогнутой линіи и даже черточкой внутри. Общее у 1-го и 2-го писца въ начертаніи этой буквы — 2-я половина буквы нѣсколько меньше первой.

Въ Пражск. Отр. мы находимъ начертанія **ou**, очень похожія на начертанія К. Л. Тамъ также есть начертанія изъ 2-хъ **o**, какъ у 1-го писца К. Л., и начертанія, въ которыхъ 2-я половина отличается отъ 1-й большимъ слитіемъ кружковъ и черточкой за полукруглой линіей. Въ обыкновенныхъ буквахъ другихъ древнѣйшихъ глаголическихъ памятниковъ мы видимъ въ большинствѣ слитіе 1-й и 2-й части начертанія, при чемъ послѣдняя часть иногда меньше и отличается отъ первой добавочной линіей, или видимъ изрѣдка соединеніе полукруглыхъ частей во 2-мъ нач. чертоку.

Въ Зограф. Ев., Клоц. Сб. въ большихъ заглавныхъ буквахъ мы находимъ начертаніе **оу** какъ бы состоящимъ изъ 2-хъ **о**, при чемъ послѣднее имѣло лишнюю прямую черточку посерединѣ линіи вправо.

Иногда въ Зогр. Ев. попадаются и начертанія съ продолженіемъ во 2-й части верхней черточки за линію (напр., на л. 2, 6 и др.). Въ Ассем. Ев. начертан. **оу** представляетъ иногда какъ бы два слившихся **о**¹⁾. Но на ряду съ этимъ сплошь и рядомъ мы отмѣчаемъ во 2-й половинѣ начерт. лишнюю горизонтальную черточку¹⁾. Так. обр. нельзя сказать „kod pismena **оу** lasno se razaznava dva **о**“ (Raški, Uvod, VI. Ср. справедл. замѣч. Чернчича въ его пред. къ изд. пам., 9). Иногда во 2-й части начертанія мы видимъ даже характерное написаніе, принимающее видъ вслѣдствіе соединяющей внутренней черточки 3-хъ кругловатыхъ частей съ добавочной выходящей линіей (т. обр. напоминаетъ печатное изображеніе глаг. ижицы **ѵ**).

Попадается (очень рѣдко) и въ Мар. Ев. начертаніе **оу** изъ 2-хъ **о**, при чемъ эти **о** близки къ слитію (напр. на л. 36, 171 и др.).

Эти данныя и данныя вообще большинства древнѣйшихъ глаголическихъ памятниковъ указываютъ т. обр., что двѣ составныя части начертанія глаголическаго **оу** были неодинаковы, что они были довольно близки по начертанію и потому возможна была ихъ ассимиляція. Считать двойное **о** первоначальнымъ изображеніемъ для **оу** и опираться въ этомъ случаѣ особенно на нѣкоторыхъ данныхъ К. Л. и Пр. Отр. нельзя. Интересно, что и во I Пр. Отр., гдѣ отмѣчается такое **оу**, на 1-й страницѣ (неизданной въ прилож. Шафарикомъ) есть большое **оу**, въ которомъ 2-я часть съ добавочной чертой и вся фигура представляется слившейся.

Вондракъ обратилъ вниманіе на любопытное начертаніе **ѵ** въ Клоц. Сб., встрѣчающееся разъ въ значеніи **оу** словѣ **мѵцѣ** (моуцѣ); начертаніе это очень похоже на 2-ю часть приведенныхъ начертаній изъ Зогр. Ев. и др. пам., отличается только добавочной чертой между кружками. Оно т. обр. еще болѣе похоже на встрѣчающуюся нѣсколько разъ у 2-го писца К. Л. 2-ю половину **оу**, гдѣ послѣдняя также является съ соединеннымъ кружкомъ. Такимъ образомъ вполнѣ правъ

1) То же можно сказать о листкахъ Охридскаго Ев.

Вондракъ, когда говоритъ о первоначальности подобныхъ начертаній. Вполнѣ естественно, что когда увеличивались кружки, то исчезала первоначально соединявшая ихъ линія.

Что первоначальное написаніе буквы состояло изъ раздѣльныхъ частей, на это указываютъ заглавныя буквы, данныя К. Л., Пр. Отр. и отчасти попадающіеся примѣры въ другихъ памятникахъ въ обыкновенныхъ буквахъ. (Такъ Вондракъ справедливо отмѣчаетъ въ Клоц. Сб. въ 2-хъ словахъ: прооучати и розьствоу (28 ст.) раздѣльное написаніе **оу**).

Отсюда ясно, что начертаніе глаголич. **оу** составлено по образцу греческаго **ου**. Затруднительнымъ только является объясненіе начертанія. Какъ изъ греч. **ο** трудно вывести глагол. **о**, то же можно сказать и **ο υ — v**. Понятно отсюда и разногласіе во мнѣніяхъ ученыхъ, выводящихъ эти начертанія изъ греческихъ: Бѣляевъ выводитъ изъ греч. **ου** VII—VIII в., ак. Ягичъ изъ греч. лигатуры **υ**, но начертанія все же не подходятъ. Послѣднее обстоятельство и заставило Вондрака искать прототипъ глагол. **оу** въ самаритянскомъ **Ва**, совершенно, впрочемъ, неудачно.

Ъ и ъ (ф. 25). Какъ показываютъ данныя другихъ памятниковъ (въ особ. заглавныя буквы, также и общ. строчныя) типъ начертаній К. Л. является древнѣйшимъ. Въ заглавныхъ буквахъ другихъ памятниковъ попадаютъ иногда и нѣсколько измѣненныя начертанія — именно — нижній кружокъ обращенъ не влѣво, а вправо, т. обр. нижняя часть фигуры напоминаетъ какъ бы кирилловское **ъ** (см. ф. 26). Такъ въ Син. Тр. (см. снимки у Срезневскаго Древ. глаг. п. XIV а), Маріинскомъ Ев. (см. литограф. изд. послѣд. стр., подлинникъ, л. 43, 76 (5 разъ), тамъ же 1 разъ изм. нач. ф. ъ. Ср. таблицу, приведенъ у Щепкина Разсужд. о яз. Савв. кн., 60 ст.), то же въ Клоц. Сб. (Снимки у Вондрака), Ассем. Ев. (фотогр. изд. Ак. Н., 80 об.).

Какъ замѣчено еще Шафарикомъ (О происхожденіи и родинѣ глаголитизма, въ Чт. М. Общ. Ист. и Др. 60, IV, 12), Рачки (Pismo slov, 116) и затѣмъ Ягичемъ (Op. cit, 163) глаголическія начертанія глухихъ очень близки къ начерт. **о**. „Глаголитъ, замѣчаетъ Шафарикъ, для первой попытки, имѣлъ довольно проницательный взглядъ на природу славянскаго

языка, въ особенности гласныхъ; у него начертанія **о**, **ъ**, **ь** сходны, какъ самыя звуки (*ibid.* упом. перев. труда Ш.)“.

Изъ близости начертаній и изъ физиологической близости (каковая обнаруживается изъ большинства др. ц.-сл. п.), естественно, прійти къ заключенію о возникновеніи начертанія **ъ** изъ **о**. Вопросъ заключался только въ томъ, какимъ образомъ получалось начертаніе глаголическаго **ь**, по формѣ также близкаго къ **о**, когда основываясь на вѣроятномъ физиологическомъ звукѣ этого начертанія, мы ожидали бы въ основѣ его — начертаніе **е**. На это ак. Ягичъ отвѣчаетъ такимъ образомъ: „На этотъ вопросъ я пока могу представить слѣдующую догадку: можетъ быть, сначала разница между **ъ** и **ь** не ограничивалась однимъ добавочнымъ элементомъ, а шла глубже, т. е. можетъ быть, для **ъ** послужила основаніемъ буква **о**, а для **ь** буква **и**, потомъ же въ однихъ памятникахъ преобладалъ для обѣихъ глухихъ гласныхъ почеркъ въ основѣ напоминающій **о**, въ другихъ же почеркъ, похожій на **и**“ (163).

Противъ мнѣнія ак. Ягича, поддерживаемаго также Бѣляевымъ (290), можно привести слѣдующее. Если первоначальная разница между этими начертаніями ограничивалась не однимъ добавочнымъ знакомъ, а „шла глубже“, т. е. если первоначальное глаг. **ъ** изображалось какъ **о** съ добавочной линіей, а **ь**, какъ **и** съ добавочной линіей, то почему, спрашивается, ни въ одномъ памятникѣ мы не находимъ разницы въ основныхъ частяхъ этихъ буквъ, а разница заключается въ добавочныхъ черточкахъ? Если первоначально основныя части были разны, зачѣмъ было разнообразить добавочныя черты? Послѣднее тогда, конечно, явленіе позднѣйшее? Затѣмъ опроверженіе указанныхъ мнѣній, намъ кажется, лучше всего могутъ дать К. Л. Если мы сравнимъ въ этотъ памятникѣ начертанія для **о** и **ъ**, **ь**, то увидимъ, что между этими начертаніями коренится глубокая разница. Начертаніе для **о** составляетъ какъ бы одно цѣлое (особенно у 2-го переписчика), фигура въ общемъ полукруглая. Начертанія глухихъ состоятъ изъ прямой линіи, къ которой придѣлываются кружки, по величинѣ м е н ь ш е, чѣмъ кружки въ начертаніи **о**. Подобный пріемъ написанія **ъ** и **ь** особенно рельефенъ на страницахъ, писанныхъ 2-мъ писцомъ; здѣсь при томъ начертанія **ъ** и **ь** еще болѣе разнятся отъ начертанія **о**, т. к. онѣ имѣютъ наклонное направленіе.

Что въ написаніи ъ и ь сказалась не индивидуальныя особенности писцовъ К. Л., подтвержденіе этому можно видѣть отчасти въ другихъ памятникахъ: такъ въ Зогр. Ев. (напр., л. 2,2 об. и др.) попадаются иногда начертанія подобныя начерт. К. Л. (1-го писца).

Вондракъ считаетъ начертанія ъ и ь К. Л. болѣе первоначальными и выводитъ эти начертанія изъ самарит. Ва. О прототипѣ для начертаній глаголическихъ ъ и ь трудно сказать что либо опредѣленное въ настоящее время. Можно думать, что въ основѣ этихъ начертаній лежитъ одна общая фигура добавочные же знаки играютъ здѣсь главную роль для ихъ различія. Можно думать, что сближеніе начертаній ъ, ь и о принадлежитъ позднѣйшему сравнительно времени и прежде всего вызвано удобствами письма, а затѣмъ уже и тому обстоятельству, что въ памятники начинаетъ проникать смѣшеніе ъ — о, что мы не видимъ, напр., въ К. Л.

Мы не касаемся черезчуръ искусственныхъ теорій Тейлора (вывод. ъ глаг. изъ о + ѐ греч.), Всева Миллера (Ж. М. Н. Пр. 84, мартъ, 21, изъ кирил. ъ благодаря украшенію верхней части), Фр. Миллеръ (Arch. 19, 156 изъ 1/2 оу) и пр. о происхожденіи этихъ начертаній.

Я не могу согласиться съ Вондракомъ, что начертанія глагол. ъ и ь одинаковаго происхожденія (Клоц. Сб., 29) съ начертаніемъ 2-й части оу, т. е. съ v. На основаніи гл. обр. данныхъ Клоц. Сб. трудно объ этомъ говорить. Да и въ этомъ памятникѣ, кромѣ вообще различающихъ начертанія боковыхъ линій, мы видимъ въ большихъ заглавныхъ буквахъ въ другомъ отношеніи извѣстную разницу — у какъ то болѣе закруглено. И это наблюденіе нужно сопоставить съ тѣмъ, что даютъ К. Л.

А затѣмъ нельзя не обратить вниманія и на то, что обращенная въ противоположную сторону боковая линія имѣетъ вовсе начертаніе не такое, какъ начертаніе боковыхъ линій въ ъ и ь. Приведенныя нами соображенія Вондрака находилъ вполне правильными, проливающими свѣтъ на темные вопросы славянской графики Облакъ въ своей рецензій на нов. изд. Клоц. Сб. (Arch. 15, 592—3).

Выше мы говорили о попадающихся въ др. глаг. памятникахъ начертанія ъ и ь съ кружкомъ обращеннымъ внизъ въ правую сторону. Эти начертанія въ своей нижней половинѣ очень напоминаютъ кирилловское ъ. Вондракъ видитъ

здѣсь одно изъ доказательствъ поздняго сравнительно съ глаголицей происхожденія кириллицы, т. к. изъ такого начертанія глаголическаго ъ возникало подобное же начертаніе кирилловское. Возникло ли кирил. ъ изъ указаннаго начертанія глаголическаго — это еще вопросъ, подверженный большому сомнѣнію. Здѣсь можно предположить и противоположное, т. е. что данныя глаголическаго начертанія могли возникнуть подъ вліяніемъ кирилловскихъ, т. к. они сравнительно рѣдки и въ нихъ нельзя видѣть первоначальнаго типа начертаній, а уже искаженный¹⁾.

П (ф. 27). Особенной разницы въ начертаніи этой буквы въ др. памятникахъ мы не находимъ; иногда отсутствуютъ только черточки боковая и нижняя.

Еще Шафарикъ, какъ на прототипъ этой буквы указывалъ на греческое минускульное π. Для Бѣляева уже „возведеніе глаголич. покоя къ греческому прототипу π не представляетъ ни малѣйшаго затрудненія . . .“ (278). Затрудненія все же оказываются и нельзя сказать, чтобы сближеніе Гейтлера съ латин. p въ этомъ случаѣ уничтожились противоположной теоріей.

Р (ф. 28). Разница въ начертаніяхъ этой буквы въ памятникахъ сводится лишь иногда къ отсутствію верхней маленькой черточки. Первоисточникъ этого начертанія остается неизвѣстнымъ. Въ средѣ ученыхъ, выводившихъ эту букву изъ греческой скорописи, мы замѣчаемъ различныя догадки. Ак.

1) Въ этомъ убѣждаетъ насъ и сличеніе двухъ такихъ памятниковъ, какъ Зограф. и Марин. Ев. Оба памятника причисляются къ одной палеографич. школѣ. Данныя графики и языкъ говорятъ о позднѣйшемъ происхожденіи Марин. Ев. И вотъ въ послѣднемъ какъ отступленія отъ прежней графики можно видѣть написанія измененныхъ ъ и ѵ. Въ этомъ случаѣ Марин. Ев. сходится особенно съ Клоц. Сб. Что подобныя вліянія кирилловской письменности на глаголическую были, могутъ свидѣтельствовать разные факты. Такъ въ Миханович. Отрыв. глагол. апостола мы находимъ тройное изображеніе и, одно изъ нихъ по формѣ вполне кирил. и, и какъ справедливо предполагаетъ Ягичъ (*Gradja za glag. paleogr. Rad 2-й, 19*) занесено изъ кириллицы.

Ягичъ, выводя изъ греч. ρ говоритъ, что верхній кружокъ этой буквы постепенно уменьшался, а увеличивалось закругленіе внизу, въ чемъ высказывались влеченія сдѣлать отличие ρ отъ π. Бѣляевъ, выводя также изъ ρ, говоритъ, что здѣсь напротивъ выразилось желаніе отличить эту букву отъ η.

Въ одномъ греческомъ памятникѣ I вѣка мы замѣчаемъ болѣе близкое къ глагол. нап. ρ греч. ρ. Начертаніе состоитъ изъ прямой черты и кружокъ присоединенъ посерединѣ (см. изображ. у Монфокона, стр. 148, въ словахъ *αρχου, ιερου* и ср. зам. М. на стр. 146).

С (ф. 29). Мы уже сказали о разницѣ въ написаніи этой буквы. Сравнивая съ начертаніемъ другихъ памятниковъ, можно сказать, что въ начертаніяхъ К. Л. сказались не индивидуальныя только черты писцовъ но и отраженія разныхъ пріемовъ письма. Въ Охр. Ев. мы наблюдаемъ (снимки у Гейтлера) большую букву **С**, подобную по начертанію большой буквѣ у 1-го писца, маленькія же начертанія **с** имѣютъ круглую верхушку съ доходящей до нея вершиной угла. Въ I Праж Отр. наблюдается начертаніе **с** съ верхней линіей изогнутой нѣсколко внизъ (неправильная прямая линія). Нѣсколко приплюснутая верхушка наблюдается въ Клоц. Сб. Преобладающей фигурой во всѣхъ остальныхъ памятникахъ является нач. **с** съ кругловатой верхушкой¹⁾. На основаніи этихъ данныхъ первоначальнымъ начертаніемъ буквы **с** можно признать то, которое отмѣчается у 1-го писца К. Л., сохранявшееся, какъ большая буква и въ нѣкоторыхъ другихъ памятникахъ. Дальнѣйшимъ измѣненіемъ этой буквы является та, которую находимъ въ тѣхъ же К. Л. и въ большинствѣ другихъ древнѣйшихъ глаголич. памятниковъ. Ея начертаніе вызывалось удобствомъ письма, въ особенности когда письмо это дѣлалось болѣе мелкимъ.

Источникъ начертанія **с** остается неизвѣстнымъ. Объясненія Тейлора, Ягича и Бѣлева, выводящихъ это начертаніе изъ греческаго курсивнаго **с**, врядъ ли кого могутъ удовлетворить. Интересны ихъ въ этомъ случаѣ соображенія въ томъ отношеніи, что показываютъ къ какимъ иску-

1) Попадаются и смѣшанныя начертанія, напр. Син. Пс.

ственнымъ объясненіямъ принуждены были прибѣгать эти ученые для полнаго проведенія своей теоріи. Я позволю себѣ въ этомъ случаѣ привести то, что высказано было ак. Ягичемъ и проф. Бѣляевымъ.

Ак. Ягичъ находитъ въ начертаніи с существенной верхнюю часть — полукруглость (съ этимъ, какъ мы можемъ заключить на основаніи вышесказаннаго, согласиться нельзя). Такую часть представляетъ минускульное греч. σ. Нижний треугольникъ, по Ягичу, могъ явиться изъ какого либо незначительнаго штриха, такой штрихъ мы находимъ въ упомянутомъ греч. σ, но только наверху. Изъ этого штриха греч. буквы могъ постепенно возникнуть треугольникъ и получилась фигура, подобная глаголич. и. Но такъ какъ подобный знакъ уже существовалъ, то осталось слѣдовательно, его перевернуть и т. обр. получилось искомое начертаніе (стр. 157). Бѣляевъ верхнюю часть начертанія глаголическаго объясняетъ изъ верхняго штриха, который закругляется постепенно. Является фигура, напоминающая араб. цифру 8, а затѣмъ въ этой фигурѣ (почему — неизвѣстно) нижняя часть была передѣлана въ треугольникъ (280—1).

Въ такомъ же затруднительномъ положеніи оказывается и Вондракъ, выводящій данное начертаніе изъ еврейскаго samech, начертаніе котораго отличается отъ греческаго только тѣмъ, что верхній штрихъ направляется не вправо, а влѣво. Вондракъ также прибѣгаетъ къ помощи начертанія глаголическаго и (180—1).

Нѣсколько похожими на глаголич. с, намъ кажутся начертанія армянскаго с (ф. 30. См. Thesaur. pontific. sacrar. Ang. Rossa Comerte P. M. DCCXDV 243). И въ свою очередь эти начерт. арм. с болѣе сходятся съ начертаніемъ греч. маюсск. с.

Т (ф. 31). Въ нашемъ памятникѣ буква эта занимаетъ меньше пространства, чѣмъ другія буквы. На эту особенность обратилъ вниманіе еще Ягичъ. „Замѣчательно въ самомъ дѣлѣ, что въ Кіевскихъ Листкахъ буква т пишется такъ что наполняетъ только верхнюю половину строки, т. е. она равняется половинѣ обыкновенной вышины буквъ, какъ будто намекая на то, что во второй половинѣ чего-то не-

достааетъ“ (158). Данными словами Ягичъ подтверждаетъ догадку о возникновеніи глаголич. т изъ греч. курсивнаго т. Но не однѣ Кіевскіе Листки даютъ намъ подобное начертаніе. Въ Праж. II Отр. мы находимъ точъ-въ-точъ начертаніе, какъ К. Л. Меньшій объемъ буквы т сравнительно съ другими мы наблюдаемъ, напр. въ Син. Тр., Охр. Ев., гдѣ т, одинаково съ в, ш, занимаетъ сравнительно меньше мѣста, но это менѣ замѣтно, чѣмъ, напр., въ К. Л. въ виду того, что начертаніе нѣсколько опущено, писалось какъ бы посерединѣ пространства занимаемаго другими буквами. То же отчасти можно сказать объ Ассеман. Ев., неболѣш. буквахъ Клоц. Сб. (въ большихъ довольно рельефно выступаетъ величина т почти такая, какъ другихъ буквъ), Зограф. Ев. (въ послѣднемъ, особенно въ такихъ соединеніяхъ, какъ тв). Все это позволяетъ намъ вывести заключеніе о первоначальности начертаній и въ этомъ случаѣ К. Л.

Въ Клоц. Сб., какъ справедливо замѣчаетъ Вондракъ (27), начертаніе т пріобрѣтаетъ нѣкоторую угловатость, если не въ двухъ своихъ концахъ, то въ одномъ. Здѣсь также, какъ намъ кажется, можно сдѣлать любопытное наблюденіе. Тамъ, гдѣ т болѣе кругловато, оно занимаетъ нѣсколько меньше мѣста, т. обр. какъ бы сохраняя признаковъ своего первоначальнаго начертанія, тамъ же, гдѣ оно угловато, оно пишется наравнѣ съ другими буквами. Отчасти можно вывести заключеніе о томъ, что вліяло на большую или меньшую угловатость этой буквы, именно-желаніе сравнять ее съ другими буквами по количеству занимаемаго мѣста.

Въ нѣкоторыхъ памятникахъ мы замѣчаемъ присутствіе начертанія, напоминающаго латинское или славянское-кирилловское. Такъ, въ Маринн. Ев. — Ев. отъ Луки мы находимъ, напр., 65 стр., строка 28 (Лит. изд.) въ словѣ тъгда; въ Син. Тр. 8а, 6 строка та, Вв, 21 стр. — ты, 17 б стр. 6 — тебѣ; особенно часто въ Син. Пс. (ср. снимки у Гейтлера, а также 113 стр. его изслѣд.). Это же начертаніе находимъ въ Охридскомъ Ев., въ Праж. Отр. I В слѣдъ этой буквы (о другихъ еще памят. ср. Гейтлеръ, *ibid.*) Проникновеніе этой буквы можно поставить отчасти въ связь съ проникновеніемъ другой б. ■ (Въ Син. Пс., Клоц. Сб., Отр. Мих. и пр. Ср. Гейтлеръ 108—9). Мы приводимъ здѣсь все это отчасти и потому, что соображенія, вызываемыя подобными данными можно отчасти будетъ сопоставить съ тѣмъ, что высказано

нами о нѣскольکو измѣненныхъ начертаніяхъ ъ и ѷ. Вондракъ замѣчаетъ, что **м** — латинскаго происхожденія (Кл. С., 16). У Гейтлера же мы находимъ болѣе, какъ намъ кажется, правильное заключеніе — *ebensogut griechisch-cyrrillisch, als auch lateinisch sein konnte*, 108. Такимъ образомъ если въ **М**, **Т** мы можемъ видѣть не только вліяніе латинское, но и вліяніе кирилловской письменности, тогда послѣднее могло сказаться и въ измѣненныхъ большихъ начертаніяхъ ъ и ѷ, въ которыхъ кружки были обращены въ ту же сторону, какъ и въ кирилловскихъ начертаніяхъ.

Х (ф. 32). Начертаніе этой буквы въ К. Л. и др. памят. очень похоже на 2-ю половину буквы **г**, т. е. начерт. **х** является начертаніемъ **г** безъ верхняго кружка. Гейтлеръ выводитъ это начертаніе изъ латинскаго **h**. Ягичъ, сначала съ нимъ соглашавшійся, потомъ высказалъ новый взглядъ, по которому эта буква получила начало въ предѣлахъ древней Моравіи и Паноніи, гдѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, произносилось **g**, какъ **h**. Отсюда и вышло сближеніе начертаній **g** и **h**, какъ болѣе уже близкихъ. Благодаря этому прежнее начертаніе (неуклюжій глаголич. рисунокъ), было замѣнено новымъ, вышедшимъ изъ начертанія **г**. Бѣляевъ, выводя данное начертаніе изъ греческаго **χ** (что признаетъ затруднительнымъ ак. Ягичъ), возражаетъ ак. Ягичу, что не было нужды употреблять въ сущности одинъ знакъ для 2-хъ довольно все же разныхъ звуковъ, въ то время какъ уже существовали выработанныя начертанія. Палеографическіе же выводы Бѣяева изъ **х** греческаго являются не убѣдительными. Признавая сходство по начертаніямъ глаголич. **г** и **х** нельзя въ то же время, какъ намъ кажется, говорить непремѣнно о возникновеніи одного изъ другого: эта близость могла получиться если глагол. **х** вышло изъ латинскаго начертанія **h**. Зачѣмъ же спрашивается было брать начертаніе изъ латинскаго, не воспользовавшись греческимъ? Намъ кажется, что въ этомъ случаѣ разрѣшить этотъ вопросъ намъ поможетъ коптскій алфавитъ. Коптскій алфавитъ, какъ извѣстно, основанъ на греческомъ: въ немъ мы видимъ начертанія **х** и **h** — второе совершенное подобіе глаголиче-

скаго. Но начертаніе **х** употребляется для обозначенія **kh**, а начертаніе тождественное глаголическому, какъ и послѣднее = **h**. Слѣдовательно, звукъ греческ. **χ** не подходилъ нѣсколько для передачи слов. **х** и было взято для этого другое начертаніе. Въ этомъ случаѣ поступили такъ же, какъ и при **к** (Ср. изобр. копт. **х** въ *Album de paleographie Copte* par Nyvernat, Paris).

Ц (ф. 33). Начертаніе **ц** по памятникамъ различается гл. обр. по своему болѣе прямому или наклонному положенію, иногда (напр., Охр. Ев.) нижняя часть принимаетъ угловатый видъ или (какъ, напр., Син. Пс. и Тр.) правая линія выступаетъ за строчку. Въ Син. Пс. попадаетъ начертаніе, въ которомъ правая черта почти отсутствуетъ и начертаніе это можно сблизить съ кирилл., напр., въ Супрасл. рукоп. и Добромір. Ев. (см. снимки при изд. Миклошича *Monumenta* и Ягича *Sitzungsberichte d. K. Ak. in Wien, hist.-ph.* 98. Ягичъ подмѣчаетъ сходство съ **ч**, *ibid.*, 5). На основаніи большинства памятн. можно сказать, что первоначальной фигурой являлась отмѣченная въ К. Л. — близкая по положенію линій къ начертанію римской цифры **V**. Относительно происхожденія этого начертанія болѣе могутъ показаться убѣдительными тѣ данныя, которыя приводитъ Бѣляевъ, выводя изъ **τζ**, чѣмъ Ягича, считавшаго прототипомъ этого начертанія греч. **ζ**. Въ этомъ легко убѣдиться, просмотрѣвъ приводимыя начертанія **ζ** Ягичемъ; въ греч. рукописи, найденной Бандуричемъ, мы находимъ греческое названіе **ζ** — **τζη**, къ тому же можно привести способы изображенія этой буквы въ современ. греческомъ черезъ, **τζ**, **τσ** (Ср. Бѣляевъ 285 и ссылки его на Миклошича; затѣмъ цит. нами статьи Матова Гръцко б. студ. Сбор. т. 9). Исходя изъ начертаній и теорія Ягича имѣла бы болѣе убѣдительности, если бы на таблицахъ къ своему труду Ягичъ привелъ болѣе похожія фигуры на глагол. начертанія. А, между прочимъ, послѣднія есть, если мы просмотримъ таблицы у Гартгаузена. Тамъ попадаются начертанія **ζ**, очень похожія по основѣ на глагол. **ц**. Въ особенности это можно сказать о соединеніи **ζε**, **ζη** (см. табл. XII), принимающ. видъ близкій къ глагол. **ц**.

Шафарикъ, а затѣмъ въ настоящее время Вондракъ выводятъ **ц** изъ еврейск. *tsade*. Въ сущности, если сличить подробно нѣсколько похожую на глаголич. еврейскую букву, то мы убѣдимся, что еврейское начертаніе не было прототипомъ для глаголическаго. Въ еврейскомъ буква состоитъ какъ бы изъ 2-хъ частей — верхней треугольной и нижней, представляющей продолженіе одной изъ верхнихъ линій. Глаголическое же начертаніе нѣсколько иначе складывается. Затѣмъ важно помнить, (на что не обращаютъ вниманія), что если **ц** взято изъ еврейскаго, то оно переворочено какъ бы въ другую сторону. Это можетъ, конечно, найти себѣ объясненіе, т. к. евреи писали, начиная справа, но тогда спрашивается почему же не измѣнено направленіе буквы **к**? Принципъ послѣдовательности мы должны признавать.

Весьма вѣроятно, что прототипъ этого начертанія могъ находиться и въ одной изъ восточныхъ азбукъ. Такъ въ армянскомъ алфавитѣ мы находимъ зиту (= греч. ξ) и по и по формѣ довольно похожую на глагол. начертаніе. (См. Грамматику многоязычну. Соч. Медици, Венеція 1844, стр. 35—36).

Ч (ф. 34). Начертанія **ч** К. Л. отличаются гл. обр. тѣмъ (особ. 1 писца), что верхняя часть не раздается такъ вширь, какъ въ другихъ памятникахъ; въ нижней-кружочекъ меньше и составляетъ не всю ниж. часть, а лишь дополненіе къ линіи (и у 2-го писца К. Л. это очень часто, какъ въ другихъ др. гл. пам.). По Ягичу, начертаніе состоитъ изъ **ш** + **т**, при чемъ **ш** — **ц**, а остальное вставленное греч. **τ**. Но спрашивается, почему здѣсь была взята фигура греч. буквы **τ** въ такомъ видѣ, а не въ такомъ, какъ для глагол. **т**, т. е. два полукружка безъ средней линіи. При настоящемъ объясненіи эта средняя линія играетъ въ **ч** выдающуюся роль. Также объясняетъ и Бѣляевъ, стоящій за сравнительно позднее образованіе этой буквы и первоначальное употребленіе вмѣсто нея **ц**. Обращая вниманіе на сходство начертаній **ч** и **щ**, Бѣляевъ замѣчаетъ далѣе, что и **щ** образовалось такимъ же путемъ, какъ **ч**, когда забылись составныя начертанія послѣдняго, т. е. **ш** и **т**.

Что начертаніе ч стоитъ въ связи съ ш, на это отчасти можетъ показывать К. Л., именно объемъ верхней части этой буквы, какъ и буква ш, меньше остальныхъ буквъ, но нижняя часть этого начертанія остается неясной во всякомъ случаѣ только не т. Можетъ быть, это начертаніе также было заимствовано цѣликомъ.

Ш (ф. 35). У 1-го писца начертаніе этой буквы занимаетъ въ вышину $\frac{1}{2}$ пространства, занимаемаго обыкновенно другими буквами. У 2-го писца въ иныхъ случаяхъ оно нѣсколько больше и иногда почти равно другимъ буквамъ.

На любопытную особенность что въ К. Л. ш занимаетъ $\frac{1}{2}$ мѣста, занимаем. др. буквами, обратилъ вниманіе Вондракъ, не обозначившій, впрочемъ разницы здѣсь въ употребленіи этой буквы. Вондракъ сопоставилъ размѣръ это и буквы съ такимъ же размѣромъ шипящею самаритянскаго алфавита, близкою по формѣ къ глаголической. Нужно прибавить, что не только въ К. Л., но и въ другихъ памятникахъ мы можемъ отмѣтить сравнительно меньшее пространство, занимаемое буквой ш. Такъ въ Син. Пс. и Тр. мы находимъ то же, но, какъ мы уже сказали и насчетъ т, начертаніе ш здѣсь такъ не выдѣляется потому, что оно нѣсколько опущено — пишется посерединѣ строчки.

Буква ш безусловно восточнаго происхожденія. Можно только еще сомнѣваться — непременно ли она самаритянскаго происхожденія. Дѣло въ томъ, что и въ еврейскихъ памятникахъ мы замѣчаемъ, что эта буква пишется иногда меньше другихъ, правда она здѣсь круглвата, но круглвата она также въ большинствѣ и въ памятникахъ самаритянскаго письма, изданныхъ бар. Розеномъ, на которыхъ Вондракъ основываетъ свое мнѣніе (см. *Zeitschrift d. Morgenland. Ges.* т. 14 и 18-й). Въ финикійсквмъ алфавитѣ мы наблюдаемъ случаи уменьшеннаго написанія ш (Ср. *Chwolson*, таблица послѣдняя при *Corpus inscr hebr.*), то же самое въ древне-арамейскомъ (*Müller. Die altsemitischen Inschriften von Sendschwirili W.* 1893, стр. 66), Можетъ показаться только страннымъ, почему въ глаг. азбуку, стремившейся проводить болѣе округленныя формы, предпочтена прямоли-

нейная форма ш, а не кругловатая. Можетъ быть здѣсь играло желаніе сдѣлать рельефнѣе разницу этой буквы съ омегой (греческой только, а, конечно, не глаголической).

Ф (ф. 36). Въ II Праж. Отр. находимъ начертаніе похожее на 1-е начерт. 1 писца. Начертанія подобныя 2-му нач. 1 п. и нач. 2 п. мы находимъ въ другихъ памятникахъ, при чемъ въ однихъ (напр., Зогр. Ев.) средняя фигура направлена влѣво, въ другихъ (напр., позд. листы Зогр. Ев., Мар. Ев.) направлена въ противоположную сторону или болѣе пряма.

Благодаря сходству этого начертанія съ греч. ϑ и благодаря физиологич. сходству изображ. звуковъ обыкновенно и выводятъ начер. глаг. ф изъ начертанія греч. ϑ. Соглашаясь съ этимъ взглядомъ, Вондракъ говоритъ о возможности возникновенія изъ ϑ двухъ начертаній — ф и з. По его мнѣнію, нужно предположить, что изъ греч. ϑ возникли з и ф глаголич. не въ одной мѣстности и не одновременно. Первоначально изъ ϑ выработано было з, а ф писалось какъ отмѣчено одинъ разъ въ К. Л. и 2 раза въ Праж. Отр., т. е. это начертаніе было равно греч. минускульному φ. Затѣмъ, уже въ эпоху послѣ Кирилла изъ ϑ въ мѣстности, въ которой ϑ произносилось какъ φ, возникло новое начертаніе. Если мы сравнимъ начертанія ф и з въ К. Л., то увидимъ, что эти начертанія не особенно похожи другъ на друга, а даже — напротивъ. Въ томъ же убѣждаетъ насъ и разбираемый Вондракомъ памят. Клоц. Сб. Если мы возьмемъ ф въ словѣ іо сі фъ на л. 3₁₄, то увидимъ что основная часть буквъ четырехугольникъ гораздо, сжатѣе, длиннѣе, чѣмъ въ з, такъ что заходитъ за линію. Линія поперечная горизонтальная и ея закругленія очень близко подходятъ къ вертикальной линіи (ниже строчки ф болѣе подходитъ къ з). Близость закругленія поперечной линіи къ вертикальной также очень ясно выступаетъ въ большихъ буквахъ. Писецъ К. Л. знаетъ 2-якое начертаніе данной буквы, при чемъ начертанія эти не столь уже не похожи, чтобы считать ихъ совершенно разными по происхожденію. Первое изъ нихъ, судя по рисунку 1-го писца требовало болѣе усилій, 2-ое могло писаться быстрѣе. Нѣтъ ничего невѣроятнаго если въ первомъ начертаніи видѣтъ остатокъ большой уставной

глаголической буквы, вторую же считать дальнѣйшимъ развитіемъ, можетъ быть и не безъ вліянія Ѣ.

Ѣ (ф. 37). Характеръ начертанія въ общемъ не измѣняется. Различіе между написаніями 1-го и 2-го писца замѣчаются отчасти то, что у 2-го писца не наблюдается попадающей у 1-го черточки наверху, или у 1-го писца въ иныхъ случаяхъ часть верхняя шире, чѣмъ у 2-го. Въ начертаніи этой буквы замѣчается колебаніе въ нижней черточкѣ то болѣе прямой, горизонтальной, то болѣе направленной вкось, и въ перемѣщеніи средней черточки. Особенно рѣзко иногда проводится черточка наверху въ Маріинск. Ев. Черточка эта входитъ въ составъ начертанія въ Син. Пс. и Син. Тр. въ особенности широка она на нѣкоторыхъ страницахъ перваго памятника. То же можно сказать о Праж. Отр. (особен. I), Ассеман. Ев. Охрид. Ев. Въ Клоц. Сб. въ большихъ и обыкнов. строчныхъ б. сходство съ начерт. 2-го п. К. Л. безъ черточки, но наблюдается и черточка (напр., 1 сн. 14 строка). Т. обр. большинство данныхъ убѣждаетъ въ первоначальности начертанія господствующаго у 1-го писца К. Л.

Происхожденіе даннаго начертанія загадочно. Ак. Ягичъ замѣчаетъ: „мнѣ хотѣлось бы скорѣе и въ этомъ загадочномъ треугольникѣ найти монографическое начертаніе какого-ниб. сочетанія двухъ знаковъ, напр. ea, но — non liquet“ (164). Какъ бы отвѣчая на это пожеланіе, проф. Бѣляевъ выводитъ это начертаніе именно изъ соединенія ea, но приемы его въ этомъ случаѣ не убѣдительны. Вондракъ выводитъ изъ aleph самаритянскаго, но и форма послѣдняго не подходитъ къ глаголическому.

Конечно, для того, чтобы вывести это начертаніе важно знать его звуковое значеніе. Нѣкоторые ученые считаютъ его близкимъ къ и. Довольно убѣдительныя данныя за произношеніе буквы Ѣ, какъ ä (ea), приводитъ, напр., Милетичъ въ своей рецензій на изслѣдованіе Маріин. Ев. Ягича. (Пер. Сп. XIX—XX, 248). Облакъ въ своихъ Macedon. Studien приводитъ образцы подобнаго произношенія этого звука въ Сухо и сѣверо-вост. отъ Солоникъ. деревняхъ По наблюденіямъ Облака въ сочетаніяхъ ча, жа, ша, ла вмѣсто а слышится звукъ ä, т. е. произн. Ѣ. Такимъ образомъ можно провести аналогію между современными болгарскими гово-

рами и данными древн. ц. слав. памятниковъ. Предполагаютъ, что эта черта была прежде свойственна болѣе широкому району болгарскихъ говоровъ (Милетичъ, Arch. XVII, 581—2 П. Сп. XIX—XX, 248). На дифтонгическое произношеніе даннаго начертанія указываетъ извѣстный грамматикъ Константинъ Констанцскій. Онъ сравнивалъ произношеніе этого звука въ такихъ словахъ, какъ *крѣс*, передавая его черезъ *крѣсь* и пр. (ак. Ягичъ Разсуж. ц.-сл. стар., 403, прим. 2, 3, 4; 493—4). По Ягичу (*Die Umlauterscheinungen . . . Arch. VI, 75*) данное начертаніе, первоначально обозначая одинъ звукъ (а не два — е, я), произносилось, какъ *é*. Ягичъ не согласенъ съ Миклошичемъ, стоявшимъ за произношеніе *ѣ* какъ *я*. Ак. Ягичъ замѣчаетъ, что послѣдній звукъ скорѣе всего выразили бы черезъ *а*, какъ *je, ju* передавали черезъ *е, и*. Нельзя не согласиться съ Миклошичемъ и Ягичемъ въ томъ, что данное начертаніе должно было обозначать одинъ звукъ, а не два. Вопросъ только, каковъ былъ этотъ звукъ. Нельзя согласиться съ доказательствами Ягича, что если бы это былъ звукъ *я*, то его передавали ли бы черезъ *а*: *вѣдъ* и такіе близкіе звуки, какъ *у* и *ю*, имѣли, *вѣдъ*, различныя начертанія. Это, можетъ быть, былъ звукъ и не *я*, но все же близкій къ *а*, на это указываетъ и нашъ памятникъ, замѣняя *ѣ* — *а*: *сръдѣ* — *а*.

Въ одной кирилловской рукописи мы видимъ характерное начертаніе *ѣ*: треугольникъ и надъ нимъ крестъ, т. е. какъ бы раздѣленная фигура глаголическаго *ѣ*, при чемъ выдѣляется внутренняя часть, нѣсколько дополненная (лишней чертой, почему и образовался крестъ. Рук. XII—XIII в. — сербская, въ ст. Ламанскаго. О слав. рук. 2).

Ю (ф. 38). У 2-го писца 1-я часть нѣсколько больше, чѣмъ у 1-го. Въ Маріинск. Ев. мы замѣчаемъ увеличеніе вширь первой части, въ другихъ памятникахъ (напр., Клоц. Сб., Син. Тр.) первая часть составляетъ какъ бы треугольникъ, при чемъ отъ него спускается за строчку линія. Подобныя начертанія, естественно, представляютъ лишь дальнѣйшее развитіе начертаній К. Л.

Ак. Ягичъ, а за нимъ проф. Бѣляевъ считаютъ это начертаніе возникшимъ изъ *ѣ + ѡ*, при чемъ начертаніе составляетъ изъ крестиковъ въ послѣднихъ и по выражаемому

звуку, въ сущности, не подобному тому, который выражаютъ хотя бы приведенные кусочки, какъ представители цѣлыхъ буквъ. Высказывалась мысль, что въ виду сходства глаголическаго и кирилловскаго начертаній, первое возникло изъ кирилловскаго объясняемаго будто бы легко изъ $i + ou$. Но нельзя говорить о возникновеніи кириллов. ю изъ указаннаго соединенія, такъ какъ нѣтъ слѣдовъ предполагаемыхъ первоначальныхъ написаній въ памятникахъ. Затѣмъ, даже трудно предположить о возможности такой замѣны потому, что ioy , при отбрасываніи y могло по начертанію говорить о другомъ совершенно звукѣ, т. к. значеніе i и o было хорошо извѣстно. Другое дѣло, наоборотъ — предположить о заимствованіи кирилловскаго изъ глаголическаго, источникъ котораго остается неяснымъ.

IA, **Ѡ**, **ѡ** (ф. 39). Въ К.Л., II Праж. Отр., Охр. Ев. мы замѣчаемъ сходство въ употребленіи перваго знака какъ іотированнаго и неіотированнаго а. Такимъ образомъ для двухъ звуковъ существуетъ одно начертаніе.

Въ начертаніяхъ носовыхъ гласныхъ замѣчаемъ по памятникамъ небольшія измѣненія. Такъ: болѣе угловатая фигура 2-й части этихъ начертаній наблюдается въ Син. Тр., Охр. Ев. и особ. на нѣкоторыхъ страницахъ Син. Пс. (похоже на E); въ Маріинскомъ Ев., Клоц. Сб. — **Ѡ** въ первой части своей представляетъ болѣе слившуюся фигуру. У 1-го писца К. Л. 2-я часть начертаній, писавшаяся слитно, меньше первой, у 2-го писца эти части, писавшіяся отдѣльно (въ **Ѡ**, **ѡ**) приобрѣтаютъ равномерность. Такимъ образомъ начертанія 1-го писца и отчасти 2-го (IA) показываютъ, что въ нихъ видѣли изображеніе одного звука, почему и вторая часть какъ и въ начертаніяхъ ou , писалась меньше. Тоже наблюдается, напр., въ Охрид. Ев. подобное написаніе: Въ нов**Ѡ** (а не въ нов**Ѡ**, какъ у Срезневскаго. Древ. глагол. пам., стр. 83. Ср. снимки у Гейтлера). Въ Ассем. Ев. 2-я часть въ нѣк. случаяхъ также меньше (фотогр. изд. Ак. Н., Л. 30 об., 34 об., 38, 42 об. и др.). Раздѣльное написаніе попадаетъ и въ другихъ памятникахъ, напр. Клоц. Сб. (Ср. Вондракъ, 29, Ср. сн. 1, стр. 6, 15, 17). Очевидно, для писца Клоц. Сб. форма соединенная представлялась лишь правильной, т. к. онъ въ другихъ случаяхъ, замѣчая свои невольны

раздѣленные написанія, соединялъ ихъ посредствомъ черточекъ. Въ словѣ арімаѳіа (больш. буквами, 2 сл., 3 строка отъ к.) мы замѣчаемъ, что въ іа 2-я часть меньше. Послѣднее сходство въ заголовочныхъ буквахъ Кл. Сб. съ К. Л. убѣждаетъ насъ въ первоначальности подобныхъ начертаній.

Между догадками Тейлора и Ягича о происхожденіи этихъ загадочныхъ начертаній, догадки послѣдняго заслуживаютъ большаго довѣрія. Глаголич. ж вполне можетъ быть объяснено какъ лигатура о + н, при чемъ послѣднее начертаніе въ виду своего уменьшенія какъ 2-й части одного знака, измѣнилось, конечно, въ формѣ; то же іа = е + н и первоначально этотъ знакъ обозначалъ а и іа. Затѣмъ уже, когда была внесена извѣстная разница между знаками іотированными и неіотированными — эпоха, какъ извѣстно, позднѣйшая — стали употреблять первоначальный знакъ для іотированнаго, а вторую часть его писавшуюся иногда уже равномерно съ первой, для неіотированнаго. Подобнаго не случилось съ ж и ѝ потому что разница между ними была рельефнѣе и для этихъ звуковъ съ самаго начала были установлены различныя начертанія.

Важнымъ доказательствомъ у Ягича является и приводимый примѣръ слова анѣль (Син. Пс.), гдѣ вмѣсто н является 2-я часть начертанія іа или позднѣйшее а. Характерныя наблюденія, отчасти подтверждающія данное мнѣніе, приводятся у Вондрака — Клоц. Сб. Во 2-й части а даннаго памятника наблюдается начертаніе особенно похожее на глаг. н (1 сним., 7 строка, 15 стр. и пр., Вондракъ, 29). Противъ этихъ данныхъ, какъ и противъ отраженія во второй части данныхъ начертаній глагол. н возражалъ Облакъ. Такъ относительно закругленій наверху въ указыв. Вондракомъ примѣрахъ Облакъ выражается какъ о происшедшихъ случайно, т. к. закругленія не были свойственны 2-й части начертанія (Arch. 15, рец. на изд. Клоц. Сб.). Конечно, отраженіе Облака существенно, но не надо забывать, что н здѣсь являлось какъ добавочная часть, что она т. обр. могла измѣнить нѣсколько свой характеръ, какъ измѣнялась 2-я часть въ оу. Кроме того, можетъ быть, здѣсь отразилось болѣе первичное начертаніе, взятое изъ греч. графики, гдѣ въ у также не было вверху округленія. Для подтвержденія мнѣнія ак. Ягича мы могли бы привести съ своей стороны, еще слѣдующее. Въ Клоц. Сб. мы наблюдаемъ, что н

пишется съ предыдущей буквой нѣсколько сливаясь. Это мы замѣчаемъ даже тогда, когда н начинается другое слово, напр.: свѣшта ношахъ (1 сн. 9 стрк.)

и того не можахъ (1 сн. 5 стрк.)

и тако его не обрѣтахъ (ibid., 9 стрк.).

Во 2-хъ послѣднихъ случаяхъ о + н является какъ бы первой стадіей въ образованіи ж. На это соединеніе очень похоже ж въ Маріинскомъ Ев. — бждеть (2 стр., 8 стрк. литогр. изд.), гдѣ о и н соединенны двумя продольными чертами. какъ и въ указанныхъ сочет. Клоц. Сб. Правда, начертанія эти сравнительно уже позднія, они носятъ характеръ извѣстной случайности, но существованіе ихъ можетъ наталкивать на мысль о подобномъ же въ графич. отношеніи происхожденіи начертаній носовыхъ гласныхъ.

Такимъ образомъ есть нѣкоторыя данныя, на основаніи которыхъ можно придерживаться мнѣнія ак. Ягича о составѣ этихъ начертаній е, о + ѷ или, можетъ, глагол. е, о + начертаніе глаголич. н ¹⁾.

Ютирован. ж возбуждалъ и возбуждаетъ своимъ начертаніемъ недоумѣнія ученыхъ. Шафарикъ обращалъ вниманіе на сходство 1-ой части начертанія этой буквы съ глаголич. е,

1) Отмѣтимъ здѣсь любопытные взгляды, высказанные относительно возникновенія кирилловскихъ носовыхъ гласныхъ изъ глаголическихъ. Такъ, напр., совершенно независимо другъ отъ друга Гаферкорнъ (Arch. V), Ходзько (въ своей грам. ц. сл. яз.) и Миллеръ Фр. (Arch. 96, 19 стр.) говорятъ, что кирилл. носов. представляютъ перевернутыя начертанія глаголическія. Дѣйствительно, если мы возьмемъ кирилловское начертаніе такое, напр., какое попадаетъ въ надписи Самуила ж и измѣнимъ его направленіе, то получится начертаніе, похожее на глаголич. начертаніе носового гласнаго, но только А. Для того же, чтобы изъ глаголич. ж получить кирилловское, нужно 1-ю фигуру перевернуть и затѣмъ все же довольно сильно измѣнить. Для насъ важно отмѣтить при сравненіи глагол. и кирилл. носов. гласныхъ, что параллельно одному глаголическому начертанію малаго юса (а позже двумъ начертаніямъ, вышедшимъ изъ одного), въ кирилловскихъ памятникахъ мы видимъ употребленіе разныхъ начертаній и при томъ употребленіе неодинаковое. Здѣсь чувствуется какая то на первыхъ порахъ неустановленность. Стоитъ сравнить въ этомъ случаѣ Хилендарскіе Листки и Супрасльскую рукопись, затѣмъ оба памятника эти съ Македонскимъ Листкомъ. Здѣсь, намъ кажется, отчасти происходитъ то же, что и съ ютированными е, при употребленіи котораго въ кирилловскихъ памятникахъ, иногда въ одномъ и томъ же памятникѣ, мы замѣчаемъ несходство.

но, конечно, подобная аналогія ничего не объясняла (Památku, p. 15). Гейтлеръ въ 1-й части начертанія **ж** видѣлъ албанское **n**, противъ чего совершенно справедливо возражалъ ак. Ягичъ (144). Самъ Ягичъ въ приложъ къ изд. Маріинск. Ев. замѣчалъ, что эта 1-я часть для него неясна, въ цитируемой часто нами статьѣ выразился. что „желательно бы видѣть въ немъ выраженіе звука **io** или **jo**“. „Хотя я, замѣчаетъ дальше Яг., не умѣю удовлетворительно объяснить происхожденіе буквы **ж**, все же не стѣснюсь назвать неосновательнымъ увлеченіемъ относительно первой половины ея рисунка отзывъ автора (т. е. Гейтлера)“ . . . (147). Намъ кажется, что можно вывести начертаніе глаголич. **ж** изъ лигатуры **і + ж** (см. ф. 40). Если мы представимъ себѣ **і**, слитымъ верхушкой съ **о**, то и получимъ начертаніе очень близкое къ начертанію **ж**.

Въ К. Л. мы не наблюдаемъ разрисованныхъ буквъ. Въ этомъ отношеніи нашъ памятникъ отличается замѣчательной простотой. Въ другихъ памятникахъ мы находимъ эту разрисовку. Такъ въ Ассем. Ев. буквы довольно часто разрисованы, въ кружкахъ ихъ довольно искусно бываетъ нарисованы лица, или выведены съ замѣчательной правильностью концентрическіе круги. Разрисовку мы видимъ и въ Пражск. Отр. Син. Тр., Син. Пс. Охр. Ев. и даже въ Маріин. Ев., которое отличается сравнительной простотой, мы встрѣчаемъ въ заголовкахъ очень вычурныя разрисовки отдѣльныхъ буквъ. Правда, начатки только разрисовки мы можемъ, впрочемъ, отмѣтить въ К. Л., напр. въ буквѣ **п** на 2₁₂, затѣмъ въ другихъ большихъ вообще буквахъ, стоящихъ въ зачалахъ, обыкновенно писавшихся двойными чертами.

Отъ части важно для опредѣленія древности памятника и отсутствіе омеги. Это отсутствіе не говоритъ, конечно, всецѣло о томъ, что этого знака не знали, хотя отчасти и можетъ свидѣтельствовать, что въ первоначальной графикѣ употребленіе этого знака было рѣдкое. Могъ также не употребляться здѣсь съ этотъ знакъ, такъ какъ переводъ дѣлался съ

латинской рукописи. Какъ извѣстно, употребленіе этого начертанія развивалось особенно въ позднѣйшее время, въ древнѣйшихъ рукописяхъ омега встрѣчается сравнительно рѣдко. Такъ, напр., въ Маріинск. Ев. омега ставится особенно при восклицаніяхъ (Ср. Ягичъ, 422), при чемъ употребленіе этого начертанія рѣдко въ первонач. текстѣ памятника (Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ **o** (омикронъ) исправленъ на омегу въ позднѣйшее время, ср. Ягичъ, Приложение, *ibid.*). Отчасти, можетъ быть, о томъ же свидѣтельствуетъ и отсутствіе **щ**. Это начертаніе, какъ думаютъ, образовалось нѣсколько позже другихъ начертаній (Ср. Миклошичъ въ *Ersch. und Grub. Allg. Enc.*, 404, *Hattala Cäs. ö. M.* 58 г. I, 122—3). Числовое значеніе этой буквы первоначально, какъ предполагаютъ нѣкоторые, несла буква **ѣ** (*Берѣіе Вројна вriednost slava ѣ*, *Rad* 2, 185—191). Буквы **щ** нѣтъ, напр., въ Праж. Отр., Сборникѣ Клоца. Загадочно происхожденіе этого послѣдняго начертанія и врядъ ли можно согласиться, что это начертаніе составилось изъ соединенія начертаній **ш** + **т**. Здѣсь возникаетъ вопросъ, не было ли составлено это начертаніе по подобію коптскаго *scei* — *sc*, имѣющаго форму близкую къ глаголическому **щ** (ф. 41)¹).

Упомяну здѣсь вкратцѣ о томъ, что нѣкоторыя начертанія первой страницы К.Л., которую я не разбиралъ пока совершенно, свидѣтельствуютъ о сравнительно позднемъ своемъ происхожденіи. О позднемъ происхожденіи этой страницы свидѣтельствуетъ и орѳографія (особенно отсутствіе **ь**, употребленіе одного начертанія **и**, постановка позднѣйшаго начертанія юса малаго неіотированнаго въ качествѣ

1) Касаясь вопроса о происхожденіи глаголическихъ начертаній, я, какъ сказалъ, затрагивалъ лишь главн. обр. взгляды, пользующіеся особеннымъ распространеніемъ. Я не касался поэтому совершенно тѣхъ теорій, которыя были высказаны въ новѣйшее сравнительно время Gaster'омъ (*Uchester lectures on grecko-slavonic literature . . . Z.*, 87) о грузинскомъ и армянскомъ происхожденіи глаголич. азб. и Абихтомъ о происх. грузин. этой азбуки. Несостоятельность предположеній

юса малаго іотированнаго и неіотированнаго) и, какъ увидимъ дальше, языкъ. Характерны здѣсь начертанія слѣдующихъ буквъ. **Ъ** уже рѣзко отличается отъ **о** не только тѣмъ что имѣеть добавочную черточку, но и основной своей фигурой, болѣе напоминающей одно изъ начертаній **и** (ф. 42). **ж** и **ѣ** представляются нѣсколько упрощенными: между двумя частями этихъ начертаній нѣтъ связующихъ кружочковъ (ф. 43). Мнѣ кажется путь упрощенія въ **ж** почти такой же, какъ въ единственномъ остаткѣ **ia** въ Вѣнскихъ Листкахъ. имѣющ. форму **ж** съ едва замѣтными утолщеніемъ посрединѣ напоминающемъ кружокъ (я несогласенъ съ ак. Ягичемъ, по мнѣнію котораго этотъ знакъ въ В. Отр. обозначаетъ двойное **е**). Болѣе позднее здѣсь и начертаніе **оу**, которое является слившимся. Повидимому, глухой остатокъ старѣйшихъ написаній сказался въ написаніи **ш**, нѣсколько меньшемъ другихъ буквъ.

Итакъ, къ какимъ же результатамъ приводятъ насъ наблюденія надъ буквенными начертаніями К. Л. и другихъ древнѣйш. глаг. памятниковъ?

Кромѣ частныхъ замѣчаній, наши общія заключенія сводятся къ слѣдующему.

1. Начертанія буквъ К. Л. въ большинствѣ являются древнѣйшими. Это своего рода глаголическій уставъ.

Абихта выказана Вондракомъ (Arch. 96 г. 18—19). Начертанія грузинской азбуки (см, напр. Грузинская Палеографія-Бакрадзе. Труды V арх. съѣзда) могутъ легко убѣдить въ несостоятельности теоріи о грузинскомъ происхожденіи глаголицы. Относительно происхожденія самихъ алфавитовъ - грузинскаго и армянскаго высказывались различные взгляды. Были догадки даже о греческомъ ихъ происхожденіи. Впрочемъ, въ новѣйшее время къ этимъ догадкамъ относятся отрицательно (См. Müller, Ueber den Ursprung der grusinischen Schrift. Sitzungsberichte der W. Ak. 98, т. 137.) Мюллеръ занимался вопросомъ здѣсь объ отношеніи главн. обр. двухъ грузинскихъ алфавитовъ — хуцури и мх едрули и ему, очевидно, не была извѣстна статья Окрочедалова, пришедшаго раньше его къ такимъ же выводамъ (въ Труд. V арх. съѣзда).

2. Начертанія б. К. Л. во многихъ случаяхъ древнѣе даже начертаній заголовочныхъ буквъ другихъ древнѣйш. гл. пам. Въ частности, даже такой памятникъ, какъ Зогр. Ев., въ своихъ заголовочныхъ буквахъ не обнаруживаетъ первоначальныхъ начертаній, а ихъ позднѣйшую форму.

3. Исходя изъ К. Л. въ связи съ другими древнѣйш. глаг. пам., можно начертать путь, по которому болѣе крупное, какъ бы уставное глаг. письмо переходило въ болѣе мелкое, полууставное.

4. Сдѣланныя наблюденія очень важны при опредѣленіи древности памятника. Букв. начертанія т. обр. подтверждаютъ то, что даютъ надстрочные значки.

5. Особенности буквен. начертаній К. Л. въ связи съ другими палеографическими данными памятника выдвигаютъ его въ особую палеографическую школу.

6. О древности памятника говоритъ и отсутствіе тѣхъ чертъ, которыя возникаютъ позднѣе, какъ, напр., вязи, апострофы, разрисовка отдѣльныхъ буквъ.

7. Сравнительная древность буквенныхъ начерт. К. Л. даетъ возможность найти скорѣе въ нѣкоторыхъ случаяхъ ихъ первоисточникъ.

8. То же можно сказать и относительно нѣкоторыхъ орфографическихъ приемовъ.

9. Въ глаголической азбукѣ ясно можно видѣть слѣды заимствованія гл. обр. изъ трехъ азбукъ греческой, латинской и еврейской. Могли быть сдѣланы заимствованія и изъ другихъ азбукъ, на что, повидимому, указываетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ обнаруживающееся сходство, хотя возможно также и то, что схожія начертанія могли имѣть общій источникъ въ одной изъ указанныхъ азбукъ. Теорія о происхожденіи глаголицы изъ греческаго курсивнаго письма должна быть признана совершенно несостоятельной, такъ какъ она должна прибѣгать къ разнымъ, черезчуръ искусственнымъ приемамъ. Понятно также, почему брались элементы изъ разныхъ азбукъ при составленіи глаголицы: во первыхъ, въ греч. азб. не хватало начертаній для передачи нѣкот. звуковъ слав. рѣчи и во вторыхъ — нѣкоторыя буквенныя начертанія по выражаемымъ звукамъ могли не вполне соответствовать славянскимъ. Здѣсь могло, конечно, играть роль и желаніе обособить создаваемую азбуку отъ другихъ, дать славянамъ азбуку „новую“. Дѣло созданія этой „новой“

азбуки представляется т. обр. носящимъ слѣды и извѣстнаго личнаго творчества, но не образовавшимся путемъ какого то механическаго движенія, какъ то проводится въ ранѣе указанной теоріи. Потому естественно, что источники нѣкоторыхъ глаг. буквъ остаются до сихъ поръ совершенно неясными. Добавимъ также, что теорія о греч. происх. глаголицы противорѣчитъ и другими соображеніямъ. Говоря о постепенности образованія глагол. азбуки, какъ мы должны представить себѣ образованіе и ходъ глагол. письменности? Мы должны бы тогда предположить о долгой исторіи этого образованія и слишкомъ невидная роль выпала бы на долю окончательн. устроителя алфавита.

10. Въ системѣ глаголич. графики, въ нѣкоторыхъ ея приѣмахъ мы видимъ извѣстное доказательство сравнительной древности глаголицы предъ кириллицей. Во всякомъ случаѣ, съ полнымъ правомъ можно утверждать, что въ кирилловской письменности нѣтъ ни одного памятника съ такими древними палеографическими данными, какъ К. Л.

Намъ кажется, что палеографич. наблюденія надъ букв. начертаніями и надстрочными знаками К. Л. даютъ намъ возможность признать въ разсматриваемой рукописи не копію съ древнѣйшаго оригинала, какъ думаютъ, а подлинникъ. Трудно объяснить въ иномъ случаѣ отношеніе переписчиковъ къ оригиналу. Вся та разница, которую мы наблюдали можетъ быть объяснена именно тѣмъ, что предъ писавшими не было одного общаго источника, который наложилъ бы общую печать на ихъ трудъ.

А это заключеніе ведетъ къ другому, также очень важному. Если К. Л. - подлинникъ, то возникновеніе этого памятника нельзя относить во времени св. Кирилла и Меодія; памятникъ возникъ позже, хотя онъ и древнѣе всѣхъ остальныхъ извѣстныхъ древне-церк.-слав. памятниковъ.

Заканчивая первые два выпуска своей работы о К. Л., я долженъ напомнить, что нѣкоторые вопросы, затрагиваемые мной, являются совершенно неизслѣдованными. Мнѣ впервые пришлось затронуть ихъ и немудрено, если въ работѣ моей найдется иногда и несовѣтъ вѣрное освѣщеніе и не вполне убѣдительные доводы. Мнѣ уже приходилось въ личной бесѣдѣ сталкиваться и съ несогласіемъ и съ совершенно иными взглядами. Первый выпускъ работы мнѣ приходилось еще до печатанія читать въ извлеченіи въ Слав. семинаріи при Вѣнскомъ университетѣ и ак. Ягичъ особенно не соглашался съ моимъ указаніемъ на источникъ полукруглаго значка, обращеннаго вверхъ; присутствовавш. тамъ же проф. Рѣшетаръ высказалъ свое совершенное несогласіе относительно значка надъ ѣ въ род. п. мн. ч. какъ долготы. Тѣ же мысли были высказаны мнѣ въ частной бесѣдѣ и ак. Фортунатовымъ. Важно также то, что кромѣ чисто отрицательнаго отношенія къ нѣкоторымъ пунктамъ моей работы, ак. Фортунатовъ высказалъ мнѣ собственныя гипотезы по тѣмъ же вопросамъ: но его мнѣнію, значки К. Л., разсматриваемые мной какъ ударенія (и долготы, обнар. вмѣсто удар.), ничто иное, какъ нотныя значки, а затѣмъ, что источникъ большинства глаг. буквъ находится въ коптской азбуцѣ.

Нѣкоторое внѣшнее сходство нотныхъ значковъ съ знач. К. Л. заставило меня еще раньше говорить о невозможности приравнивать ихъ въ этомъ случаѣ къ разбираем. памятнику. Теперь же я долженъ снова подчеркнуть свои высказанныя раньше мысли относительно этого, т. к. и по

пріемамъ употребленія и даже по начертаніямъ нотные значки расходятся съ тѣмъ, что мы находимъ въ К. Л. Пользуясь случаемъ, я упомяну здѣсь объ отрывкѣ одной греч. рукописи, по характеру письма 8—9 вв., (нах. въ Им. Публ. Биб. въ Петерб., № 32), слѣдовательно, подходящей нѣсколько ко времени К. Л. Здѣсь нотные значки ставятся наряду съ удареніями, ставятся они надъ согласными. Въ этой рукописи, какъ и въ другихъ вообще, мы не замѣтимъ приемовъ обозначенія только извѣстныхъ словъ на извѣстныхъ словахъ, какъ то въ К. Л. Мы замѣчаемъ даже разницу въ формѣ значковъ остраго ударенія и одного изъ нотныхъ, — нотный съ небольшимъ утолщеніемъ.

Приведу для примѣра нѣсколько случаевъ постановки нотныхъ значковъ и удареній, передавая маюскульные начертанія минускульными: τὸν, τὸν, τὸν¹⁾), κάτα, κ²⁾αι¹⁾), τῆς, τελείων, ἡγάρα¹⁾), δαχ³⁾η⁴⁾ς¹⁾), β⁵⁾ασιλειαν¹⁾), χρηστότης¹⁾). μ⁶⁾όνον¹⁾), ἔ⁷⁾ν¹⁾). Правда, нотные значки, повидимому здѣсь разставлены, позже, но важна именно система ихъ разстановки. Подобную же систему мы замѣчаемъ и въ другихъ греч. рук., напр., въ греч. отрывкахъ апостольск. посл. 8—9, наход. также въ Им. П. Б. и др. Отмѣчу также здѣсь одно мѣсто изъ Маріин. Ев. съ постановкой нотныхъ значковъ (что почему то, къ сожалѣнію, упущено при изданіи памятника Ягичемъ) — 41 л. об. (изъ Матѳ. 27₅₄): стрѣг"жште" иса". ви"дѣ"в"ъше трѣсь и бывшаа" о"уб"офвш'а с'а з'ѣл"о глжщ"е. вѣи"ст'ин"ж бжи"и сн"ъ с"ъ бѣ"²⁾).

Отмѣчу здѣсь, что ак. Соболевскій въ недавно вышедшемъ 3-мъ изданіи своихъ „Лекцій по исторіи рус. яз.“, въ отдѣлѣ „Удареніе“, неразъ ссылается на данныя находящ. въ К. Л. Къ сожалѣнію только, ак. Соболевскій въ этомъ случаѣ, повидимому, воспользовался статьей г. Каринскаго (на кот. ссылается въ библиографіи), не провѣривъ нѣкоторыхъ его выводовъ.

1) Знаки стоятъ надъ буквами.

2) То же и здѣсь. Прошу исправить въ в. I (стр. 15) относительно придыханій: вм. тонкаго поставить густое и наоборотъ (сообразно указаніямъ прилож. къ I в. таблицѣ, ф. 3—5); въ поправкахъ (стр. 60) зачеркнуть сказанное объ исвѣстоуемъ.

Я не могу также согласиться съ мнѣніемъ ак. Фортунатова объ источникахъ глаг. азбуки. Мнѣ приходилось указывать на небольшое лишь сходство въ нѣкоторыхъ очень немногихъ случаяхъ начертаній коптскаго и глагол. алфавитовъ, при чемъ здѣсь я снова подчеркиваю, что сходство это незначительно и отчасти могло возникнуть въ силу общихъ источниковъ.

	Kievsk. A.	Зорян. Eb.	Map. Eb.	Accem. Eb.	Крoу. Сб.	Сур. Пс.	Сур. Мр.	Дур. Eb	Транс. Омф
1.	† † † † † † † †	† † †	† † †	† † †	† † †	† † †	† † †	† † †	† † †
2,3.	‡ ‡ ‡ ‡	‡ ‡ ‡	‡ ‡ ‡	‡ ‡ ‡	‡ ‡ ‡	‡ ‡ ‡	‡ ‡ ‡	‡ ‡ ‡	‡ ‡ ‡
4.	Ɔ Ɔ Ɔ Ɔ	Ɔ Ɔ	Ɔ Ɔ	Ɔ Ɔ	Ɔ Ɔ	Ɔ Ɔ	Ɔ Ɔ	Ɔ Ɔ	Ɔ Ɔ
5.	‰ ‰ ‰ ‰	‰ ‰	‰ ‰	‰ ‰	‰ ‰	‰ ‰	‰ ‰	‰ ‰	‰ ‰
6.	∂ ∂ ∂ ∂	∂ ∂	∂ ∂	∂ ∂	∂ ∂	∂ ∂	∂ ∂	∂ ∂	∂ ∂
8.	ƒ ƒ ƒ ƒ	ƒ ƒ †	ƒ ƒ †	ƒ ƒ †	ƒ ƒ †	ƒ ƒ †	ƒ ƒ †	ƒ ƒ †	ƒ ƒ †
9,10.	∫ ∫ ∫ ∫	∫ ∫	∫ ∫	∫ ∫	∫ ∫	∫ ∫	∫ ∫	∫ ∫	∫ ∫
11,12.	∫ ∫ ∫ ∫	∫ ∫	∫ ∫	∫ ∫	∫ ∫	∫ ∫	∫ ∫	∫ ∫	∫ ∫
13.	∫ ∫ ∫ ∫ ∫ ∫ ∫ ∫	∫ ∫ ∫ ∫	∫ ∫ ∫ ∫	∫ ∫ ∫ ∫	∫ ∫ ∫ ∫	∫ ∫ ∫ ∫	∫ ∫ ∫ ∫	∫ ∫ ∫ ∫	∫ ∫ ∫ ∫
14.	∫ ∫								
16.	∫ ∫ ∫ ∫								
17.	∫ ∫								
19.	∫ ∫ ∫								
20.	∫ ∫ ∫								
21.	∫ ∫ ∫ ∫ ∫ ∫								
22.	∫ ∫ ∫								
23.	∫ ∫ ∫								
24.	∫ ∫ ∫ ∫ ∫ ∫								
25,26.	∫ ∫ ∫ ∫ ∫ ∫								
28.	∫ ∫ ∫ ∫								
29.	∫ ∫ ∫								
30.	∫ ∫ ∫								
33.	∫ ∫								
34.	∫ ∫								
35.	∫								
36.	∫ ∫ ∫								
37.	∫ ∫								
38.	∫ ∫								
39.	∫ ∫ ∫ ∫ ∫ ∫								

40. ∫ ∫ 41. ∫ ∫ 42. ∫ ∫ 43. ∫ ∫ 15. ∫

∫ ∫ 18. ∫

∫ ∫ ∫ ∫ ∫ ∫ 7. ∫ ∫ 8. ∫ ∫ 8. ∫ ∫ 30. ∫ ∫

∫ ∫ ∫ ∫ ∫ ∫

Проф. М. Красноженъ,
докторъ церковнаго права.

ДОПОЛНЕНИЕ
КЪ
КРАТКОМУ ОЧЕРКУ
ЦЕРКОВНАГО ПРАВА.

Послѣ изданія мною въ 1900 году „Краткаго очерка церковнаго права“, имѣющаго цѣлью служить пособіемъ при изученіи этой науки, въ области церковнаго права, въ особенности въ дѣйствующемъ церковномъ законодательствѣ, произошли нѣкоторыя существенныя измѣненія.

Имѣя въ виду впослѣдствіи приступить къ полной переработкѣ моего „Краткаго очерка церковнаго права“, въ настоящее время, въ интересахъ моихъ слушателей, я считаю необходимымъ въ „Дополненіи“ къ нему указать наиболѣе важныя изъ этихъ измѣненій.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ „Дополненіи“ мною исправлены нѣкоторыя погрѣшности, вкравшіяся въ напечатанный мною „Краткій очеркъ церковнаго права“.

Юрьевъ, Лифлянд. 28 іюня 1904 г.

Проф. **М. Красноженъ.**

§ 6. Литература церковнаго права въ Россіи.

Къ стр. 14.

Изъ учебниковъ по церковному праву должно упомянуть еще о вышедшемъ въ 1902 году „Курсъ церковнаго права“ моего покойнаго учителя, заслуженнаго профессора Московскаго университета А. С. Павлова. Курсъ А. С. Павлова изданъ послѣ его смерти редакціею „Богословскаго Вѣстника“, подъ наблюденіемъ доцента Московской духовной академіи И. М. Громогласова. Въ основу этого изданія положены собственноручныя записки проф. Павлова. Курсъ А. С. Павлова, авторитетнѣйшаго изъ русскихъ канонистовъ, является цѣннымъ вкладомъ въ нашу литературу церковнаго права ¹⁾.

Къ стр. 15.

Изъ отдѣльныхъ монографій должны быть названы: Проф. А. Загоровскаго изслѣдованіе „О разводѣ по русскому праву“ (Харьковъ 1884). — Проф. М. Е. Красножена: „Иновѣрцы на Руси. Томъ I. Положеніе неправославныхъ христіанъ въ Россіи. (Къ вопросу о свободѣ вѣры и о вѣротерпимости).“ Изслѣдованіе проф. Красножена, доставившее

1) „Учебникъ церковнаго права“ профессора Московскаго университета Н. С. Суворова въ 1902 году вышелъ вторымъ переработаннымъ изданіемъ.

автору степень доктора церковнаго права, вышло уже третьимъ изданіемъ (Юрьевъ 1903).

§ 20. Краткій очеркъ отношеній между церковью и государствомъ.

Къ стр. 47.

Въ настоящее время эта борьба возгорѣлась въ очень рѣзкой формѣ во Франціи, при чемъ между французскимъ правительствомъ (съ министромъ-президентомъ Комбомъ во главѣ) и Ватиканомъ уже произошелъ разрывъ дипломатическихъ сношеній.

§ 46. Краткій историческій очеркъ положенія римско-католической церкви въ Россіи.

Къ стр. 95.

Прим. 2. вмѣсто словъ Уст. иностр. испов. ст. 47 прим. должно быть: Уст. иностр. испов. изд. 1896 г. ст. 17 (срав. стр. 47 и 52).

§ 47. Современное устройство римско-католической церкви въ Россіи ¹⁾.

Вмѣсто напечатаннаго на стр. 96 и 97 должно быть:

Въ Россійской Имперіи двѣнадцать епархій римско-католическаго исповѣданія: 1) архіепархія Могилевская, къ которой принадлежатъ римско-католическія церкви въ губерніи Могилевской и въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ, а также всѣ тѣ церкви, которыя не входятъ въ составъ прочихъ епархіальныхъ округовъ въ Имперіи; под-

1) Законы объ управленіи духовныхъ дѣлъ христіанъ римско-католическаго исповѣданія въ бывшемъ Царствѣ Польскомъ не внесены въ Сводъ Законовъ Имперіи.

вѣдомственныя ей епархіи: 2) Виленская, къ которой принадлежатъ римско-католическія церкви въ губерніяхъ Виленской и Гродненской; 3) Луцко-Житомирская — въ губерніяхъ Кіевской, Волынской и Подольской; 4) Тельшевская — въ губерніяхъ Ковенской и Курляндской; 5) Тираспольская — въ губерніяхъ Херсонской, Екатеринославской, Таврической, Саратовской, Астраханской и Бессарабской, а также въ Кавказскомъ краѣ; 6) архіепархія Варшавская и подвѣдомственныя ей епархіи: 7) Августовская (Сейнская); 8) Калишская; 9) Кѣлецкая; 10) Люблинская; 11) Плоцкая; 12) Сандомирская¹⁾. Духовная Коллегія въ С.-Петербургѣ состоитъ изъ предсѣдателя — архіепископа-митрополита могилевскаго, двухъ членовъ, которые назначаются одинъ изъ епископовъ, другой — изъ прелатовъ и засѣдателей, по одному отъ каждой епархіи²⁾.

Вмѣсто напечатанныхъ на стр. 97 въ примѣч. 3 словъ: Стт. 67, 68 должно быть: Стт. 71, 72.

Вмѣсто напечат. въ примѣч. 4: Ст. 21 должно быть: Ст. 27.

Къ стр. 98

Примѣч. 1: Ст. 60, 61 должно быть замѣнено: Стт. 26, 64, 65.

На той же страницѣ слова: Особенность римско-католической консисторіи состоитъ въ томъ, что должность членовъ ея прекращается каждый разъ со смертію или выbytіемъ управляющаго епархіей епископа или викарія; новый епископъ или временный его преемникъ, принимая управленіе епархіею, немедленно составляетъ консисторію вновь (всегда однако съ согласія правительства). Ст. 29 — **должны быть исключены.**

1) Уст. иност. испов. (Св. Зак. Т. XI ч. 1 изд. 1896 г.) стт. 16, 18, 19.

2) Стт. 27, 39.

	Вмѣсто:	ДОЛЖНО БЫТЬ:
На стр. 98 прим. 3	Ст. 63	Ст. 67.
прим. 4	Ст. 47	Ст. 52.
прим. 5	Стт. 15, 45, 75	Стт. 20, 21, 28, 41, 42, 50, 79.
На стр. 99 прим. 1	Стт. 78—80	Стт. 82—95.
прим. 2	Стт. 102—106	Стт. 109, 110.
§ 49. Современное устройство еван- гелическо - лютер. церкви въ Россіи.		
На стр. 102 прим. 2	Ст. 452 и слѣд.	Ст. 561 и слѣд.
На стр. 103 прим. 1	Стт. 433 и 434 (Продолж. 1 ч. XI т. Св. Зак. 1890 г.)	Уст. иностр. испов. (Св. Зак. Т. XI ч. 1 изд. 1896 г.) Стт. 543 и 544.
прим. 2	Т. XI ч. 1 ст. 435	Т. XI ч. 1 изд. 1896 г. Ст. 545.
прим. 3	Стт. 444 и 445	Стт. 553, 554.
На стр. 104 прим. 1	Ст. 418 (по про- долж. 1890 г.) и слѣд.	Т. XI ч. 1 изд. 1896 г. Ст. 528 и слѣд.
прим. 2	Ст. 582 и слѣд.	Ст. 691 и слѣд.
прим. 3	Стт. 401, 405, 623, 637, 624	Ст. 511 и сл., ст. 432 и сл., ст. 734 и сл., ст. 746 и сл., ст. 569.
На стр. 105 прим. 1	Стт. 269, 274, 278, 279, 284, 291—294	Ст. 387 и слѣд.
прим. 2	Стт. 657—667	Стт. 766—776.
§ 51. Современное устройство армя- но - грегорианской церкви въ Россіи.		
На стр. 108 прим. 1	Стт. 914—923	Стт. 1117—1127.
На стр. 110 прим. 1	Стт. 936—949	Стт. 1139—1152.
прим. 2	Стт. 958—979	Стт. 1161—1182.
прим. 3	Стт. 980, 986	Стт. 1183, 1189.
На стр. 111 прим. 1	Стт. 1002 (про- долж. 1890 г.), 1003, 1005	Стт. 1206, 1207 и 1209.

Къ стр. 111.

Вмѣсто словъ: Общій надзоръ за порядкомъ управленія духовными имуществами принадлежитъ Свноду, а въ каждой епархіи ея архіерею — **должно быть**: На основаніи Высочайше утвержденного 12 іюня 1903 года положенія Комитета Министровъ, сохраняющаго за армяно-грегоріанскою церковью право собственности на принадлежащія ей имущества, управленіе имуществами армяно-грегоріанской церкви сосредоточено въ вѣдѣніи правительственныхъ учреждений, т. е. передано въ вѣдѣніе гражданской власти, а именно, всѣ принадлежащія армяно-грегоріанскимъ церквамъ, монастырямъ, духовнымъ установленіямъ и духовно-учебнымъ заведеніямъ недвижимыя имущества переданы въ завѣдываніе Министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ, а принадлежащія означеннымъ учреждениямъ капиталы — въ завѣдываніе Министра внутреннихъ дѣлъ.

На той же стр.

Примѣч. 2: Стт. 1021, 1024, 1026, 1028, 1031 должно **быть замѣчено** такъ: Стт. 1225, 1227, 1229, 1232.

§ 60. Форма заключенія брака.**На стр. 141.**

Вмѣсто словъ: дѣйствующимъ указомъ 5 августа 1755 г., **должно быть**: дѣйствующимъ указомъ 5 августа 1775 года.

Къ стр. 146.

Слова: Въ случаѣ развода по прелюбодѣянію, виновное лицо осуждается на всегдашнее безбрачіе и, кромѣ того, подвергается епитиміи по церковнымъ правиламъ — **должно быть исключены.**

Къ стр. 147 должно быть прибавлено:

Если будетъ доказана неспособность отвѣтствующаго лица къ брачному сожитію, или нарушеніе имъ святости брака прелюбодѣяніемъ, то бракъ расторгается и истцу,

бывшему въ первомъ или второмъ бракѣ, предоставляется право вступить въ новый бракъ, а лицо отвѣтствовавшее, признанное неспособнымъ къ брачному сожитію, осуждается на всегдашнее безбрачіе; отвѣтчику же по иску о нарушеніи святости брака прелюбодѣянiемъ, если онъ былъ въ первомъ или второмъ бракѣ, также предоставляется право вступить въ новый бракъ, при чемъ, прежде вступленія въ новое супружество, онъ подвергается, соотвѣтственно степени виновности и раскаянія, церковной епитиміи по усмотрѣнію духовнаго суда, согласно церковнымъ правиламъ. Въ случаѣ же нарушенія прелюбодѣянiемъ святости и новаго брака, вторично виновный въ семъ супругъ осуждается на всегдашнее безбрачіе и подвергается церковной епитиміи. (Опредѣленіе Св. Синода отъ 18—30 апрѣля 1904 г. за № 1599, Высочайше утвержденное 28 мая 1904 г.).

Проектъ новаго Гражданскаго Уложенія о разводѣ.

§ 61. Прекращеніе брака.

Къ стр. 147.

Таковымъ представляется дѣйствующее законодательство о разводѣ въ Россіи, которое скоро должно будетъ уступить мѣсто новому законодательству о разводѣ. Надъ этимъ новымъ законодательствомъ нѣсколько лѣтъ работала Высочайше учрежденная редакціонная коммиссія по составленію новаго Гражданскаго Уложенія, проектъ котораго недавно напечатанъ, такъ что намъ приходится быть, такъ сказать, свидѣтелями реформы нашего бракоразводнаго права; нельзя поэтому не указать, хотя въ самыхъ краткихъ чертахъ, на особенности новаго Гражданскаго Уложенія о разводѣ.

Характерными особенностями новаго Гражданскаго Уложенія о разводѣ являются:

1. Увеличеніе числа поводовъ къ разводу, а именно, къ прежнимъ четыремъ поводамъ къ разводу для лицъ православнаго исповѣданія — прелюбодѣянiю, неспособности

къ брачному сожитію, безвѣстному отсутствію одного изъ супруговъ и присужденію одного изъ супруговъ къ наказанію соединенному съ лишеніемъ правъ состоянія, проектъ Гражданскаго Уложенія прибавляетъ пятый поводъ къ разводу — посягательство одного супруга на жизнь другого или жестокое, опасное для жизни, здоровья, обращеніе одного супруга съ другимъ, если виновность супруга-отвѣтчика признана вошедшимъ въ законную силу приговоромъ уголовного суда (ст. 172).

2. Характерною особенностью проекта новаго Гражданскаго Уложенія является введеніе неизвѣстнаго у насъ до сихъ поръ для лицъ православнаго исповѣданія раздѣльнаго жительства или разлученія супруговъ, по просьбѣ одного изъ нихъ, даже безъ согласія другого, и при томъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, а именно, если совмѣстная супружеская жизнь представляется для просителя невыносимою вслѣдствіе жестокаго съ нимъ или дѣтьми обращенія другого супруга, нанесенія тяжкихъ оскорбленій, прилипчивой болѣзни другого супруга, развратной или позорной его жизни, постоянного пьянства или безразсуднаго и разорительнаго для семьи мотовства, а равно въ случаѣ такой болѣзни жены, при которой продолженіе супружескаго сожитія представляется опаснымъ для ея жизни или здоровья (ст. 141). Раздѣльное жительство супруговъ можетъ быть разрѣшено вслѣдствіе злонамѣреннаго оставленія просителя другимъ супругомъ, если оно продолжалось не менѣе года и если супружеская жизнь не была восстановлена по винѣ отвѣтчика въ теченіе трехъ мѣсяцевъ послѣ обращенія къ нему просителемъ требованія о восстановленіи совмѣстной жизни (ст. 142). Далѣе, женѣ, по ея ходатайству, можетъ быть разрѣшено отдѣльное жительство отъ мужа, когда онъ не имѣетъ осѣдлости, отказываетъ просительницѣ и дѣтямъ въ необходимомъ содержаніи или, при недостаточности доставляемыхъ имъ средствъ, препятствуетъ

женѣ снискивать средства къ жизни собственнымъ трудомъ (ст. 143).

Раздѣльное жительство супруговъ разрѣшается на срокъ отъ одного года до трехъ лѣтъ или на неопредѣленное время. Назначенный срокъ можетъ быть въ послѣдствіи продолженъ вновь до трехъ лѣтъ или замѣненъ разрѣшеніемъ раздѣльнаго жительства на неопредѣленное время (ст. 144). Отъ соглашенія супруговъ зависитъ опредѣлить, у кого изъ нихъ, въ случаѣ разрѣшенія имъ раздѣльнаго жительства, должны оставаться несовершеннолѣтнія дѣти. При отсутствіи такого соглашенія, сыновья остаются у отца, дочери у матери. Невиновный супругъ въ правѣ требовать оставленія у него всѣхъ дѣтей (ст. 148).

3. Характерною особенностью новаго Гражданскаго Уложенія о разводѣ является та черта, что въ то время какъ, по нынѣ дѣйствующимъ законамъ, „всѣ дѣла, объ удостовѣреніи событія браковъ, о признаніи ихъ законными или незаконными и о расторженіи браковъ“ подлежатъ вѣдомству судовъ духовныхъ, по проекту новаго Гражданскаго Уложенія, рѣшающее значеніе въ дѣлахъ о разводѣ пріобрѣтаетъ судъ свѣтскій, такъ какъ онъ рассматриваетъ дѣло по существу и предоставляетъ суду духовному, такъ сказать, второстепенную, исполнительную роль — дѣлать распоряженіе о расторженіи брака на основаніи его рѣшенія, т. е. рѣшенія гражданскаго суда. Что же касается раздѣльнаго жительства или разлученія супруговъ, то, по проекту Гражданскаго Уложенія, эти дѣла всецѣло подчинены вѣдѣнію свѣтскаго суда, именно рассматриваются въ окружныхъ судахъ, въ качествѣ первой инстанціи.

Не входя въ подробное критическое разсмотрѣніе этихъ новыхъ законоположеній о разводѣ, еще ожидающихъ утвержденія компетентной власти, замѣтимъ лишь, что мы не являемся сторонниками столь широко намѣчаемаго новымъ

Гражданскимъ Уложеніемъ раздѣльнаго жительства или разлученія супруговъ — этой какой-то средней, недоконченной мѣры, когда брачныя узы остаются неразорванными, хотя супруги (даже противъ воли одного изъ нихъ) раздѣлены другъ отъ друга. Но нашему мнѣнію, это значитъ остановиться на половинѣ дороги, закрывая глаза на то, что тягость всетаки остается тягостью. Едва-ли также эта мѣра, при которой не тронута лишь форма брака, тогда какъ уничтожена его сущность, будетъ „содѣйствовать защитѣ святости брака и охранѣ его существа“, какъ утверждаетъ Коммиссія¹⁾.

§ 63. Субъекты и объекты имущественнаго права церкви.

Къ стр. 149.

Примѣч. 3: Въмѣсто: Т. X. ч. I, стт. 413, 698, 985. Т. IX. стт. 386, 398, 401 **должно быть:** Т. X. ч. I, стт. 413, 698, 985. Т. IX, стт. 432, 435, 443.

§ 64. Приобрѣтеніе церковнаго имущества.

Къ стр. 150.

Примѣч. 1: Въмѣсто: Т. X. зак. меж. ч. 3, стт. 458, 462 и прим. къ ней — **должно быть:** Т. IX изд. 1899 г. зак. о сост. стт. 432, 445, 447.

§ 66. Пользованіе, распоряженіе и отчужденіе церковнаго имущества.

Къ стр. 153.

Примѣч. 1. Въмѣсто: Уст. Дух. Конс. стт. 106, 126, 137. Т. X, ч. 1, стт. 1711, 1712. Т. IX, ст. 384 **должно**

¹⁾ Проектъ Гражданскаго Уложенія. Книга вторая. Семейственное право. СПб. 1902, стр. 233.

БЫТЬ: Уст. Дух. Конс. стт. 106, 126, 137. Т. X, ч. 1, ст. 1711. Т. IX, стт. 433, 437.

§ 67. Управление церковнымъ имуществомъ.

Къ стр. 154.

Примѣч. 1. Вмѣсто: Т. IX, ст. 400 п. 2 должно **БЫТЬ:** Т. IX изд. 1899 г. ст. 447.

§ 68. Метрическія книги.

Къ стр. 155.

Примѣч. 1. Вмѣсто: Т. IX. ст. 1032. п. 1 должно **БЫТЬ:** Т. IX. изд. 1899 г. ст. 858, 859.

Примѣч. 2. Вмѣсто: Т. IX. ст. 1047—1051. Уст. Дух. Конс. стт. 270—274 должно **БЫТЬ:** Т. IX. изд. 1899 г. стт. 860—870. Уст. Дух. Конс. стт. 270—274.

Въ законѣ 14 Марта 1881 года (вошедшемъ въ качествѣ приложения къ ст. 1 Уст. о пред. и прес. прест.) собраны всѣ полномочія, какими облакается администрація въ исключительныхъ случаяхъ, дабы оградить населеніе отъ произвола администраціи, а послѣднюю — отъ напрасныхъ нареканій въ превышеніи власти.

Положеніе объ усиленной охранѣ вводится, когда общественное спокойствіе въ какой-либо мѣстности будетъ нарушено преступными посягательствами противъ существующаго государственнаго строя или безопасности частныхъ лицъ и ихъ имуществъ, такъ что для охраненія порядка примѣненіе дѣйствующихъ постоянныхъ законовъ окажется недостаточнымъ. Положеніе о чрезвычайной охранѣ вводится въ томъ случаѣ, когда населеніе извѣстной мѣстности будетъ приведено въ тревожное состояніе, вызывающее необходимость принятія исключительныхъ мѣръ.

Право первоначальнаго объявленія какой-либо мѣстности въ положеніи усиленной охраны принадлежитъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ, а въ мѣстностяхъ подвѣдомственныхъ Генераль-губернаторамъ — симъ послѣднимъ, съ утвержденія Министра В. Д. При объявленіи положенія усиленной охраны Министръ Внутреннихъ Дѣлъ немедленно доноситъ Правительствующему Сенату для распубликованія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, представляетъ о принятой мѣрѣ и о поводахъ къ ней на Высочайшее благоусмотрѣніе чрезъ Комитетъ Министровъ.

Положеніе чрезвычайной охраны вводится не иначе, какъ Высочайше утвержденнымъ положеніемъ Комитета Министровъ.

Положеніе объ усиленной охранѣ вводится на одинъ годъ, положеніе чрезвычайной охраны — на шесть мѣсяцевъ, причемъ для продленія сихъ мѣръ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ входитъ съ представленіемъ въ Комитетъ Министровъ.

Въ мѣстностяхъ, объявленныхъ въ положеніи усиленной охраны, права и обязанности по охраненію государственнаго порядка и общественной безопасности возлагается на Генераль-губернаторовъ, какъ постоянныхъ, такъ и временныхъ, въ сіи мѣстности назначенныхъ, а въ губерніяхъ имъ не подвѣдомственныхъ — на губернаторовъ и градоначальниковъ. Въ предѣлахъ этихъ мѣстностей упомянутыя лица могутъ: 1) издавать обязательныя постановленія по предме-

тамъ, относящимся къ предупрежденію нарушенія общественнаго порядка и государственной безопасности (сюда относятся, напр., обязанности владѣльцевъ недвижимости относительно способовъ охраненія, надзора и т. п.) съ правомъ налагать за нарушеніе такихъ обязательныхъ постановленій взысканія, не превышающія 3-хъ мѣсячнаго ареста или денежнаго штрафа въ 500 руб., назначаемыя въ административномъ, а не судебномъ порядкѣ;

2) воспрещать всякія народныя, общественныя и даже частныя собранія;

3) дѣлать распоряженія о закрытіи всѣхъ вообще торговыхъ и промышленныхъ заведеній;

4) воспрещать отдѣльнымъ личностямъ пребываніе въ мѣстностяхъ, объявленныхъ въ положеніи усиленной охраны.

Эта административная высылка можетъ быть двухъ родовъ: 1) высылка за предѣлы мѣста охраны и 2) высылка на родину съ обязательствомъ безотлучнаго тамъ пребыванія, определяемая по сношенію съ Министромъ Вн. Д. Отъ Генераль-губернаторовъ, а въ губерніяхъ имъ неподчиненныхъ — отъ Министра Внутр. Дѣлъ зависитъ: 1) передавать на разсмотрѣніе военнаго суда для сужденія по законамъ военнаго времени отдѣльныя дѣла о преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ общими уголовными законами; 2) требовать разсмотрѣнія при закрытыхъ дверяхъ всѣхъ дѣлъ, публичное разсмотрѣніе коихъ можетъ послужить поводомъ къ возбужденію умовъ и нарушенію порядка.

Мѣстнымъ начальникамъ полиціи, а также начальникамъ жандармскихъ управленій и ихъ помощникамъ предоставляется дѣлать распоряженія: 1) о предварительномъ задержаніи, не долге однако двухъ недѣль, всѣхъ лицъ, внушающихъ основательное подозрѣніе въ совершеніи государственныхъ преступленій или въ прикосновенности къ нимъ, а равно въ принадлежности къ противозаконнымъ сообществамъ;

2) о производствѣ во всякое время обысковъ во всѣхъ безъ исключенія помѣщеніяхъ, фабрикахъ, заводахъ и т. п., и о наложеніи ареста, впредь до распоряженія подлежащаго начальства, на всякаго рода имущество, указывающее на преступность дѣйствій или намѣреній заподозрѣннаго лица.

Всѣ постановленія объ усиленной охранѣ сохраняютъ свою силу и при охранѣ чрезвычайной, поскольку они не измѣняются еще спеціальными правилами.

Въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на положеніи чрезвычайной охраны, Генераль-губернаторамъ присвоиваются права Главноначальствующихъ, а въ случаѣ надобности, по особымъ каждый разъ Высочайше утвержденнымъ положеніямъ Комитета Министровъ, и права Главнокомандующихъ арміею въ военное время. Въ мѣстностяхъ не подчиненныхъ Генераль-губернаторамъ Высочайшею властью указывается особое лице, на которое возлагаются права Главноначальствующаго. Главноначальствующему сверхъ полномочій, указанныхъ въ положеніи усиленной охраны, предоставляется: 1) право подчинять нѣкоторыя изъ мѣстностей особо назначеннымъ лицамъ и передавать имъ не только гражданское управленіе, но и командованіе войсками, если упомянутыя лица принадлежатъ къ военному званію; 2) право учреждать особыя военно-полицейскія команды въ помощь существующимъ органамъ полиціи; 3) право изыятія изъ общей подсудности дѣлъ объ извѣстнаго рода преступленіяхъ и проступкахъ съ передачею ихъ военнымъ судамъ; 4) право налагать секвестръ на недвижимыя и арестъ на движимыя имущества; 5) право подвергать въ административномъ порядкѣ лицъ аресту, или заключенію въ тюрьмѣ или крѣпости на три мѣсяца или денежному штрафу до 3000 рублей за нарушеніе обязательныхъ постановленій; 6) право устранять отъ должности, на срокъ чрезвычайной охраны, чиновниковъ всѣхъ вѣдомствъ, а также лицъ, служащихъ по выборамъ въ сословныхъ, городскихъ и земскихъ учрежденіяхъ, за исключеніемъ лицъ, занимающихъ должности первыхъ трехъ классовъ; 7) право разрѣшать экстренныя, пріостанавливать и закрывать очередныя собранія сословныхъ и земскихъ учрежденій и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ опредѣлять вопросы, подлежащіе устраненію изъ обсуждения означенныхъ собраній; 8) право пріостанавливать періодическія изданія; 9) право закрывать учебныя заведенія на срокъ не долѣе одного мѣсяца. О причинахъ принятія этой мѣры Главноначальствующій сообщаетъ начальству учебнаго заведенія, а также Министру Внутр. Дѣлъ (Св. Зак. Т. XIV. Уст. о пред. и прес. прест., ст. 26 приложенія 1 къ ст. 1).

Нужно обратить вниманіе и на правила для мѣстностей, соприкасающихся съ объявленными въ исключительномъ положеніи. Такъ какъ можетъ быть начата агитація въ пограничныхъ мѣстностяхъ, то начальникамъ полицій и жандармскихъ

управлений смежных губерний предоставляется: подвергать подозрительных лиц предварительному аресту на срок не болѣе 7 дней и производить у такихъ лицъ обыски и выемки.

Административная высылка обыкновенно связывается съ полицейскимъ надзоромъ, учреждаемымъ надъ лицами водворенными на жительство въ опредѣленную мѣстность. Различаютъ гласный и негласный полицейскій надзоръ. Послѣдній не нормируется никакимъ закономъ и зависитъ отъ дискреціонной власти администраціи. Гласный надзоръ регламентированъ закономъ 12 Марта 1882 г., вошедшимъ въ уставъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій въ качествѣ приложения II къ статьѣ I-ой означеннаго устава.

Мѣстная власть, убѣдившись въ необходимости за даннымъ лицомъ наблюденія, доноситъ объ этомъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ. Представленіе это разсматривается въ особомъ совѣщаніи, образуемомъ при Министрѣ Внутр. Дѣлъ подъ предсѣдательствомъ Товарища министра, завѣдывающаго полиціей, двухъ членовъ отъ Министерства Юстиціи и двухъ — отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Постановленіе этого совѣщанія представляются на утвержденіе Министра Внутр. Дѣлъ. Срокъ полицейскаго надзора опредѣляется особо каждый разъ, но не можетъ превышать 5 лѣтъ. Отъ поднадзорнаго отбираются документы о его званіи и дается взамѣнъ свидѣтельство на проживаніе въ назначенной ему мѣстности; на каждую отлучку поднадзорный обязанъ испрашивать разрѣшеніе — въ уѣздѣ отъ исправника, въ губерніи — отъ губернатора, за черту губерніи — отъ министра. Мѣстная полиція имѣетъ право производить у поднадзорныхъ обыски и выемки, составляя объ этомъ протоколъ.

Вся сфера дѣятельности поднадзорнаго сильно ограничена; такъ напр., ему запрещается: состоять на государственной или общественной службѣ, быть учредителемъ, предсѣдателемъ или членомъ частныхъ компаній или обществъ, заниматься педагогической дѣятельностью, принимать къ себѣ учениковъ для обученія искусствамъ и ремесламъ, чтеніе публичныхъ лекцій, вообще всякаго рода публичная дѣятельность, содержаніе типографій, фотографій, библиотекъ для чтенія, торговля книгами и содержаніе питейныхъ заведеній. Изъятія изъ перечисленныхъ ограниченій могутъ быть сдѣланы Министромъ Внутр. Дѣлъ.

За неисполненіе установленныхъ правилъ поднадзорные

могутъ подвергаться аресту при полиціи по распоряженію административныхъ властей.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ законъ указываетъ, что поднадзорные, не имѣющіе собственныхъ средствъ къ существованію, получаютъ отъ казны пособіе, а въ случаѣ болѣзни призрѣваются въ больницахъ на счетъ казны.

Предупрежденіе расхищенія государственной собственности.

Государственная собственность можетъ подвергнуться расхищеніямъ во 1) со стороны злоумышленниковъ — воровъ, мошенниковъ, и 2) со стороны должностныхъ лицъ, коимъ ввѣряется управленіе казеннымъ имуществомъ. Противъ воровъ принимаются тѣ-же предупредительныя мѣры, что и противъ расхитителей частной собственности. Предупредить же опасность расхищенія со стороны служащихъ государство старается: 1) учрежденіемъ правильнаго счетоводства и 2) государственнаго контроля и 3) осмотрительнымъ выборомъ контингента служащихъ.

Съ 1864 г. по проекту статсъ-секретаря Татаринова преобразовано у насъ счетоводство казенныхъ учреждений и введено такъ называемое единство кассы: отдѣльныя вѣдомства для полученія средствъ входятъ ассигновками въ Министерство финансовъ.

Контроль различаютъ формальный (повѣрка счетовъ, оправдательныхъ документовъ) и матеріальный (повѣрка наличности). Для успѣшности контроля слѣдуетъ, чтобы онъ производился внезапно и чтобы органы контроля стояли выше подозрѣній. Поэтому всюду контроль поручается особому вѣдомству, дѣйствующему на правахъ отдѣльнаго министерства.

§ 23. Полиція союзовъ и народныхъ собраній.

Единеніе лицъ для преслѣдованія какихъ-либо цѣлей совмѣстными силами — явленіе общераспространенное. Цѣли, преслѣдуемыя союзами, весьма разнообразны — хозяйственныя, религіозныя, научныя, общекультурныя, политическія и т. п. Съ точки зрѣнія закона различаютъ союзы дозволенные и недозволенные; но недозволенные союзы въ одномъ государствѣ могутъ быть разрѣшены въ другомъ (религіозныя конгрегаціи, рабочія ассоціаціи).

Устройство союзовъ играетъ большую роль въ отношеніяхъ къ нимъ правительства. Ассоціаціи, располагающія правомъ жизни и смерти надъ своими сочленами, союзы съ тайною организаціею и неизвѣстными членами, союзы, требующіе отдачи всего имущества сочленовъ въ полное распоряженіе главарей, союзы, обяывающие безпрекословнымъ повиновеніемъ всѣмъ приказаніямъ комитета союза, союзы, оправдывающіе всякія средства для достиженія своихъ цѣлей — все это такого рода ассоціаціи, которыя не могутъ быть терпимы, такъ какъ или представляютъ угрозу общественному спокойствію, или предвосхищаютъ функціи правительственной власти. Нынѣ для возникновенія союза примѣняется или явочная или концессіонная система.

Первая состоитъ въ томъ, что лица, желающія организовать общество, вырабатываютъ общія правила, не противорѣчащія закону, составляютъ списокъ членовъ и затѣмъ уже заявляютъ правительству о возникновеніи новой ассоціаціи на основаніи представленнаго ими устава. Администрація осуществляетъ право контроля за дѣятельностью вновь возникшаго общества.

Вторая система — концессіонная основана на необходимости испросить предварительное разрѣшеніе для открытія союза или общества. Уставъ общества разсматривается административнымъ органомъ, иногда-же для возникновенія ассоціаціи требуется законодательная санкція.

Для предупрежденія опасностей, происходящихъ отъ союзнаго строя, явочная система вполне достаточна, ибо въ случаѣ нелегальной дѣятельности общества, оно можетъ быть немедленно закрыто.

Вторая-же (концессіонная) система имѣетъ важныя недостатки, такъ какъ влечетъ за собою проволочку времени при полученіи разрѣшенія. Кромѣ того полученная концессія, санкціонированная законодательною властью, возбуждаетъ среди публики невѣрную мысль, что государственная власть яко-бы рекомендуетъ общество и принимаетъ на себя отвѣтственность за его дѣятельность. Нерѣдко общества слишкомъ рекламируютъ себя, помѣщая на видныхъ мѣстахъ объявленія съ предложеніемъ своихъ услугъ съ обозначеніемъ: „Высочайше утвержденное общество“, стараясь этимъ расположить публику въ свою пользу.

Закрытіе обществъ концессированныхъ, уклонившихся

отъ своего устава, всегда вызываетъ очень много, часто лживыхъ толковъ и влечетъ за собою нареканія на администрацію.

Система-же заявки, исключая излишнія формальности, наиболѣе соотвѣтствуетъ потребностямъ нашего времени, содѣйствуя болѣшему развитію союзнаго строя въ странѣ.

Образованіе союзовъ въ Германіи свободно, не требуется предварительнаго разрѣшенія. Этимъ и объясняется необычайное развитіе ассоціацій въ Германіи, преслѣдующихъ всевозможныя цѣли. Только относительно союзовъ политическихъ имѣются нѣкоторыя ограничительныя постановленія.

Въ большинствѣ нѣмецкихъ государствъ министерство внутреннихъ дѣлъ управомочивается запрещать союзы, которые противны государственному закону, угрожаютъ государственной или общественной безопасности, или оскорбляютъ народную нравственность.

Во Франціи въ 1901 г. обнародованъ новый законъ объ ассоціаціяхъ. Союзы лицъ могутъ образовываться свободно, безъ предварительнаго разрѣшенія, но чтобы получить юридическую правоспособность, они должны сдѣлаться публичными, т. е. сообщить мѣстной администраціи свои уставы вмѣстѣ съ свѣдѣніями о цѣляхъ, мѣстопребываніи и должностныхъ лицахъ (бюро) союза. Всякое общество, исполнившее эту формальность, можетъ пріобрѣтать имущество и владѣть имъ, выступать предъ судомъ и пользоваться вообще правами юридическихъ лицъ; только владѣніе недвижимостью должно быть строго ограничено предѣлами того, что необходимо для осуществленія задачъ общества.

Союзы, состоящіе въ большинствѣ изъ иностранцевъ, или управляемые иностранцами, или имѣющіе свою дирекцію за-границею, могутъ быть закрыты декретомъ президента республики, если ихъ дѣятельность направлена къ извращенію нормальныхъ условій рынка, или угрожаетъ внутренней, или внѣшней безопасности государства.

Религіозныя конгрегаціи учреждаются не иначе, какъ съ особаго разрѣшенія, даваемого каждый разъ спеціальнымъ закономъ, которымъ опредѣляются предметы и способы дѣйствія новаго союза. Всякая конгрегація, образовавшаяся безъ разрѣшенія, признается недозволенною и подлежитъ закрытію.

Англія не знаєть спеціальних постановленій о союзахъ : лишь противозаконная дѣятельность членовъ ассоціаціи вызываетъ репрессию на основаніи общаго законодательства.

Отечественное законодательство, наслѣдовавшее взглядъ на союзный строй, проведенный уставомъ благочинія (1782 г.), до сихъ поръ держится строгихъ полицейскихъ мѣръ.

До эпохи Петра I союзный строй пользовался полною свободою; только вредныя релігіозныя общества подвергались гоненію, главнымъ образомъ, со стороны духовныхъ властей. Изстари существовавшія артели на началахъ круговой поруки остались нетронутыми реформами Петра I, старавшагося организовать принудительно торговыя товарищества.

Законодательство Екатерины II уже нормируетъ союзный строй. Уставъ благочинія повелѣвалъ полиціи строго слѣдить за незаконными обществами въ городахъ. „Управа благочинія закономъ утвержденное общество, товарищество, братство или иное подобное установленіе охраняетъ въ своей законной силѣ; обязательства, правила, положеніе, постановленіе ихъ уважаетъ сходственно закону; вредъ, ущербъ и убытокъ отвращаетъ отъ нихъ при удобномъ случаѣ“. „Неутвержденное общество... подъ какимъ-бы названіемъ ни состояло, управа благочинія не признаетъ за дѣйствительное; буде-же таковое общество общему добру вредъ, ущербъ или убытокъ наноситъ, либо бесполезно, то подлежитъ уничтоженію и запрещенію“¹⁾. Учредители тайныхъ и запрещенныхъ обществъ брались подъ стражу и предавались суду. Неопредѣленность требованій устава благочинія давала широкій просторъ полиціи для вторженія въ дѣла обществъ. Указомъ 1822 г. повелѣвалось закрыть всѣ тайныя общества и не дозволять ихъ открытіе на будущее время.

Современное право дѣлитъ общества на законныя и незаконныя, придерживаясь по отношеніи къ нимъ строго концессионной системы (Уст. о пред. и прес. прест., ст. 116).

Подъ противозаконными обществами разумѣются: 1) всѣ тайныя общества, съ какою-бы цѣлью они ни были учреждены; 2) всѣ товарищества, кружки, артели, преслѣдующія

1) П. Шейминъ. Учебникъ права внутренняго управленія. Выпускъ II. Одесса. 1891, стр. 67.

вредную цѣль; 3) всѣ общества, уклонившіяся отъ своего устава; и 4) всѣ сообщества, воспрещенныя положеніемъ Комитета Министровъ (*Ibidem*, ст. 118).

Политическія общества у насъ не дозволяются.

Народныя собранія.

Съ вопросомъ о союзахъ тѣсно связанъ вопросъ о народныхъ сборищахъ. Л. ф. Штейнъ указываетъ на необходимость опредѣлить и разграничить понятіе ассоціацій и народныхъ собраній.

Всякій союзъ уже предполагаетъ собраніе его членовъ, дѣйствующихъ въ предѣлахъ своего устава. Составъ этихъ собраній извѣстенъ, такъ какъ собираются лишь члены союза. Не то представляютъ народныя сборища. Время, мѣсто, цѣли, составъ такого собранія носятъ характеръ случайности.

Различаютъ собранія подъ открытымъ небомъ и въ закрытомъ помѣщеніи. Большая опасность первыхъ обусловливается невозможностью предупредить чрезмѣрное скопленіе участниковъ, тогда какъ доступъ въ закрытое помѣщеніе ограниченъ его вмѣстимостью. Собраніе можетъ быть вооруженное и невооруженное.

По цѣли собранія могутъ быть политическія и не политическія. Послѣднія вызываются обыкновенными житейскими событіями, празднествами, обусловливающими скопленіе народныхъ массъ.

Цѣлью политическихъ собраній служитъ обычно обсужденіе какихъ-либо вопросовъ текущей политики, затрагивающихъ общественно-государственные интересы, и заканчивающееся резолюціей въ видѣ петиціи къ властямъ. Пока собраніе держится въ этихъ предѣлахъ, оно не представляетъ ничего существенно опаснаго. Но характерная черта народныхъ собраній та, что они, желая достигнуть цѣли силою, быстро могутъ перейти отъ обсуждения къ дѣйствию. Собраніе, въ которомъ участвуютъ различные элементы, не представляетъ ручательства, что все обойдется благополучно. Масса является въ собраніи въ своемъ стихійномъ видѣ; отсюда понятно, что въ составѣ сходки не всегда обезпечено спокойное обсужденіе, не гарантируется личная безопасность, а тѣмъ болѣе свобода слова.

Наибольшій просторъ даютъ англійскіе законы подъ вліяніемъ той исторической причины, что англичане издавна привыкли къ такимъ собраніямъ; эти собранія — митинги

выработались въ опредѣленный типъ, который регламентированъ болѣе обычаемъ, нежели закономъ.

Вслѣдствіе этого въ Англіи по отношенію къ собраніямъ существуютъ только ограничительныя постановленія на случай безпорядка, когда правительство прекращаетъ силою незаконное собраніе. Митингъ противозаконенъ тогда, когда его постановленія облакаются не въ форму петицій, а въ форму репрессивныхъ дѣйствій, угрозъ по адресу правительства.

Собранія могутъ происходить какъ въ закрытомъ помѣщеніи, такъ и подъ открытымъ небомъ; требуется только, чтобы сборища народа не мѣшали движенію экипажей и пѣшеходовъ, не происходили-бы на проѣзжихъ дорогахъ и были-бы удалены на 3 мили отъ парламента и королевскаго дворца, чѣмъ имѣютъ въ виду предохранить законодательную власть отъ насильственнаго на нее давленія.

Постановленія другихъ государствъ о народныхъ собраніяхъ болѣе подробны, потому что общее отношеніе континентальнаго законодательства къ собраніямъ болѣе скептическое.

Во Франціи по закону 1881 г. общественныя собранія, каковы-бы ни былъ предметъ ихъ обсужденія, не подлежатъ предварительному разрѣшенію правительства. Законъ требуетъ лишь заявленія за 24 ч. до начала такого собранія двумя лицами, изъ которыхъ одно должно жить въ данной общинѣ. Это заявленіе въ Парижѣ дѣлается префекту полиціи, въ департаментахъ и округахъ — префекту и супрефекту, въ прочихъ мѣстахъ — мэру общины. Въ представленіи этихъ заявленій выдается росписка (*récépissé*).

Въ заявленіи должна быть указана цѣль собранія — публичное чтеніе, обсужденіе какого-либо вопроса, выработка избирательной программы. Собраніе не должно препятствовать циркуляціи (уличному движенію), но вмѣстѣ съ тѣмъ не требуется, какъ было по закону 1868 г., чтобы собраніе происходило въ закрытомъ помѣщеніи.

Собраніе должно имѣть свое бюро изъ трехъ лицъ; на обязанности его лежитъ соблюденіе порядка, предотвращеніе нарушенія закона, а также воспрещеніе произносить рѣчи, противныя общественному порядку и добрымъ нравамъ, или возбуждающія къ совершенію какого-либо преступленія. Правительство можетъ командировать въ собраніе

особое должностное лицо административнаго или судебнаго вѣдомства¹⁾).

Въ Пруссіи право собраній признано закономъ 11 Марта 1850 г., который касается, какъ собраній, такъ и ассоціацій. Организаторъ всякаго собранія, въ которомъ будутъ обсуждаться вопросы общественнаго интереса, долженъ заявить о предполагаемомъ собраніи мѣстной власти за 24 часа до его начала. Администрація выдаетъ удостовѣреніе въ полученіи заявки. Собраніе должно начаться въ назначенное время, и во время его не должно быть перерывовъ болѣе часа.

Что-же касается собраній подъ открытымъ небомъ, то для нихъ требуется предварительное разрѣшеніе, которое можетъ быть испрашиваемо за 48 ч. до начала. Администрація можетъ отказать въ разрѣшеніи, если собраніе грозитъ нарушить порядокъ или общественную безопасность. Подобныя собранія не могутъ происходить ближе трехъ миль отъ резиденціи короля или мѣстопребыванія парламента. На каждомъ собраніи долженъ присутствовать представитель государственной власти въ мундирѣ, которому должно быть предоставлено приличное мѣсто. Правительственный агентъ можетъ распустить собраніе, если предсѣдатель его не представитъ разрѣшенія, если предлагаются дѣйствія противныя закону и если на собраніи присутствуютъ вооруженныя лица. Вездѣ, впрочемъ, право собираться принадлежитъ только невооруженнымъ людямъ, чѣмъ предупреждается возможность безпорядковъ.

Въ Россіи въ эпоху вѣчеваго уклада сходки были обычными явленіями русской общественной жизни; на нихъ выработывались коллективныя просьбы, обращаемыя къ правителямъ. Въ царскій періодъ сходки политическія стали утрачивать свое значеніе; челобитья сходчиковъ не нравились воеводамъ, какъ заключавшія, большею частью жалобы на воеводское управленіе. Воеводы доносили, что челобитныя пишутся на сходкахъ „скопомъ и заговоромъ“, почему правительство запретило подавать такія жалобы лично царю: „Самовольствомъ, скопомъ и заговоромъ къ Царскому Вели-

1) M. Block. Dictionnaire général de la politique. T. II. Paris, 1884, p. 835—839; В. Ф. Дерюжинскій. Полицейское право. С.-Петербургъ. 1903, стр. 74.

честву, и на Его Государевыхъ бояръ и окольничихъ и на думныхъ и на ближнихъ людей, и въ городѣхъ и въ полкѣхъ на воеводъ, и на приказныхъ людей, и ни на кого никому не приходити...“ (Уложеніе 1649 г. Глава II, ст. 20).

Петръ I воспретилъ воинскимъ уставомъ собираться ради разсужденія о дѣлахъ: всѣ непристойныя, подозрительныя сходбища и собранія воинскихъ людей, хотя для совѣтовъ какихъ-нибудь... чрезъ сей артикуль имѣють быть весьма воспрещены“.

Хотя, замѣчаетъ проф. Шейминъ¹⁾, запрещеніе это касалось воинскихъ чиновъ, но постановленіе воинскаго устава распространительно примѣнялось къ сходкамъ гражданъ вообще.

Тѣмъ не менѣе еще въ XVIII в. сходбища вызывались обычною жизнью населенія, причемъ народъ на нихъ созывался ударами въ колоколь. Этимъ способомъ созыва населенія, согласно сенатскому указу 1769 г., пользовалась полиція во время пожара, бунта и другихъ несчастій. Во избѣжаніе злоупотребленій Св. Синодомъ въ 1771 г. было предписано, чтобы священники ключи отъ колоколенъ держали у себя „крѣпко, дабы люди злонамѣренныя набатовъ не били и тѣмъ смятенія въ народѣ не чинили“.

Уставъ благочинія подтверждаетъ запретъ народныхъ сборищъ для сужденія объ общественныхъ дѣлахъ.

Дѣйствующее законодательство воспрещаетъ „сходбища и собранія для совѣщанія или дѣйствій, общей тишинѣ и спокойствію противныхъ (Уст. о пред. и прес. прест., ст. 111). Полиція должна предупреждать всѣми мѣрами шумныя и безпорядочныя сборища. Если толпа по требованію полиціи не расходится, то могутъ быть призваны войска (Ibidem, ст. 113). Лишь въ исключительныхъ случаяхъ для созыва населенія допускаются набатныя тревоги, какъ-то во время пожара, наводненія, разбоя и т. п. (Ibidem, ст. 114).

Отъ сборищъ народа, имѣющихъ въ виду обсужденія политическихъ вопросовъ, совершенно запрещенныхъ нашимъ закономъ, слѣдуетъ отличать сборища народа, вызываемыя интересами текущей жизни, какъ-то собранія на общественныя

1) П. Шейминъ. Учебникъ права внутренняго управленія. Выпускъ II. Одесса. 1891 г., стр. 73.

забавы, увеселенія, театральныя представленія и т. п., разрѣшаемыя администраціею (Ibidem, ст. 135—137).

§ 24. Предупрежденіе и пресѣченіе преступленій противъ личности и имущества гражданъ.

Большинство преступленій имѣетъ имущественную подкладку: это доказываетъ статистика. Особенно опасна дѣятельность лицъ, сдѣлавшихъ своимъ промысломъ нарушеніе правъ другихъ лицъ ради преступнаго обогащенія. Эта-то антисоціальная группа и составляетъ главную заботу администратора и законодателя, изыскивающихъ средства для успѣшной борьбы съ мошенничествомъ разныхъ видовъ.

Рядъ писателей (Аве-Лальманъ, Тиле, Видокъ, Риль, Моро-Кристофъ, Тарновскій, Ламброзо) старались освѣтить темныя стороны быта класса воровъ, убійцъ и мошенниковъ, изучить ихъ преступную организацію, нравы, привычки, чтобы указать на цѣлесообразныя мѣры для защиты отъ нихъ общества.

Теперь всюду сыскная полиція старается слѣдить за подозрительными элементами, чтобы предупредить противозаконныя покушенія или успѣть, по крайней мѣрѣ, захватить преступниковъ на мѣстѣ совершенія противозаконнаго дѣйствія. На цѣлесообразности послѣдней мѣры особенно настаивала французская сыскная полиція, прибѣгавшая для этой цѣли къ т. наз. провокаціи, т. е. къ подговору подозрѣваемого субъекта къ совершенію противоправнаго поступка для накрытія его на мѣстѣ преступленія (*en flagrant délit*). Но справедливо указываютъ, что провокація не только безнравственна, но и опасна, такъ какъ требуетъ отъ полицейскихъ агентовъ громадной ловкости, находчивости, чтобы во время помѣшать совершенію дѣйствительнаго злодѣянія.

Примѣнялась и другая мѣра — привлеченіе на полицейскую службу, въ качествѣ сыщиковъ, бывшихъ правонарушителей, за дарованную свободу согласившихся содѣйствовать поимки бывшихъ своихъ сотоварищей.

Современныя правительства отказались отъ услугъ такихъ полицейскихъ чиновъ, внушавшихъ къ себѣ естественное подозрѣніе общества. И теперь государство содержитъ тайныхъ полицейскихъ агентовъ, но приглашаетъ ихъ изъ числа лицъ съ незапятнаннымъ прошлымъ. Иногда и само об-

шество, недовольствуясь существующею системою борьбы съ злоумышленниками, вмѣшивается непризнаннымъ образомъ въ полицейскую дѣятельность и отправленіе правосудія, ловя собственными средствами правонарушителей и подвергая ихъ наказанію, назначаемому голосомъ общественной совѣсти; таковъ судъ Линча въ Америкѣ и наши крестьянскіе самосуды надъ конокрадами, вызываемые недостаточной дѣятельностью полиціи и слабостью уголовной кары.

Русь издавна страдала отъ вѣдомыхъ лихихъ людей, ловить которыхъ поручалось намѣстникамъ, дѣйствовавшимъ недостаточно энергично. Поэтому правительство стало привлекать для борьбы съ лихими людьми само общество въ лицѣ губныхъ старостъ и цѣловальниковъ, составлявшихъ губную избу. Правительство XVII в. обратило вниманіе и на пристанодержательство, какъ одну изъ причинъ, питающихъ разбой и воровство.¹⁾ Вмѣстѣ съ тѣмъ гражданамъ вмѣнялось въ обязанность помогать другъ другу въ случаѣ разбойничьяго нападенія: „а гдѣ учинится разбой, а которые сторонніе люди слышали крикъ и вопъ разбитыхъ людей . . . , и тѣ люди на крикъ и на вопъ не пойдутъ и ихъ выдадутъ, или которыхъ людей послѣ разбою разбитые люди учнутъ за разбойники, въ погоню и на слѣдъ звати, а тѣ люди . . . не пойдутъ-же, а истцы на нихъ учнутъ бити челомъ: и про то сыскивати окольными людьми, и которые въ тѣ поры въ погонѣ и на слѣду были.“ (Уложеніе 1649 года. Глава XXI, ст. 59). При Петрѣ I нерѣдко посылались особые сыщики съ воинскими командами для поимки разбойниковъ. При Елизаветѣ Петровнѣ впервые предписано было ради безопасности посылать разѣзды, ходить вечеромъ съ фонарями, а главныя улицы освѣщать фонарями (1740 г.). Но разбой искоренить было трудно, такъ что въ 1756 г. пришлось прибѣгнуть къ экстренной мѣрѣ: учредить на нѣсколько губерній главныхъ сыщиковъ, которые могли требовать себѣ въ помощь военныя команды. Екатерина II борьбу съ разбоями передала въ вѣдѣніе губернаторовъ и полиціи вообще.

И теперь русскій законъ возлагаетъ на особенное попеченіе губернаторовъ и чиновъ полиціи прекращеніе разбоя,

1) Проф. И. Е. Андреевскій. Полицейское право. Т. I. С.-Петербургъ. 1871 г., стр. 95.

грабежа и пристанодержательства. Каждый обязанъ доносить полиціи о подозрительныхъ лицахъ, оказывать ей содѣйствіе при поимкѣ, а полиція должна употреблять всѣ способы для пресѣченія воровства и разбоя въ самомъ ихъ началѣ, раскрытія воровскихъ притоновъ и отобранія у воровъ похищенныхъ вещей. (Уст. о пред. и прес. прест., ст. 287—298.)

Современное право старается бороться противъ профессиональнаго воровства и строгостью наказанія, карая болѣе тяжко рецидивъ. Для распознаванія рецидивистовъ въ большихъ городахъ дѣйствуютъ т. наз. антропометрическія бюро и специальныя фотографическія лабораторіи.

Поединокъ. Обычай поединка получилъ начало въ средніе вѣка, когда каждый носилъ свое право на концѣ своего меча, когда поединкомъ рѣшались судебныя дѣла, когда поединокъ былъ рыцарской игрою. Отъ тѣхъ временъ поединокъ дожилъ и до нашихъ дней; вкоренилось убѣжденіе, что въ извѣстныхъ случаяхъ слѣдуетъ сдѣлать вызовъ на дуэль, и отказаться отъ нея нельзя безъ ушерба для чести.

Опасность отъ поединковъ зависитъ отъ ихъ распространенности и характера.

Мѣрою для предупрежденія дуэлей можетъ быть — обсужденіе дѣлъ объ обидахъ, затрогивающихъ честь, особыми судилищами чести, такъ какъ разбирательство въ общесудебномъ порядкѣ признается не дающимъ достаточнаго удовлетворенія потерпѣвшему.

Другое средство противъ дуэлей — распространеніе обществъ антидуэлистовъ, члены которыхъ признаютъ поединокъ безнравственнымъ и даютъ обѣщаніе не принимать вызова подъ угрозою безчестія. Такія ассоціаціи особенно распространены въ Англіи, для противодѣйствія дуэлямъ между офицерами флота. Противники дуэлей доказываютъ, что дуэли между офицерами, давшими присягу жертвовать своею жизнью на защиту родины, составляютъ государственное преступленіе. Такія-же общества существуютъ и въ корпоративной жизни германскихъ университетовъ, а также и въ корпораціяхъ Юрьевского университета.

За послѣднее время въ главнѣйшихъ европейскихъ странахъ въ средѣ высшаго общества возникло сильное движеніе противъ дуэли, вызвавшее въ 1900 г. образованіе частной международной лиги, поставившей своею цѣлью поддерживать агитацію противъ варварскаго обычая (дуэли) и до-

биться, если возможно, положительных результатов. Поводомъ къ образованію лиги послужилъ инцидентъ несостоявшейся дуэли въ Вѣнѣ. Маркизь Токоли, австрійскій офицеръ, ревностный католикъ, получилъ оскорбленіе отъ одного изъ своихъ товарищей и отказался потребовать отъ него удовлетвореніе потому, что католицизмъ осуждаетъ дуэль. Тогда судъ общества офицеровъ объявилъ что маркизь Токоли нарушилъ требованія офицерской чести, и на основаніи этого приговора военный министръ вычеркнулъ имя маркиза изъ списка офицеровъ. Принцъ Альфонсъ Бурбонскій съумѣлъ возбудить вниманіе къ этому происшествію, и среди самыхъ блестящихъ представителей высшаго общества найти много противниковъ дуэли и организовать вышеназванную лигу, встрѣтившую большое сочувствіе въ Австріи, Франціи, Италіи и особенно Германіи, гдѣ въ качествѣ противника дуэли высказался самъ Императоръ Вильгельмъ II.

Существуютъ двѣ системы борьбы съ дуэлями: англо-французская и германо-американская. Уголовные законы Англіи и Франціи не выдѣляютъ дуэли въ самостоятельный проступокъ, а преслѣдуютъ за убійство и пораненіе на поединкѣ, какъ за обыкновенное убійство и нанесеніе ранъ.

Германское законодательство, къ которому примыкаетъ и русское, считаетъ дуэль преступленіемъ *sui generis*, налагаетъ за участіе въ поединкѣ наказанія легкія и не позорящія (заключеніе въ крѣпость, безъ лишенія правъ). Въ Россіи поединки стали распространяться съ Петра I, главнымъ образомъ, между иностранцами поступавшими къ намъ въ военную службу. Впрочемъ при немъ дуэли были рѣдки, такъ какъ за нихъ грозили строгимъ наказаніемъ: „ежели кто кого ударить по щекѣ, онаго предъ всею ротою профось имѣетъ такожъ ударить и къ тому еще по разсмотрѣнію наказанъ быть имѣетъ“ (воинскій уставъ).

При Екатеринѣ II, въ подражаніе французскимъ обычаямъ, поединки очень распространились и среди русскихъ, что вызвало изданіе спеціальнаго манифеста о поединкахъ въ 1787 г. Этимъ манифестомъ предлагается принять мѣры къ предупрежденію поединковъ путемъ примиренія ссорящихся; въ случаѣ неуспѣшности мѣръ вразумленія, слѣдуетъ увѣдомить о готовящемся поединкѣ полицію.

Современныя постановленія о дуэли всецѣло покоятся

на этомъ устарѣломъ законоположеніи, что видно изъ под-
статейныхъ ссылокъ соотвѣтствующихъ статей Устава о пре-
дупрежденіи и пресѣченіи преступленій (ст. 225—237).

Слѣдуетъ еще отмѣтить Высочайшее повелѣніе 13 Мая
1894 г.: „Правила о разбирательствѣ ссоръ, случающихся въ
офицерской средѣ“, передавшее дѣла о личныхъ обидахъ и
столкновеніяхъ между офицерами на разсмотрѣніе суда обще-
ства офицеровъ для того, чтобы вопросъ о корпоративной
чести, чести воинскаго званія и мундира получилъ компе-
тентную оцѣнку.

Защита отъ преслѣдованія толпы.

Говоря объ опасностяхъ, могущихъ грозить жизни и
здоровью отдѣльнаго лица, надо упомянуть, что такія опа-
сности угрожаютъ иногда со стороны толпы, возбужденной
противъ лица, вслѣдствіе подстрекательства или чувства него-
дованія. Въ этихъ случаяхъ полиція безопасности предпи-
сываетъ тѣ-же мѣры, что и при обузданіи народныхъ сбо-
рищъ. Въ распоряженіи полиціи есть еще одно средство,
часто успѣшное: немедленное заарестованіе лица, преслѣ-
дуемаго толпою, хотя-бы совершенно невиновнаго. Большою
частью, видя, что предметъ ея ненависти находится въ рукахъ
власти, толпа успокоивается; съ государственной точки зрѣнія
важно исторгнуть лицо изъ власти толпы, чтобы предупре-
дить возможность самосуда.

Въ связи съ этимъ можно упомянуть еще объ одной
мѣрѣ, направленной къ предупрежденію убійствъ и тѣле-
сныхъ поврежденій. По дѣйствующему законодательству
запрещается всѣмъ и каждому 1) носить оружіе, кромѣ тѣхъ,
кому законъ это дозволяетъ или предписываетъ; 2) носить
трости со вдѣланными потаенными кинжалами, клинками и
т. п.; 3) стрѣлять въ домахъ, на улицахъ и площадяхъ.

Для предупрежденія поврежденій, которыя могутъ быть
причинены злыми домашними животными, бросающимися на
людей, хозяевамъ вмѣняется въ обязанность держать такихъ
животныхъ не иначе, какъ на привязи.

Предупрежденіе оскотленія. Оскотленіе
является, главнымъ образомъ, послѣдствіемъ фанатизма и
грубыхъ религіозныхъ воззрѣній. Особенное развитіе оно
получило въ Россіи. Мѣры противъ оскотленія: 1) въ паспор-
тахъ означается въ числѣ примѣтъ оскотленіе, причемъ всякій
обязанъ заявить о принадлежности къ скопчеству при полу-

ченіи паспорта; 2) хозяинъ скопецъ, принимая къ себѣ на службу, долженъ удостовѣриться, что поступающіе къ нему не скопцы, въ противномъ случаѣ онъ привлекается къ отвѣтственности, если своевременно не объявить о семъ полиціи.

Мѣры противъ опасностей, грозящихъ свободѣ лица.

Среди различныхъ видовъ опасностей, угрожающихъ свободѣ лица, можно выдѣлить опасности, которымъ подвергаются лица мужскаго пола, или лица женскаго пола, или наконецъ, и мужчины и женщины въ одинаковой мѣрѣ.

1. Неправильная вербовка въ солдаты. Еще не далеко то время, когда мужчинамъ грозила принудительная вербовка въ рекруты. Особенно отличалась этимъ Пруссія при Фридрихѣ В. Со введеніемъ въ большинствѣ странъ всеобщей воинской повинности, неправильное взятіе въ солдаты можетъ произойти лишь со стороны присутствій по воинской повинности.

По русскому закону неправильное постановленіе присутствія можетъ быть обжаловано въ порядкѣ инстанцій: уѣзднаго присутствія — губернскому, постановленіе послѣдняго въ Сенатъ по I департаменту (Св. Зак. т. IV. Уставъ о воинской повинности, ст. 228 и 234).

Остается еще и по сіе время опасность принудительнаго захвата въ матросы на суда, отправляющіяся въ дальнее плаваніе. Къ этому способу вербовки экипажа на военныя суда прибѣгала иногда Англія. Нынѣ подобныя насилія крайне рѣдки и возможны лишь въ отношеніи судовъ купеческихъ; противодѣйствовать насильственному захвату можетъ портовая полиція, слѣдящая за тѣмъ, чтобы на суднѣ къ моменту его отплытія не находилось лицъ силою тамъ удерживаемыхъ.

2. Свободѣ лицъ женскаго пола можетъ грозить опасность насильственнаго вовлеченія въ дома терпимости и продажи въ гаремы на востокъ.

Дома терпимости — учрежденіе старинное, существовавшее уже у древнихъ народовъ, представляютъ собою одну изъ формъ, въ которую выливается промысловый развратъ.

Различаютъ проституцію религіозную, проституцію гостепріимства и проституцію въ качествѣ регулярной профессіи. Профессіональная проституція наблюдается у всѣхъ народовъ,

законодатели всѣхъ странъ пытались принять тѣ или другія мѣры противъ ея распространенія.

Въ книгѣ царей упоминается что возлѣ самаго храма Иерусалимскаго находились хижины, гдѣ еврейскія дѣвушки предавались проституціи за деньги. Въ Афинахъ проституція приняла даже характеръ промысла, регламентированнаго правительствомъ. Солонъ устроилъ публичный домъ (дикте-рионъ) въ качествѣ государственнаго учрежденія и издалъ правила, нормировавшія отправленіе этого позорнаго ремесла.

Особенно подробно трактуеть объ этомъ вопросѣ римскій законодатель. Публичныя женщины составляли особую категорію населенія; имъ отведены были отдаленные кварталы, гдѣ онѣ могли селиться и принимать посѣтителей въ своихъ помѣщеніяхъ, называвшихся лупанаріями. Отъ честныхъ женщинъ проститутки должны были отличаться костюмомъ, головнымъ уборомъ; въ распорядкѣ своей жизни онѣ должны были подчиняться эдиламъ, ведшимъ списки профессиональных проститутокъ.

Не вдаваясь въ подробности, можно констатировать, что проституція къ періоду среднихъ вѣковъ сдѣлалась явленіемъ общераспространеннымъ, вызывавшимъ различное къ себѣ отношеніе законодателя.

Въ капитуларіяхъ Карла 800 года мы встрѣчаемся уже съ постановленіями, стремящимися уничтожить проституцію строгостью наказанія; именно, предписывалось наказывать проститутокъ кнутомъ, равно какъ подвергать наказанію и лицъ, сдающихъ имъ помѣщеніе. Но не смотря на преслѣдованія, проституція успѣла организоваться и вылиться въ особую форму, свойственную средневѣковой жизни. Проститутки представляли собою своеобразный цехъ съ своимъ уставомъ, обычаями и привилегіями. Во Франціи, напр., проститутки справляли свой годовой праздникъ Св. Магдалины, ихъ патронессы, выступая въ торжественныхъ процессіяхъ¹⁾. Сохранились также указанія, что еще въ XV в. на проститутокъ возлагалась даже почетная обязанность усыпать цвѣтами путь въѣзжавшихъ знатныхъ гостей — короля, князей.

1) M. Sabatier. Histoire de la législation sur les femmes publiques et lieux de débauche. Paris. 1828, p. 89.

Безнравственность, царившая во всѣхъ слояхъ общества, не исключая и духовенства, содѣйствовала быстрому развитію проституціи. Во время сейма 1394 г. во Франкфуртъ съѣхалось болѣе 800 проституттокъ, еще болѣе явилось ихъ на соборъ въ Констанцъ, въ виду громаднаго съѣзда высшаго католическаго духовенства.

Съ XI в. проституція во Франціи получила своеобразную организацію; различали королевскихъ проституттокъ и проституттокъ простыхъ (*ribaudes communes*). Первые числились въ королевскомъ штатѣ, обычно слѣдовали за дворомъ во время путешествій, ими завѣдывалъ особый офицеръ, называвшійся „*roi des ribauds*“. Проститутки были обложены налогомъ за право отправленія своего промысла. Всѣ же остальные проститутки подлежали завѣдыванію особаго полицейскаго инспектора, который велъ регистры публичныхъ женщинъ, надзиралъ за домами терпимости, за отправкою больныхъ женщинъ въ госпиталю и т. п.

Во многихъ мѣстностяхъ Германіи, Англіи, проституція вылилась въ концессируемый властью промыселъ, сдававшийся въ арендное содержаніе, доходами съ котораго не гнушались пользоваться короли, епископы, князья, городскія корпорации и т. п. Такъ, напр. въ былыя времена (1381 г.) мэръ Лондона Вальворсъ арендовалъ у епископа Винчестерскаго всѣ публичные дома, построенные на землѣ послѣдняго.

Пораженная картиною общественнаго разврата, государственная власть принимала иногда крутыя мѣры для искорененія проституціи, но успѣха не имѣла: проституція изъ явной только дѣлалась тайною.

Исторія насъ учитъ, что проституція существовала во всѣ времена и у всѣхъ культурныхъ народовъ и, слѣдовательно, есть явленіе не случайное, а присущее человѣчеству, какъ присущи ему другіе пороки и добродѣтели.

Поэтому современныя государства отказались отъ невыполнимой задачи уничтоженія проституціи, а стараются ее поставить въ строго опредѣленныя рамки, оградивъ по возможности населеніе, въ особенности женщинъ отъ ея растлѣвающего вліянія. Регламентация проституціи направлена къ тому, чтобы оградить населеніе отъ зараженія сифилисомъ, противодѣйствовать вызывающему соблазну и защитить женщинъ отъ эксплуатаціи и насильнаго вовлеченія въ дома терпимости.

Государства, признающія проституцію въ качествѣ зла

терпимаго, стараются организовать надзоръ и надъ домами терпимости и надъ публичными женщинами-одиночками такимъ образомъ, чтобы занесеніе въ списокъ публичныхъ женщинъ производилось съ надлежащею осторожностью, не было-бы невинныхъ жертвъ полицейскаго произвола.

Несомнѣнно, что признаніе женщины проституткою есть осужденіе ея въ нравственномъ отношеніи, почему нѣкоторыя государства подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія отмѣнили регламентацію этого позорнаго промысла, во имя чловѣческаго достоинства женщины. Движеніе началось въ Англии, гдѣ образовалась лига аболиціонистовъ съ цѣлью уничтоженія рабства проститутокъ предъ закономъ и обществомъ, освобожденія этихъ невольницъ отъ позорнаго безправнаго гнета администраціи и предоставленія имъ свободы дѣйствія, которою пользуются всѣ честныя женщины безъ изъятія. Въ Италіи, Швейцаріи, Германіи, Бельгіи, Франціи, Америкѣ стали раздаваться голоса благотворительныхъ дамъ, пасторовъ, общественныхъ дѣятелей противъ необходимости правительственнаго надзора за проституціею. Въ Сентябрѣ м. 1877 г. состоялся въ Женевѣ первый конгрессъ аболиціонистовъ, задавшихъ цѣлью борьбы съ регламентаціей проституціи и обязательнымъ осмотромъ женщинъ¹⁾.

Россія принадлежитъ къ странамъ, гдѣ проституція признается зломъ терпимымъ, подлежащимъ надзору полиціи. За послѣднее время принимаются серьезныя мѣры для борьбы съ проституціею несовершеннолѣтнихъ дѣвушекъ, которыя чаще другихъ вовлекаются въ дома терпимости обманомъ или поступають въ нихъ по легкомыслію. Напр. Казанскій врачебно-полицейскій комитетъ съ 1900 г. сталъ требовать отъ дѣвушекъ, не достигшихъ 21 года, поступающихъ въ дома терпимости, согласія ихъ родителей на такое поступленіе. Изъ жалости къ своимъ дочерямъ и страха отвѣтственности за соvrашеніе, родители въ согласіи, большею частью, отказываютъ, благодаря чему въ дома терпимости г. Казани проститутками несовершеннолѣтнія не попадаютъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и Казанское общество защиты женщинъ возбудило ходатайство объ общемъ подтвержденіи подлежащимъ учре-

1) В. М. Гарновскій. Проституція и аболиціонизмъ. С.-Петербургъ. 1880 г., стр. 3.

женіямъ запрета выдачи паспорта несовершеннолѣтнимъ дѣвушкамъ безъ согласія ихъ родителей, а врачебно-полицейскимъ комитетамъ обязательства требованія подписки родителей въ согласіи на вступленіе въ проститутки несовершеннолѣтней; кромѣ того предлагало вмѣнить прокурорамъ въ обязанность привлекать родителей къ отвѣтственности за совращенія, а врачебные комитеты за попустительство и бездѣйствіе власти.

Это ходатайство не осталось безъ послѣдствій, въ виду послѣдовавшаго по медицинскому департаменту отъ 6 Іюня 1901 г. циркуляра Министра Внутреннихъ Дѣлъ губернаторамъ, измѣнившаго старыя правила о возрастныхъ срокахъ принятія въ публичные дома.

Правилами для содержательницъ домовъ терпимости 29 Мая 1844 г. было постановлено, чтобы въ означенные дома не принимать женщинъ моложе 16 лѣтъ. Но въ виду крайне вреднаго вліянія какъ въ физическомъ, такъ и нравственномъ отношеніяхъ поступленія въ столь раннемъ возрастѣ въ публичные дома, и согласно ст. 221 Св. Зак. т. X ч. I, изд. 1887 г., въ силу коей женщины, не достигшія 21 года, не вполне дѣеспособны, Министръ Внутр. Дѣлъ, на основаніи мнѣнія медицинскаго совѣта, установилъ: 1) допускать въ дома терпимости проститутокъ не моложе 21 года; 2) содержательницъ домовъ терпимости, виновныхъ въ допущеніи въ свои дома проститутокъ моложе означеннаго возраста, привлекать къ судебной отвѣтственности.

Ту-же цѣль — освобожденіе женщинъ отъ эксплуатаціи и обманнаго совращенія — преслѣдуютъ т. наз. общества защиты женщинъ, выдвинувшія вопросъ о мѣрахъ борьбы съ торговлею женщинами въ цѣляхъ разврата. Спеціальныя обслѣдованія, предпріятыя обществами и отдѣльными лицами наглядно показали, что ежегодно погибаетъ масса дѣвушекъ, заманиваемыхъ обѣщаніями выгодныхъ мѣстъ за-границею съ тѣмъ, чтобы тамъ ихъ, лишенныхъ средствъ и законныхъ способовъ защиты, безъ знанія мѣстнаго языка легче засадить въ дома терпимости, или переправить на востокъ для продажи въ гаремы.

Въ своей освободительной дѣятельности общества защиты женщинъ встрѣтились съ однимъ сильнымъ препятствіемъ — трудностью привлеченія къ судебной отвѣтственности лицъ, занимающихся преступнымъ сводничествомъ и комиссіонерствомъ по продажѣ „бѣлыхъ невольницъ“.

Первый „международный конгрессъ по вопросу о торговлѣ женщинами для цѣлей разврата“, собравшійся въ Лондонѣ въ Іюнѣ м. 1899 г., обратилъ особое вниманіе на указанное обстоятельство и рекомендовалъ войти съ ходатайствами объ измѣненіи и дополненіи соотвѣтствующихъ статей закона, трактующихъ о сводничествѣ, провокаціи къ разврату, противозаконномъ лишеніи свободы въ цѣляхъ разврата и т. п.

Международная конференція о мѣрахъ пресѣченія торгова женщинами въ цѣляхъ разврата (*conférence internationale pour la répression de la traite des blanches*), состоявшаяся въ Парижѣ лѣтомъ 1902 г. при участіи представителей 16 государствъ, выработала проектъ международной конвенціи о законодательныхъ мѣрахъ, рекомендуемыхъ ею въ цѣляхъ успѣшной борьбы съ торгомъ женщинами.

Франція первая пошла на встрѣчу пожеланіямъ, высказаннымъ конференціею, издавъ 3 Апрѣля 1903 г. новый законъ о непотребствѣ, коимъ усилена отвѣтственность лицъ, виновныхъ въ содѣйствіи совращенію, склоненіи на путь разврата, въ насильственномъ удержаніи женщинъ въ домахъ терпимости и т. п.¹⁾

3. Предупрежденіе насильственнаго заключенія въ дома умалишенныхъ.

Больницы для душевно-больныхъ должны преслѣдовать двѣ цѣли: излеченіе душевно-больныхъ и огражденіе общества отъ нихъ. Слѣдуетъ употребить всѣ усилія къ тому, чтобы заключеніе въ домъ умалишенныхъ не происходило вслѣдствіе ошибки, беспечности или даже предумышленно въ интересахъ третьихъ лицъ, большею частью изъ-за корыстныхъ побужденій. Для достиженія этой цѣли рекомендуютъ, чтобы каждое помѣщеніе въ больницу происходило по рѣшенію специалистовъ и органовъ надзора, съ соблюденіемъ опредѣленнаго закономъ порядка дѣлопроизводства, обезпечивающаго правильность всей процедуры.

Во Франціи помѣщеніе больнаго возможно, или по просьбѣ частнаго лица, или по приказу властей. Необходимо освидѣтельствованіе врачомъ больнаго и предписаніе префекта для помѣщенія больнаго въ больницу. Затѣмъ о состояніи

1) Журналъ Министерства Юстиціи. Октябрь. 1903 г. С.-Петербургъ, стр. 276.

принятаго больнаго начальство больницы обязано чрезъ 24 часа по его поступленіи представить медицинское свидѣтельство, при которомъ больной былъ препровожденъ въ больницу и свидѣтельство врача заведенія. Префектъ увѣдомляетъ прокуратуру и посылаетъ полицейскаго врача для переосвидѣтельствванія больнаго. По истеченіи 4 дней больничный врачъ вторично доноситъ префекту о состояніи пациента; каждые 6 мѣсяцевъ въ префектуру поступаютъ отчеты объ общемъ состояніи больныхъ, на основаніи чего могутъ быть продлены сроки заключенія больныхъ въ лечебномъ заведеніи. Прокуратура, президентъ суда, префектъ, мировой судья и наконецъ мэръ обязаны періодически посѣщать больницы для душевно-больныхъ, чтобы убѣдиться на мѣстѣ въ томъ, что въ больницахъ не содержатся насильно мнимо-больные ¹⁾).

Въ Англіи, при господствующей системѣ частныхъ больницъ, для помѣщенія въ заведеніе душевно-больнаго требуется опредѣленіе по крайней мѣрѣ одного мирового судьи на основаніи докторскаго свидѣтельства. Всѣ заведенія подлежатъ частымъ инспекціямъ со стороны высшаго надзирающаго учрежденія и наблюдательныхъ комитетовъ отъ графства. Комитеты управомочены выпускать изъ больницы тѣхъ, кто содержится тамъ безъ достаточнаго основанія.

Принятіе въ больницу душевно-больныхъ въ Пруссіи, Саксоніи, Баденскомъ и Гессенскомъ герцогствахъ обусловливается представленіемъ докторскаго свидѣтельства лечившаго врача или удостовѣренія правительственнаго врача по мѣстожительству больнаго. Кромѣ того требуются: 1) согласіе мѣстной полицейской власти и 2) предъявленіе личныхъ документовъ заболѣвшаго вмѣстѣ съ прошеніемъ родственника или опекуна, во избѣжаніе преступнаго подмѣна. Въ крайнихъ случаяхъ возможно помѣщеніе душевно-больнаго безъ соблюденія означенныхъ условій, съ обязательствомъ выполнить формальности впослѣдствіи ²⁾).

Въ Россіи сумасшедшіе въ старину назывались „опростѣв-

1) Л. Юлли. Медико-санитарный строй и законодательство въ западно-европейскихъ государствахъ. Переводъ съ нѣмецкаго П. Шеймина. Одесса. 1892 г., стр. 93.

2) Stengel. Handwörterbuch des deutschen Verwaltungsrechts. I Band. Freiburg. 1890. „Irrenwesen“, S. 691.

шими умомъ“ и оставались на попеченіи своихъ родственниковъ и церкви. Съ развитіемъ у насъ больничнаго дѣла стали устраивать для сумасшедшихъ спеціальныя больницы и ставить ихъ подъ особый надзоръ медицинскаго персонала и администраціи.

Въ огражденіе гражданскихъ интересовъ умалишенныхъ Петръ I узаконилъ освидѣтельствованіе „дураковъ и дуръ“ въ Сенатѣ. Въ настоящее время освидѣтельствованіе производится особымъ присутствіемъ губернскаго правленія, рѣшенія котораго представляются въ первый департаментъ Правительствующаго Сената.

Въ цѣляхъ административнаго надзора за тѣмъ, чтобы здоровые не были заключаемы въ дома умалишенныхъ, губернаторамъ вмѣняется въ особую обязанность посѣщать больницы для душевно-больныхъ.

Мѣры регулирующія азартныя игры и лотереи.

Постановленія Устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій относительно азартныхъ игръ берутъ свое начало изъ Екатерининскаго Устава благочинія и законовъ Александра I.

Дѣйствующее законодательство различаетъ игры коммерческія, дозволенныя и азартныя игры, запрещенныя (Уст. о пред. и прес. прест., ст. 260—264). Наблюденіе, чтобы нигдѣ не играли въ азартныя игры и обязанность возбуждать судебное преслѣдованіе противъ содержателей игорныхъ домовъ возлагается на полицію, обязанную поступать при этомъ съ осторожностью, дабы не причинить напрасныхъ поклеповъ, обидъ и безпокойствъ.

Лотереи. Всякое заманчивое обѣщаніе быстрой наживы соблазнительно въ глазахъ наивнаго и довѣрчиваго бѣдняка, жертвующаго послѣдній грошъ въ надеждѣ внезапнаго обогащенія.

Однимъ изъ видовъ азарта, пагубно вліяющаго на народную нравственность, являются лотереи. Впервые онѣ появляются въ Римѣ, организованныя императорами для народной забавы и первоначально не преслѣдовали спекуляціи, ложась тяжелымъ бременемъ на фискъ. Затѣмъ лотереи распространились въ Италіи, въ качествѣ средства легкой наживы, перешедши отсюда во Францію и Германію.

Отношеніе правительствъ къ лотереямъ было непослѣ-

довательное: лотереи то устраивались органами власти, то подвергались запрету.

Францискъ I въ 1539 году устроилъ государственную лотерею ради пополненія военныхъ издержекъ, въ послѣдствіи парламентъ противодѣйствовалъ распространенію лотерей въ странѣ, а короли давали разрѣшеніе. При Людовикѣ XIII лотереи процвѣтали, а эдиктомъ 1700 г. (при Людовикѣ XIV) была учреждена королевская лотерея на 10 милліоновъ франковъ и разрѣшено устройство частныхъ лотерей. Законъ 1793 г. уничтожилъ лотереи, но не надолго, такъ какъ нужда въ деньгахъ заставила обратиться снова къ этому средству: возникла въ 1794 г. лотерея національныхъ имуществъ. Дѣйствующій законъ 1836 г. воспрещаетъ всякія лотереи; лишь по закону 1844 г. сдѣлано исключеніе для лотерей благотворительныхъ и поощренія бѣдныхъ художниковъ.

Въ Англіи и Бельгіи лотереи совершенно запрещены; сохранились лотереи въ Германіи, Голландіи, Испаніи и особенно Италіи.

J. V. Say говоритъ по этому поводу: государства, разрѣшающія лотереи, какъ-бы безмолвно выражаютъ согласіе на опредѣленное число мошенничествъ и самоубійствъ.

Въ русскомъ законодательствѣ по этому вопросу замѣтно два теченія. Съ одной стороны власть смотритъ недоброжелательно на лотерею, напр. ст. 268 Устава о пред. и прес. прест. гласитъ: дозволенія на разыгрываніе лотерей, по извѣстному вреду отъ нихъ, должны быть дѣлаемы сколь можно рѣже и притомъ только для людей бѣдныхъ; съ другой-же стороны нашъ Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, въ ст. 47 говоритъ о лотереѣ, какъ объ явленіи нормальномъ, нуждающемся лишь въ разрѣшеніи правительства. Колебанія во взглядѣ на лотереи существуютъ у насъ давно. Въ 1760 г. при Елизаветѣ Петровнѣ была учреждена государственная лотерея въ пользу раненыхъ воиновъ; къ этому времени относятся и лотереи на отписанные въ казну товары. Въ 1771 г. частныя лотереи и подписка на иностранныя лотереи запрещены указомъ, который направленъ былъ на подавленіе азарта въ народѣ. Затѣмъ правительство снова дозволяетъ устройство маленькихъ лотерей, съ разрѣшенія управы благочинія и подъ наблюденіемъ полиціи.

Въ 1861 г. изданы были правила розыгрыша лотерей. Право давать разрѣшеніе на продажу иностранныхъ лоте-

рейныхъ займовъ предоставлено Министру Финансовъ. Въ Россіи лотереи могутъ устраиваться лишь на сумму до 1500 р. съ разрѣшенія Министра Внутреннихъ Дѣлъ, а въ пользу дѣтскихъ пріютовъ С.-Петербургскаго женскаго патріотическаго общества — Главноуправляющимъ собств. Его Имп. Величества канцеляріей по учрежденіямъ Императрицы Маріи. Число выигрышей въ лотереяхъ должно быть не менѣе $\frac{1}{100}$ части всего числа билетовъ и стоимость выигрышей не менѣе $\frac{1}{2}$ той суммы, на которую лотерея разыгрывается. Устройство на народныхъ и общественныхъ гуляньяхъ какихъ-бы то ни было лотерей, въ томъ числѣ и лотерей-аллегри воспрещается. Министру Внутреннихъ Дѣлъ предоставляется, въ видѣ изъятія, разрѣшать лотерею-аллегри на такихъ общественныхъ гуляньяхъ, на которыхъ независимо отъ платы за лотерейные билеты, назначается особая входная плата не менѣе 1 рубля.

Въ недавнее время (14 Юня 1901 г.) былъ изданъ циркуляръ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, подтверждающій обязанность губернаторовъ слѣдить, чтобы ходатайства на устройство лотерей возбуждались на точномъ основаніи ст. 265—276 Устава о пред. и прес. прест. Отступленія отъ сихъ правилъ могли быть допущены въ исключительныхъ случаяхъ лишь до 1 Января 1903 г. для тѣхъ изъ благотворительныхъ учрежденій, обществъ и т. п., которыя по установившейся практикѣ, рассчитывали на доходъ отъ лотерей при опредѣленіи своихъ годовыхъ смѣтныхъ предположеній.

Въ новой инструкціи о порядкѣ выдачи разрѣшеній на лотереи указываются тѣ обстоятельства, которыя обусловливаютъ возможность отступленія отъ общепринятаго порядка; именно, въ случаѣ военныхъ дѣйствій, народныхъ бѣдствій, какъ-то пожаровъ, наводненій, общаго неурожая, повальныхъ болѣзней и т. п., при отсутствіи или недостаткѣ другихъ мѣстныхъ благотворительныхъ средствъ, лотереи разрѣшаются не только благотворительнымъ обществамъ, но и отдѣльнымъ должностнымъ, и, пользующимся особымъ довѣріемъ, частнымъ лицамъ, исключительно для оказанія пособія пострадавшимъ.

Глава VII.

Мѣры наблюденія за печатью.

§ 25. Предварительная и карательная цензура.

Устное слово, письмо и печать суть орудія человѣческой мысли, могущія представить извѣстную опасность какъ для отдѣльнаго лица, такъ и для общества и государства.

Установленіе рациональныхъ мѣръ для предупрежденія опасностей отъ устнаго слова — совершенно невозможно; можно лишь прибѣгнуть къ самооборонѣ и защитѣ своихъ интересовъ судомъ.

Рѣчь письменная представляетъ меньшую опасность, нежели устное слово: кругъ читателей письма болѣе ограниченъ, хотя письменный текстъ можетъ ходить по рукамъ. Въ письмѣ можетъ быть высказана клевета, направленная противъ частнаго лица; въ письменной-же формѣ можетъ быть совершено государственное преступленіе — передача хранимыхъ государствомъ въ тайнѣ свѣдѣній. Въ видахъ предупрежденія измѣны полицісты старыхъ временъ предлагали практиковать вскрытіе корреспонденціи.

Третій способъ выраженія человѣческой мысли — печать заключаетъ въ себѣ наиболѣе признаковъ соціальной опасности. Можно различать три вида печатныхъ произведеній: 1) періодическія изданія; 2) летучіе листки и брошюрки, написанныя на злобу дня и способныя быстро распространяться въ массѣ; и 3) книги, имѣющія мѣньшій, болѣе узкій кругъ читателей.

Для частнаго лица печать можетъ быть опасной въ случаѣ появленія въ ней свѣдѣній, позорящихъ его честь и доброе имя. Для такого рода проступковъ уголовное законодательство выработало особый терминъ: диффамация.

Для государства опасность возникаетъ, когда печать, періодическая въ особенности, противодѣйствуетъ его планамъ и мѣропріятіямъ. Равнымъ образомъ государство должно предотвратить опасность со стороны печати по отношенію къ общественной нравственности.

Въ настоящее время печать такая сила, съ которой государству приходится считаться. Ни учрежденные Петромъ I для надзора за администраціею фискалы, ни прокурорскій надзоръ, снабженный большими полномочіями, не могли-бы обличать неправильныя дѣйствія и злоупотребленія администраціи съ такимъ успѣхомъ, какъ способна это сдѣлать печать, долженствующая выражать собою истинное общественное мнѣніе. Такъ, англійская и американская пресса постоянно раскрываютъ злоупотребленія администраціи; значеніе печати таково, что вліятельныя газеты, нерѣдко, производятъ формальное слѣдствіе надъ какимъ-либо учрежденіемъ, напр. банкомъ, и учрежденіе обязано подчиниться этому контролю, давать требуемыя свѣдѣнія, представлять объясненія, отчеты и т. п., ибо въ противномъ случаѣ общественное мнѣніе считаетъ данное учрежденіе ненадежнымъ, какъ избѣгающее общественнаго надзора.

Извѣстны, напр., разоблаченія, сдѣланныя Stead'омъ въ „Pall-Mall-Gazette“ (1885 г.) относительно вывозной торговли женщинами изъ Лондона. Стэдъ произвелъ на собственныя средства специальное разслѣдованіе и вполне точно и обстоятельно доказалъ, что существуютъ особыя коммиссіонныя конторы для вывоза англійскихъ дѣвушекъ въ цѣляхъ разврата въ Брюссель, Антверпенъ, Лилль, Булонь, Остенде, Парижъ и другія мѣста.

Разоблаченія Стэда произвели громадную сенсацію, и общественное мнѣніе потребовало, чтобы отправленіе подобнаго промысла было признано преступнымъ и подлежащимъ суду.

Съ другой стороны, при широкомъ вліяніи прессы на общественное мнѣніе, является опасность подкупа органовъ печати. Нерѣдко, дѣйствительно, періодическія изданія прямо покупаются разными темными дѣльцами, чтобы въ печать не

проникали неприятныя для нихъ извѣстія; иногда періодическія изданія рекламируютъ ненадежныя предпріятія, занимаются опорочиваніемъ частныхъ лицъ и цѣлыхъ обществъ, стараясь отъ инкриминируемыхъ ими жертвъ получить денежный откупъ, т. е. занимаются шантажемъ.

Смѣшеніе отрицательныхъ и положительныхъ сторонъ печати, значеніе ея какъ фактора прогресса и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ удобнаго средства для разнаго рода злоупотребленій, заставляетъ законодателя регламентировать разные механическіе способы воспроизведенія человѣческой мысли.

Въ ученіи о внутреннемъ управленіи разсматриваются тѣ мѣры, посредствомъ коихъ государство стремится предупредить опасности, могущія произойти отъ злоупотребленія печатнымъ словомъ.

Къ такимъ мѣрамъ прежде всего слѣдуетъ отнести институтъ предупредительной цензуры, состоящей въ томъ, что каждое произведеніе прежде чѣмъ явится въ печати, просматривается установленными правительствомъ цензорами и только съ ихъ разрѣшенія предается тисненію.

Начало предварительной цензуры принято относить ко времени папы Александра VI (1492—1503), желавшаго помѣшать распространенію извѣстій о предосудительныхъ поступкахъ его частной жизни и политическихъ интригахъ того времени.

Вслѣдъ за симъ цензурные уставы стали издаваться западно-европейскими правительствами XVI, XVII и XVIII столѣтій, причемъ предварительная цензура почиталась не только дѣйствительнымъ средствомъ предупрежденія преступленій печати, но и орудіемъ воспитанія общества въ духѣ правительственныхъ идей. Опытъ, однако, показалъ, что предупредительная цензура не въ состояніи была оправдать возлагавшихся на нее надежды, главнымъ образомъ, по слѣдующимъ соображеніямъ. Цензурныя стѣсненія дѣйствуютъ деморализующимъ образомъ и на автора и на публику, такъ какъ авторъ старается говорить намеками, а публика пріучается читать между строкъ. Кромѣ того, запретныя произведенія могутъ распространяться подпольнымъ путемъ и, въ силу только цензурныхъ стѣсненій, получить особую цѣну въ глазахъ малоразвитаго общества. При предварительной цензурѣ правительство дѣлается какъ-бы солидарнымъ со всѣмъ, что пропущено цензурою.

Ни одинъ, даже самый подробный цензурный уставъ не можетъ служить дѣйствительно удобнымъ руководствомъ для дѣятельности цензоровъ, вслѣдствіе чего цензура книгъ и газетъ сопровождается значительною долею благоусмотрѣнія, невыгодно отражающагося на интересахъ, какъ авторовъ, такъ и публики.

Къ этому присоединяется еще чисто практическое соображеніе: цензоръ долженъ быть человѣкомъ вполне освѣдомленнымъ со всѣми видами правительства, быть крайне остроумнымъ, прозорливымъ, находчивымъ, разносторонне образованнымъ, совмѣщеніе каковыхъ качествъ въ одномъ лицѣ — явленіе весьма рѣдкое.

Кромѣ того, современное развитіе печатнаго слова столь грандіозно, особенно прессы періодической, что для добросовѣстнаго исполненія обязанностей пришлось-бы назначать громадное число цензирующихъ органовъ, въ качествѣ стражей народной нравственности, политическаго благоразумія, покровителей истиннаго просвѣщенія и т. п.

Вслѣдствіе вышеизложенныхъ соображеній западно-европейскія правительства перешли къ цензурѣ карательной, предполагающей возбужденіе уголовного преслѣдованія за преступленія совершенныя путемъ печати.

Предварительная цензура раньше всего была уничтожена въ Англіи (1694 г.), затѣмъ въ Швеціи (1766 г.), въ Германіи предварительная цензура просуществовала до 1848 г., во Франціи цензура, уничтоженная въ 1789 году, возстановлялась однако еще нѣсколько разъ.

Но уничтожая предварительную цензуру, большинство странъ не сразу перешло къ режиму полной свободы печати отъ административной опеки. Стали примѣняться нѣкоторыя полицейскія мѣры воздѣйствія на прессу, выразившіяся главнымъ образомъ, въ слѣдующемъ: 1) лица, желавшія издавать журналъ или газету, или намѣревавшіяся заниматься печатнымъ промысломъ, должны были заручаться предварительно согласіемъ правительственныхъ властей; 2) издатели временнаго изданія обязаны были внести опредѣленный залогъ, въ качествѣ фонда для взысканій на случай нарушенія ими чьихъ-либо интересовъ. Послѣднею мѣрою надѣялись достигнуть и того, чтобы за издательское дѣло брались лица обезпеченныя и менѣе, поэтому, склонныя къ оппозиціи правительству. Особенно широко поставлена была система адми-

нистративнаго въздѣйствія на прессу при Наполеонѣ III, желавшаго требованіемъ высокаго залога (до 50.000 фр.) покровительствовать лишь консервативной прессѣ. Но расчеты эти не оправдались; съ цѣлью разложенія риска, за издательство стали браться цѣлыя компаніи, ради популяризаціи извѣстной политической программы, шедшей часто въ разрѣзъ видамъ и намѣреніямъ правительства.

Сверхъ того изъ французской-же практики заимствована и система предостереженій до трехъ разъ, послѣ чего изданіе могло быть закрыто административнымъ порядкомъ.

Во Франціи рядомъ съ предостереженіями примѣнялось обязательство помѣщать по требованію частныхъ лицъ и правительства сообщенія, соотвѣтствовавшія нашимъ опроверженіямъ, съ тою только разницею, что объемъ сообщеній не былъ опредѣленъ. Французское правительство одно время широко пользовалось этимъ правомъ сообщеній, чтобы подорвать распространеніе оппозиціонныхъ газетъ: оно наполняло ихъ своими сообщеніями, написанными скучнымъ канцелярскимъ языкомъ, что дѣлало газету въ глазахъ читателя мало занимательною. Кромѣ того, эти сообщенія удорожали сильно изданіе, такъ какъ нужно было выпускать добавочные листы, за которые приходилось еще платить особый штемпельный сборъ (timbre), которымъ облагались отдѣльные номера періодическихъ изданій¹⁾.

За исключеніемъ залоговъ, которые сохранились еще въ Австріи, остальные полицейскія мѣры правительственнаго въздѣйствія на печать, въ большинствѣ странъ вышли изъ употребленія. Сохранилось только требованіе — обозначать на каждомъ печатномъ произведеніи адресъ типографіи и указаніе отвѣтственнаго редактора, на случай возбужденія судебнаго преслѣдованія за преступленія печати.

Въ Россіи дѣйствуетъ смѣшанная система — карательная и предварительная цензура.

Вопреки утвержденію А. Д. Градовскаго²⁾, что исторія цензуры въ Россіи самобытна, слѣдуетъ придти къ тому

1) А. А. Раевскій. Законодательство Наполеона III о печати. Томскъ. 1903 г.

2) Проф. А. Градовскій. Начала русскаго государственнаго права. Т. I. С.-Петербургъ. 1875, стр. 355.

заключенію, что цензурный вопросъ въ Россіи сходенъ съ процессомъ развитія цензурнаго законодательства на Западѣ. Также какъ и тамъ, литература свѣтская появилась у насъ вполслѣдствіи; первоначальныя ограниченія естественно и коснулись книгъ духовнаго содержанія.

Богословскія сочиненія, согласно Духовному регламенту, предписывалось печатать съ вѣдома духовныхъ властей.

На книги свѣтскаго содержанія первоначально не распространялось воспрещеніе печатать безъ предварительнаго просмотра органами власти. Цензурныя мѣры направлялись противъ привоза нѣкоторыхъ иностранныхъ сочиненій и русскихъ книгъ, вывозимыхъ изъ за-границы. Первымъ чисто свѣтскимъ изданіемъ, подвергшимся цензурѣ были „Россійскія вѣдомости“, издававшіяся при Академіи наукъ, подъ собственной цензурой Академіи, но въ царствованіе Елизаветы Петровны повелѣно печатать ихъ съ аппробаціи сенатской конторы.

Въ царствованіе Екатерины II въ образованныхъ слояхъ русскаго общества сильно увеличился спросъ на книги, подъ вліяніемъ чего и появились вольныя типографіи. Первая такая типографія открыта была Гартунгомъ для печатанія книгъ только на иностранныхъ языкахъ. Но этимъ не разрѣшался назрѣвшій вопросъ объ открытіи типографій для тисненія русскихъ книгъ. На встрѣчу сознанный потребности пошелъ указъ 1783 года. Указъ этотъ подводилъ открытіе типографій подъ общія условія учрежденія фабрикъ и ремесленныхъ заведеній, дозволялъ заводить ихъ всѣмъ желающимъ повсемѣстно, безъ предварительнаго разрѣшенія, при условіи лишь заявки управѣ благочинія объ ихъ открытіи. На управу возложена была также обязанность свидѣтельствовать книги до ихъ напечатанія.

Событія французской революціи заставили Екатерину измѣнить свое отношеніе къ печати. Въ 1796 г. былъ изданъ указъ, ограничившій свободу прессы; учреждены были цензурныя вѣдомства: одно для духовныхъ книгъ и два для свѣтскихъ, обязанныхъ слѣдить какъ за русской литературой, такъ и за сочиненіями, привозимыми изъ за-границы.

Императоръ Александръ I указомъ 9 Февраля 1802 г. повелѣлъ всѣ цензурныя установленія закрыть, а напечатанныя книги предьявлять управѣ благочинія, передававшей книги губернатору, который въ свою очередь препроводилъ ихъ для прочтенія директору народныхъ училищъ.

Но указъ этотъ, желавшій провести начала карательной цензуры, возбуждалъ недоразумѣнія на практикѣ и вскорѣ вызвалъ изданіе перваго цензурнаго устава, возстановившаго въ 1804 г. предварительную цензуру. На основаніи этого устава управленіе цензурой сосредоточено въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, при каждомъ университетѣ учрежденъ комитетъ изъ профессоровъ, обязанныхъ просматривать каждое сочиненіе, предназначавшееся къ печати. Вмѣстѣ съ тѣмъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ поручено наблюдать, чтобы въ продажѣ не обращалось сочиненій, не одобренныхъ цензурою. Со вступленіемъ въ управленіе Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія адмирала Шишкова явилось стремленіе усилить цензурныя строгости; найдено было, что цензурный уставъ 1804 г. не предоставляетъ цензурному вѣдомству достаточно полномочій, вслѣдствіе чего изданъ былъ уставъ 1826 г., задавшійся цѣлью не только не пропускать вредныхъ сочиненій, но и прямо вліять на направленіе русской литературы. Спустя два года изданъ былъ новый уставъ (1828 г.), который въ извѣстныхъ отношеніяхъ и теперь дѣйствуетъ для сочиненій не изъятыхъ отъ предварительной цензуры. По этому уставу главное завѣдываніе дѣлами цензуры осталось въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, въ которомъ образовано главное управленіе цензуры. Но правительство, озабоченное тѣмъ, чтобы въ печать не проникали сочиненія предосудительныя по своему направленію, стало по временамъ устраивать особые комитеты, обязанные слѣдить за дѣятельностью цензурныхъ органовъ. Такой комитетъ учрежденъ былъ въ 1848 г. какъ учрежденіе постоянное и просуществовалъ до шестидесятыхъ годовъ, когда цензура подверглась кореннымъ преобразованіямъ. Въ комиссію, выработавшую временныя правила 6 Апрѣля 1865 года, вошли лучшія административныя и научныя силы (въ томъ числѣ и покойный проф. Андреевскій); преобразованія были задуманы на широкихъ началахъ; особенно подробно разработанъ былъ вопросъ объ организаціи управленія по дѣламъ печати.

По нынѣ дѣйствующему закону въ качествѣ центрального вѣдомства цензуры дѣйствуетъ Главное управленіе по дѣламъ печати съ Начальникомъ его во главѣ; при немъ Совѣтъ, члены котораго, по мнѣнію комиссіи 1865 г., могли-бы оказывать авторитетное вліяніе на просмотръ произведеній печати.

Затѣмъ дѣйствуютъ цензурные комитеты для внутренней и иностранной цензуры, отдѣльные цензоры, вице-губернаторы (губернскихъ городовъ, гдѣ нѣтъ цензурныхъ учрежденій), инспектора книгопечатанія, чиновники особыхъ порученій, назначенные для надзора за типографіями и наконецъ мѣстная полиція (для разсмотрѣнія афишъ и мелкихъ объявленій).

Наше дѣйствующее законодательство по дѣламъ печати не представляетъ собою органическаго цѣлага, проникнутаго одной руководящей идеей, а состоитъ изъ нѣсколькихъ законоположеній, имѣющихъ каждое самостоятельное значеніе. На ряду съ временными правилами 1865 г., проведенными въ значительной степени принципъ цензуры карательной, цензура предупредительная продолжаетъ существовать въ видѣ духовной и свѣтской цензуры — иностранной, придворной и театральной. Кромѣ того и самыя правила 1865 г. впослѣдствіи времени подверглись значительнымъ видоизмѣненіямъ и дополненіямъ, въ смыслѣ усиленія воздѣйствія администраціи, въ лицѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, на періодическую прессу.

По правиламъ 6 Апрѣля 1865 отъ предварительной цензуры освобождены повсемѣстно:

1) всѣ правительственныя изданія; 2) изданія университетовъ, академій и ученыхъ обществъ и установленій, имѣющихъ свою внутреннюю цензуру; 3) всѣ изданія на древнихъ классическихъ языкахъ и переводы съ сихъ языковъ, чертежи, планы и карты, равно и музыкальныя произведенія, если они не снабжены текстомъ.

Въ обѣихъ столицахъ изъяты отъ дѣйствія предварительной цензуры всѣ оригинальныя сочиненія объемомъ не менѣе десяти печатныхъ листовъ и переводныя не менѣе 20 листовъ.

Выходъ въ свѣтъ означенныхъ сочиненій обставленъ слѣдующими условіями: 1) на этихъ сочиненіяхъ и переводахъ должны быть выставлены имя и адресъ типографіи, въ которой они напечатаны; 2) по окончаніи печатанія они представляются въ цензурный комитетъ за недѣлю до выхода въ свѣтъ.

По правиламъ 1865 года срокъ этотъ былъ установленъ для того, чтобы дать время цензурѣ для разсмотрѣнія сочиненія и если оно будетъ признано не соответствующимъ цензурнымъ правиламъ, доставить средства для привлеченія виновныхъ къ судебной отвѣтственности.

Въ настоящее время этимъ постановленіемъ достигаются и чисто полицейскія цѣли предупрежденія злоупотребленій печатнымъ словомъ.

Въ 1872 г. Министру Внутреннихъ Дѣлъ предоставлено право предварительнаго задержанія всѣхъ книгъ и номеровъ повременныхъ изданій, выходящихъ рѣже одного раза въ недѣлю, съ предоставленіемъ дѣла на окончательное разрѣшеніе Комитета Министровъ. Экземпляры вреднаго сочиненія должны быть немедленно отобраны и уничтожены, причемъ законъ различаетъ случаи вреднаго направленія, обнаруженнаго въ извѣстномъ произведеніи отъ положительнаго преступленія, совершеннаго путемъ печати; въ послѣднемъ случаѣ, независимо отъ задержанія сочиненія, противъ виновнаго можетъ быть возбуждено судебное преслѣдованіе. Прежде всего привлекается къ суду сочинитель, если онъ не докажетъ, что книга вышла въ свѣтъ безъ его вѣдома; если-же мѣстожителство автора неизвѣстно, то отвѣтственность падаетъ на издателя. Типографъ отвѣчаетъ въ томъ случаѣ, когда ни авторъ, ни издатель, не могутъ быть привлечены къ суду по неизвѣстности ихъ именъ и мѣстожителства.

Выходъ въ свѣтъ повременныхъ изданій (т. е. газетъ, журналовъ, сборниковъ статей, издаваемыхъ подъ общимъ заглавіемъ, болѣе двухъ разъ въ годъ), освобожденныхъ отъ предварительной цензуры, возможенъ при соблюденіи извѣстныхъ условій. Необходимо прежде всего получить разрѣшеніе на изданіе, такъ какъ ни одно изданіе не можетъ быть основано безъ разрѣшенія Министра Внутреннихъ Дѣлъ, отъ котораго зависитъ, какъ дозволеніе выхода въ свѣтъ извѣстнаго изданія, такъ и опредѣленіе того, должно-ли оно подвергаться предварительной цензурѣ или нѣтъ. Каждое повременное изданіе должно имѣть одного или нѣсколькихъ отвѣтственныхъ редакторовъ, утвержденныхъ въ этомъ званіи Министромъ Внутр. Дѣлъ.

Второе условіе для повременныхъ изданій, выходящихъ безъ предварительной цензуры, есть представленіе залога, для ежедневной газеты въ размѣрѣ — 5000 рублей, для прочихъ повременныхъ изданій — 2500 рублей.

Для осуществленія надзора за повременными изданіями, выходящими безъ предварительной цензуры требуется, чтобы на каждомъ номерѣ газеты, журнала, сборника были напечатаны имена издателя, отвѣтственнаго редактора, типографіи

и размѣръ подписной цѣны. Кромѣ того, издатели повременныхъ изданій обязываются представлять ихъ въ цензурные комитеты въ сроки, опредѣленные закономъ.

Періодическія изданія кромѣ отвѣтственности по суду, могутъ подвергнуться извѣстнымъ административнымъ карамъ за т. наз. „вредное направленіе“ (Уставъ о цензурѣ и печати, ст. 142—156).

Главное изъ такихъ взысканій есть закрытіе періодическаго изданія. По правиламъ 1865 года совершенное прекращеніе повременныхъ изданій допускалось не иначе, какъ послѣ третьяго предостереженія и по постановленію перваго департамента Правительствующаго Сената.

Послѣдующія узаконенія значительно расширили въ этомъ отношеніи полномочія администраціи. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ можетъ воспретить продажу отдѣльныхъ нумеровъ газеты на срокъ, который онъ признаетъ нужнымъ. Отдѣльные номера каждаго журнала и газеты могутъ быть конфискованы на основаніи заключеній Комитета Министровъ.

Министру Внутреннихъ Дѣлъ предоставляется право дѣлать повременнымъ изданіямъ, изъятымъ отъ предварительной цензуры, предостереженія, съ указаніемъ на статьи, подавшія къ тому поводъ. Послѣ третьяго предостереженія изданіе временно пріостанавливается, но не далѣе какъ на 6 мѣсяцевъ.

Эти предостереженія висѣли какъ Дамокловъ мечъ надъ періодическою прессою, такъ какъ для нихъ не было установлено никакой погасительной давности; разъ данное предостереженіе сохраняло свою силу въ теченіе многихъ лѣтъ вплоть до слѣдующаго, считавшагося вторымъ. Поэтому Высочайше утвержденное 4 Іюня 1901 г. мнѣніе Государственнаго Совѣта, введшее принципъ срочности предостереженій, даваемыхъ безцензурной прессѣ, слѣдуетъ разсматривать въ качествѣ крупной льготы.

Въ силу новаго закона первое предостереженіе сохраняетъ свою силу въ теченіе одного года со дня его полученія, если за этотъ срокъ не будетъ объявлено втораго предостереженія. Если въ теченіе одного года повременное изданіе получить 2 предостереженія, то дѣйствіе ихъ сохраняетъ свою силу въ теченіе двухъ лѣтъ со дня объявленія изданію втораго предостереженія, если за этотъ срокъ не послѣдуетъ третьяго предостереженія. По истеченіи означенныхъ сроковъ

повременное изданіе освобождается отъ полученныхъ предостереженій, и слѣдующее за симъ вновь считается первымъ.

По закону 27 августа 1882 г. вопросъ о совершенномъ прекращеніи періодическихъ изданій переданъ на рѣшеніе особому совѣщанію, состоящему изъ Министровъ Внутреннихъ Дѣлъ, Народнаго Просвѣщенія и Юстиціи, Оберъ-Прокурора Св. Синода и тѣхъ Министровъ и Главноуправляющихъ, коими данный вопросъ былъ возбужденъ.

Всякое повременное изданіе обязано помѣстить безотлагательно и безденежно, безъ всякихъ измѣненій и примѣчаній въ текстѣ, сообщенное ему отъ правительства официальное опроверженіе или исправленіе обнародованнаго тѣмъ изданіемъ слуха. То-же право принадлежитъ и частному лицу, въ качествѣ средства защиты себя отъ инкриминирующихъ его слуховъ съ тѣмъ лишь ограниченіемъ, что возраженіе частнаго лица не должно занимать мѣста болѣе чѣмъ вдвое противъ статьи, на которую служить отвѣтомъ (Уставъ о цензурѣ и печати, ст. 138 и 139).

Слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ ограниченіи, касающемся безцензурной прессы. Согласно статьѣ 140 Устава о цензурѣ и печати, правительство чрезъ Главное Управление по дѣламъ печати можетъ поставлять редакторовъ повременныхъ изданій въ извѣстность о признаніи неудобнымъ оглашенія или обсуждения какого-либо вопроса въ печати въ теченіе нѣкотораго времени.

Всѣ изданія, не подходящія подъ правила 1865 года, подлежатъ разсмотрѣнію предварительной цензуры. При разсмотрѣніи этихъ произведеній цензура руководится чисто отрицательными правилами. Въ произведеніяхъ печати не слѣдуетъ допускать чего-либо, нарушающаго уваженіе къ христіанской религіи, затрогивающаго неприкосновенность верховной власти, оскорбляющаго нравы и благопристойность, честь частнаго лица и возбуждающаго непріязнь одного сословія противъ другого.

Цензура должна обращать вниманіе на духъ разсматриваемой книги, на видимую цѣль и намѣреніе автора, не позволяя себѣ произвольнаго толкованія въ другую сторону.

И теперь дѣйствующій цензурный уставъ содержитъ много недомолвокъ и вызываетъ на практикѣ не мало недоразумѣній. Въ своей дѣятельности цензурное вѣдомство руководится, главнымъ образомъ, циркулярами Главнаго управления

по дѣламъ печати, издаваемыми въ цѣляхъ правильного при-
мѣненія цензурнаго устава.

Кромѣ общей цензуры дѣйствуютъ еще спеціальныя цензуры: 1) духовная, 2) иностранная, 3) придворная и 4) театральная.

Духовной цензурѣ подлежатъ книги собственно духовнаго содержанія, т. е. заключающія въ себѣ изложенія догматовъ вѣры, толкованія Священнаго Писанія, проповѣди, житія святыхъ и т. п. (ст. 227 Устава о цензурѣ и печати). Книжки же, разбирающія вопросы нравственности вообще, подлежатъ свѣтской цензурѣ. Если же въ такомъ сочиненіи встрѣтятся мѣста совершенно духовнаго содержанія, то свѣтская цензура передаетъ оныя на уваженіе духовной цензуры и поступаетъ сообразно ея заключенію (*Ibidem*, ст. 32).

Надзоръ за произведеніями, привозимыми изъ-за границы, весьма строгій. Въ Петербургѣ, Ригѣ, Одессѣ дѣйствуютъ цензурные комитеты; въ Москвѣ, Кіевѣ, Вильнѣ и Ревелѣ — отдѣльные цензоры. Въ руководство органамъ цензуры иностранной преподано, что при разсмотрѣннй книгъ иностранныхъ надлежитъ обращать особое вниманіе на цѣль изданія, на духъ и намѣреніе автора (*Ibidem*, ст. 182). Книги могутъ быть дозволяемы къ обращенію или цѣликомъ, или съ исключеніемъ отдѣльныхъ мѣстъ.

Нѣкоторымъ установленіямъ (университетамъ, академіи наукъ и др.) предоставлено право безцензурнаго полученія произведеній заграничной литературы.

Статьи, содержащія въ себѣ рассказы и сужденія до Высочайшихъ Особъ относящіяся, печатаются не иначе, какъ съ разрѣшенія Министра Императорскаго Двора (Уставъ о цензурѣ и печати, ст. 73).

Существуетъ еще особая театральная цензура въ лицѣ отдѣльныхъ цензоровъ при Главномъ Управленіи по дѣламъ печати, рассматривающихъ драматическія сочиненія, предназначенныя къ представленіямъ на театрахъ (Уставъ о цензурѣ и печати, ст. 81—93).

§ 26. Промышленныя заведенія печатнаго дѣла, книжная торговля, бібліотеки.

По отношенію къ средствамъ механическаго воспроизведенія сочиненій посредствомъ печати, т. е. къ типографіямъ,

литографіямъ и словолитнямъ, можетъ быть примѣняема или явочная, или концессіонная система. Послѣдняя система существуетъ до сихъ поръ въ Австріи и Россіи.

У насъ желающіе завести типографію, литографію, металлографію, или другое подобное заведеніе должны получить разрѣшеніе отъ главнаго мѣстнаго начальства: генераль-губернатора, градоначальника, губернатора. При этомъ требуется представить установленное промысловое свидѣтельство и указать число и размѣръ скоропечатныхъ машинъ, какія предполагаются къ работѣ въ заведеніи. Передача заведеній въ другія руки требуетъ соблюденія тѣхъ-же правилъ (Уставъ о цензурѣ и печати, ст. 160).

Правительство устанавливаетъ особый надзоръ за типографіями, литографіями, словолитнями въ лицѣ инспекторовъ книгопечатанія въ столицахъ, чиновниковъ, назначенныхъ губернаторами въ прочихъ мѣстахъ. Каждая типографія должна имѣть шнутовую книгу, въ которую вносится всякая, предназначенная къ печатанію работа, съ показаніемъ числа печатаемыхъ экземпляровъ и обозначеніемъ, печатается-ли книга безъ предварительной цензуры, или съ ея разрѣшенія. Заведенія печатнаго дѣла, по отпечатаніи всякаго изданія, обязаны до выпуска въ свѣтъ представить въ мѣстный цензурный комитетъ опредѣленное число экземпляровъ (Ibidem, ст. 167).

Книжная торговля подчинена тѣмъ-же общимъ началамъ концессіи.

Книжные магазины, лавки, кабинеты для чтенія разрѣшается открывать какъ частнымъ лицамъ, такъ и акціонернымъ компаніямъ или товариществамъ съ дозволенія администраціи. Лица, получившія разрѣшеніе на открытіе книжнаго магазина, обязаны назвать кого-либо изъ завѣдующихъ въ магазинѣ, въ качествѣ отвѣтственнаго предъ мѣстною властью лица.

Разносная торговля книгами, какъ рассчитанная на распространеніе въ массѣ, всюду подвергается большимъ стѣсненіямъ. Напр. въ Германіи летучая книжная торговля (Hausierhandel, fliegender Handel, Kolportage) на основаніи промышленнаго устава, нуждается въ особомъ дозволителномъ свидѣтельствѣ отъ высшей администраціи, обусловленномъ представленіемъ удостовѣренія мѣстной полиціи объ исполненіи предписанныхъ условий для отправленія торговаго промысла вообще. вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлается запретъ разноса въ про-

дажу сочиненій, подрывающих нравственность, или религиозное чувство народа, а также изданій съ преміями и общаніемъ выигрышей¹⁾).

Того-же начала концессіи относительно продажи повременныхъ изданій и книгъ въ разность, равно какъ на улицахъ и площадяхъ, придерживается и русское законодательство. Желаящіе производить уличную и разносную продажу произведеніями печати, сверхъ установленнаго промысловаго свидѣтельства, обязаны представить дозволеніе мѣстнаго полицейскаго начальства (Уставъ о цензурѣ и печати, ст. 177).

Относительно открытія и содержанія публичныхъ библиотекъ и кабинетовъ для чтенія въ 1884 году установлены, въ видѣ временной мѣры, слѣдующія правила: 1) желающіе открыть названныя учрежденія при возбужденіи о семъ ходатайства, обязаны указать отвѣтственное лице; 2) начальствующія лица, разрѣшающія открытіе библиотекъ и читаленъ въ случаѣ сомнѣнія въ политической благонадежности управляющихъ сими заведеніями и вообще служащихъ при оныхъ, обязаны собственною властью устранять этихъ лицъ изъ библиотекъ и кабинетовъ; 3) Министру Внутреннихъ Дѣлъ представляется право указывать тѣ произведенія печати, которыя не должны быть допускаемы къ обращенію въ публичныхъ библиотекахъ и общественныхъ читальняхъ, и закрывать ихъ въ случаѣ необходимости (примѣчаніе къ ст. 175 Устава о цензурѣ и печати).

1) Stengel. Wörterbuch des deutschen Verwaltungsrechts. Freiburg. 1890. Zweiter Band, S. 301.

Глава VIII.

Санитарная и медицинская полиція.

§ 27. Мѣры охраненія здоровья.

Въ прежнее время мѣры профилактическія были мало развиты, а ограничивались борьбою съ уже наступившею болѣзнью путемъ леченія.

Въ настоящее время санитарія начинаетъ привлекать къ себѣ вниманіе интеллигентнаго общества, высказываются взгляды на необходимость широкой постановки дѣла охраненія народнаго здравія. Желательно научить темную массу русскаго народа основнымъ правиламъ гигиены и борьбы съ заразными болѣзнями, преждевременно уносящими въ могилу огромный процентъ населенія. Санитарное дѣло теперь распределяется у насъ по отдѣльнымъ вѣдомствамъ, которыя нерѣдко направляютъ свою дѣятельность по разнымъ дорогамъ. Въ интересахъ народнаго благосостоянія слѣдовало-бы разобщенныя силы объединить въ одномъ вѣдомствѣ, министерствѣ народнаго здравія, въ качествѣ самостоятельной отрасли государственнаго управленія.

Санитарный строй обнимаетъ собою совокупность тѣхъ юридическихъ опредѣленій и административныхъ распоряженій, которыя должны поддерживать общественное здоровье.

Правильная постановка санитарныхъ мѣропріятій требуетъ, чтобы наука указывала руководящіе принципы, государство проводило-бы ихъ въ своемъ законодательствѣ, а органы управленія примѣняли-бы ихъ на практикѣ, въ повседневной жизни.

Но до сихъ поръ затраты на созданіе гигиенической обстановки жизни вызываютъ возраженія, такъ какъ предупрежденіе болѣзни требуетъ болѣе глубокаго изученія общихъ санитарныхъ условій, чѣмъ непосредственное врачеваніе болѣзни уже наступившей. Приходится сознаться, что идея предупрежденія зла, планомѣрное проведеніе санитарныхъ мѣръ, общественная гигиена слишкомъ мало вошла въ наши нравы. Единичныхъ усилій здѣсь недостаточно, борьба съ общими неблагоприятными условіями жизни возможна лишь благодаря мощному вмѣшательству въ эту область государства при дружной работѣ общественныхъ и частныхъ силъ.

Забота объ охраненіи народнаго здоровья принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ полицейскихъ функцій государства. Съ каждымъ человѣкомъ прежде времени умершимъ пропадаетъ капиталъ, на него затраченный. И дѣйствительно, съ чисто хозяйственной точки зрѣнія, затраты на санитарное дѣло являются вполне производительными. Еще Кеттлэ указалъ, что съ момента рожденія человѣкъ начинаетъ дѣлать долги, за которые онъ долженъ расплачиваться впослѣдствіи; если человѣкъ умираетъ, не вступивъ въ жизнь самостоятельнымъ работникомъ, то съ нимъ вмѣстѣ погибаетъ и капиталъ, затраченный на его содержаніе и воспитаніе.

На международномъ гигиеническомъ конгрессѣ въ Гаагѣ въ 1883 г. были установлены слѣдующіе тезисы: 1) каждый расходъ на гигиеническія цѣли долженъ быть разсматриваемъ какъ сбереженіе; 2) нѣтъ ничего болѣе дорогаго, какъ смерть и болѣзнь; 3) для общества игнорированіе человѣческой жизнью является наиболѣе разрушающимъ элементомъ.

Докторъ Rochard на этомъ конгрессѣ опредѣлилъ для Франціи ежегодную потерю на смертности и заболѣваемости въ 1.649.107.027 франковъ. „Если-бы, заключилъ онъ свой докладъ, возможно было уменьшить эти потери на $\frac{1}{10}$ часть, то Франція сберегала-бы 165 милліоновъ ежегодно, а между тѣмъ разумно организованная система гигиены можетъ дать и болѣе блистательные результаты“¹⁾. Въ такомъ-же положеніи находятся и другія страны вслѣдствіе того, что санитарныя мѣропріятія еще крайне мало развиты.

1) А. Я. Антоновичъ. Курсъ государственнаго благоустройства. Часть I. Кіевъ. 1890, стр. 198.

Отдѣлъ полиціи санитарной имѣеть свою исторію. Санитарныя мѣры предписывались уже самыми древними памятниками законодательства: законами Ману, книгами браминовъ, пятикнижіемъ Моисея, Кораномъ и др. Но въ этомъ періодѣ санитарныя мѣры всецѣло обусловливались религіозными воззрѣніями и требованіями, благодаря чему санитарныя мѣропріятія осуждены были на неподвижность и служебное положеніе въ отношеніи религіи. Однако и въ этомъ уже періодѣ затронуты были важные вопросы, какъ-то: объ мясѣ животныхъ годномъ для пищи, объ убоѣ скота, о погребеніи умершихъ, объ естественныхъ отправленияхъ и т. п.

Въ Средніе вѣка въ санитарномъ дѣлѣ господствовало начало самозащиты: больные изолировались, устраивались карантинныя, преслѣдовались сумасшедшіе, прокаженные. Принимались, впрочемъ, и общія санитарныя мѣры, но онѣ не были проникнуты единымъ руководящимъ началомъ и косвенно лишь направлены были на улучшеніе гигиеническихъ условій; таковы обязательныя постановленія о постѣ, объ одеждѣ, образѣ жизни и т. п.

Лишь съ тридцатыхъ годовъ истекшаго столѣтія, подъ вліяніемъ постигшей Европу эпидеміи холеры, всѣ современныя государства стали развивать болѣе широкую предупредительную дѣятельность. Разсуждая логически, предупрежденіе болѣзней должно было-бы проявиться ранѣе всего, но историческое развитіе интересующаго насъ вопроса шло обратнымъ путемъ, т. е. медицинское дѣло всюду организовалось ранѣе, чѣмъ санитарное.

Систематическая организація санитарнаго строя вызываетъ громадныя расходы, требующіе большихъ жертвъ со стороны общества и государства. Не смотря на все болѣе и болѣе сознаваемое значеніе санитаріи, не слѣдуетъ забывать, что гигиена еще наука слишкомъ молодая, могущая выставить лишь немногія твердыя положенія, въ качествѣ отправныхъ пунктовъ для современнаго законодателя. Санитарныя мѣры примѣняются болѣе всего въ городахъ, а внутри страны, въ селеніяхъ, мало распространены.

Ранѣе другихъ отраслей развилась полиція предметовъ первой необходимости (полиція рынка), съ возникновеніемъ научной медицины она переходитъ въ полицію ядовъ; 18-ое столѣтіе присоединяетъ сюда врачебно-санитарную полицію мертвыхъ и погребеній. Самая поздняя изъ мѣръ санитарной

полиціи — это забота о чистотѣ воздуха и незагрязненіи водныхъ источниковъ.

Обезпеченіе чистоты воздуха и воды.

Мѣстоположеніе старыхъ городовъ избиралось по соображеніямъ политическимъ или торговымъ, но не санитарнымъ. Первоначально города служили оплотомъ противъ врага. Въ древней Россіи городъ — укрѣпленное мѣсто съ кремлемъ, или дѣтинцемъ. Города возникали въ мѣстахъ, закрытыхъ для нападенія, напр. въ лѣсахъ, на горахъ, причеиъ внутри города, въ интересахъ безопасности, старались скучивать возможно большее число жителей. Съ другой стороны, подъ влияніемъ торговыхъ соображеній устраивали города близъ моря, по системамъ судоходныхъ рѣкъ.

Въ настоящее время приходится наблюдать скученность населенія въ виду экономическихъ условій: участки городской земли дорого стоятъ, и потому стараются строить многоэтажные дома на небольшихъ земельныхъ угодьяхъ.

Но требованія санитаріи все болѣе проникаютъ въ общественное сознаніе; появляется стремленіе къ расширенію городской территоріи, ради лучшаго провѣтриванія мѣстъ поселенія, обезпеченія достаточнаго притока свѣжаго воздуха и возможности жить въ свѣтлыхъ жилищахъ. Поэтому, новые города, напр., въ Америкѣ строятся съ соблюденіемъ указанныхъ условій, а старые прилагаютъ усилія къ смягченію ихъ негигіеническаго положенія, занимая предмѣстья, застроивая пригороды и т. п. Извѣстны, напр., громадныя работы, предпринятыя въ этихъ цѣляхъ Наполеономъ III, желавшимъ перестроить старые кварталы Парижа и уничтожить узкія, кривыя улицы съ ихъ полу-темными жилыми помѣщеніями.

Воздухъ, свѣтъ, вода признаются необходимыми элементами жизни. Положеніе, выставляемое наукою, что свѣтъ и воздухъ должны быть въ достаточномъ количествѣ, вызвало особыя опредѣленія строительнаго устава, въ качествѣ минимума обязательныхъ требованій.

Большинству гражданъ предоставлено самимъ заботиться о томъ, чтобы ихъ жилища соответствовали требованіямъ гигиены, чтобы было достаточно свѣта, кубическаго содержанія воздуха на человѣка и т. п.

Особенное вниманіе общества и правительства обращаетъ на себя вопросъ о жилищахъ рабочихъ. Тѣснота жилыхъ помѣщеній вредна не только въ санитарномъ отношеніи, но и въ

нравственномъ, что доказывается отчетами и спеціальными обслѣдованіями фабричныхъ инспекторовъ. Сами рабочіе не въ силахъ бороться съ антисанитарнымъ положеніемъ мелкихъ жилыхъ помѣщеній, гдѣ поневолѣ имъ приходится ютиться. На Западѣ сильно развиты т. наз. строительныя товарищества (Vaugenossenschaften), совмѣщающія дѣло благотворенія съ коммерціей и, ставящія жилищный вопросъ на болѣе прочную почву. На ряду съ акціонерными компаніями капиталистовъ, за послѣднее время за строительство себѣ нормальныхъ жилыхъ помѣщеній взялись и сами рабочіе, организуя строительныя ассоціаціи, вербуя членовъ исключительно изъ своей-же среды. Таковы англійскія building societies, задавшіяся цѣлью посредствомъ періодическихъ членскихъ взносовъ составить строительный фондъ.

Въ фабричныхъ центрахъ на помощь фабрично-заводскому люду нерѣдко приходятъ и сами предприниматели, строя обширныя помѣщенія, гигиенично устроенныя и сдаваемые за умѣренныя цѣны рабочимъ своего района.

За послѣднее время стала чувствоваться сильная потребность въ здоровыхъ жилищахъ вообще для бѣднаго городского населенія, въ интересахъ коего и функционируютъ благотворительныя общества для доставленія дешевыхъ квартиръ. До сихъ поръ вопросъ этотъ не получилъ достаточнаго признанія со стороны законодателя и подлежитъ, главнымъ образомъ, вѣдѣнію администраціи и органовъ самоуправленія, дѣйствующихъ своими обязательными постановленіями.

Для обезпеченія чистоты воздуха въ городахъ крайне важенъ вопросъ о способахъ удаленія нечистотъ. Въ современныхъ городскихъ хозяйствахъ ассенизація выступаетъ на первый планъ, вызывая научную разработку, служащую руководящею нитью для законодателя и администратора. Надо впрочемъ замѣтить, что системы вывоза и удаленія нечистотъ стоятъ въ тѣсной связи со средствами города; богатые города устраиваютъ правильную канализацію; города съ ограниченнымъ бюджетомъ довольствуются вывозомъ нечистотъ, производимымъ самымъ первобытнымъ способомъ.

Удостоверено также, что сама почва можетъ служить источникомъ заразы, почему необходимо обезвредить зараженіе почвы. Поэтому громадное значеніе имѣетъ устройство выгребныхъ ямъ; онѣ должны быть цементированы, чтобы препятствовать просачиванію влаги. Вообще говоря, вопросъ

ассенизационный не вполне изслѣдованъ, а потому еще и не получилъ опредѣленной законодательной нормировки. Органы самоуправленія примѣняютъ тѣ, или другіе способы канализации и ассенизации, опираясь на научные авторитеты. Напр., по мысли покойнаго Вирхова подъ Берлиномъ устроены т. наз. поля орошенія — это пустыри, куда свозятся городскіе отбросы и на которыхъ съ успѣхомъ культивируются огородныя овощи. Этотъ опытъ до сихъ поръ даетъ вполне удовлетворительные результаты въ санитарномъ отношеніи.

Городское управленіе С.-Петербурга до сихъ поръ не можетъ рѣшить этого вопроса. Въ концѣ Декабря м. 1903 года городская управа выработала, наконецъ, проектъ ассенизации посредствомъ вывозной системы. Для этой цѣли предположено приобрести въ С.-Петербургскомъ уѣздѣ обширныя поля, устроить къ нимъ подѣздныя пути и завести соотвѣтствующій обозъ; первоначальное оборудованіе исчислено въ 10¹/₂ миллионъ рублей, а эксплуатація свалокъ въ 1.800.000 рублей!

Въ интересахъ народнаго здоровья необходимо заботиться о санитарномъ содержаніи города вообще, напр. очищать улицы и площади отъ сора, всякой падали, пыли и т. п.

Еще большее значеніе въ смыслѣ предупрежденія заболѣваній имѣетъ удаленіе за черту города промысловъ, портящихъ воздухъ, загрязняющихъ воду, причиняющихъ беспокойство жителямъ и т. п.

Всѣ перечисленныя заботы лежатъ на органахъ самоуправления, которымъ законодатель преподаетъ лишь самыя общія указанія, не желая стѣснять общественной дѣятельности въ области самыхъ насущныхъ интересовъ.

Такъ, въ нашемъ Уставѣ медицинской полиціи можно найти указанія „общихъ мѣръ къ охраненію здравія народнаго“ (Уставъ врачебный, книга II, раздѣлъ 2, Уставъ медицинской полиціи, ст. 620—631). Городская, уѣздная и сельская полиція наблюдаетъ, чтобы на улицахъ, на дорогахъ, на мостахъ и возлѣ оныхъ нигдѣ не было ничего такого, что можетъ заражать воздухъ. Поэтому, городская полиція наблюдаетъ, 1) чтобы улицы противъ каждаго дома были чисты, и нечистоты были отвозимы въ указанныя полиціею мѣста, 2) чтобы вездѣ по сторонамъ улицы были устроены канавки для стоковъ воды и всегда содержались въ надлежащей исправности, 3) чтобы площади во всякое время года были чисты, 4) чтобы на дворахъ не было нечистоты. Чистить улицы, ряды, рынки и прочія

мѣста въ городахъ обязаны сами обыватели, а именно каждый противъ своего дома. Въ деревняхъ также каждый хозяинъ долженъ подметать и очищать улицу противъ своего дома точно также, какъ онъ очищаетъ свою избу.

Падшій скотъ нельзя оставлять на площадяхъ, улицахъ, дворахъ и т. п., но вывозить на указанные мѣста и надлежащимъ образомъ зарывать.

Фабрики и заводы, портящіе воздухъ и воду.

Многія фабрики и заводы отбросами своего производства заражаютъ воздухъ и особенно загрязняютъ воду, напр. красильни; одни остатки отъ производства всплываютъ на поверхность воды и заражаютъ воздухъ, другіе портятъ воду, осѣдая на днѣ рѣки, убиваютъ рыбу. Наконецъ гарь, уголь, носящіяся въ воздухѣ, очень вредны для человѣческаго организма.

На санитарную полицію и выпадаетъ обязанность разрѣшать и допускать открытіе фабрично-заводскихъ промысловъ въ томъ или другомъ мѣстѣ на основаніи классификаціи ихъ по степени вреда ихъ для здоровья населенія. Съ этой точки зрѣнія заслуживаетъ вниманія французская практика (*loi sur les établissements nuisibles et dangereux*). Желаящіе открыть фабрику подають мэру заявленіе, съ указаніемъ мѣста будущей фабрики и характера ея производства. Мэръ вывѣшиваетъ объявленіе объ этой просьбѣ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ имѣетъ открыться заводъ. Каждый, считающій данное производство почему-либо вреднымъ для здоровья населенія, можетъ сдѣлать соотвѣтствующее заявленіе, которое разсматривается въ совѣтѣ префекта. Недовольный состоявшимся рѣшеніемъ можетъ обжаловать его въ государственный совѣтъ (*conseil d'état*).

Въ Россіи только безвредныя фабрики и заводы могутъ быть разрѣшаемы органами общественнаго управленія (городскими управами), причемъ списки такихъ фабрикъ составляются ежегодно Министерствомъ Финансовъ (по Отдѣлу торговли и мануфактуръ); для всѣхъ-же остальныхъ фабрикъ требуется особое разрѣшеніе.

Фабрикъ и заводовъ, вредныхъ чистотѣ воздуха, въ городахъ и выше городовъ по теченію рѣкъ и протоковъ строить не дозволяется (Уставъ строительный, ст. 165). Бойни надлежитъ строить внѣ города, не выше онаго по теченію рѣки или протока, отъ мясныхъ рядовъ особо и содержать ихъ въ чистотѣ (Уставъ врачебный, ст. 630).

Кладбища.

Вопросъ о рациональномъ устройствѣ и содержаніи кладбищъ есть одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ общественной гигиены не только въ нашихъ большихъ городахъ, но и въ мелкихъ провинціальныхъ городахъ и селахъ.

Издавна законодательства религіозныя занимались вопросомъ о погребеніи умершихъ, причѣмъ безъ сомнѣнія играли роль и санитарныя соображенія, однако послѣднія получили ясный и самостоятельный характеръ лишь въ позднѣйшее время, тогда какъ раньше законодатель предписывалъ извѣстныя условія для погребенія въ цѣляхъ судебно-медицинскихъ (во избѣжаніе скрытія преступленія) и ради предупрежденія погребенія мнимо-умершихъ.

Заботы санитарной полиціи касаются прежде всего мѣстоположенія кладбищъ. Въ городахъ погребеніе разрѣшается на разстояніи не ближе 100 сажень отъ послѣдняго городского жилья. Но города все разрастаются, заключая въ свою черту и кладбища, бывшія за городомъ. Въ 1871 г. было издано Высочайшее повелѣніе о закрытіи большинства городскихъ кладбищъ С.-Петербурга, съ запрещеніемъ ихъ расширенія и обязательствомъ опредѣленія числа свободныхъ мѣстъ для погребенія; однако администрація кладбищъ нерѣдко обходитъ это ограниченіе. Тогда-же учреждены были 2 загородныя кладбища (Преображенское и Успенское) по линіи желѣзныхъ дорогъ, вдали отъ городскихъ строеній.

Въ селеніяхъ нашъ законъ дозволяетъ хоронить на разстояніи полуверсты отъ жилищъ, что также часто нарушается, ибо принято хоронить въ частныхъ помѣстьяхъ; въ данномъ случаѣ привходитъ вліяніе обычая, заставляющаго обходить запретъ.

Срокъ погребенія также важенъ для обезпеченія чистоты воздуха и для предупрежденія погребенія мнимо-умершихъ. Въ однѣхъ странахъ, напр., въ Германіи, погребеніе совершается очень скоро послѣ смерти, въ другихъ, напр. у насъ, срокъ длиннѣе. Обычно предписано хоронить умершихъ по истеченіи 3 сутокъ по удостовѣреніи въ смерти.

Во время лѣтнихъ жаровъ срокъ этотъ можетъ быть сокращенъ до однѣхъ сутокъ (Уставъ врачебный, ст. 703).

Относительно предупрежденія погребенія мнимо-умершихъ надо сказать, что наука не выработала еще точныхъ способовъ распознаванія дѣйствительной смерти.

Слѣдуетъ еще упомянуть, что законъ даетъ довольно подробныя указанія, какъ должно совершаться самое погребеніе, для предупрежденія заразы отъ трупнаго разложенія. Статьею 713 Устава медицинской полиціи предписывается зарывать сколь можно глубже, чтобы глубина ямы была не менѣе 2 $\frac{1}{2}$ аршинъ глубиною. Это постановленіе сдѣлано несомнѣнно подѣ влияніемъ требованій науки, рекомендовавшей глубокое зарытіе труповъ, чтобы воспрепятствовать выходу могильныхъ газовъ, въ которыхъ видѣли источникъ зараженій и приписывали имъ вредоносное дѣйствіе.

Между тѣмъ, современное состояніе гигиены заставляетъ признать общимъ правиломъ, что законная глубина могиль черезчуръ велика. Гигиена учитъ, что уровень погребенія труповъ долженъ находиться не ниже самаго высшаго уровня почвенной воды, такъ какъ почвенная вода вытѣсняетъ изъ поръ воздухъ и, такимъ образомъ, пріостанавливаетъ на извѣстное, и притомъ довольно долгое время процессъ окисленія труповъ. Такимъ образомъ, подѣ кладбища должно выбирать мѣста возвышенныя, свободныя отъ наводненій и хорошо провѣтриваемыя. При выборѣ мѣста подѣ кладбище необходимо сообразоваться съ характеромъ почвы. Лучшей считается та почва, у которой поры болѣе широки, благодаря чему воздухъ и вода сквозь нихъ свободнѣе циркулируютъ. Между тѣмъ при устройствѣ нашихъ кладбищъ на характеръ почвы не обращается, обыкновенно, никакого вниманія. Единственно, чѣмъ руководствуются при выборѣ мѣста подѣ кладбище — это только тѣмъ, чтобы использовать самое плохое мѣсто, не пригодное ни для какихъ другихъ практическихъ цѣлей.

Въ послѣднее время выдвинулся вопросъ о сожженіи труповъ умершихъ, практиковавшемся уже издавна. Главное возраженіе противъ сожженія зиждется на томъ, что послѣднее, нарушая старыи обычай, освященный церковью, можетъ возбудить народное недовольство. До сихъ поръ сожженіе труповъ распространено только въ Италіи, гдѣ оно примѣняется съ 1874 года. Противъ кремациі высказывается духовенство христіанскихъ исповѣданій, въ томъ числѣ и православное.

§ 28. Полиція рынка.

Государство и общество должны придти на помощь отдѣльнымъ лицамъ въ такомъ важномъ для здоровья дѣлѣ,

какъ охраненіе безвредности съѣстныхъ припасовъ, такъ какъ способы распознаванія испорченныхъ продуктовъ мало извѣстны и требуютъ нерѣдко специальныхъ знаній.

Заботы о предупрежденіи торговли испорченными продуктами выражаются въ постановленіяхъ полиціи относительно мѣстъ продажи, времени ея, чистоты сохраненія продуктовъ. За этимъ наблюдаютъ 2 рода органовъ: 1) правительственная полиція и 2) рыночные смотрители, назначаемые городскими управленіями.

Обезпеченіе доброкачественности предметовъ первой необходимости стоитъ въ зависимости отъ финансоваго и географическаго положенія города; большую роль играютъ окружающія городъ селенія, занятія производствомъ продуктовъ и снабжающія ими городъ. Налоги на торговлю пищевыми продуктами не должны быть отяготительны. Кромѣ того громадное вліяніе на качество продуктовъ оказываетъ способъ ихъ доставки; для городского населенія на первомъ планѣ стоитъ правильная организація снабженія городскихъ поселеній мясомъ скота для пищи. Въ Россіи въ виду того, что подъѣздныхъ путей еще мало, мясо перевозится не въ готовомъ видѣ, а въ гуртахъ до магистральной линіи, гдѣ скотъ грузится въ вагоны. Но скотъ при перевозкѣ теряетъ въ вѣсѣ, мясо дѣлается хуже, а между тѣмъ расходы по перевозкѣ сильно его удорожаютъ.

Все это ближе всего касается жителей города, почему вопросы эти и подлежатъ рѣшенію органовъ городского управленія; лишь самыя общія предписанія можно найти въ Уставѣ медицинской полиціи, въ главахъ II—V. Такъ, полиція, а равно городскія общественныя управленія наблюдаютъ, чтобы нигдѣ не продавались съѣстные припасы не свѣжіе и вредные для здоровья, какъ-то дурной хлѣбъ, гнилое мясо, или рыба, масло, овощи, плоды и т. п. Въ частности относительно болѣе распространенныхъ продуктовъ потребленія существуютъ слѣдующія постановленія. Продаваемый хлѣбъ не долженъ быть сырой или недопеченый. Запрещается продажа мяса скота палаго, или убитаго въ такое время, когда онъ находился въ болѣзненномъ состояніи, или издохшихъ птицъ (Уставъ медицинской полиціи, ст. 633). Запрещается также надувать мясо, чтобы придать ему лучшій видъ.

Въ отвращеніе вреда отъ кондитерскихъ издѣлій, приготавливаемыхъ изъ дурныхъ припасовъ и безъ надлежащихъ

познаній и должной осторожности при смѣшеніи разныхъ веществъ, входящихъ въ составъ сихъ издѣлій, запрещается пряничникамъ и лавочникамъ продавать кондитерскіе товары, если они на производство сихъ продуктовъ не приобрѣли права установленнымъ порядкомъ. Запрещается торговля спитымъ чаемъ и чаемъ копорскимъ (Ibidem, ст. 639).

Полиція также должна обращать вниманіе на составъ, изъ коего дѣлаются сосуды, употребляемые для варенія, приготовления и храненія пищи и питья, чтобы этимъ путемъ продуктамъ не сообщалось вреднаго свойства. Продавцамъ кваса запрещается держать его въ такихъ боченкахъ, къ коимъ придѣланы мѣдные краны (Ibidem, ст. 653).

Борьба съ фальсификаціею.

Въ настоящее время большая часть предметовъ первой необходимости можетъ быть фальсифицирована, т. е. замѣнена другими веществами меньшей цѣнности, или приготовлена въ такомъ расчетѣ, что внѣшній видъ этихъ продуктовъ не соотвѣтствуетъ ихъ содержанію, или составу.

Фальсификація питательныхъ продуктовъ и питей, взлѣбляющая корыстолюбіемъ и невѣжествомъ, чрезвычайно опасна для общества и государства, такъ какъ не щадитъ совершенно народнаго здоровья и подрываетъ многія отрасли сельскаго хозяйства и промышленности. Торговецъ, пользуясь отсутствіемъ достаточнаго надзора и карательныхъ законовъ, не брезгая никакими средствами, заполняетъ рынокъ поддѣльными продуктами. Отсутствіе спеціальныхъ, доступныхъ публикѣ лабораторій, испытательныхъ станцій и т. п., неприятная перспектива хожденія по судамъ съ сомнительнымъ исходомъ своего праваго дѣла, дѣлаютъ положеніе потребителя безпомощнымъ.

Опытъ Западной Европы показалъ, что для пресѣченія фальсификаціи пищевыхъ веществъ, необходимы спеціальныя законы, контроль и лабораторіи. Должны быть даны ясныя указанія относительно нормальнаго состава отдѣльныхъ продуктовъ и установлены соотвѣтственныя наказанія для народныхъ отравителей.

И у насъ въ Россіи болѣе или менѣе успѣшная борьба съ фальсификаціею возможна лишь при руководствѣ правительства и дружномъ содѣйствіи общественныхъ органовъ и частныхъ лицъ. Поддѣлка пищевыхъ продуктовъ должна быть преслѣдуема сурово и безпощадно. Если без-

пріютнаго и голоднаго нищаго ведутъ въ тюрьму за стянутую съ прилавка булку, то вопіюще несправедливо оставлять разгуливать на свободѣ фальсификатора, который грабитъ потребителя, какъ воръ и покушается на его жизнь, (отравленіемъ организма), какъ профессиональной отравитель.

Борьба съ фальсификаціею имѣетъ свою исторію. Уже въ средніе вѣка въ Германіи городскія власти и цехи устанавливали надзоръ за продажею пищевыхъ продуктовъ, запрещающая ихъ фальсификацію. Тѣмъ не менѣе фальсификація практиковалась, причѣмъ недобросовѣстные торговцы иногда жестоко платились за обманъ. Къ булочникамъ, клавшимъ въ хлѣбъ вредныя для здоровья примѣси въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ примѣнялось слѣдующее традиціонное наказаніе: ихъ сажали въ клѣтку и до трехъ разъ окунали въ рѣкѣ; иногда фальсификатора заставляли съѣсть или выпить продукты своего издѣлія, что часто равнялось смертному приговору.

Съ XVI столѣтія предупредительныя мѣры противъ фальсификаціи пищевыхъ продуктовъ дополняются постановленіями уголовнаго уложенія Карла V и полицейскими распоряженіями германскаго сейма.

Въ XIX столѣтіи, благодаря поразительнымъ успѣхамъ химіи и технологіи, фальсификація пищевыхъ продуктовъ принимаетъ колоссальныя размѣры; она угрожаетъ жизни и здоровью гражданъ, причиняетъ имущественный ущербъ и препятствуетъ развитію сельскохозяйственной промышленности; при такихъ условіяхъ фальсификація пищевыхъ продуктовъ получаетъ значеніе общественнаго бѣдствія.

Во второй половинѣ 70-хъ годовъ прошлаго вѣка въ Германіи начинаютъ раздаваться громкія жалобы на фальсификацію, нашедшія откликъ въ рейхстагѣ и побудившія имперскаго канцлера образовать особую комиссію для изученія вопроса и выработки мѣръ противъ фальсификаціи. Жалобы публики нашли полное подтвержденіе въ матеріалахъ, собранныхъ комиссіей. Оказалось, что большая часть пищевыхъ продуктовъ подвергается фальсификаціи, нерѣдко весьма вредной для здоровья.

Дѣйствующій германскій законъ о пищевыхъ продуктахъ и предметахъ потребленія распадается на предписанія предупредительно — полицейскія и уголовно-карательныя. Первые — заключаются: 1) въ правѣ полицейскихъ чиновъ контролировать торговлю пищевыми продуктами, отбирать

пробы и представлять ихъ для изслѣдованія въ испытательныя станціи; и 2) въ полномочіи данномъ императору издавать, съ согласія союзнаго совѣта, распоряженія для охраненія народнаго здравія.

Въ уголовномъ отдѣлѣ закона пополняются пробѣлы прежнихъ узаконеній, назначеніемъ уголовного наказанія за приготовленіе и продажу „вредныхъ“ для здоровья предметовъ¹⁾.

Вопросъ о фальсификаціи въ русскомъ законодательствѣ совершенно не разработанъ. Главное вниманіе, какъ извѣстно, обращено на борьбу съ продажей припасовъ испорченныхъ, а потому вредныхъ для здоровья. Точнаго опредѣленія запретной фальсификаціи русской законъ не даетъ, предоставляя широкое поле для судебной практики.

Дѣйствующимъ Уставомъ медицинской полиціи предписывается обращать бдительное вниманіе на составъ, изъ коего дѣлаются сосуды, употребляемые для варенія, приготовленія и храненія пищи и питья, чтобы оный не сообщалъ имъ вреднаго свойства.

Лишь статьи 642—650 говорятъ о фальсификаціи въ собственномъ смыслѣ, а именно о способахъ выдѣлки искусственнаго масла (т. н. маргарина) и отъ условій дозволенной его продажи.

Коренной недостатокъ нашего дѣйствующаго законодательства заключается въ установленіи наказуемости за фальсификацію лишь при условіи опасности ея для здоровья.

Для дѣйствительнаго обузданія фальсификаціи слѣдуетъ принять принципъ, что всякая фальсификація не должна быть терпима, независимо отъ послѣдствій, вызванныхъ ея обманными дѣйствіями, направленными на эксплуатацію обывателя.

Ядовитыя и сильнодѣйствующія вещества.

При регулированіи торговли ядовитыми и сильнодѣйствующими веществами имѣется въ виду достиженіе двухъ цѣлей: предупредить возможность отравленія и не стѣснять промышленности излишнею регламентаціею въ виду того, что многіе ядовитые составы употребляются въ нѣкоторыхъ отрасляхъ производства.

1) Stengel. Wörterbuch des deutschen Verwaltungsrechts. Zweiter Band. Freiburg. 1890, S. 152—158.

Въ нашемъ врачебномъ уставѣ имѣются отрывочныя постановленія, запрещающія употребленіе мышьяковистыхъ красокъ для обоевъ, дѣтскихъ игрушекъ, матерій, конфектныхъ издѣлій и т. п.; воспрещается выдѣлка визитныхъ картъ, обертокъ изъ т. наз. papier pasté.

Вещества ядовитыя и сильнодѣйствующія раздѣлены на 4 разряда, перенесеніе каковыхъ изъ одной категоріи въ другую предоставлено медицинскому совѣту, который долженъ въ семъ случаѣ сообразоваться съ успѣхами химіи и требованіями медицинской полиціи.

Къ первому разряду отнесены ядовитыя вещества, по преимуществу удобныя для употребленія съ злоумышленною цѣлью. Ко второму — вещества ядовитыя и сильнодѣйствующія, употребительныя въ техникѣ и притомъ неудобныя для злоумышленного употребленія. Третій и четвертый разряды заключаютъ въ себѣ ядовитыя и сильнодѣйствующія вещества исключительно необходимыя для фармацевтическаго употребленія; изъ нихъ вещества, привозимыя изъ за-границы и употребляемыя на фабрикахъ и въ аптекахъ, помѣщены въ третьемъ разрядѣ, а въ четвертомъ — вещества туземныя, доступныя всякому и свободно обращающіяся (Уставъ врачебный, ст. 663).

Фабриканты, художники, ремесленники, ученые (химики) могутъ покупать вещества перваго разряда на основаніи особаго свидѣтельства отъ своего начальства, ремесленной управы, цеха или полиціи, причемъ каждая такая покупка заносится въ шнуровую книгу продавца, а также дѣлается отмѣтка о семъ на свидѣтельствѣ.

Вещества втораго разряда отпускаются покупателю, имѣющему свидѣтельство о благонадежности, или лично извѣстному продавцу, съ занесеніемъ произведенной продажи въ обыкновенныя купеческія книги.

Вещества третьаго разряда, употребляемыя только для врачеванія, дозволяется купцамъ продавать лишь въ аптеки и по каталогамъ или требованіямъ врачей.

Вещества четвертаго разряда, состоящія изъ дико растущихъ и собираемыхъ въ Россіи лѣкарственныхъ средствъ, въ мѣстахъ ихъ добыванія мотутъ продаваться свободно, но въ городахъ и вообще тамъ, гдѣ есть москательныя лавки не иначе, какъ въ эти заведенія.

На ярмаркахъ торговля ядовитыми и сильнодѣйствующи-

щими веществами дозволяется безъ всякихъ ограниченій, за исключеніемъ веществъ перваго разряда, которыя могутъ быть продаваемы лишь съ соблюденіемъ вышеизложенныхъ условій.

За соблюденіемъ указанныхъ требованій врачебнаго устава надзирають мѣстное медицинское начальство и органы общей полиціи. Въ уѣздныхъ городахъ свидѣтельствованіе лавокъ и магазиновъ можетъ быть производимо, по порученію губернскаго медицинскаго начальства, уѣздными и городскими врачами (Уставъ врачебный, ст. 688).

§ 29. Мѣры предупрежденія болѣзней.

Нынѣшнее состояніе медицины указываетъ полицейской дѣятельности государства на многія условія общественной жизни, вслѣдствіе которыхъ проистекають болѣзни. Обязанность государства — воздѣйствовать на эти условія и принимать мѣры противъ болѣзней отъ нихъ происходящихъ.

Одной изъ первыхъ заботъ должно быть предупрежденіе болѣзней въ дѣтскомъ возрастѣ.

1. Болѣзни наслѣдственныя, какъ уже издавна было замѣчено, являются въ видѣ послѣдствій извѣстнаго рода браковъ, вредно вліяющихъ на потомство. Условія, которыя оказываютъ вредъ въ брачномъ союзѣ, выяснены медициною, вслѣдствіе чего законодательство установило нѣкоторыя ограниченія для лицъ, вступающихъ въ бракъ. Надо замѣтить, что законодатель не идетъ въ области брачнаго права самостоятельно, а слѣдуетъ каноническому праву, причемъ отпечатокъ духовнаго характера сохранили положенія объ этомъ вопросѣ даже тѣ законодательства, которыя установили гражданскую форму брака; поэтому, при опредѣленіи вопроса объ ограниченіяхъ брака, надо принять во вниманіе вѣроисповѣданіе лицъ.

Первое условіе — возрастъ супруговъ. Слишкомъ молодой возрастъ брачующихся вреденъ для будущаго потомства, но вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ помнить, что наступленіе половой зрѣлости индивидуально и законодательное опредѣленіе ея срока трудно. Вотъ почему по русскому закону, наряду съ общимъ срокомъ — 18 лѣтъ для мужчинъ и 16 лѣтъ для женщинъ, допускаются исключенія. Въ крестьянскомъ быту ранніе браки составляютъ историческое явленіе; поэтому архіе-

рею предоставлено, въ каждомъ случаѣ особо, разрѣшать вступленіе въ бракъ полугодомъ ранѣе законнаго срока. Съ другой стороны исключенія вызываются племенными особенностями и климатическими условіями; напр., въ Закавказьѣ законный возрастъ туземцевъ для вступленія въ бракъ — 15 лѣтъ для мужчинъ и 13 лѣтъ для женщинъ.

Слишкомъ поздніе браки влекутъ не меньшій вредъ для потомства, почему наше законодательство устанавливаетъ предѣльный брачный возрастъ — 80 лѣтъ.

Экспериментальная медицина выяснила, что неблагоприятное вліяніе на потомство имѣетъ и слишкомъ большая разница въ возрастѣ между супругами, но это положеніе, какъ не безспорное, не получило законодательнаго признанія.

Второе условіе, влекущее законодательныя ограниченія, есть болѣзненное состояніе супруговъ. Это условіе столь существенно для здоровья потомства, что вызвало со стороны нѣкоторыхъ врачей требованіе освидѣтельствованія намѣреющихся вступить въ бракъ. Но эта мѣра внесла-бы слишкомъ много стѣсненій и потому не принята законодательствомъ.

Русскій законъ знаетъ одну болѣзнь, препятствующую вступленію въ бракъ — психическое расстройство. Впрочемъ въ этомъ запретѣ главную роль играетъ невозможность для душевно-болѣзнаго сознательно выразить свою волю при заключеніи брачнаго союза, а не предполагаемый вредъ для потомства.

Въ западныхъ государствахъ этотъ вопросъ поставленъ шире; проектировалось даже запрещеніе брака сифилитиковъ и чахоточныхъ, но подобный запретъ вызвалъ-бы массу неудовольствій и недоразумѣній при проведеніи его въ жизнь.

Третье условіе, ограничивающее брачный союзъ — это принципъ родства и свойства. Физиологія учитъ, что потомство отъ союза между родными получается слабое и психически расстроенное. Однако экспериментальная медицина не даетъ точныхъ указаній для запрета браковъ между родными. Нашъ законъ запрещаетъ браки православныхъ съ родственниками по прямой линіи, а по боковой — до 5-ой степени родства и свойства.

Католическая религія смотритъ снисходительнѣе на родственные браки, запрещая браки между нисходящими и восходящими, а въ боковыхъ линіяхъ — между братьями и сестрами, между теткою и племянникомъ.

Евангелическо-лютеранское исповѣданіе вноситъ еще болѣе либеральный принципъ, чѣмъ нѣкоторые писатели и объясняютъ тотъ общеизвѣстный фактъ, что въ странахъ съ населеніемъ протестантскимъ болѣе глухонѣмыхъ, чѣмъ въ мѣстностяхъ съ населеніемъ католическимъ.

2. Болѣзни во время родовъ. Въ интересахъ будущихъ поколѣній государственная власть беретъ беременныхъ женщинъ подъ свою особенную защиту, грозя квалифицированнымъ наказаніемъ за оскорбленія женщинъ въ періодъ ихъ беременности и принимая рядъ мѣръ для огражденія жизни плода. Для этой цѣли государство организуетъ акушерскую помощь населенію и преподаетъ особыя правила, обеспечивающія успѣшную дѣятельность медицинскаго персонала (Уставъ врачебный, ст. 107—131).

3. Необходимо озаботиться и о предупрежденіи болѣзней, происходящихъ отъ дурного вскармленія и воспитанія. Бываютъ случаи, когда матери по тѣмъ или инымъ причинамъ не кормятъ сами своихъ дѣтей. Государство и общество въ такихъ случаяхъ и принимаютъ на себя заботу о младенцахъ, надзирая за отправленіемъ промысла кормилицъ, организуя пріюты — ясли для дѣтей рабочаго класса, открывая воспитательные дома для подкидышей и т. п.

Подрастающее поколѣніе также нуждается въ спеціальныхъ о немъ заботахъ, такъ какъ замѣчено, что многія болѣзни являются слѣдствіемъ неудачно поставленныхъ занятій въ школь: неудобная мебель вызываетъ нерѣдко искривленіе позвоночника, дурное освѣщеніе — т. наз. школьную близорукость, плохое питаніе, тѣснота помѣщенія — малокровіе и т. п.

Возникаетъ особая дисциплина — школьная гигиена, которая занимается изученіемъ всѣхъ условій, обеспечивающихъ рациональную постановку школьнаго дѣла вообще, и вырабатываетъ руководящія начала для общественной и государственной дѣятельности.

§ 30. Заразительныя и повальныя болѣзни. Карантинъ.

Знаменитый ученый, директоръ Пастеровскаго института, Э. Дюкло въ своей „соціальной гигиенѣ“ ¹⁾ утверждаетъ,

1) Э. Дюкло. Соціальная гигиена. Переводъ съ французскаго. С.-Петербургъ. 1904.

что больные оспой, тифомъ, чахоткой, сифилисомъ и т. п. не только заслуживаютъ попеченія здоровыхъ въ силу человѣколюбія, но и требуютъ внимательнаго ухода за собою, какъ очаги заразы, какъ существа опасныя для общества. Забота о нихъ не есть дѣло лишь милосердія, а средство самозащиты цѣлаго общества.

На долю полицейской дѣятельности государства выпадаетъ организація общей системы борьбы съ заразными болѣзнями, т. е. съ тѣми, которыя передаются воздухомъ, водою, прикосновеніемъ и т. п. До сихъ поръ медицина не знаетъ вполне рациональныхъ способовъ ихъ леченія, довольствуясь нерѣдко лишь изоляціею больныхъ, чтобы зараза не распространялась далѣе.

Съ точки зрѣнія современной постановки вопроса о борьбѣ съ эпидемическими болѣзнями интересна Бельгійская санитарная инструкція 1890 года.

Всякій, говоритъ инструкція, кто несетъ нравственную или служебную отвѣтственность за здоровье подчиненныхъ ему лицъ, начальникъ, семьянинъ, обязанъ сообщить о заразительномъ заболѣваніи санитарной полиціи. Послѣдняя, получивъ извѣщеніе, тотчасъ-же должна произвести подробное изслѣдованіе условій жизни и промысловой дѣятельности заболѣвшаго и его окружающихъ, причемъ могутъ быть приняты слѣдующія мѣры: 1) изолированіе больного. Врачъ, убѣдившись въ плохомъ качествѣ помѣщенія больного, вентиляціи и т. п., долженъ употребить всѣ средства убѣжденія, въ крайнемъ случаѣ примѣнить принужденіе, чтобы больной перешелъ въ госпиталь; за недостаткомъ мѣстъ санитарная полиція должна найти изолированный домъ для помѣщенія больныхъ, причемъ должны быть особыя комнаты для каждаго рода заразныхъ болѣзней. Для перевозки больныхъ должны быть спеціальныя экипажи. Если признаки контагіозной болѣзни проявятся у обучающагося въ школѣ, то онъ немедленно отсылается домой и принимается назадъ лишь по свидѣтельству врача. Если эпидемія проникнетъ въ самую школу, то занятія прерываются и возобновляются лишь послѣ тщательной дезинфекціи. Слѣдовательно, учебный интересъ долженъ уступить мѣсто заботѣ скорѣйшаго прекращенія эпидеміи. Санитарные органы могутъ воспретить посѣщеніе дома, гдѣ есть умершій, до полной дезинфекціи, также какъ устранить нѣкоторыя религіозныя церемоніи.

2. Сверхъ того должна быть произведена дезинфекція, какъ помѣщенія больного, такъ и всѣхъ находящихся въ его обиходѣ вещей.

Бельгійская инструкция различаетъ 7 родовъ особенно частыхъ эпидемическихъ болѣзней; кромѣ того отдѣльно упоминаетъ о заразномъ воспаленіи глазъ въ школахъ и о родильной горячкѣ.

Каковъ объемъ власти полицейско-санитарныхъ органовъ? Нѣтъ сомнѣнія, что они могутъ добиваться исполненія своихъ предписаній силою. Опасность распространенія эпидеміи такъ велика, а общее здоровье настолько важно, что строгость противъ сопротивляющихся мѣрамъ борьбы съ эпидеміями вполне разумна. Недаромъ въ древности всякій могъ безнаказанно убить лепрознаго больного изъ опасенія зараженія отъ него, а теперь по нашему законодательству за побѣгъ изъ карантина положена смертная казнь, причемъ карантинный стражникъ можетъ безнаказанно убить всякаго, покушающагося перейти карантинную черту.

Русскій законъ также возлагаетъ на домохозяина, врача, квартиранта и наконецъ каждаго лица, въ домѣ котораго обнаружится заразительное заболѣваніе, обязанность донести о семъ мѣстному полицейскому начальству для принятія соотвѣтственныхъ мѣръ (Уставъ врачебный, ст. 731—733).

Въ большихъ городахъ ведется у насъ статистика заразныхъ болѣзней: врачи и домохозяева на особыхъ бланкахъ посылаютъ увѣдомленія въ статистическое бюро.

Мѣры для предупрежденія сифилиса.

Въ интересахъ всего человѣчества необходимо принять самыя энергичныя мѣры противъ распространенія сифилиса, какъ очага нравственнаго и физическаго вырожденія. Главное зло сифилиса не въ томъ, что заразившійся имъ болѣетъ, становится неспособнымъ къ труду и совершенно погибаетъ, а въ томъ, что этотъ больной такъ или иначе передаетъ свою болѣзнь десятку другихъ здоровыхъ лицъ и оставляетъ послѣ себя неизгладимый слѣдъ въ лицѣ своего потомства, которое, благодаря своимъ прирожденнымъ недостаткамъ, будетъ распространять зло повсюду. Успѣхи медицины съ каждымъ днемъ открываютъ все болѣе и болѣе безотрадныя картины человѣческихъ бѣдствій отъ сифилиса; сифилисъ имѣетъ огромное общественное значеніе, такъ какъ цѣлый рядъ стра-

даній, поражающихъ человѣческой организмъ имѣеть сифились въ качествѣ этиологическаго момента.

Предупредительныя мѣры въ отношеніи сифилиса тѣсно связаны съ вопросомъ регламентаціи промысловаго разврата, какъ главнаго источника зараженій.

Эта регламентація выражается въ организаціи санитарнаго надзора за домами терпимости и т. наз. тайной проституціей.

Первоначально на органовъ полиціи исполнительной было возложено наблюденіе за проститутками ради предупрежденія производимаго ими соблазна. Позднѣе къ этому присоединяются мѣры санитарныя ради огражденія народа отъ распространенія сифилиса. Въ 1843 г. возникли т. наз. врачебно-полицейскіе комитеты въ обѣихъ столицахъ, Вильнѣ, Ригѣ и Нижнемъ-Новгородѣ для медицинскаго освидѣтельствованія проституттокъ.

Въ настоящее время въ самыхъ большихъ городахъ дѣйствуютъ врачебно-полицейскіе комитеты, въ нѣкоторыхъ городахъ — особыя санитарныя комиссіи и наконецъ во многихъ мѣстностяхъ Россіи надзоръ за проститутками всецѣло лежитъ на органахъ общей полиціи. Въмѣстѣ съ тѣмъ законъ нашъ старается открывать тайные очаги заразы. Пользующіеся отъ заразительной болѣзни въ госпиталяхъ допрашиваются отъ кого заразились, и буде заразившія ихъ женщины окажутся виновными въ непотребствѣ и суть бродящія, подлыя и подозрительныя дѣвки, таковыхъ брать и лечить отъ заразительной болѣзни въ госпиталяхъ... Тѣ изъ непотребныхъ женщинъ и дѣвокъ, которыя имѣютъ происходящую отъ ихъ образа жизни заразительную болѣзнь, должны открывать о томъ врачу при самомъ началѣ болѣзни (Уст. о пред. и пресѣч. прест., ст. 158).

Врачебно-полицейскіе комитеты принимаютъ мѣры для тщательнаго освидѣтельствованія проституттокъ, живущихъ въ домахъ терпимости (2 раза въ недѣлю) и проституттокъ-одиночекъ (1 разъ въ недѣлю). Кромѣ того на тотъ-же комитетъ возложена обязанность нравственнаго воздѣйствія на проституттокъ и облегченія имъ возврата къ добропорядочной жизни.

Освидѣтельствованіе проституттокъ, производимое въ цѣляхъ борьбы съ сифилисомъ, за послѣднее время вызываетъ сильныя нареканія. Аболиціонисты настаиваютъ на

томъ, что насильственный надзоръ за поведеніемъ и здоровьемъ женщинъ есть вещь безнравственная, незаконная, нарушающая принципъ свободы челоуѣческой личности и, главное, безцѣльная, такъ какъ регламентированная проституція не предохраняетъ вполне отъ зараженія сифилисомъ. Или дайте совершенно здоровую проституцію и для достиженія этой цѣли подвергайте ее регламентаціи, или-же, если этого нельзя достигъ, оставьте ее безъ надзора и предоставьте каждому заботиться о своемъ здоровьѣ. Или должно быть полное оздоровленіе проституціи, или полная ея свобода — вотъ главные аргументы аболиціонизма, вновь высказанные на послѣдней конференціи въ Брюсселѣ въ 1902 году.

Но у насъ, гдѣ общественная жизнь только что начинается, распространеніе такого ученія, основаннаго на невѣрныхъ данныхъ и діалектическихъ приѣмахъ, — ученія, говорящаго болѣе чувству, чѣмъ уму, можетъ повести къ мѣропріятіямъ, которыя принесутъ громаднй, труднопоправимый вредъ всему государству ¹⁾.

Необходимо, воспользовавшись указаніями опыта и критики, видоизмѣнить регламентацію проституціи въ санитарномъ и правовомъ отношеніяхъ, чтобы обезопасить общество отъ нравственнаго и физическаго разложенія и снять съ него упрекъ въ угнетеніи „жертвъ общественнаго темперамента“.

Въ тѣхъ-же цѣляхъ огражденія здоровья населенія производятся обязательные осмотры солдатъ, рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ, лицъ, забираемыхъ полиціею за бродяжничество и т. п.

Къ сожалѣнію сельское населеніе Россіи не снабжено достаточными средствами борьбы съ сифилисомъ; проституція въ деревнѣ процвѣтаетъ безпрепятственно, въ виду отсутствія санитарнаго контроля за населеніемъ. Впрочемъ земства прилагаютъ свои усилія для организаціи специальныхъ больницъ для сифилитиковъ, но мѣры эти крайне разрознены и охватываютъ лишь отдѣльныя группы деревенскаго населенія. За послѣднее время въ помощь сельской медицинѣ стали снаряжаться еще особые летучіе медико-санитарныя отряды,

1) Тарновскій. Проституція и аболиціонизмъ. С.-Петербургъ. 1888, стр. 44.

открывающіе временные лечебные пункты, въ наиболѣе нуждающихся въ медицинскомъ пособіи районахъ.

Оспа. Эта болѣзнь была самой распространенной въ XVIII в., уносившей громадное количество жертвъ. Средствомъ борьбы съ нею явилось оспопрививаніе, извѣстное въ древности (въ Китаѣ), но начавшее примѣняться въ Европѣ съ половины XVIII столѣтія. Сначала оспенную матерію прививали отъ человѣка къ человѣку, но послѣ открытія англійскимъ врачомъ Дженнеромъ (въ 1796 г.) коровьей лимфы, стали пользоваться ею, вслѣдствіе ея безвредности въ сифилитическомъ отношеніи.

Хотя со времени введенія предохранительнаго оспопрививанія процентъ смертности ощутительно понизился, тѣмъ не менѣе въ средѣ врачей возникло движеніе противъ вакцинаціи, доказывающее, что прививка оспы опасна для человѣческаго организма, какъ передающая другія болѣзни, и въ крайнемъ случаѣ бесполезна, такъ какъ оспенный ядъ можетъ иммунизировать организмъ лишь на короткій срокъ. Тѣмъ не менѣе большинство государствъ смотритъ на прививку оспы, какъ на мѣру предупрежденія страшнаго зла, отъ котораго въ прежнее время въ Европѣ гибло до 400.000 человѣкъ ежегодно.

Въ Россіи заботы объ оспопрививаніи начались съ Екатерины II, привившей себѣ и наслѣднику престола оспу для нагляднаго примѣра своимъ подданнымъ.

Оспопрививаніе было поручено Вольному экономическому обществу, которое и до сихъ поръ успѣшно занимается этимъ дѣломъ.

Въ настоящее время оспопрививаніемъ завѣдуютъ земскія учрежденія на основаніи особыхъ правилъ, составляемыхъ медицинскимъ совѣтомъ.

Поясненіе народу пользы отъ привитія оспы возлагается на приходскихъ священниковъ, успѣшная дѣятельность какихъ лицъ можетъ быть отмѣчена знаками отличія, ихъ сану присвоенными.

Въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ дѣйствуютъ еще т. наз. оспенные комитеты (губернскіе и уѣздные), на которые возлагается общее руководительство оспопрививаніемъ на мѣстахъ.

Русское правительство по отношенію къ оспопрививанію держится системы поощреній, принимая всѣ возможныя мѣры

для распространения вакцинации в массе, настаивая на ревакцинации в случае появления эпидемий.

Чума, желтая горячка, азиатская холера. Эти болезни свирепствовали в древности и в средние века, будучи заносимы с востока, в виду неудовлетворительных там санитарных условий и скученности населения. В Мекке, Медине, Дамаске эти болезни существовали эндемически, проявляясь, главным образом, во время религиозных празднеств, когда стекалась масса богомольцев с целью поклонения местным святыням. В качестве предупредительного средства применялась изоляция судов и лиц, прибывших из зачумленной местности, в течение известного срока (первоначально практиковался 40-дневный срок наблюдения „quarantina“, откуда и контрольные учреждения получили название „карантинных“).

И ныне карантин — главное средство для предупреждения заразы. В 1859 г. заключена была международная конвенция с целью содержания на общий счет комиссии врачей в местах подозрительных с тем, чтобы врачи своевременно оповещали о случаях заразы. Та же обязанность извещения отдельных правительств возложена на консулов.

Несомненно, что при устройстве карантин надо считаться с данными опыта, почему сроки карантинного задержания должны зависеть от времени инкубации болезни, которой желают избежать.

По Уставу о карантинных (Уставъ врачебный, ст. 863—1315) для охранения государства от внесения чумы, желтой горячки, азиатской холеры и других особенно опасных по своей заразительности болезней, учреждены постоянные карантинны, причемъ Министру Внутренних Дѣлъ открытъ кредитъ для устройства временныхъ карантинныхъ тамъ, гдѣ это окажется нужнымъ.

Карантинныя учреждения раздѣляются на морскія и сухопутныя. Въ свою очередь морскія карантинныя учреждения раздѣляются на карантинны и карантинныя агентства, а сухопутныя — на сухопутныя карантинны и карантинныя заставы.

В дѣйствиіи находятся морскія карантинныя учреждения, а сухопутныя держатся только на готовѣ. Изъ морскихъ карантинныхъ учреждений морскія карантинны представляютъ собою полныя карантинныя учреждения, такъ какъ пользуются

правомъ принимать и очищать суда, людей и товары безъ всякаго ограниченія, какого-бы рода ни былъ нечистый патентъ судна и какъ-бы ни были неудовлетворительны условія, въ которыхъ пришло судно.

Карантинныя-же агентства (ихъ два класса) выполняютъ только нѣкоторыя обязанности. Карантинныя агентства перваго класса принимаютъ лишь тѣ суда, которыя могутъ быть очищены во время обсерваціи провѣтриваніемъ и мѣрами гигиеническими; суда-же, требующія для очищенія болѣе коренныхъ мѣръ, отправляются въ карантинъ. Карантинныя агентства втораго класса функционируютъ только для регистраціи проходящихъ судовъ, пропуская суда лишь съ чистымъ патентомъ и въ состояніи вполне удовлетворительномъ.

Морскіе карантинныя состоятъ изъ карантиннаго порта и карантиннаго дома, а сухопутныя — только изъ послѣдняго.

Каждый карантинъ раздѣляется на двѣ части: наружную, или практическую и сомнительную, или внутреннюю. Наружная часть предназначается для людей, пользующихся свободою практикою, а внутренняя — для людей, товаровъ и проч., подлежащихъ карантиннымъ обрядамъ. Внутренняя часть раздѣляется на 4 квартала: пассажирскій, товарный, чумный и кварталъ для очищенія животныхъ. Всѣ карантинныя учрежденія состоятъ въ вѣдомствѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, за исключеніемъ Кавказскаго края, чьи карантинныя учрежденія вѣдаются Министерствомъ Финансовъ. Ближайшій надзоръ за карантинными учрежденіями возлагается на губернаторовъ и градоначальниковъ, а непосредственное управленіе ввѣряется начальнику округа, въ подчиненіи котораго находятся врачи, капитанъ надъ портами, директоры карантинныхъ домовъ, переводчики и карантинная стража.

При объявленіи страны въ карантинномъ положеніи и вообще въ случаяхъ особой важности для разъясненія сомнѣній и недоумѣній и для обсужденія новыхъ предположеній созываются въ городахъ, гдѣ есть карантинъ, карантинныя совѣты (Уставъ о карантинахъ, ст. 901). Они состоятъ изъ начальниковъ карантиннаго и таможеннаго округовъ, коменданта, начальника городской или уѣздной полиціи, губернскаго врачебнаго инспектора (или врача, гдѣ нѣтъ врачебнаго инспектора), городского головы и кромѣ того не менѣе 6 членовъ, избираемыхъ подлежащими начальствами изъ почетныхъ обывателей, преимущественно купцовъ, ведущихъ загранич-

ную торговлю, врачей, членовъ земскихъ управъ и другихъ должностныхъ лицъ разныхъ вѣдомствъ. Сюда-же приглашаются иностранные консулы и консульскіе агенты въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касается интересовъ представляемой ими страны. Въ засѣданія совѣта могутъ приглашаться и эксперты разныхъ отраслей знаній.

Въ случаѣ появленія въ какой-либо мѣстности чумы, азіатской холеры, или желтой горячки, страна эта объявляется въ неблагополучномъ въ отношеніи здоровья, т. е. карантинномъ положеніи.

Россійскія миссіи, консулы и агенты обязаны въ случаѣ появленія въ мѣстахъ ихъ пребыванія признаковъ эпидемическихъ болѣзней немедленно, и, если возможно, по телеграфу увѣдомить о томъ Министровъ Внутреннихъ Дѣлъ и Финансовъ, доводя также о случившемся до свѣдѣнія Министра Иностранныхъ Дѣлъ.

Въ случаѣ-же появленія какой-либо эпидемической болѣзни въ предѣлахъ Россіи, особенно въ пограничныхъ областяхъ Имперіи, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ увѣдомляетъ о семъ Министра Иностранныхъ Дѣлъ для немедленнаго извѣщенія иностранныхъ правительствъ.

Карантинныя мѣропріятія проявляются въ слѣдующемъ:

1. въ требованіи карантиннаго патента у каждаго приходящаго судна;

2. въ исполненіи обрядностей опроса (*reconnaissance*) и дознанія (*arrondissement*), заключающихся въ подробномъ изслѣдованіи состоянія самаго судна въ моментъ прибытія въ портъ, просмотра корабельнаго журнала, въ который вносятся случаи заболѣванія въ пути и т. п.;

3. въ принятіи мѣръ гигиеническихъ, если „дознаніе“ обнаружилъ что-либо подозрительное на суднѣ;

4. въ обсервации и карантинѣ.

Обсервация заключается въ содержаніи судна, пассажировъ, экипажа, груза подъ надзоромъ; внѣ всякаго сообщенія съ другими судами, лицами и т. п.

Карантинъ состоитъ въ примѣненіи, кромѣ усиленныхъ мѣръ обсервации, еще карантиннаго очищенія въ видѣ сожженія, смазки и засыпки негашеною известью, провѣтриванія, омовенія, окурки хлоромъ и т. п. (Уставъ о карантинахъ, ст. 963).

Карантинный патентъ выдается на печатныхъ бланкахъ

по установленной Министерством Внутр. Дѣлъ формѣ карантиннымъ управленіемъ, а гдѣ его нѣтъ — совѣтомъ консуловъ, или консулами той державы, которой принадлежитъ судно. Патентъ есть документъ, удостовѣряющій о благополучномъ или неблагополучномъ состояніи здоровья, какъ въ портѣ, откуда судно вышло, такъ и на самомъ кораблѣ. Патентъ визируется въ каждомъ портѣ, куда заходитъ судно.

Судно съ патентомъ нечистымъ по азіатской холерѣ, или желтой горячкѣ подвергается семидневной обсервациі (сообразно сроку инкубациі болѣзни), а если на самомъ суднѣ были больные — то 15-ти дневной. Судно съ патентомъ нечистымъ по чумѣ — 10-ти дневному карантину, въ случаѣ-же заболѣваній на самомъ суднѣ — 30 дн. карантину.

Относительно служащихъ въ карантинѣ существуютъ особыя положенія. Съ одной стороны они пользуются въ неблагопріятное время извѣстными льготами, напр. получаютъ двойное жалованье, всякій день ихъ службы тамъ считается за 12 дней службы для пенсіи; съ другой-же стороны служащіе при карантинахъ подвергаются извѣстнымъ ограниченіямъ, необходимымъ для цѣлесообразнаго отправленія ихъ серьезныхъ обязанностей: они не могутъ быть душеприказчиками лицъ, выдерживающихъ карантинъ, не могутъ наслѣдовать по завѣщанію (но могутъ явиться законными ихъ наслѣдниками) сихъ лицъ, не могутъ заключать съ ними торговыхъ сдѣлокъ, контрактовъ и т. п. (Уставъ о карантинахъ, ст. 1009).

Существуетъ еще цѣлый рядъ эпидемическихъ заболѣваній, какъ-то дифтеритъ, скарлатина, пятнистый тифъ и др., требующихъ совмѣстныхъ усилій общества и частныхъ лицъ.

Въ зависимости отъ успѣховъ медицинскихъ знаній примѣняются тѣ или другія мѣры противъ распространенія этихъ болѣзней въ формѣ общихъ наставленій Медицинскаго совѣта, повсюду разсылаемыхъ, въ формѣ предохранительныхъ прививокъ и т. п. Въ виду недостаточной устойчивости новыхъ методовъ леченія, законодатель воздерживается отъ обязательнаго ихъ введенія, указывая лишь на необходимость административной освѣдомленности о распространеніи эпидемій въ странѣ.

При появленіи внутри страны заразительныхъ болѣзней сельская полиція должна извѣщать приставовъ, а послѣдніе исправниковъ и земскихъ врачей. Исправникъ и уѣздный врачъ должны немедленно отправиться на мѣсто для освидѣ-

тельствования больных, о чемъ посылается донесеніе начальнику губерніи. Если болѣзнь окажется заразительной, то для больныхъ отводятся особыя помѣщенія.

О появленіи въ уѣздѣ эпидемическихъ болѣзней исправникъ сообщаетъ объ этомъ сосѣднимъ исправникамъ для принятія мѣръ предосторожности. Въ дальнѣйшихъ затѣмъ распоряженіяхъ мѣстная полиція руководствуется предписаніями губернскихъ медицинскихъ властей (Уставъ врачебный, ст. 740—758).

§ 31. Организациа санитарнаго персонала.

Параллельно съ заботою о предупрежденіи болѣзней современное государство принимаетъ участіе въ дѣлѣ врачеванія болѣзней. Оно выражается съ одной стороны въ заботахъ объ организации врачебнаго персонала (врачей, фельдшеровъ, акушерокъ), съ другой-же стороны — въ доставленіи матеріальныхъ средствъ леченія (больницъ, аптекъ, минеральныхъ водъ).

Врачебная помощь.

Въ Россіи медицинская помощь долгое время считалась дѣломъ богоугоднымъ и сосредоточивалась при монастырскихъ больницахъ. Лишь съ XVI вѣка свѣтская власть начинаетъ принимать мѣры для предупрежденія моровыхъ повѣтрій и заразныхъ болѣзней, примѣняя, главнымъ образомъ, изоляцію больныхъ. Первые попытки введенія медико-полицейскихъ мѣръ были сдѣланы Борисомъ Годуновымъ, а первымъ центральнымъ медицинскимъ учрежденіемъ былъ Аптекарскій приказъ, составленный изъ иноземныхъ врачей и дѣйствовавшій подъ начальствомъ боярина.

При Михаилѣ Федоровичѣ упоминаются первые полковые врачи и учреждены полевые аптеки. При Алексѣѣ Михайловичѣ открыта была большая аптека, получившая названіе „новой“, въ отличіе отъ старой, появившейся при Иванѣ IV.

Петръ В., имѣвшій большую склонность къ медицинѣ, старался о развитіи врачебнаго дѣла въ Россіи: онъ выписывалъ иностранныхъ медиковъ, посылалъ молодыхъ русскихъ изучать медицину за-границу, устраивалъ госпиталя и хирургическія училища. Старый Аптекарскій приказъ преобразованъ былъ въ Медицинскую канцелярію, коллегіальное учрежденіе, которое должно было сдѣлаться центральнымъ адми-

нистративно-полицейскимъ учрежденіемъ Имперіи и сосредоточить у себя управленіе всей врачебною частью.

При Екатеринѣ II Медицинская канцелярія замѣнена была Медицинскою коллегіею, при Павлѣ I учреждены были по губернскимъ городамъ врачебныя управы. Но только послѣ организаціи высшаго медицинскаго образованія въ Россіи получила возможность поставить, при учрежденіи министерствъ, центральное управленіе медицинской полиціи надлежащимъ образомъ.

Въ настоящее время гражданское медицинское управленіе принадлежитъ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ по медицинскому департаменту. Въ качествѣ совѣщательныхъ учреждений дѣйствуютъ медицинскій совѣтъ и совѣщательный ветеринарный комитетъ.

Мѣстное управленіе въ губерніяхъ сосредоточивается во врачебныхъ отдѣленіяхъ губернскихъ правленій, состоящихъ изъ врачебнаго инспектора, его помощника и фармацевта.

Врачебный инспекторъ является органомъ надзирающимъ за всѣмъ врачебнымъ персоналомъ въ губерніи. Организація врачебнаго персонала предполагаетъ, кромѣ доставленія со стороны правительства возможности получить надлежащее медицинское образованіе лицамъ, желающимъ посвятить себя врачебному дѣлу, еще заботу о томъ, чтобы леченіемъ не занимались лица не свѣдущія.

По общему правилу лица, прошедшія извѣстный курсъ и выдержавшія установленный экзаменъ, получаютъ званіе врача и связанное съ нимъ право врачебной практики. Но слѣдуетъ ли право врачебной практики ограничить только врачами патентованными — остается до сихъ поръ вопросомъ открытымъ. Въ пользу запрещенія выставляется то положеніе, что среди лекарей-эмпириковъ, встрѣчается много невѣждъ и шарлатановъ, эксплуатирующихъ публику.

Но съ другой стороны, противъ монополизаціи специалистами права практики выдвигаютъ тотъ доводъ, что дѣйствительная способность къ врачеванію экзаменованныхъ врачей не всегда выше практической способности нѣкоторыхъ эмпириковъ въ виду того, что современная научная терапия также покоится на эмпиризмѣ; затѣмъ опытъ показываетъ, что запретъ содѣйствуетъ нерѣдко рекламѣ и создаетъ особую популярность тѣмъ лицамъ, противъ кого направлено прави-

тельственное ограниченіе. Кромѣ того врачи — специалисты, пользуясь своимъ привилегированнымъ положеніемъ слишкомъ дорого оцѣниваютъ свои совѣты.

Положительныя законодательства въ значительной степени расходятся между собою по данному вопросу.

Англія допускаетъ полную свободу врачебной практики.

Французское законодательство признаетъ два класса врачей: докторовъ медицины и фельдшеровъ (*officiers de santé*), причемъ послѣдніе могутъ заниматься практикою лишь въ предѣлахъ того департамента, гдѣ сдали экзамень и не имѣютъ права производить трудныхъ хирургическихъ операций.

Въ Германіи для занятія врачебной практикою необходимо выдержать экзамень и получить аппробацію; только такія лица признаются государствомъ врачами и могутъ быть призваны къ выполненію оффиціальныхъ функций. Вмѣстѣ съ тѣмъ и другимъ лицамъ не воспрещается врачебная практика, но имъ не можетъ быть поручаемо государствомъ или общиною исправленіе оффиціальной должности по врачебной части; кромѣ того, во избѣжаніе обмана, лишь дипломированные врачи могутъ титуловать себя „докторами“¹⁾.

Русское дѣйствующее законодательство держится слѣдующихъ требованій. Никто какъ изъ русскихъ подданныхъ, такъ и иностранцевъ, не имѣющихъ диплома или свидѣтельства отъ университетовъ или военно-медицинской академіи, не имѣетъ права заниматься никакою отраслью врачебной или ветеринарной практики въ Россіи (Уставъ врачебный, ст. 93). Медицинскому совѣту предоставляется право разсматривать, какимъ изъ пріѣзжихъ въ Россію иностранныхъ врачей можно дозволить свободную практику и на какомъ основаніи. Нѣкоторымъ — не иначе какъ послѣ обыкновеннаго испытанія и полученія вслѣдствіе этого ученой степени; другимъ болѣе извѣстнымъ — послѣ словеснаго лишь испытанія (*colloquium*) въ медицинскомъ совѣтѣ; наконецъ тѣмъ, которые пріобрѣли себѣ имя въ ученомъ мірѣ, или занимали профессорскія каѣдры въ другихъ государствахъ — безъ всякихъ испытаній, по одному заключенію медицинскаго совѣта утвержденному Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ (*Ibidem*, ст. 94).

1) Stengel. Wörterbuch des deutschen Verwaltungsrechts. Erster Band. Freiburg. 1890, S. 88—89.

Для установленія надлежащаго порядка въ производствѣ врачебной практики и въ отвращеніе вреда, происходящаго отъ врачеванія людьми несвѣдущими и не признанными въ Россіи въ медицинскомъ званіи, составляется и издается ежегодно медицинскимъ департаментомъ общій списокъ или календарь, въ которомъ помѣщаются всѣ врачи, какъ состоящіе на службѣ, такъ и вольнопрактикующіе. Списокъ этотъ рассылается по аптекамъ, обязаннымъ отпускать лекарства по рецептамъ врачей, лишь занесенныхъ въ списокъ.

Запрещается не имѣющимъ званія доктора или лекаря, или особаго дозволенія начальства, постоянно заниматься леченіемъ какихъ-либо болѣзней и въ особенности за денежную плату, или для иныхъ собственныхъ выгодъ. Но это запрещеніе не относится къ тѣмъ, которые по необходимости или челоѣколюбію безвозмездно помогаютъ больнымъ своими совѣтами и иными средствами леченія.

Но обставляя право врачебной практики извѣстными гарантіями, государство требуетъ отъ врачей и выполненія извѣстныхъ обязанностей. Каждый врачъ, не оставившій практики, долженъ подъ страхомъ наказанія являться къ больному по его приглашенію и оказывать помощь безденежно или за плату. Особенно подробно законъ говоритъ объ обязанностяхъ акушера и повивальной бабки въ отношеніи роженицы (*Ibidem*, ст. 117—131).

Люди совершенно бѣдные, приходящіе къ врачамъ, поручаются ихъ челоѣколюбію и безвозмездному пособію. Врачамъ, получающимъ отъ правительства жалованье, запрещается за труды свои требовать платы отъ неимущихъ больныхъ, находящихся въ порученныхъ ихъ надзору части города, уѣздѣ или вѣдомствѣ.

При леченіи малоимущихъ людей врачи обязаны руководствоваться такою, представляющеюся вполнѣ устарѣвшею для настоящаго времени; такъ напр., докторъ за посѣщеніе въ городѣ получаетъ 30 коп., лекарь — 15 коп.; за кровопусканіе полагается 7½ коп., за выдернутіе зуба — 15 коп., за промывательное — 7½ коп. и т. п.

За производство операций опредѣленной платы не укавано, но, при добровольномъ по этому поводу соглашеніи, законъ рекомендуетъ довольствоваться скромнымъ вознагражденіемъ (*Ibidem*, ст. 149).

Въ Россіи о распредѣленіи врачей заботится какъ пра-

вительство, такъ и земство. По распоряженію правительства въ столицахъ, губернскихъ, уѣздныхъ городахъ состоятъ штатные врачебные чины. Въ столицахъ и губернскихъ городахъ кромѣ медицинскихъ членовъ, входящихъ въ составъ врачебныхъ отдѣленій, состоитъ опредѣленное число врачей при полицейскомъ управленіи. Въ каждомъ уѣздѣ полагается уѣздный врачъ, въ каждомъ губернскомъ городѣ — старшая повивальная бабка и нѣсколько младшихъ повивальныхъ бабокъ (Уставъ врачебный, ст. 108).

§ 32. Аптеки.

Правительство регулируетъ аптечное дѣло для того, чтобы населеніе было снабжено хорошими лекарственными средствами и ограждено отъ злоупотребленій.

Западно-европейская практика шла въ этомъ вопросѣ неодинаковымъ путемъ. Въ однѣхъ странахъ аптечное дѣло вручалось специалистамъ, выдержавшимъ установленный экзамень; въ другихъ — аптека разсматривалась какъ обыкновенное промышленное заведеніе и подчинялась общимъ постановленіямъ промышленнаго устава; самое отправленіе аптечнаго промысла ставилось въ условія торговой конкуренціи со всѣми ея хорошими и дурными сторонами.

Въ Англіи аптекарскій промыселъ свободенъ.

Во Франціи для открытія аптеки необходимо обладать извѣстнымъ образовательнымъ цензомъ и получить правительственное разрѣшеніе.

Въ Германіи къ аптечному промыслу примѣняется концессионная система, предполагающая наличность многихъ условій. Прежде всего необходимо сдать государственный экзамень и получить аппробацію (титуль аптекаря). Затѣмъ для дѣйствительнаго отправленія промысла надо, или приобрѣсти реальное право на аптеку, или получить полицейскую концессию, каковая дается по соображенію числа существующихъ аптекъ, чтобы предложеніе услугъ не превышало спроса на нихъ¹⁾. Въ настоящее время раздаются протестующіе голоса противъ концессионной системы. Указываютъ совершенно справедливо, что такой порядокъ вещей искусственно возвы-

1) Stengel. Wörterbuch des deutschen Verwaltungsrechts I Band. Freiburg. 1890, S. 58—59.

шаетъ цѣны на лекарственныя средства; далѣе, концессія создаетъ несправедливую привилегію въ пользу лица, получившаго концессію, и наконецъ, предположеніе большей добросовѣстности услугъ концессированныхъ аптекъ не всегда оправдывается на дѣлѣ; нерѣдко, наоборотъ, аптекаря злоупотребляютъ своимъ монопольнымъ положеніемъ, не опасаясь конкуренціи.

Защитники свободы отправленія аптечнаго промысла указываютъ на то, что правильное веденіе аптечнаго промысла можетъ быть обезпечено усиленнымъ контролемъ и установленіемъ строгой кары за злоупотребленія. Поэтому аптекарямъ слѣдуетъ воспретить занятіе врачебной практикою, ибо это вводило бы ихъ въ соблазнъ прописывать дорогія, рѣдко спрашиваемыя лекарства. Въ интересахъ публики государство устанавливаетъ, какія вещества и въ какомъ количествѣ долженъ имѣть каждый аптекарь; въ противномъ случаѣ аптекаря запасались-бы преимущественно лекарствами, на которыхъ есть большой спросъ, а не держали-бы трудно сохраняемые и мало ходкіе медикаменты.

Въ Россіи аптеки появились съ XVI столѣтія и составляли первоначально казенную монополію; вольныя аптеки начали учреждаться лишь съ конца XVIII в., съ какого времени начинается и законодательная регламентація аптечнаго промысла.

По дѣйствующему врачебному уставу (ст. 519—579) аптеки могутъ учреждаться съ разрѣшенія губернатора на основаніи заключенія губернскаго врачебнаго управленія, даваемого по соображеніи дѣйствительной надобности въ учрежденіи новой аптеки, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, народонаселенію и числу находящихся въ томъ городѣ аптекъ. Кромѣ того отъ прочихъ содержателей аптекъ представляются письменные отзывы на счетъ того, можетъ-ли быть допущено открытіе новой аптеки, безъ ущерба для дѣятельности уже существующихъ аптекъ. Далѣе, желающій открыть аптеку долженъ пріобрѣсти званіе аптекаря или провизора и имѣть не менѣе 25 лѣтъ отъ роду. Законъ устанавливаетъ подробныя правила относительно устройства аптекъ, отпуска медикаментовъ, аптекарской таксы и т. п.

Для открытія сельскихъ аптекъ сдѣланы нѣкоторыя облегченія. Содержать такую аптеку можетъ и аптекарскій помощникъ; сельскія аптеки обязаны имѣть лекарственныя

средства по сокращенному каталогу, устройство лабораторій для приготовленія составныхъ веществъ при нихъ не обязательно. Сельскія аптеки открываются не ближе 7 верстъ отъ существующихъ вольныхъ (нормальныхъ) аптекъ и другъ отъ друга, съ разрѣшенія губернатора. Наблюденіе за выполненіемъ всѣхъ предписаній врачебнаго устава возложено на врачебныя отдѣленія губернскихъ правленій, а высшій надзоръ предоставленъ медицинскому департаменту.

За послѣднее время аптечная монополія начала вызывать усиленныя нареканія, стали не безъ основанія указывать, что существующая аптечная монополія затрудняетъ оказаніе фармацевтической помощи сельскому населенію и крайне тормозитъ дѣятельность земствъ и городовъ въ дѣлѣ организациі медицинскихъ услугъ.

Противники аптечной концессіи указываютъ на тотъ ненормальный фактъ, что выдержавшій экзаменъ на провизора не имѣетъ права открыть аптеку, т. е. заняться своимъ дѣломъ.

За существующія аптеки плотятъ огромныя деньги, на которыя надо выручить процентъ; поэтому-то всѣми способами происходитъ выжиманіе денегъ изъ кармана большаго обывателя. Пресловутая-же аккуратность аптекарскихъ услугъ не есть вовсе непремѣнное слѣдствіе монополіи, а обусловливается надлежащимъ медицинскимъ надзоромъ; гдѣ его нѣтъ, тамъ возможны злоупотребленія.

§ 33. Минеральныя воды.

Особый видъ лечебныхъ средствъ представляютъ собою минеральныя воды.

Первыя достовѣрныя свѣдѣнія о Кавказскихъ минеральныхъ водахъ относятся къ царствованію Петра I, который послалъ на Кавказъ своего лейбъ-медика Шобера для изслѣдованія цѣлебныхъ водныхъ источниковъ.

Но пионерами признанія за Кавказскими водами ихъ терапевтическаго значенія и даже создателями первыхъ бальнеотерапевтическихъ приспособленій явились солдаты 16-го егерскаго полка, которые купались въ теплыхъ водахъ Горячей горы, сперва замѣняя ими баню, а затѣмъ и съ лѣчебною цѣлью.

Слава о Кавказскихъ водахъ на чалабыстро распространяется съ 1793 года, когда Пятигорскую группу посѣтилъ извѣстный ученый Палласъ.

Въ 1798 году, для константированія значенія Кавказскихъ минеральныхъ водъ, медицинская коллегія отправила на Кавказъ для изслѣдованія штабъ-лекаря Левенецъ и аптекаря Кернера, которые и донесли о полезныхъ для врачебнаго дѣла свойствахъ водъ. Этимъ было официально признано за Кавказскими минеральными водами ихъ общественное значеніе. Съ этихъ-же поръ начинаются и мѣропріятія правительства по организациі управленія Кавказскими водами и ихъ благоустройству.

Въ 1885 году изданы общія правила объ охранѣ минеральныхъ источниковъ. Естественные источники могутъ быть объявлены имѣющими общественное значеніе: 1) если, по заключенію медицинскаго совѣта, они имѣютъ важное лечебное значеніе по своему составу и цѣлебнымъ свойствамъ, а также по устроеннымъ приспособленіямъ для больныхъ; 2) если по заключенію горнаго совѣта имѣютъ постоянно обезпеченный притокъ воды въ достаточномъ количествѣ.

Для такихъ источниковъ устанавливаются округа охраны; въ немъ запрещаются буровыя и подземныя работы для увеличенія притока воды и иного ея распредѣленія, безъ разрѣшенія горнаго начальства. Въ интересахъ правильной эксплуатаціи минеральныхъ источниковъ могутъ быть закрываемы фабрики, колодцы, снесены зданія, запрещена рубка лѣса, причемъ собственники вознаграждаются какъ при экспроприациі, по Высочайшимъ указамъ.

Практикуются двѣ системы эксплуатаціи водъ: 1) завѣдываніе ими правительствомъ при посредствѣ особыхъ директоровъ, или комиссаровъ или 2) отдача водъ въ арендное содержаніе компаніямъ, причемъ правительство сохраняетъ за собою право надзора. Послѣдняя система примѣняется, напр., къ Друскеникскимъ минеральнымъ водамъ, состоящимъ въ завѣдываніи акціонернаго общества, которое обязуется сохранить за заведеніемъ этихъ водъ его врачебное назначеніе (Уставъ врачебный, ст. 344).

§ 34. Больницы.

Больницы въ Россіи первоначально возникли на благотворительной почвѣ, монастырское духовенство устраивало больницы на добротныя пожертвованія мірянъ. Впослѣдствіе больничное дѣло обратило на себя вниманіе прави-

тельства, и съ царскаго періода начинаются заботы о распространеніи больницъ по большимъ центрамъ; но осуществленіе правительственныхъ предположеній было выполнено лишь при Петрѣ I, построившемъ въ 1706 г. на Яузѣ госпиталь съ медицинскою при немъ школою, отданный въ вѣдѣніе духовенства. вмѣстѣ съ тѣмъ Петръ возложилъ на городовые магистраты обязанность устраивать въ городахъ госпитали для увѣчныхъ, сирыхъ и убогихъ. Но устроеніе больницъ шло крайне медленно, вслѣдствіе недостатка въ личныхъ и матеріальныхъ средствахъ.

Екатерина II возложила на приказы общественнаго призрѣнія обязанность учредить больницы.

Въ настоящее время существуютъ казенныя, общественныя и частныя больницы.

Большая часть больницъ находится въ вѣдѣніи городскихъ и земскихъ учрежденій; лишь нѣкоторые спеціальныя типы больницъ (напр. для душевно-больныхъ), какъ слишкомъ дорого стоящіе, содержатся на правительственныя средства и устраиваются въ большихъ центрахъ, обслуживая громадныя районы. Но и въ этомъ отношеніи за послѣднее время дѣятельность земствъ является восполняющею; нѣкоторыя земства озаботились устройствомъ земскихъ больницъ для умалишенныхъ.

Глава IX.

Строительная полиція.

§ 35. Задачи строительной полиціи.

Здоровыя, свѣтлыя, просторныя, безопасныя и притомъ недорогія помѣщенія — вотъ тотъ идеаль квартирнаго вопроса, къ которому стремятся всѣ наиболѣе культурныя страны. Едва-ли приходится говорить въ настоящее время объ огромномъ вліяніи благоустроенныхъ жилищъ на физическое и моральное здоровье населенія; даже наиболѣе консервативно настроенные умы признають весь ужасъ современныхъ квартирныхъ условий для громадной массы трудящагося люда. Тѣмъ не менѣе квартирный вопросъ продолжаетъ выступать темнымъ пятномъ на общемъ фонѣ соціального прогресса, настоятельно требуя повсемѣстно скорѣйшаго удовлетворительнаго его разрѣшенія.

Строительную полицію (Baupolizei) и называется совокупность мѣръ, которыя имѣють цѣлью обезпечить прочность и красоту зданій, охранить ихъ отъ пожаровъ, сдѣлать ихъ здоровыми, распредѣлить ихъ по опредѣленному внѣшнему плану, облегчающему сношенія, устранить возможный вредъ отъ промышленныхъ зданій и согласовать интересы сосѣдей-домовладѣльцевъ.¹⁾

Необходимость строительной полиціи вызывается невоз-

1) Проф. И. Т. Тарасовъ. Очеркъ науки полицейскаго права. Москва. 1897, стр. 281.

возможностью для частных лиц предупредить опасности, истекающія отъ неправильно выведенныхъ построекъ. Такая невозможность является прежде всего по отношенію къ общественнымъ зданіямъ, наблюденіе за постройкою и охраненіе которыхъ не подь силу частнымъ лицамъ.

Первоначально старались предупредить опасности, могущія произойти отъ паденія зданія; затѣмъ къ этому присоединилось наблюденіе за принятіемъ мѣръ предосторожности противъ пожара и наконецъ въ послѣднее время стали обращать вниманіе на то, чтобы постройки удовлетворяли элементарнымъ гигиеническимъ условіямъ.

§ 36. Органы строительной полиціи.

Въ Россіи изстари вызывались изъ за-границы архитекторы для возведенія общественныхъ зданій, церквей, дворцовъ и т. п. Сохранилось извѣстіе, что существовалъ даже особый „Каменный приказъ“, но ближайшія его функціи не выяснены.

Петръ I учредилъ должность генераль-архитектора, издалъ правила о возведеніи въ городахъ построекъ и наблюденіе за выполненіемъ оныхъ возложилъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ на полиціймейстерскія канцеляріи, при которыхъ состояли особые архитекторы для наблюденія за городскими работами. Адмиралтействъ-Коллегіи поручено было строеніе портовъ, гаваней и принадлежащихъ къ нимъ зданій.

При Аннѣ Іоанновнѣ возникаетъ „комmissія о строеніи“, поставленная подь вѣдѣніе Кабинета, и получившая инструкцію — создать для всѣхъ строеній Петербурга, казенныхъ и частныхъ, планы, при составленіи коихъ принять во вниманіе предупрежденіе опасностей отъ огня. Вмѣстѣ съ тѣмъ эта комmissія должна была начертать инструкцію для органовъ исполнительной полиціи относительно наблюденія за выполненіемъ правилъ о постройкахъ.

При Екатеринѣ II было предположено учредить центральную комmissію и каменный приказъ для завѣдыванія строительною частью всѣхъ городовъ, но затѣмъ по учрежденію о губерніяхъ строенія казенныя и общественныя укавано вѣдать Казеннымъ Палатамъ.

При Александрѣ I восполненъ былъ главный недостатокъ — отсутствіе подготовленныхъ специалистовъ-тех-

никовъ — учрежденіемъ Института путей сообщенія и Инженернаго училища; дѣло строительной полиціи возложено было на Министерство Полиціи, а съ 1813 года передано въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, при которомъ учрежденъ Строительный Комитетъ съ подчиненными ему строительными экспедиціями въ городахъ. Этотъ Строительный Комитетъ дѣйствовалъ до 1832 года, когда вся строительная часть гражданскаго вѣдомства передана была въ „Главное Управление путей сообщенія и публичныхъ зданій“; Комитету были подвѣдомственны губернскія и уѣздныя строительныя и дорожныя комиссіи.

Въ 1865 году произошла реорганизация учреждений строительной полиціи, учрежденъ былъ „Техническо — строительный Комитетъ“ при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, строительныя и дорожныя комиссіи закрыты, а вмѣсто нихъ въ составѣ губернскихъ правленій учреждены „строительныя отдѣленія“, состоящія изъ инженера, архитектора и нѣсколькихъ техниковъ. Строительныя отдѣленія въ тѣхъ городахъ, гдѣ не было введено городское положеніе 1870 года завѣдуютъ строительною частью какъ казенныхъ, такъ и частныхъ зданій; въ городахъ-же, въ которыхъ введено городское положеніе, строительныя отдѣленія имѣютъ надъ общественными и частными постройками только общій техническій надзоръ; утвержденіе-же плановъ и фасадовъ частныхъ домовъ, выдача разрѣшеній на перестройки и наблюденіе за правильнымъ исполненіемъ построекъ принадлежитъ городской управѣ. При этомъ городская дума уполномочена издавать обязательныя постановленія объ устройствѣ и поправкахъ, содержаніи кровель, печей, дымовыхъ трубъ, о порядкѣ содержанія въ санитарномъ отношеніи фабричныхъ заведеній, бань и боень.

Правила о постройкахъ въ селеніяхъ опредѣляются мѣстными постановленіями земскихъ собраній, которыя однако ни въ чемъ не должны противорѣчить дѣйствующимъ законамъ.

§ 37. Зданія казенныя и частныя, городскія и сельскія.

Въ Строительномъ уставѣ (Т. XII ч. I, изданіе 1900 года) въ раздѣлахъ II-V помѣщены правила о постройкѣ зданій казенныхъ, общественныхъ, въ особенности церквей, торговыхъ и промышленныхъ заведеній.

Всякаго рода постройки производятся не иначе, какъ подъ наблюденіемъ архитекторовъ или лицъ, получившихъ установленныя свидѣтельства отъ техническо-строительнаго комитета (Уставъ строительный, ст. 35).

Казенныя и общественныя зданія.

Изъ общественныхъ и казенныхъ зданій Строительный уставъ даетъ опредѣленія относительно постройки тюремъ, карантинныхъ зданій, православныхъ церквей, молитвенныхъ домовъ раскольниковъ, христіанскихъ церквей иностранныхъ исповѣданій, мечетей, синагогъ.

При построеніи православныхъ церквей предписано представлять планы и фасады, кромѣ органовъ строительной полиціи, на предварительное разсмотрѣніе духовныхъ властей. Епархіальными архіереями разрѣшается постройка и ремонтъ церквей въ городахъ и церковныхъ сооружений въ монастыряхъ. Разрѣшеніе Св. Синода испрашивается при постройкѣ или перестройкѣ: 1) церквей въ столицахъ, 2) церквей древнихъ, или замѣчательныхъ по зодчеству, или историческимъ воспоминаніямъ; 3) церквей, на ремонтъ коихъ испрашиваются суммы изъ Св. Синода (Строительный уставъ, ст. 91).

Фасады церквей и молитвенныхъ домовъ въ С.-Петербургѣ представляются Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ на благоусмотрѣніе Государя (Ibidem, ст. 94).

Устроеніе домовыхъ церквей разрѣшается епархіальными архіереями, а въ столицахъ — Св. Синодомъ.

При построеніи церквей иностранныхъ христіанскихъ исповѣданій, равно какъ синагогъ и мечетей, требуется предварительное разрѣшеніе департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій.

Частныя городскія постройки.

Въ городахъ всѣ частныя постройки должны сообразоваться съ общимъ утвержденнымъ планомъ города, причѣмъ каждое частное зданіе можетъ быть воздвигнуто не иначе, какъ по предварительномъ разрѣшеніи городской управы, которая разсматривая планъ и фасадъ частнаго зданія, даетъ разрѣшеніе только въ томъ случаѣ, если предполагаемое зданіе удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ строительнаго устава. Въ рядѣ статей (192-206) даются особыя указанія для возведенія городскихъ построекъ. Напр., каменные зданія длиною болѣе 12 сажень должны на капитальныхъ стѣнахъ имѣть брандмауеры; внутри дворовъ каменные зданія

располагать одно отъ другого не ближе 2 сажень, снаружи каменныхъ домовъ не дѣлать деревянныхъ пристроекъ. Деревянные постройки дозволяются въ видѣ исключенія, съ особыми ограничительными условіями. Деревянные дома должны быть располагаемы съ соблюденіемъ 4-хъ саженнаго разрыва отъ лѣвой границы двора и 2-хъ саженнаго разрыва отъ задней границы. Жилыя и нежилыя деревянные постройки должны быть длиною не болѣе 12 сажень.

Торговья бани въ городахъ надлежитъ строить близъ воды и въ удобныхъ мѣстахъ, чтобы городскимъ постройкамъ не было отъ нихъ опасности.

Ради обезпеченія гигиеническихъ условій и предупрежденія опасностей для жизни и здоровья, Строительный уставъ преподаетъ рядъ обязательныхъ правилъ относительно огражденія балконовъ перилами, просушки и оштукатуриванія стѣнъ; устанавливаетъ нормальную высоту возводимыхъ зданій (не выше ширины улицы), высоту комнатъ, говоритъ о фундаментахъ, мансардныхъ помѣщеніяхъ, пристройкахъ и т. п.

Сельскія постройки.

Для зданій сельскихъ Строительный уставъ указываетъ имѣть въ виду правильность расположенія селенія, устройство въ немъ улицъ и площади, а для предупрежденія опасности отъ огня располагать дома гнѣздами (отъ 2—8 дворовъ); точно указана также ширина проулковъ, которая должна быть оставлена между гнѣздами (6 сажень), равно какъ самая планировка всѣхъ зданій вообще.

Бани, кузницы, сунильни для фруктовъ должны строиться поближе къ водѣ, на берегахъ рѣкъ, овраговъ, близъ колодезь и т. п.

Планы на устройство селеній составляются уѣздными земскими управами, по соглашенію съ мѣстными земскими начальниками.

Общій надзоръ за соблюденіемъ правилъ Строительнаго устава возлагается на городскія и земскія учрежденія по принадлежности и на органовъ общей полиціи. Последняя въ особенности наблюдаетъ, чтобы зданія, представляющія опасность для жизни и здоровья были исправлены или уничтожены, причемъ полиція управомочена сама принимать необходимыя мѣры къ устраненію обнаруженнаго упущенія, если самъ владѣлецъ не исполнитъ обращенныхъ къ нему требованій.

Нынѣ дѣйствующій Строительный уставъ (изд. 1900 г.) отличается сравнительною краткостью, въ немъ всего 242 статьи, тогда какъ въ прежнемъ (изд. 1857 г.) было 532. Всѣ наиболѣе спеціальныя вопросы, какъ касающіеся чисто технической стороны дѣла, опущены, чтобы не заключать строительное дѣло въ неподвижныя рамки, а дать возможность развиваться ему сообразно все возрастающимъ успѣхамъ строительнаго искусства.

Глава X.

Мѣры опеэпеченія народнаго продо- вольствія.

§ 38. Вопросъ о народномъ продовольствіи на Западѣ.

Съ развитіемъ сельско-хозяйственной культуры рѣзкія колебанія въ урожайности земледѣльческихъ продуктовъ уменьшаются, но тѣмъ не менѣ частные неурожаи случаются въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ. Къ числу важнѣйшихъ обязанностей государства и необходимо отнести вопросъ о средствахъ прокормленія населенія въ такіе тяжкіе для него періоды.

Неурожай или даже плохой сборъ хлѣбовъ вслѣдствіе засухи, дождей, хлѣбныхъ болѣзней и т. п. является обыкновенно ближайшею причиною дороговизны. Вліяніе вздорожанія предметовъ первой необходимости ощущается въ физическомъ, экономическомъ, нравственномъ и государственномъ отношеніяхъ. Болѣзни, паденіе заработной платы, развратъ и раздраженіе противъ имущихъ, наконецъ возможность открытаго возмущенія и насильственнаго добыванія средствъ пропитанія — вотъ обычные спутники дороговизны, противъ которыхъ государство должно энергично бороться.

Мѣры, направляемыя къ опеэпеченію народнаго продовольствія, имѣютъ свою исторію. Первоначально исходили изъ того ложнаго предположенія, что дороговизна порождается единственно интересами торговли хлѣбомъ и промышленности. Въ этотъ періодъ, вслѣдствіе отсутствія развитія

хлѣбной торговли и правильно организованныхъ путей сообщенія, источникомъ удовлетворенія потребности въ хлѣбѣ являлось исключительно собственное производство. Уродился хорошо хлѣбъ — и населеніе беззаботно плодится и множится, хлѣбъ гниетъ за ненадобностью и неумѣніемъ сберечь или переработать его; оказался неурожай — настаетъ голодъ со всѣми его тяжкими послѣдствіями: вымираютъ семьи, даже населенія цѣлой мѣстности, такъ какъ нѣтъ подвоза хлѣба, а сокращеніе потребленія возможно лишь въ весьма ограниченномъ размѣрѣ. Такая чередующаяся смѣна изобилія и голода продолжается до тѣхъ поръ, пока благодаря усовершенствованнымъ средствамъ сообщенія, не завяжутся правильныя торговыя сношенія между отдѣльными мѣстностями, могущими помогать одна другой въ неурожайные годы.

Вслѣдствіе подобнаго положенія вещей, въ теченіи среднихъ вѣковъ на первомъ планѣ практиковалось запрещеніе вывоза хлѣба, такъ какъ такимъ образомъ рассчитывали обезпечить изобиліе хлѣба внутри страны и, по возможности, предохранить ее отъ голода. Каждая провинція представляла изъ себя, по крайней мѣрѣ, относительно хлѣбной торговли замкнутое цѣлое, предоставленное своимъ силамъ, своей судьбѣ, такъ какъ въ случаѣ голода сосѣднія мѣстности отдѣлялись отъ нея словно каменною стѣной, запрещеніемъ вывоза хлѣба изъ боязни голодать самимъ. Укоренившійся въ народѣ враждебный взглядъ на хлѣбныхъ торговцевъ, какъ извлекающихъ наживу на счетъ жизни и здоровья своихъ ближнихъ, принимался и правительствомъ, и оно вооружалось противъ хлѣботорговцевъ, издавало разныя стѣснительныя постановленія, имѣвшія въ виду охраненіе населенія отъ его эксплуататоровъ. Отсюда — таксы на хлѣбъ и всѣ обременительныя правила, которыми опутывались продажа и покупка хлѣба, запрещеніе скупокъ хлѣба и вывоза его изъ даннаго района.

Вслѣдствіе естественной реакціи противъ такой чрезмѣрной регламентации всего хлѣбнаго дѣла, постепенно приобрѣтаетъ силу сознаніе благотѣльнаго вліянія свободы хлѣбной торговли. Государственная власть во имя блага отдѣльныхъ мѣстностей, какъ частей одного и того-же политическаго цѣлаго, уже стремится къ облегченію передвиженія хлѣба, регулируетъ или устраняетъ внутреннія пошлины, улучшаетъ пути сообщенія и, такимъ образомъ,

постепенно на всемъ пространствѣ подвѣдомственной территории ослабѣваетъ господство мѣстной физической силы.

Мало по малу всѣ стѣснительныя для свободнаго развитія хлѣбной торговли мѣры правительство оказывается вынужденнымъ отмѣнить. Участіе въ международномъ обмѣнѣ различныхъ частей свѣта дѣлаетъ возможнымъ покрывать недочеты во внутреннемъ урожаѣ однѣхъ странъ избыткомъ производства другихъ.

Но со временемъ появляется убѣжденіе, что свобода торговли есть всетаки лишь отрицательная мѣра; возникаетъ потребность въ созданіи разумной, обдуманной системы мѣръ для борьбы съ послѣдствіями неурожая, что приводитъ уже къ положительнымъ мѣрамъ — обезпеченію населенія хлѣбными запасами, денежными капиталами, облегченіемъ сношеній при непремѣнномъ предположеніи тѣснѣйшей связи между условіями хлѣбной промышленности и всею системою обезпеченія народнаго продовольствія.

Вопросомъ о народномъ продовольствіи интересовались уже издавна въ литературѣ.

Первый по времени полиціистъ Деламаръ въ 5-ой книгѣ своего обширнаго трактата (*Traité de la police*), послѣ подробнаго обзора положенія продовольственнаго вопроса съ древнѣйшихъ временъ, доходитъ до современныхъ ему французскихъ неурожавъ и съ особою обстоятельностью останавливается на голодѣ 1709 года, когда Деламаръ былъ назначенъ правительственнымъ коммисаромъ для принятія мѣръ къ облегченію посѣтившаго Францію народнаго бѣдствія. Мѣры эти носятъ отпечатокъ чисто полицейскій — борьба со скупщиками, запрещеніе вывоза хлѣба за-границу, описи хлѣба, такса зерноваго и печенаго хлѣба, ввозъ изъ плодородныхъ провинцій въ голодающія чрезъ контроль правительственныхъ чиновниковъ, запретъ употреблять хлѣбъ въ другія отрасли хозяйства, напр. на производство пива, водки — вотъ въ общемъ тѣ мѣры, которыя предлагались и проводились Деламаромъ въ жизнь въ качествѣ уполномоченнаго отъ правительства лица.

Нельзя не указать и на блестящіе діалоги о торговлѣ зерномъ аббата Галіани, написанные въ моментъ наибольшаго увлеченія теоріею физиократовъ. Уже 130 лѣтъ тому назадъ Галіани старался отрезвить общество отъ односторонняго пристрастія къ теоріи физиократовъ вообще и въ

частности указать на гибельность полной свободы торговли хлѣбомъ для Франціи, страны ввоза хлѣба по преимуществу.

У Зонненфельса въ его *Grundsätze der Polizei* по тому же вопросу находимъ замѣчательную мысль, что для борьбы съ голодомъ нужно два средства — запасы хлѣбные и параллельно съ этимъ рациональная политика относительно торговли хлѣбомъ. Говоря о запасахъ Зонненфельсъ совѣтуетъ дѣлать ихъ частнымъ лицамъ подъ надзоромъ властей, ибо правительственные запасы обойдутся дороже и поневолѣ должны сосредоточиться въ болѣе крупныхъ центрахъ, что можетъ породить искусственную дороговизну, вслѣдствіе затрудненія провоза. При мелкихъ запасахъ не произойдетъ внезапнаго возвышенія цѣнъ и хлѣбъ удобно сохраняется отъ порчи.

Кстати здѣсь упомянуть о мало извѣстной книжкѣ Cornelius'a Walford'a, который въ своемъ статистико-экономическомъ изслѣдованіи: „*The famines of the world*“ (1867 г.), старается свести разнообразныя причины голодовокъ къ одному общему основанію. Walford различаетъ естественныя причины голодовокъ — наводненія, морозы, засухи, различныя физическія явленія, обиліе вредныхъ насѣкомыхъ и искусственныя — война, недостатки земледѣльческой культуры, плохіе пути сообщенія, законодательное вмѣшательство, употребленіе зерна въ другія отрасли производства.

Подводя итоги извѣстныхъ голодовокъ, Walford приходитъ къ тому заключенію, что голодовки происходятъ скорѣе отъ человѣческихъ ошибокъ и недостатка предусмотрительности, чѣмъ отъ другихъ причинъ, и не суть неизбѣжныя бѣдствія, вызываемыя непомѣрно возрастающимъ населеніемъ. Остановливаясь на мѣрахъ, направленныхъ къ смягченію бѣдствія, Walford дѣлаетъ выводъ, что только общія превентивныя мѣры, какъ-то распространеніе образованія и развитіе средствъ сообщенія, могутъ быть признаны наиболѣе дѣйствительными средствами.

Народное продовольствіе, какъ особая отрасль управленія сохранилась въ настоящее время только въ Россіи.

Современныя западно-европейскія государства вмѣсто прямого воздѣйствія правительства развиваютъ рядъ косвенныхъ, но болѣе дѣйствительныхъ мѣръ для предупрежденія пагубныхъ послѣдствій недостатка въ жизненныхъ продуктахъ. Улучшеніе системъ сельскаго хозяйства, при разнообразіи

посѣвовъ дѣлаеть наступленіе полного неурожая менѣе вѣроятнымъ и смягчаетъ его губительныя послѣдствія; улучшение путей сообщенія облегчаетъ доставку продовольствія въ неурожайныя мѣстности; наконецъ общій подъемъ благосостоянія населенія увеличиваетъ его покупную способность и уменьшаетъ интенсивность бѣдствія, вызываемаго дороговизною.

§ 39. Продовольственное дѣло въ Россіи.

Исторія продовольственнаго дѣла нашей страны представляетъ крайне разнообразную практику.

Первый по лѣтописи голодъ отъ неурожая былъ у насъ въ 1024 г. въ Суздальской области; лѣтописецъ рассказываетъ, что волхвы возбуждали народъ къ убійству старыхъ женщинъ и „чади“ (челяди), но Ярославъ, наказавъ волхвовъ, напомнилъ народу путь „къ Болгарамъ“, и тако „ожина“.

Изъ дальнѣйшихъ указаній опыта можно видѣть, что Россія постоянно прибѣгала къ указанному средству вплоть до XVIII в. съ тою только разницею, что въ позднѣйшія времена въ Русь ввозятъ хлѣбъ, за которымъ первоначально русскіе ѣздили сами. Слѣдя за исторіею голодовокъ въ Россіи, можно указать на слѣдующія мѣры, принимавшіяся для облегченія бѣдствій: молитвы, улучшение и разведеніе разныхъ сортовъ хлѣба, торговля хлѣбная и запасы, сначала частныя — въ амбарахъ торгующаго класса, въ житницахъ монастырей, городовъ, а затѣмъ и царскіе запасы. Такіе города, какъ Псковъ, Новгородъ, ведшіе торговлю съ Европой, не разъ спасали Россію во времена дороговизны, особенно первый, получившій даже названіе „житницы Россіи“. Точно также входитъ постепенно въ народное сознаніе и польза хлѣбныхъ запасовъ, такъ какъ подъ 1422 годомъ таковыя уже упоминаются въ Новгородѣ, Псковѣ и другихъ городахъ.

Правительство ревностно заботилось объ обезпеченіи народнаго продовольствія; такъ на основаніи отвѣтовъ, полученныхъ отъ гостей и торговыхъ людей гостиною и суконной сотни, сотскихъ и старшинъ черныхъ сотенъ и слободъ вышелъ указъ 1660 года октября 15, коимъ предписывалось: 1) чтобы крестьяне сами возили хлѣбъ и все сѣбѣстное къ Москвѣ, и чтобы купцы не скупали хлѣба по деревнямъ для отвоза; 2) чтобы крестьяне весь запасъ

свой, за исключеніемъ необходимаго, обмолачивали и вывозили на рынокъ.

Начиная съ этого указа, замѣчаются серьезныя мѣропріятія для обезпеченія населенія хлѣбомъ на случай недорода. Всѣ мѣры эти для удобства обозрѣнія раздѣлимъ на 4 періода.

Первый періодъ съ 1660—1761 годъ — время строгой регламентации хлѣбной торговли.

Вслѣдъ за указомъ 1660 года появился указъ 1661 г., предписывавшій продавать хлѣбъ съ низовья мѣрною цѣною, оставляя непомѣрную прибыль, подъ страхомъ опалы и торговой казни безъ всякой пощады. Для кормленія служилыхъ и всякихъ чиновъ людей указъ предписывалъ: а) чтобы митрополиты и власти и дворяне и всякихъ чиновъ люди вывозили на рынки для продажи свои хлѣбные запасы и б) чтобы мѣстныя начальства собирали на счетъ казны хлѣбъ въ житницы, продавали-бы его по указной цѣнѣ, а бѣднымъ давали-бы въ долгъ. Въ 1681 и 1693 гг. появились запреты скупать хлѣбъ кулакамъ и назначенъ базарный часъ для общей покупки, послѣ котораго могли появляться и скупщики.

Еще рѣшительнѣе дѣйствовалъ Петръ I. Во время голода 1723 года онъ запретилъ вывозъ хлѣба за-границу, а ввозъ сдѣлалъ безпошлиннымъ. Когда-же и этой мѣры оказалось недостаточно, то Петръ велѣлъ сдѣлать „менажъ“ — описать у зажиточныхъ людей лишній хлѣбъ, и вычисливъ имъ самимъ необходимое, остальное раздать неимущимъ въ займы и „они-бы отдали въ урожайные годы“. Кромѣ того по указу 1723 г. при конторѣ Камеръ-Коллегіи установленъ былъ особый чинъ, который обязанъ былъ дѣлать Конторѣ представленія о наилучшихъ способахъ довольствованія народа во время неурожая.

Вслѣдъ за симъ указомъ того-же года предписано было начальникамъ ближнихъ губерній еженедѣльно, а дальнихъ — ежемѣсячно рапортовать въ Камеръ-Коллегію объ урожаѣ и цѣнахъ на хлѣбъ въ Россіи и на граничныхъ рынкахъ.

Въ указѣ 20 Января 1724 года Петръ I впервые выразилъ мысль о необходимости принятія предупредительныхъ мѣръ: именно, повелѣно учредить казенные хлѣбные магазины по городамъ, для противодѣйствія искусственной дороговизнѣ; положено завести склады въ С.-Петербургѣ, Ригѣ, по Днѣпру, Дону, Деснѣ, въ Смоленскѣ и Астрахани. Тѣмъ-же указомъ

учреждена при Камеръ-Коллегіи „Экономіи генеральнаго“, какъ средоточіе, куда должны стекаться всѣ свѣдѣнія о состояніи средствъ для народнаго продовольствія. „Учинить, говорится въ указѣ, экономіи генеральнаго, котораго должность первая надъ хлѣбомъ, чтобы вездѣ запасный былъ, дабы въ неурожайные годы народъ голода не терпѣлъ, сію должность взять изъ иностранныхъ уставовъ и къ тому свое прибавить и предложить.“

Указомъ 30 Апрѣля 1737 года повелѣно было рапорты по продовольственному вопросу ежемѣсячно доставлять въ Кабинетъ Министровъ.

Не смотря на цѣлый рядъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ къ устраненію тяжкихъ послѣдствій неурожая, голода иногда посѣщали русскую землю, и въ такія критическія минуты за лучшее признавалось прибѣгать къ описи хлѣба, что и произведено было въ 1734, 1750 и 1754 гг.

Второй періодъ — съ 1761 г. по 1861 г. — характеризуется постепеннымъ переходомъ правительства къ свободной хлѣбной торговлѣ и промышленности вообще. Этотъ періодъ открывается указомъ Петра II (1761 г.), въ которомъ торжественно объявляется, что никогда описей хлѣба у помѣщиковъ не будетъ, и что хлѣбный торгъ свободенъ и дозволяется отъ всѣхъ портовъ.

Въ слѣдующемъ, 1762 году Екатерина II учреждаетъ хлѣбные магазины по всѣмъ городамъ для того, чтобы, по словамъ императрицы, „цѣна хлѣба всегда въ моихъ рукахъ была.“ Въ селахъ-же магазины должны быть по расчету одного запаснаго склада на 50 дворовъ. Для городовъ-же хлѣбъ долженъ покупаться. Магазины эти, какъ видно изъ указа 1784 г., находились въ вѣдѣніи казенныхъ палатъ, комендантовъ и исправниковъ, но въ 1799 г. при Павлѣ I переданы въ вѣдѣніе губернаторовъ, съ подтвержденіемъ необходимости завести запасные хлѣбные магазины по всей Имперіи въ селеніяхъ казенныхъ и владѣльческихъ.

Полная свобода торговли хлѣбомъ подтверждена положеніемъ Комитета Министровъ въ 1818 году.

Указомъ 14 Апрѣля 1822 года былъ созданъ строй продовольственнаго дѣла, коимъ измѣнена система продовольствія.

По губерніямъ учреждены были комиссіи продовольствія, на обязанности коихъ лежало установленіе хлѣбныхъ запасовъ, или денежныхъ капиталовъ, смотря по

производству губерній, путей сообщенія и т. п. Однако вскорѣ оказались недостатки такого порядка: дробленность продовольственного капитала, малые взносы, неопредѣленность требованія составленія капиталовъ или запасовъ. Эти погрѣшности должны были устраниться новымъ уставомъ народнаго продовольствія 1834 года. Цѣль его — обезпечить дѣйствительное созданіе хлѣбныхъ и денежныхъ запасовъ по губерніямъ. Для общей администраціи дѣлами народнаго продовольствія въ губернскомъ городѣ устроены особые органы — комиссіи продовольствія подъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ губернскаго предводителя дворянства, предсѣдателя казенной палаты, управляющаго палатою государственныхъ имуществъ, губернскаго прокурора, уѣзднаго предводителя дворянства и непремѣннаго члена отъ дворянства на 3 года.

По этому уставу заботы были направлены, главнымъ образомъ, на продовольствіе крестьянъ и мѣщанъ. Но такъ какъ крестьяне въ то время были разныхъ наименованій, то завѣдываніе ихъ продовольствіемъ оказалось раздробленнымъ по разнымъ вѣдомствамъ. Такъ, для обезпеченія продовольствія государственныхъ крестьянъ примѣнялась двоякая система: устройство хлѣбныхъ магазиновъ и образованіе продовольственныхъ капиталовъ. Для пополненія сельскихъ магазиновъ съ каждой ревизской души взималось по одной четверти озимаго хлѣба и по полъ четверти яроваго. Сборъ производился или посредствомъ отсыпки хлѣба у отдѣльныхъ хозяевъ, или путемъ общественной запашки. Выдача ссудъ производилась: частная по мірскимъ приговорамъ, съ утвержденія окружныхъ начальниковъ, или палаты государственныхъ имуществъ. Общія ссуды выдавались не иначе, какъ съ разрѣшенія Министра Государственныхъ Имуществъ.

Продовольственные капиталы, для вспомошествованія при неурожаяхъ въ нѣсколькихъ губерніяхъ, или при истощеніи магазиновъ составлялись изъ сборовъ съ каждой души по 6 коп., а позднѣе по 3 коп. до тѣхъ поръ, пока не образовалась общая сумма въ 48 коп. на ревизскую душу. Собранныя суммы составляли общій по Имперіи продовольственный капиталъ государственныхъ крестьянъ, состоявшій въ завѣдываніи Министерства Государственныхъ Имуществъ.

У крестьянъ удѣльныхъ, вмѣсто подушнаго сбора хлѣба или денегъ, практиковалась общественная запашка полей.

Обеспеченіе продовольствія помѣщичьихъ крестьянъ устроено было на такихъ-же началахъ, какъ и государственныхъ. Ближайшее завѣдываніе сосредоточивалось въ рукахъ мѣстныхъ выборныхъ смотрителей изъ крестьянъ, а высшій надзоръ былъ порученъ комиссіямъ народнаго продовольствія; въ крайнихъ случаяхъ выдача ссудъ ставилась въ зависимость отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Въ рукахъ этого-же Министерства находилось завѣдываніе и продовольственнымъ капиталомъ, собиравшимся по расчету 48 коп. на душу, изъ 3-хъ копѣчныхъ сборовъ.

Въ городахъ съ мѣщанъ и съ нѣкоторыхъ крестьянъ былъ установленъ только денежный сборъ на составленіе продовольственнаго капитала, по 5 коп. съ ревизской души въ годъ, въ теченіе 20 лѣтъ, въ томъ расчетѣ, чтобы образовался одинъ рубль на душу.

Третій періодъ съ 1861—1900 годъ.

Съ освобожденіемъ крестьянъ завѣдываніе продовольственными магазинами было передано въ руки вновь учрежденныхъ сельскихъ старостъ и волостныхъ старшинъ.

Въ 1864 г. продовольственное дѣло перешло въ вѣдѣніе земства. Мѣстные магазины должны были существовать въ каждомъ селеніи; засыпки слѣдовало производить по четверти ржи, или пшеницы и по полъ четверти овса, или ячменя.

Сельскія общества могли, съ разрѣшенія уѣздной земской управы, замѣнять сельскія магазины однимъ волостнымъ.

Первоначально на земскихъ учрежденіяхъ лежалъ только надзоръ за исполненіемъ всѣхъ установленныхъ въ законѣ правилъ о сельскихъ магазинахъ, такъ что имъ запрещено было входить въ непосредственныя распоряженія по взносу, храненію и расходованію общественныхъ хлѣбныхъ запасовъ. Но вскорѣ обнаружилось, что сельскія общества, считая запасы своею собственностью, стали раздавать запасный хлѣбъ всѣмъ участвовавшимъ въ его составленіи¹⁾.

Въ устраненіе этого, въ 1874 г. былъ установленъ слѣдующій порядокъ выдачи ссудъ: приговоръ сельскаго общества, засвидѣтельствованный въ волостномъ правленіи, пре-

1) В. Г. Яроцкій. Обеспеченіе народнаго продовольствія въ связи съ хлѣбною промышленностью. С.-Петербургъ. 1892, стр. 17.

проводился въ уѣздную управу, которая должна была чрезъ уполномоченнаго произвести подробное дознаніе о степени нужды и дѣйствительно нуждающихся въ ссудѣ лицъ. Послѣ этого ссуда могла быть разрѣшена управою, если за выдачею останется не менѣе половины запаса; выдача выше указанной нормы разрѣшалась губернской управою.

Ссуды изъ губернскихъ продовольственныхъ капиталовъ разрѣшаются губернскими земскими собраніями, которыя для этой цѣли ассигнуютъ въ распоряженіе губернскихъ управъ необходимыя суммы; пособія могутъ выдаваться или деньгами на покупку хлѣба, или-же земства по просьбѣ обществъ могутъ производить заготовку хлѣба хозяйственнымъ способомъ.

Порядокъ и сроки возврата ссудъ изъ общественныхъ натуральныхъ запасовъ, или капиталовъ заключаются въ слѣдующемъ: ссуда зачисляется безпроцентнымъ долгомъ на тѣхъ лицахъ, коимъ она выдана, но при несостоятельности этихъ лицъ ссуды возмѣщаются съ цѣлаго сельскаго общества, т. е. устанавливается круговая порука. Возвратъ ссуды долженъ быть произведенъ, по общему правилу, изъ перваго послѣ выдачи урожая; отсрочки допускаются на одинъ, или два года. Невозвращенная въ срокъ ссуда зачисляется недоимкою, включается въ окладные листы и взыскивается общимъ безспорнымъ порядкомъ, установленнымъ для земскихъ сборовъ.

Общій по Имперіи продовольственный капиталъ составляетъ спеціальныя средства Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Пособія изъ него выдаются въ крайнихъ случаяхъ, по совершенномъ истощеніи мѣстныхъ средствъ. Ежегодно открывается особый кредитъ изъ этой суммы, изъ каковаго, по представленію губернатора и по предварительному ходатайству губернской земской управы, Министръ можетъ отпустить на каждую губернію не свыше 50 тысячъ рублей, безпроцентно и на срокъ не долѣе 3 лѣтъ. Высшая-же по размѣру и сроку возврата ссуда можетъ послѣдовать лишь по особому Высочайшему разрѣшенію, испрашиваемому чрезъ Комитетъ Министровъ. Выданная ссуда зачисляется долгомъ на губернскихъ земствахъ.

Новое положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 12 Іюня 1890 года расширило сравнительно съ прежнимъ компетенцію земства по дѣламъ народнаго продовольствія. Къ вѣдѣнію земства отнесено завѣдываніе дѣлами объ обезпеченіи на-

роднаго продовольствія и попеченіе объ устраненіи недостатка продовольственныхъ средствъ. вмѣстѣ съ тѣмъ губернскае земство уполномочено издавать обязательныя постановленія въ развитіе правилъ устава о народномъ продовольствіи относительно храненія хлѣбныхъ запасовъ, содержанія магазиновъ и перехода на денежный сборъ.

Продовольственная кампанія 1891—1892 гг. дала рядъ практическихъ указаній на недостатки дѣйствующей у насъ продовольственной системы. Въ виду этого приступлено было къ пересмотру нашего продовольственного устава, въ цѣляхъ надлежащаго обезпеченія народнаго продовольствія при неурожаяхъ.

Результатомъ законодательныхъ работъ явились „временныя правила 12 Іюня 1900 года по обезпеченію продовольственныхъ потребностей сельскихъ обывателей“, открывающія собою 4-ый періодъ политики продовольственного дѣла.

Эти „временныя правила“ введены въ дѣйствіе съ 1 Января 1901 г. Въ силу новаго закона въ 46 губерніяхъ¹⁾ (въ томъ числѣ во всѣхъ земскихъ губерніяхъ) завѣдываніе продовольственнымъ дѣломъ передано крестьянскимъ учрежденіямъ, подъ общимъ надзоромъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Согласно 7 ст. закона общее попеченіе продовольственныхъ и сѣменныхъ потребностей сельскихъ обывателей принадлежитъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ (по Земскому отдѣлу).

Мѣстный надзоръ и завѣдываніе дѣломъ продовольствія сельскихъ обывателей на мѣстахъ возлагаются: 1) на генералъ-губернаторовъ; 2) на губернскаго присутствія въ составѣ лицъ, приглашенныхъ для разсмотрѣнія дѣлъ административныхъ, причемъ въ губерніяхъ земскихъ въ его составъ входятъ также и всѣ члены губернской земской управы; 3) на уѣздные съѣзды (въ административномъ составѣ), съ

1) Губерніи, въ коихъ введены временныя правила: Астраханская, Бессарабская, Виленская, Витебская, Владимірская, Вологодская, Волинская, Воронежская, Вятская, Гродненская, Екатеринославская, Казанская, Калужская, Кіевская, Ковенская, Костромская, Курская, Минская, Могилевская, Московская, Нижегородская, Новгородская, Олонецкая, Оренбургская, Орловская, Пензенская, Пермская, Подольская, Полтавская, Псковская, Рязанская, Самарская, С.-Петербургская, Саратовская, Сибирская, Смоленская, Ставропольская, Таврическая, Тамбовская, Тверская, Тульская, Уфимская, Харьковская, Херсонская, Черниговская и Ярославская.

присоединеніемъ въ земскихъ губерніяхъ членовъ уѣздной земской управы; 4) на земскихъ начальниковъ; 5) на волостныя и сельскія начальства и 6) на попечителей продовольственныхъ участковъ.

Каждая волость составляетъ продовольственный участокъ, въ коемъ завѣдываніе продовольственнымъ дѣломъ въ качествѣ попечителя возлагается на волостного старшину, если учрежденіе, завѣдывающее продовольственнымъ дѣломъ въ уѣздѣ не будетъ имѣть возможности назначить особое для сего лицо изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, приходскихъ священниковъ, или изъ среды мѣстныхъ крестьянъ и другихъ лицъ, проживающихъ въ данной мѣстности и заслуживающихъ довѣрія.

Продовольственные средства заключаются: 1) въ общественныхъ хлѣбныхъ запасахъ, хранимыхъ въ запасныхъ магазинахъ, и 2) въ денежныхъ продовольственныхъ капиталахъ: общественныхъ, частныхъ, губернскихъ и общемъ по Имперіи.

Каждое сельское общество обязано составить приговоръ объ избраніи способа обезпеченія по продовольствію и обмененію полей потребностей посредствомъ: либо засыпки зерна въ магазины (сборъ на образованіе продовольственныхъ запасовъ); либо уплаты денежнаго продовольственнаго сбора; либо — частью зерномъ и частью деньгами.

Министру Внутреннихъ Дѣлъ предоставляется объявлять мѣстности, къ коимъ доставка хлѣба затруднительна и гдѣ преобладающимъ занятіемъ населенія служитъ хлѣбопашество, подлежащими обезпеченію исключительно посредствомъ засыпки зерна въ общественные магазины. Хлѣбные запасы образуются по числу наличныхъ душъ (обоого пола и всѣхъ возрастовъ), входящихъ въ составъ сельскаго общества (или отдѣльнаго селенія), въ размѣрѣ, опредѣляемомъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, по соглашенію съ Министромъ Финансовъ, на основаніи заключеній губернскихъ присутствій, для каждой губерніи отдѣльно, но не свыше четырехъ пудовъ на наличную душу. Тѣмъ же порядкомъ производится измѣненіе установленнаго размѣра хлѣбныхъ запасовъ. При доведеніи означенныхъ запасовъ до установленной нормы принимаются къ зачету существующіе запасы (въ хлѣбѣ, или въ деньгахъ), не исключая числящихся въ недоимкахъ по выданнымъ ссудамъ.

Списки лицъ, подлежащихъ сбору на образованіе хлѣб-

ныхъ запасовъ, составляются сельскими старостами съ обозначеніемъ числа душъ, состоящихъ въ каждомъ крестьянскомъ дворѣ. Списки эти, по провѣркѣ волостнымъ старшиною, а затѣмъ земскимъ начальникомъ, представляются имъ въ уѣздный съѣздъ. Этотъ послѣдній утверждаетъ означенные списки для взиманія сбора на пятилѣтній срокъ, по истеченіи коего списки эти исправляются указаннымъ выше порядкомъ. Сборъ на образованіе хлѣбныхъ запасовъ взимается ежегодно въ количествѣ, опредѣляемомъ по расчету не болѣе полупуда хлѣба съ каждой наличной души, въ теченіе 12 лѣтъ, пока полное количество хлѣба не поступитъ въ запасные магазины. Министру Внутреннихъ Дѣлъ предоставляется, по соглашенію съ Министромъ Финансовъ, уменьшить вышеизложенный срокъ для мѣстностей, находящихся въ благопріятныхъ экономическихъ условіяхъ, до 8 лѣтъ.

Сборъ на образованіе хлѣбныхъ запасовъ распредѣляется по числу наличныхъ душъ въ сельскихъ обществахъ и взыскивается немедленно по окончаніи жатвы и посѣва озимыхъ хлѣбовъ.

Взысканіе продовольственнаго сбора производится за личною отвѣтственностью плательщиковъ.

Хранящіеся въ магазинахъ хлѣбные запасы должны быть, во избѣжаніе порчи, обновляемы сельскими обществами по опредѣленіямъ уѣздныхъ съѣздовъ, основаннымъ на представленіяхъ земскихъ начальниковъ.

Для составленія причитающейся съ сельскаго общества суммы продовольственнаго капитала взыскивается ежегодно денежный сборъ въ размѣрѣ $\frac{1}{12}$ ея части до тѣхъ поръ, пока означенная сумма не поступитъ полностью въ общественный капиталъ.

Общественные продовольственные капиталы находятся въ вѣдѣніи уѣздныхъ съѣздовъ, которые ведутъ означеннымъ капиталамъ отдѣльный счетъ по каждому обществу. По мѣрѣ накопленія суммъ продовольственныхъ капиталовъ, уѣздные съѣзды обращаютъ таковыя въ государственныя процентныя бумаги, или гарантированныя правительствомъ облигаціи, или-же вносятъ въ государственныя кредитныя установленія на текущій счетъ, или срочными вкладами. Всѣ суммы, вносимыя въ уплату продовольственныхъ денежныхъ сборовъ и ссудъ, поступаютъ въ мѣстныя казначейства.

Размѣръ продовольственныхъ ссудъ не долженъ въ

среднемъ превышать одного пуда зерна въ мѣсяцъ на взрослого и полупуда на дѣтей, не достигшихъ пятилѣтняго возраста.

Ссуды на обмѣненіе полей выдаются нуждающимся въ размѣрѣ, необходимомъ для поддержанія крестьянскаго хозяйства, по возможности, въ томъ родѣ хлѣба, который преобладаетъ въ посѣвахъ нуждающейся мѣстности. Ссуды на посѣвъ и продовольствіе изъ общественныхъ хлѣбныхъ запасовъ и продовольственныхъ капиталовъ испрашиваются членамъ сельскихъ обществъ по особымъ приговорамъ обществъ, съ означеніемъ въ нихъ, кому и въ какомъ количествѣ необходимо выдать ссуду. Къ приговорамъ должны быть приложены особыя вѣдомости съ подробнымъ означеніемъ семейнаго и имущественнаго положенія нуждающихся. Приговоры эти провѣряются волостными старшинами и земскимъ начальникомъ и вносятся послѣднимъ, съ его заключеніемъ, на уваженіе уѣзднаго сѣзда.

Продовольственные и сѣменные пособия на счетъ продовольственныхъ денежныхъ капиталовъ производятся исключительно хлѣбомъ, закупаемымъ хозяйственнымъ способомъ. Ссуды изъ продовольственныхъ капиталовъ записываются долгомъ на заемщикахъ по заготовительной цѣнѣ хлѣба, съ присоединеніемъ къ ней тѣхъ суммъ, которыя, по постановленію губернскаго присутствія, должны быть признаны накладными расходами.

Когда существуютъ явные признаки значительнаго недорода хлѣба, не покрываемаго мѣстными продовольственными запасами, то обсужденіе и выработка общаго плана продовольственной помощи должны быть произведены уѣздными сѣздами, а также губернскими присутствіями настолько заблаговременно, чтобы необходимыя свѣдѣнія были представлены Министерству Внутреннихъ Дѣлъ относительно выдачи ссудъ на обмѣненіе озимыхъ полей къ 20 іюля, а на продовольствіе — къ половинѣ августа.

Продовольственные и сѣменные ссуды, выданныя изъ хлѣбозапасныхъ магазиновъ и общественныхъ, или частныхъ капиталовъ, а также изъ губернскаго капитала, возвращаются въ сроки не долѣе трехъ лѣтъ по опредѣленію губернскаго присутствія, причемъ ссуды изъ запасныхъ магазиновъ возвращаются зерномъ, а изъ продовольственныхъ капиталовъ — деньгами.

Наконецъ, Ферри опредѣляетъ въ своей уголовной социологiи или, точнѣе, въ своей уголовной антропо-социологiи и систему цѣлесообразной общественной борьбы съ преступленіемъ и преступностью.

Главное мѣсто въ ряду общественныхъ средствъ защиты отъ преступленій должны занимать, по мнѣнію Ферри (*Dei sostitutivi penali. — Das Verbrechen. S. 178—218. — La Justice Pénale. p. 41—42.*), предупредительныя мѣры т. е. мѣры, способныя къ предупрежденію возникновенія и развитія преступленій, чуждыя всякаго карательнаго характера. Напр., уничтоженіе таможенныхъ пошлинъ служить самымъ дѣйствительнымъ средствомъ къ полному искорененію таможенныхъ преступленій. Облегченіе возможности развода служить предохранительнымъ средствомъ противъ прелюбодѣяній и супружескихъ убійствъ. Эти предупредительныя мѣры Ферри называетъ замѣстителями наказаній (*sostitutivi penali*).

Второе мѣсто въ ряду общественныхъ средствъ защиты противъ преступленій должно принадлежать, по мнѣнію Ферри, принудительнымъ мѣрамъ, подлежащимъ примѣненію къ лицамъ, уже учинившимъ преступленія. Такими мѣрами должны служить: наказаніе (*Das Verbrechen. S. 165—178; 407—408. — La Justice Pénale. p. 38—39; 57; 78.*) и возмѣщеніе вреда, причиненнаго жертвѣ преступленіемъ (*Das Verbrechen. S. 414—420. — La Justice Pénale. p. 81—82.*). Наказаніе должно состоять въ выдѣленіи лица изъ среды общества посредствомъ заключенія въ земледѣльческую колонію до открытія возможности къ безопасному возвращенію этой личности въ среду общества (*Das Verbrechen. S. 407—408. — La Justice Pénale. p. 78.*).

Сумасшедшіе преступники, прирожденные преступники и привычныя преступники должны быть подвергаемы наказанію съ обязательствомъ къ возмѣщенію вреда, причиненнаго ими жертвамъ преступленія (*La Justice Pénale. p. 73—79; 82.*).

Случайные преступники и преступники по страсти нравственнаго характера (честь, любовь и пр.) или общественнаго (покровительство слабымъ, жалость, благотворительность и пр.) не должны быть подвергаемы наказанію, но должны быть обязываемы и, въ случаѣ надобности, принуждаемы къ возмѣщенію вреда, причиненнаго ими жертвамъ преступленій (*Das Verbrechen. S. 471—473. — La Justice Pénale. p. 79—83.*).

Что касается до политическихъ преступниковъ, говоритъ Ферри (*La Justice Pénale. p. 82—83.*), то они не составляютъ отдѣльной антропологической категоріи преступниковъ, такъ какъ преступникъ политическій (т. е. движимый политическимъ побужденіемъ) можетъ

принадлежать къ каждой изъ пяти антропологическихъ категорій. Онъ можетъ быть сумасшедшимъ преступникомъ или даже прирожденнымъ, хотя характеристическимъ типомъ для него служить типъ преступника по страсти (фанатизмъ, моноидеизмъ политическій, религіозный и пр.).

Къ числу выдающихся представителей уголовной антропо-соціологіи принадлежитъ и Р. Гарофало ¹⁾). Хотя онъ и называетъ разрабатываемую имъ отрасль знанія криминологіей ²⁾, но эта отрасль знанія представляетъ собой не что иное, какъ своеобразное соединеніе уголовной соціологіи съ уголовной антропологіей подъ нѣкоторымъ главенствомъ уголовной соціологіи, а потому, при точности терминологіи, должна быть названа уголовной антропо-соціологіей.

Охарактеризовавъ въ самыхъ общихъ чертахъ литературу науки уголовного права въ XIX-мъ вѣкѣ и отмѣтивъ возникновеніе новыхъ отраслей знанія въ лицѣ уголовной антропологіи, уголовной соціологіи и уголовной антропо-соціологіи, неправильно присвоивающей себѣ названіе уголовной соціологіи ³⁾, мы можемъ указать теперь вкратцѣ различныя направленія ученыхъ этого вѣка въ разработкѣ науки уголовного права.

Представители науки уголовного права въ XIX-мъ вѣкѣ раздѣляются на двѣ группы.

Къ первой принадлежать криминалисты такъ называемаго классическаго направленія, напр., К. Янка — въ Австріи, Д. Ф. Стифенъ — въ Англіи, Гаусъ — въ Бельгіи, П. Фейербахъ, Г. Бёмеръ, Э. Генке, Р. Кёстлинъ, Г. Гельшнеръ, Г. Гейбъ, А. Бернеръ, — въ Германіи, Д. Карминьяни, Ф. Каррара и Э. Пессина — въ Италіи, А. О. Кистяковскій, Н. А. Неклюдовъ и Н. С. Таганцевъ — въ Россіи и А. Шово, Ф. Эли, Э. Требюсиенъ, Ж. Ортоланъ, Р. Гарро и Л. Проаль — во Франціи.

Ко второй же относятся криминалисты новыхъ направленій, напр., Ю. Варга — въ Австріи, А. Принсъ ⁴⁾ — въ Бельгіи, Францъ фонъ Листъ — въ Германіи, Г. ванъ Гамель — въ Голландіи, Б. Алимена

1) Баронъ Рафаэлло Гарофало (Rafaello Garofalo) родился въ 1852 г.

2) R. Garofalo — Criminologia. Torino. 1885. — R. Garofalo — La criminologie. Paris. 1888.

3) P. Poustoroslew — Quelles sont, au point de vue de la codification pénale future, les conséquences du principe affirmé par l'École nouvelle qu'il faut attacher plus d'importance aux facteurs psychiques qu'aux effets matériels? Bulletin de l'Union Internationale de Droit Pénal. Rapport. Berlin. 1902. X-ème volume. Livraison 1. p. 98—100.

4) Адольфъ Принсъ (Adolphe Prins). — A. Prins — Science pénale et droit positif. Bruxelles. Paris. 1899.

— въ Италіи, И. Я. Фойницкій и Н. А. Полетаевъ — въ Россіи и Г. Жоли и Г. Тардъ — во Франціи.

Криминалисты классическаго направленія гораздо многочисленнѣе, чѣмъ криминалисты новыхъ направленій.

Кромѣ того, криминалисты классическаго направленія выступаютъ въ научной литературѣ уголовного права гораздо раньше, чѣмъ криминалисты новыхъ направленій. Такъ, криминалисты классическаго направленія, какъ напр., В. Блэкстонъ — въ Англіи, К. Грольманъ и П. Фейербахъ — въ Германіи, начинаютъ свою научную дѣятельность во второй половинѣ XVIII-го вѣка; а криминалисты новыхъ направленій заявляютъ себя научными трудами новаго направленія лишь съ семидесятыхъ годовъ XIX-го вѣка. Первымъ криминалистомъ новаго направленія является русскій ученый И. Я. Фойницкій, а первымъ научнымъ произведеніемъ новаго направленія — изслѣдованіе И. Я. Фойницкаго, напечатанное въ началѣ 1873 г. въ Судебномъ Вѣстникѣ подъ заглавіемъ — „Вліяніе временъ года на распредѣленіе преступленій“ (См. выше с. 54—56.). Въ этомъ изслѣдованіи И. Я. Фойницкій впервые указалъ, что для устройства правильной общественной или государственно-общественной борьбы съ преступленіемъ необходимо изученіе условій преступности и что эти условія раздѣляются на три группы: на условія личныя, условія общественныя и условія физическія (См. выше с. 55 прим. 1.).

Какъ криминалисты классическаго направленія, такъ и криминалисты новыхъ направленій разрабатываютъ догму уголовного права съ надлежащей полнотой и правильностью. Въ этомъ отношеніи нѣтъ никакого различія между этими двумя группами ученыхъ; хотя, конечно, есть различія между нѣкоторыми отдѣльными писателями той и другой группы.

Но криминалисты классическаго направленія работаютъ надъ исторіей уголовного права гораздо больше, чѣмъ криминалисты новыхъ направленій. Въ этомъ отношеніи есть разница между этими двумя группами ученыхъ; хотя въ группѣ криминалистовъ новыхъ направленій и встрѣчаются такія лица, какъ напр., И. Я. Фойницкій, у которыхъ есть прекрасныя работы по исторіи уголовного права, нисколько не уступающія работамъ криминалистовъ классическаго направленія по этому предмету.

Какъ криминалисты классическаго направленія, такъ и криминалисты новыхъ направленій приблизительно одинаково пользуются сравнительно-историческимъ приѣмомъ изслѣдованія, но работаютъ этимъ приѣмомъ только немногіе.

Въ области же уголовной политики между криминалистами классическаго направленія и криминалистами новыхъ направленийъ существуетъ большое различіе. Криминалисты новыхъ направленийъ разработали уголовную политику гораздо больше, чѣмъ криминалисты классическаго направленія.

Криминалисты новыхъ направленийъ рѣшительно отказались отъ метафизическаго метода изслѣдованія въ пользу разныхъ видовъ положительнаго метода и выставили два принципа, весьма важныхъ для развитія уголовной политики, какъ составной части науки уголовного права. Первый принципъ состоитъ въ томъ, что въ основаніе уголовной политики должно быть положено тщательное изученіе причинъ, или факторовъ, или условій преступности и преступленій и при томъ изученіе съ помощью различныхъ видовъ положительнаго метода. Второй же принципъ заключается въ томъ, что общественная борьба съ преступленіемъ можетъ быть успѣшна только въ томъ случаѣ, когда она устроена цѣлесообразно, на основаніи глубокаго изученія причинъ, или факторовъ или условій преступности и преступленій.

Правда, въ этихъ принципахъ содержится нѣкоторое смѣшеніе понятій: причины и факторы смѣшиваются съ условіями. Кромѣ того, подъ именемъ преступности нерѣдко разумѣются разные явленія: иногда — состояніе личности, а иногда — совокупность преступленій въ общественной средѣ. Тѣмъ не менѣе, провозглашеніе этихъ принциповъ и разработка уголовной политики на ихъ основаніи представляютъ несомнѣнное движеніе впередъ, хотя и не совсѣмъ вѣрными шагами. Криминалисты же классическаго направленія не сдѣлали и этого движенія.

Обращаясь къ изученію причинъ, факторовъ или условій преступности и преступленій, многіе изъ криминалистовъ новыхъ направленийъ, начиная съ И. Я. Фойницкаго, признавали, что эти причины, факторы или условія являются тройкими: личными, общественными и космическими. Изученію подвергались главнымъ образомъ личныя условія и общественныя, а космическія изучались гораздо рѣже и меньше. Криминалисты же классическаго направленія вовсе не изучали космическихъ условій, очень мало изучали общественныя, а въ изученіи личныхъ уступали криминалистамъ новыхъ направленийъ.

Нѣкоторые думаютъ, что криминалисты классическаго направленія не изучали личныхъ условій преступленія; но это совершенно не вѣрно. Доказательствомъ служить то, что понятіе о виновности, понятіе о состояніи вмѣняемости, понятіе о состояніи невмѣняемости, понятіе объ обстоятельствахъ, исключающихъ вмѣненіе поступка въ вину, понятія объ обстоятельствахъ, повышающихъ и понижающихъ вину, разрабо-

таны главнымъ образомъ трудами криминалистовъ классическаго направленія, а выработка этихъ понятій безъ изученія условій преступности, лежащихъ въ самомъ чловѣкѣ-преступникѣ, не возможна. Но криминалисты классическаго направленія изучали эти условія лишь настолько, насколько считали это необходимымъ для приобрѣтенія возможности построенія отвлеченныхъ юридическихъ понятій, при чемъ, при построеніи этихъ понятій, нерѣдко прибѣгали къ помощи метафизики, а метафизика отгѣсняла изученіе личныхъ условій преступности на задній планъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что криминалисты классическаго направленія много работали надъ системой наказанія за преступленіе и дали много цѣнныхъ выводовъ. Но криминалисты новыхъ направленій сдѣлали въ этомъ отношеніи еще больше и при томъ именно потому, что разработывали систему общественной борьбы государства съ преступленіемъ на основаніи тщательнаго изученія причинъ, факторовъ или условій возникновенія преступленій и преступности.

Кромѣ того, криминалисты новыхъ направленій ясно отмѣтили, что для успѣшной борьбы государства съ преступленіемъ и преступностью необходима широкая система предохранительныхъ мѣръ, т. е. мѣръ, предупреждающихъ возникновеніе и развитіе преступности въ чловѣкѣ, но не имѣющихъ никакого карательнаго характера, какъ напр., поддержаніе и развитіе нравственности, уваженія къ праву, уваженія къ личности въ чловѣческой средѣ, обезпеченіе правильнаго воспитанія молодежи, распространеніе образованія, улучшеніе социальныхъ, экономическихъ и юридическихъ условій жизни народонаселенія и т. д. Правда, нѣкоторые изъ криминалистовъ классическаго направленія, какъ напр., П. Фейербахъ, сдѣлали нѣкоторые намеки на необходимость предохранительныхъ мѣръ этого рода еще задолго до появленія криминалистовъ новыхъ направленій, но честь яснаго выраженія идеи о необходимости цѣлой системы предохранительныхъ мѣръ противъ преступленія принадлежитъ криминалистамъ новыхъ направленій. Этимъ же криминалистамъ принадлежитъ главнымъ образомъ и разработка этой идеи.

Криминалисты новыхъ направленій, отдѣляясь отъ криминалистовъ классическаго направленія въ особую группу, въ свою очередь не отличаются единствомъ направленія, но, соотвѣтственно различіямъ своихъ направленій, подраздѣляются на четыре категоріи.

Къ первой категоріи принадлежатъ тѣ изъ криминалистовъ новаго направленія, которые разработываютъ уголовную политику въ духѣ уголовной антропологии и, такимъ образомъ, держатся уголовно-антро-

пологического направления. Таковъ, напр., Д. А. Дриль (выше с. 76 прим. 1.).

Ко второй категоріи относятся тѣ изъ криминалистовъ новаго направленія, которые работаютъ надъ уголовной политикой въ духѣ уголовной социологіи и, такимъ образомъ, держатся уголовно-соціологического направленія. Таковъ, напр., Г. Тардъ (выше с. 72 прим. 12.).

Третью категорію составляютъ тѣ криминалисты новаго направленія, которые разрабатываютъ уголовную политику въ духѣ уголовной антропо-соціологіи и, такимъ образомъ, держатся уголовно-антропо-соціологического направленія. Таковы, напр., Францъ фонъ Листъ (выше с. 71 прим. 12.)¹⁾, Г. ванъ Гамель (с. 54 прим. 3.), А. Принсъ (с. 82 прим. 4.) и Ю. Варга (с. 71 прим. 5.).

Наконецъ, къ четвертой категоріи принадлежатъ тѣ криминалисты новаго направленія, которые, разрабатывая уголовную политику, изучаютъ личныя, общественныя и космическія условія преступности и преступленій, какъ напр., И. Я. Фойницкій²⁾, или личныя и общественныя условія, какъ напр., Г. Жоли (выше с. 72 прим. 11.) и Б. Алимена (с. 72 прим. 2.), или, по меньшей мѣрѣ, одни только личныя, какъ напр., Н. А. Полетаевъ (с. 72 прим. 7.), но, при этомъ изученіи точно также, какъ и вообще при разработкѣ уголовной политики, не

1) Отношеніе Ф. фонъ Листа, Г. ванъ Гамеля и А. Принса съ ихъ сторонниками къ такъ называемой классической школѣ уголовного права охарактеризовано вкратцѣ Ф. фонъ Листомъ въ его рѣчи въ С.-Петербургѣ въ 1902 г. — Ф. фонъ Листъ — Общественные факторы преступности. (Переводъ съ нѣмецкаго). Рѣчь, произнесенная въ засѣданіи С.-Петербургскаго съѣзда Международнаго союза криминалистовъ 8/21 сентября 1902 года. Ж. М. Ю. 1903. № 2. с. 38—54. „Сущность различія между взглядами обоихъ направленій, сказалъ Ф. фонъ Листъ (Общест. факторы преступности. с. 38—39.), сводится . . . къ различной или, точнѣе, не въ одинаковой степени общей постановкѣ вопроса. Классическая школа поставила себѣ лишь одну задачу — созданіе и разработку догматической системы уголовного права; мы же къ этой задачѣ присоединили еще другую — изслѣдованіе причинъ преступленія, созданіе научной этиологіи преступности“.

2) И. Я. Фойницкій — Вліяніе временъ года на распредѣленіе преступленій. На досугѣ. Т. I. 1898. VI. с. 261—397. Первое изданіе въ 1873 г. См. выше с. 54—56 съ прим. 1 на с. 55, а также с. 83. — И. Я. Фойницкій — Уголовное право, его предметъ, его задачи. Вступительная лекція въ курсъ русскаго уголовного права, прочтенная въ С.-Петербургскомъ университетѣ 10 сентября 1873 г. (Судебн. журн. 1873, № 5). На досугѣ. Т. I. VII. с. 398—431. — И. Я. Фойницкій — Ученіе о наказаніи въ связи съ тюремновѣдѣніемъ. См. выше с. 56—57. — И. Фойницкій — Уголовно-правовая доктрина о соучастіи. Юридическій Вѣстникъ. Москва. 1891. № 1. с. 3—28. — И. Фойницкій — Женщина-преступница. Сѣверный Вѣстникъ. 1893. № 2. с. 123 — 144; № 3. с. 111—140.

становятся подъ знамена ни уголовной антропологии, ни уголовной социологии, ни уголовной антропо-социологии, а держатся критическаго отношенія и сохраняютъ самостоятельность мнѣній. Криминалистовъ этого направленія можно назвать представителями прогрессивнаго уголовно-политическаго направленія.

§ 10. Вспомогательныя науки и отрасли знанія.

Наука уголовного права, въ интересахъ своего правильнаго и успѣшнаго развитія, нуждается въ помощи многихъ другихъ наукъ и отраслей знанія, какъ юридическихъ, такъ и неюридическихъ.

Уголовное право, уголовно-охранительное, уголовно-судебное и уголовно-исполнительное представляютъ собой четыре составныя части одного и того же сложнаго цѣлаго, извѣстнаго подъ именемъ уголовного права въ обширномъ смыслѣ слова. Уголовно-охранительное право занято предупрежденіемъ и пресѣченіемъ тѣхъ самыхъ уголовныхъ правонарушеній, которыя опредѣлены по содержанію уголовнымъ правомъ. Въ свою очередь, уголовно-судебное право и уголовно-исполнительное являются необходимыми средствами къ практическому примѣненію постановленій уголовного права о преступленіяхъ и наказаніяхъ въ дѣйствительной жизни. Въ виду этого, и наука уголовного права стоитъ въ тѣсной связи съ науками уголовно-охранительнаго права, уголовно-судебнаго и уголовно-исполнительнаго.

Говоря о связи между уголовнымъ правомъ и уголовно-судебнымъ, многіе ученые утверждаютъ, что первый сознательный шагъ къ систематическому разграниченію уголовного права и уголовно-судебнаго въ области положительнаго права былъ сдѣланъ французскимъ законодателемъ въ началѣ XIX вѣка. Такъ, 17 ноября 1808 г. былъ утвержденъ во Франціи уставъ уголовного судопроизводства (*code d'instruction criminelle*), 2 февраля 1810 г. — уголовное уложеніе (*code pénal*), а 20 апрѣля 1810 г. — законъ о судоустройствѣ (*loi sur l'organisation de l'ordre judiciaire et l'administration de la justice*).

Этотъ взглядъ, однако, — совершенно не вѣренъ. Честь почина въ данномъ отношеніи принадлежитъ Россіи, а не Франціи. 30 марта 1716 года русскій Царь Петръ I утвердилъ обширный проектъ закона, извѣстнаго подъ именемъ „Устава Воинскаго“ [П. С. З. (с. 1.) Т. V. № 3006. Уставъ Воинскій.]. Этотъ законъ состоитъ изъ четырехъ обширныхъ частей. 1-я носитъ названіе „Уставъ Воинскій“, 2-я — „Артикулъ воинскій съ краткимъ толкованіемъ“, 3-я — „Краткое изображеніе Процессовъ или Судебныхъ тяжбебъ“, и 4-я — О экзерциціи, о приуготовленіи къ маршу, о званіяхъ и о должности полковыхъ чиновъ“. Въ „Артикулѣ воинскомъ съ краткимъ толкованіемъ“

изложены постановленія о преступленіяхъ и наказаніяхъ, а въ „Краткомъ изображеніи Процессовъ или Судебныхъ тяжбъ“ — постановленія о судоустройствѣ и судопроизводствѣ.

Примѣръ русскаго законодателя не вызвалъ подражанія, примѣру же французскаго послѣдовали многія изъ культурныхъ государствъ въ XIX вѣкѣ.

Наука уголовного права, изучая различные роды, виды и подвиды принудительнаго заключенія, установленнаго въ качествѣ наказанія за уголовныя правонарушенія, приходитъ въ близкую связь не только съ уголовно-исполнительнымъ правомъ, изучающимъ, между прочимъ, тѣ же роды, виды и подвиды принудительнаго заключенія, но и съ тюмовѣдѣніемъ. Тюмовѣдѣніе есть ученіе о принудительномъ заключеніи, какъ средствѣ, устроенномъ для осуществленія нѣкоторыхъ специальныхъ цѣлей, преслѣдуемыхъ нѣкоторыми отраслями объективнаго права, а именно — уголовнымъ правомъ въ обширномъ смыслѣ слова, дисциплинарнымъ правомъ, полицейскимъ или, точнѣе, административнымъ правомъ, гражданскимъ правомъ и военнымъ правомъ.

Благодаря тѣсной связи между преступленіемъ и психическимъ, духовнымъ состояніемъ человѣка передъ учиненіемъ и во время учиненія преступления, наука уголовного права стоитъ въ тѣсной связи съ психологіей, какъ наукой о психической жизни человѣка.

Отрицая виновность и уголовную отвѣтственность душевно-больныхъ за ихъ поступки, наука уголовного права приходитъ въ связь съ судебной психопатологіей, какъ наукой о душевныхъ болѣзняхъ или разстройствахъ душевной дѣятельности.

Нуждаясь въ помощи медицинскихъ и естественныхъ наукъ для правильнаго рѣшенія многихъ изъ вопросовъ уголовного права, напр., вопросовъ о состояніяхъ вмѣняемости и невмѣняемости, о тѣлесныхъ поврежденіяхъ, о насильственной смерти, наука уголовного права, становится въ близкое отношеніе къ судебной медицинѣ. Судебная медицина есть систематическое ученіе объ изслѣдованіи, удостовѣреніи и оцѣнкѣ такихъ явленій, которыя имѣютъ значеніе въ области права, но могутъ быть правильно поняты только съ помощью медицинскихъ и естественныхъ наукъ.

Признавая зависимость преступления отъ условий, лежащихъ въ самой личности преступника, наука уголовного права становится въ связь съ уголовной антропологіей. Уголовная антропология есть ученіе о преступномъ человѣкѣ и его особенностяхъ, о происхожденіи преступности въ человѣкѣ, о преступленіи и цѣлесообразной борьбѣ съ преступленіемъ и преступностью.

Въ свою очередь, признавая зависимость преступленій отъ условий,

лежащихъ въ самомъ строѣ и экономическомъ, техническомъ, умственномъ, нравственномъ, религіозномъ, правовомъ, семейномъ, государственномъ и вообще общественномъ развитіи того человѣческаго общества, изъ среды котораго являются преступники, наука уголовного права приходитъ въ близкое соприкосновеніе съ уголовной соціологіей. Уголовная соціологія есть ученіе о происхожденіи, проявленіи и напряженіи преступности въ человѣческомъ обществѣ и цѣлесообразной общественной борьбѣ съ нею.

Наука уголовного права стоитъ въ связи и съ уголовной статистикой. Уголовная статистика изслѣдуетъ, какъ и при какихъ условіяхъ дѣйствуютъ уголовное, уголовно-судебное и уголовно-исполнительное право и какихъ достигаютъ результатовъ.

Въ виду необходимости правильнаго отграниченія уголовныхъ правонарушеній отъ дисциплинарныхъ, а также въ виду однородности и даже тождества нѣкоторыхъ уголовныхъ наказаній съ наказаниями дисциплинарными, наука уголовного права соприкасается съ ученіемъ о дисциплинарномъ правѣ. Дисциплинарное право есть совокупность правилъ права, опредѣляющихъ правомѣрную борьбу государства, общественныхъ союзовъ и частныхъ лицъ противъ дисциплинарныхъ правонарушеній и ихъ учинителей.

Наука уголовного права стоитъ въ близкой связи съ наукой государственнаго права.

Во первыхъ, основные законы культурныхъ государствъ часто содержатъ въ себѣ важнѣйшіе принципы уголовного законодательства. Напр., основные законы многихъ культурныхъ государствъ провозглашаютъ правило: преступно только то, что законъ призналъ преступленіемъ (*nullum crimen sine lege*).

Во вторыхъ, учрежденіе помилованія, важное для уголовного права, опредѣляется во многихъ отношеніяхъ постановленіями государственнаго права, соотвѣтственно особенностямъ государственнаго устройства.

Въ третьихъ, государственное устройство страны имѣетъ важное вліяніе на состояніе дѣйствующаго уголовного права.

Наконецъ, въ четвертыхъ, составъ многихъ изъ государственныхъ преступленій стоитъ въ зависимости отъ государственнаго устройства страны и измѣняется съ измѣненіемъ этого устройства.

Наука уголовного права соприкасается по нѣкоторымъ вопросамъ съ наукой о полицейскомъ правѣ или, точнѣе съ наукой объ административномъ правѣ т. е. о правѣ внутренняго государственнаго управленія. Таковы, напр., вопросы о предупрежденіи и пресѣченіи особенно вредныхъ дѣйствій со стороны опасныхъ лицъ, находящихся

въ состояніи невмѣняемости, или вопросы объ изданіи обязательныхъ постановленій, съ разрѣшенія закона, административными властями и при томъ такихъ, которыя подлежатъ исполненію подъ страхомъ наказанія.

Между науками уголовного и гражданского права существуетъ связь по нѣсколькимъ вопросамъ, напр., по вопросу о гражданскихъ убыткахъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ уголовному правонарушенію.

Наука уголовного права приходитъ въ соприкосновеніе съ наукой церковнаго права по вопросамъ о нѣкоторыхъ преступленіяхъ, напр., о преступленіяхъ противъ вѣры, о преступленіяхъ должности относительно церковнаго бракосочетанія и т. д.

Наукѣ уголовного права приходится соприкасаться по нѣкоторымъ вопросамъ и съ наукой международнаго права, напр., по вопросамъ о непримѣненіи туземныхъ уголовныхъ законовъ къ нѣкоторымъ разрядамъ иностранцевъ, о выдачѣ преступниковъ, о государственныхъ преступленіяхъ, затрагивающихъ международныя отношенія, и т. д.

Наконецъ, въ виду постоянной тѣсной связи уголовного права съ государствомъ, съ условіями жизни и съ матерьяльными и духовными потребностями гражданъ, наука уголовного права стоитъ въ тѣсной связи какъ съ исторіей внѣшней жизни народовъ т. е. съ политической исторіей, такъ и съ исторіей внутренней жизни народовъ т. е. съ исторіей цивилизаціи или культуры.

§ 11. Предметъ и планъ лекцій.

Предметомъ нашихъ занятій служитъ догма дѣйствующаго русскаго уголовного права, въ связи съ догмой дѣйствующаго уголовного права другихъ культурныхъ государствъ, а также въ связи съ историческимъ и уголовно-политическимъ изслѣдованіемъ важнѣйшихъ институтовъ или учрежденій уголовного права. Мы подвергнемъ изученію систему дѣйствующаго русскаго уголовного права въ ея научномъ построеніи, обратимъ вниманіе на системы уголовного права другихъ культурныхъ государствъ также въ научномъ построеніи, познакомимся съ историческимъ происхожденіемъ и развитіемъ важнѣйшихъ учрежденій уголовного права и рассмотримъ, насколько они въ ихъ современномъ состояніи удовлетворяютъ современнымъ потребностямъ, при современныхъ условіяхъ народной жизни.

Занимаясь изученіемъ догмы русскаго уголовного права, мы начнемъ съ ея общей части и, познакомившись послѣдовательно со всѣми тремя отдѣлами послѣдней т. е. съ ученіемъ объ источникахъ уголовного права, съ ученіемъ о преступленіи и учиненіемъ о наказаніи, перейдемъ къ особенной части и закончимъ ею нашу работу.

Общая часть русского уголовного права.

Отдѣлъ I.

Источники уголовного права.

Глава II.

Источники уголовного права.

§ 12. Источники права.

Государство, какъ намъ извѣстно (см. выше с. 22—29.), есть единственный учредитель права.

Право есть порядокъ, установленный и поддерживаемый государствомъ, опредѣляющій, каковы могутъ или даже должны быть внѣшнія отношенія людей другъ къ другу, при удовлетвореніи матеріальныхъ и духовныхъ человѣческихъ потребностей въ средѣ совмѣстнаго существованія, и каковы могутъ или даже должны быть мѣры внѣшняго принужденія или даже поощренія людей къ соблюденію надлежащихъ отношеній (см. выше с. 24—29.).

Каковъ — правовой порядокъ въ государствѣ или, другими словами, каково — содержаніе дѣйствующаго права въ государствѣ, это выражается правилами, которыя и называются правилами правового порядка или правовыми правилами. Только эти правила имѣютъ обязательную силу въ государствѣ. Только они рѣшаютъ вопросъ, что — правомѣрно и что — не правомѣрно въ данномъ государствѣ. Правомѣрно — въ данномъ государствѣ только то, что — позволено или вмѣнено въ обязанность правовыми правилами этого государства; не правомѣрно же — только то, что — противно положительнымъ или отрицательнымъ обязанностямъ, установленнымъ этими правилами.

Государство устанавливаетъ правовыя правила при посредствѣ своего органа верховной власти, а также при посредствѣ органовъ, уполномоченныхъ послѣднимъ къ учрежденію права.

Государство устанавливает правовые правила тремя способами: 1) путем издания законов, 2) путем заключения международных договоров и 3) путем одобрения какъ заранее сложившихся обычаевъ, такъ и правилъ, уже принятыхъ религіознымъ союзомъ людей одного и того же вѣроисповѣданія. Это одобрение можетъ быть выражено двоякимъ образомъ: 1) посредствомъ словъ закона или международного договора — „соблюдать въ извѣстныхъ случаяхъ указанный обычай или указанное правило религіознаго союза“ и 2) молчаливо, безъ словъ, посредствомъ вразумительныхъ безмолвныхъ поступковъ со стороны обладателя верховной власти или, по крайней мѣрѣ, со стороны органовъ, уполномоченныхъ имъ къ установленію права. Молчаливое одобрение обычая или такого правила государствомъ имѣетъ мѣсто въ томъ случаѣ, когда государство въ лицѣ своего обладателя верховной власти или, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ органовъ, уполномоченныхъ послѣднимъ къ установленію права, знаетъ о данномъ обычаѣ или данномъ правилѣ религіознаго союза, своимъ образомъ дѣйствій допускаетъ его соблюденіе, но не заявляетъ своего согласія посредствомъ устнаго, или письменнаго, или печатнаго слова. Согласіе государства есть, но утверждающаго слова не выражено. А между тѣмъ основные законы государства не требуютъ въ данномъ случаѣ, чтобы утверждающая воля государства выразилась именно словами въ устной, или письменной, или печатной формѣ.

Изданіе закона, заключеніе международного договора и одобрение обычая или одобрение правила, принятаго религіознымъ союзомъ людей одного и того же вѣроисповѣданія, одинаково служатъ тѣми способами, съ помощью которыхъ государство устанавливаетъ правила дѣйствующаго правового порядка или дѣйствующаго права. Правила права, дѣйствующаго въ государствѣ, одинаково могутъ содержаться и въ законѣ государства, и въ международномъ договорѣ государства, и въ обычаѣ, одобренномъ со стороны государства, и въ правилахъ религіознаго союза, одобренныхъ государствомъ. Въ виду этого, и законъ, и международный договоръ, и обычай, одобренный государствомъ, и правила религіознаго союза людей одной и той же вѣры, одобренные государствомъ, одинаково могутъ называться и называются источниками права.

§ 13. Источники уголовного права вообще и источники его въ культурныхъ государствахъ, а въ томъ числѣ и въ Россійской Имперіи.

Уголовное право государства можетъ имѣть четыре источника: законъ государства, международный договоръ государства съ другимъ

государствомъ, обычай, одобренный государствомъ, и правила религіознаго союза людей одного и того же вѣроисповѣданія, одобренныя государствомъ.

Въ культурныхъ государствахъ встрѣчается только три источника уголовного права: законъ государства, обычай, одобренный государствомъ, и правила религіознаго союза людей одного и того же вѣроисповѣданія, одобренныя государствомъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что каждое культурное государство состоитъ въ различныхъ договорахъ съ другими государствами. Не подлежитъ сомнѣнію, что среди международныхъ договоровъ культурнаго государства обыкновенно имѣются и такіе, которые касаются области уголовного права и обыкновенно содержатъ договорныя постановленія о выдачѣ преступниковъ. Тѣмъ не менѣе, и эти международные договоры, касающіеся уголовного права, совершенно не служатъ источниками уголовного права для культурнаго государства. Дѣло въ томъ, что, выговаривая себѣ права и принимая на себя обязанности передъ другими государствами въ отношеніи преступниковъ, культурное государство не создаетъ въ своемъ договорѣ никакихъ новыхъ преступленій или наказаній, но признаетъ лишь тѣ преступленія и наказанія, которыя уже установлены закономъ этого государства, и, оставаясь послѣдовательнымъ охранителемъ интересовъ наибольшаго благосостоянія своего народа, не можетъ поступать иначе. Отсюда становится ясно, что въ международныхъ договорахъ культурнаго государства, касающихся области уголовного права, источникомъ уголовного права т. е. источникомъ, опредѣляющимъ содержаніе преступленій и наказаній, признанныхъ со стороны культурнаго государства, служить въ дѣйствительности не договоръ, но тотъ уголовный законъ, изъ постановленій котораго о преступленіяхъ и наказаніяхъ исходитъ въ своемъ международномъ договорѣ это культурное государство.

По отношенію къ источникамъ уголовного права, культурныя государства раздѣляются на двѣ группы.

Къ первой группѣ принадлежатъ тѣ культурныя государства, въ каждомъ изъ которыхъ уголовное право имѣетъ только одинъ источникъ — законъ. Такъ, законъ является единственнымъ источникомъ уголовного права во Французской Республикѣ, въ Германской Имперіи, въ Голландскомъ Королевствѣ, въ Итальянскомъ Королевствѣ и т. д.

Ко второй же группѣ относятся тѣ культурныя государства, въ каждомъ изъ которыхъ уголовное право имѣетъ два или три источника. Въ случаѣ наличности двухъ источниковъ, ими служатъ: законъ государства и обычай, одобренный государствомъ. При наличности

же трехъ источниковъ, ими служатъ законъ государства, обычай, одобренный государствомъ, и правила религіознаго союза людей одного и того же вѣроисповѣданія, одобренныя государствомъ. Источникъ послѣдней категоріи дѣйствуетъ только въ качествѣ исключенія и имѣетъ сравнительно небольшой кругъ примѣненія. Что касается примѣровъ, то въ Королевствѣ Великобританіи уголовное право имѣетъ два источника: законъ и обычай, одобренный государствомъ. Въ Россійской же Имперіи уголовное право имѣетъ три источника: законъ государства, обычай, одобренный государствомъ, и правила религіозныхъ союзовъ, одобренныя государствомъ.

По отношенію между источниками уголовного права: закономъ и одобреннымъ обычаемъ, культурныя государства второй группы въ свою очередь подраздѣляются на двѣ подгруппы.

Первую подгруппу составляютъ тѣ культурныя государства, въ которыхъ законъ является главнымъ источникомъ уголовного права и дѣйствуетъ въ видѣ очень широко распространеннаго общаго правила; обычай же, одобренный государствомъ, выступаетъ лишь маловажнымъ источникомъ уголовного права, дѣйствуетъ только въ видѣ исключенія изъ общаго правила и имѣетъ сравнительно небольшой кругъ примѣненія.

Такъ, напр., въ Россійской Имперіи, законъ является главнымъ источникомъ уголовного права и дѣйствуетъ въ видѣ очень широко распространеннаго общаго правила¹⁾; обычай же и при томъ только дозволенный закономъ выступаетъ источникомъ уголовного права только въ качествѣ ограниченнаго исключенія и при томъ лишь въ случаяхъ, указанныхъ самимъ закономъ²⁾.

По нашему законодательству, только инородцамъ, указаннымъ въ законѣ, принадлежащимъ къ одному изъ племенъ, находящихся, по своему духовному развитію, на ступени дикости или варварства, дозволяется закономъ судиться, при нѣкоторыхъ условіяхъ, за уго-

1) Сводъ Законовъ Россійской Имперіи. Т. I. Ч. I. Изданіе 1892 г. Сводъ Основныхъ Государственныхъ Законовъ. ст. 47. — Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ. Изданіе 1885 года, со включеніемъ статей по Продолженію 1890 и 1891 годовъ. ст. 1 и 168. — Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ Мировыми Судьями. Изданіе 1885 года, со включеніемъ статей по Продолженію 1890 и 1891 годовъ. ст. 1. — Сводъ Военныхъ Постановленій. Книга XXII. Воинскій уставъ о наказаніяхъ. Изданіе 1879 г. ст. 1. — Сводъ Морскихъ Постановленій. Книга XVI. Военноморской уставъ о наказаніяхъ. Изданіе 1886 г. ст. 1. Этотъ принципъ проводится и уголовнымъ уложеніемъ. ст. 1; 4—5.

2) Уложеніе о наказаніяхъ. ст. 168 съ примѣчаніемъ, по прод. 1902 г., и съ приложеніемъ V-мъ, снабженнымъ двумя примѣчаніями и указаніемъ на исключеніе IV-го отдѣла, по прод. 1902 г. — См. выше с. 15—16 и прим. 4 на с. 15—16.

ловныя правонарушенія въ своихъ инородческихъ судахъ, по своему обычному инородческому уголовному праву.

Условій поставлено нашимъ закономъ три.

Во первыхъ, требуется, чтобы преступникъ и потерпѣвшій, оба принадлежали къ числу тѣхъ инородцевъ, которымъ нашъ законъ позволяетъ судиться за уголовныя правонарушенія въ инородческомъ судѣ, по инородческому обычному уголовному праву, какъ напр., самоѣдамъ, чукчамъ, киргизамъ.

Во вторыхъ, необходимо, чтобы уголовное правонарушеніе находилось въ числѣ тѣхъ, по которымъ нашъ законъ позволяетъ инородческимъ судамъ примѣненіе инородческаго обычнаго уголовного права. Эти уголовныя правонарушенія принадлежатъ обыкновенно къ числу маловажныхъ, какъ напр., оскорбленія, драки, а иногда — даже и къ числу важныхъ, какъ напр., кража, но только — не къ числу самыхъ важныхъ, какъ напр., государственная измѣна, убійство, разбой.

Въ третьихъ же, требуется, чтобы уголовное правонарушеніе было учинено въ мѣстности, предоставленной нашимъ закономъ въ вѣдѣніе обычно-правового уголовного суда, напр., въ мѣстѣ кочевья инородцевъ, а не въ городѣ.

Въ виду недостатковъ инородческаго обычнаго уголовного права, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ виду вопіющихъ злоупотребленій въ инородческихъ судахъ, нашъ законодатель начинаетъ стремиться въ послѣднее время сократить дѣйствіе инородческаго обычнаго уголовного права въ пользу закона. Такъ, согласно временному положенію объ устройствѣ общественнаго управленія и судѣ кочевыхъ инородцевъ Забайкальской области, удостоившемуся Высочайшаго утвержденія 23 апрѣля 1901 г. (Собраніе узаконеній и распоряженій Правительства. 29 мая 1901 г. № 50. ст. 975.), уголовныя правонарушенія, подсудныя инородческимъ судамъ Забайкальской области (Вр. пол. ст. 48 п. 1; 49 и 50.) и наказанія за эти дѣянія (Вр. пол. ст. 55—56.) опредѣлены этимъ временнымъ положеніемъ т. е. закономъ, а не обычнымъ уголовнымъ правомъ этихъ инородцевъ. Судоустройство же и судопроизводство инородческихъ судовъ Забайкальской области опредѣлено въ существенныхъ чертахъ тѣмъ же временнымъ положеніемъ т. е. закономъ, и отправленіе правосудія въ этихъ судахъ поставлено подъ контроль крестьянскихъ начальниковъ и уѣздныхъ съѣздовъ крестьянскихъ начальниковъ.

Что же касается второй подгруппы государствъ, то въ ней находятся тѣ культурныя государства, въ каждомъ изъ которыхъ, какъ напр., въ Королевствѣ Великобританіи, законъ является главнымъ

источникомъ уголовного права и дѣйствуетъ въ качествѣ широко распространеннаго общаго правила; обычай же, одобренный государствомъ, хотя и выступаетъ источникомъ уголовного права только въ качествѣ исключенія, но за то имѣетъ довольно большое примѣненіе.

§ 14. Подраздѣленіе уголовного права на общее и особенное.

Уголовное право каждаго болѣе или менѣе обширнаго культурнаго государства раздѣляется на общее и особенное.

Общимъ уголовнымъ правомъ государства называется то, которое, за нѣкоторыми исключеніями, дѣйствуетъ на всей территоріи этого государства и, за нѣкоторыми исключеніями, примѣняется здѣсь къ лицамъ всѣхъ званій.

Особеннымъ же уголовнымъ правомъ государства является то, которое имѣетъ силу только въ кругу исключеній и распространяетъ свое дѣйствіе только на какую-нибудь часть этого государства, или только на лица особаго званія, или только на уголовныя правонарушенія особой категоріи, или, наконецъ, дѣйствуетъ при сочетаніи нѣсколькихъ изъ этихъ условій.

§ 15. Подраздѣленіе уголовного права Россійской Имперіи на общее и особенное.

Уголовное право Россійской Имперіи раздѣляется на общее и особенное.

Общимъ уголовнымъ правомъ Россійской Имперіи или, короче сказать, русскимъ уголовнымъ правомъ является то, которое, за нѣкоторыми исключеніями, дѣйствуетъ на всей территоріи Россійской Имперіи и, за нѣкоторыми исключеніями, примѣняется здѣсь къ лицамъ всѣхъ званій.

Особеннымъ же уголовнымъ правомъ Россійской Имперіи является то, которое имѣетъ силу только въ кругу исключеній и распространяетъ свое дѣйствіе только на какую-нибудь часть Россійской Имперіи, или только на лица особаго званія, или только на уголовныя правонарушенія особой категоріи, или, наконецъ, дѣйствуетъ при сочетаніи нѣсколькихъ изъ этихъ условій.

§ 16. Подраздѣленіе общаго уголовного права на двѣ части : общую и особенную.

Общее уголовное право каждаго культурнаго государства представляетъ собой не что иное, какъ совокупность такихъ правилъ права, которыя дѣйствуютъ, за нѣкоторыми исключеніями, на всей территоріи этого государства, примѣняются здѣсь, за нѣкоторыми исклю-

ченіями, къ лицамъ всѣхъ званій и опредѣляютъ въ общемъ видѣ, что такое уголовное правонарушеніе или преступленіе, что такое наказаніе, какія правонарушения преступны и какими наказаніями они обложены въ данномъ государствѣ.

Общее уголовное право каждаго культурнаго государства можетъ быть раздѣлено, по содержанію, на двѣ части: общую и особенную.

Общей частью общаго уголовного права, учрежденнаго даннымъ государствомъ, называется совокупность правилъ этого права, опредѣляющихъ въ общемъ видѣ общее понятіе уголовного правонарушенія или преступленія и общее понятіе наказанія, принятое въ этомъ правѣ. Особенной же частью общаго уголовного права, учрежденнаго даннымъ государствомъ, называется совокупность правилъ этого права, опредѣляющихъ въ общемъ видѣ, какія правонарушения преступны и какими наказаніями они обложены въ данномъ государствѣ.

§ 17. Краткій историческій очеркъ главныхъ законодательныхъ памятниковъ общаго уголовного права въ Россійской Имперіи.

22 октября 1721 года русскій Царь Петръ I, по предложенію Сената и Синода, принялъ титуль „Императора Всероссійскаго“ [П. С. З. (с. 1.). Т. VI. № 3840.], и съ тѣхъ поръ Россійское Царство, Московское Государство обратилось въ Россійскую Имперію.

Въ теченіе своего долголѣтняго существованія Россійская Имперія имѣла шесть главныхъ законодательныхъ памятниковъ общаго уголовного права. Таковы — 1) Соборное Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича 29 января 1649 г., 2) „Артикуль воинскій съ краткимъ толкованіемъ“ Царя Петра I 30 марта 1716 г., обращенный царскимъ указомъ 10 апрѣля 1716 г. къ одновременному примѣненію въ общихъ уголовныхъ судахъ вмѣстѣ съ Соборнымъ Уложеніемъ 1649 г., 3) „Сводъ Законовъ Уголовныхъ“ Императора Николая I, изданный или, точнѣе, напечатанный въ 1832 г. (см. выше с. 7 прим. 1 и 2.) и удостоившійся Высочайшаго утвержденія 31 января 1833 г., съ послѣдующимъ изданіемъ 1842-го года (выше с. 7—8 съ прим. 5 на с. 7—8.), 4) „Уложеніе о Наказаніяхъ Уголовныхъ и Исправительныхъ“ Императора Николая I 15 августа 1845 г., съ послѣдующими изданіями 1857-го, 1866-го и 1885-го годовъ, 5) „Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ Мировыми Судьями“ Императора Александра II 20 ноября 1864 г., съ послѣдующими изданіями 1883-го и 1885-го годовъ, и 6) „Уголовное уложеніе“ Императора Николая II 22 марта 1903 г.

Два первыхъ изъ этихъ шести главныхъ законодательныхъ памятниковъ общаго уголовного права Россійская Имперія получила въ

готовомъ видѣ отъ Россійскаго Царства, а четыре послѣднихъ выработаны ея законодателемъ.

16 іюня 1648 г. „Государь Царь и Великій Князь Алексій Михайловичъ, всея Русіи Самодержецъ“, вмѣстѣ съ Думою рѣшилъ составить, обсудить и утвердить на соборѣ съ выборными людьми такое уложеніе, которое твердо опредѣлило бы правовой порядокъ въ русскомъ государствѣ, „чтобы Его Государево Царственное и земское дѣло съ тѣми со всѣми выборными людьми утвердить и на мѣрѣ поставить, чтобы тѣ всѣ великія дѣла, по нынѣшнему Его Государеву указу и Соборному Уложению, впредь были ни чѣмъ нерушимы“, „чтобы Московскаго Государства всякихъ чиновъ людемъ, отъ большаго и до меньшаго чину, судъ и расправа была во всѣхъ дѣлѣхъ всѣмъ равна“ [П. С. З. (с. 1), Т. I. № 1. Уложеніе 29 Января 1649 г.].

Составленіе проекта уложенія было поручено комиссіи. Она состояла изъ пяти лицъ: а) изъ двухъ бояръ — князя Н. И. Одоевскаго и князя С. В. Прозоровскаго, б) изъ окольничьяго, князя Ѳ. Ѳ. Волконскаго и в) изъ двухъ дьяковъ — Г. Левонтьева и Ѳ. Грибоѣдова.

Матерьяломъ для составленія проекта послужили главнымъ образомъ прежніе русскіе законы, въ видѣ судебныхъ и указовъ, и прежніе судебные и административные боярскіе приговоры, а затѣмъ нѣкоторыя изъ правилъ, принятыхъ православною церковью т. е. нѣкоторыя изъ правилъ Св. Апостоловъ и Св. Отцевъ церкви и нѣкоторыя изъ статей греко-римскаго законодательства, содержащихся въ кормчей книгѣ („въ градскихъ законахъ Греческихъ Царей“) и нѣкоторыя изъ статей Литовскаго Статута 1588 года. Нѣкоторыя же статьи проекта были составлены самою комиссіей или на основаніи обычаевъ, или по ея собственному благоусмотрѣнію.

Комиссія энергично принялась за дѣло и вскорѣ составила проектъ уложенія.

Онъ содержалъ постановленія по многимъ отраслямъ права: по государственному праву, административному, военному, финансовому, уголовному, гражданскому и т. д.

3 октября 1648 г. началось слушаніе и обсужденіе проекта уложенія. Онъ былъ прочтенъ сначала передъ Государемъ и Думой, а потомъ въ отвѣтной палатѣ передъ выборными людьми. По обсужденіи и исправленіи проекта, онъ былъ утвержденъ Царемъ и соборомъ. Когда именно состоялось утвержденіе, это съ точностью не извѣстно. Если же принять во вниманіе, что слушаніе проекта уложенія Царемъ и Думой началось 3 октября 1648 г., что, при слушаніи этого проекта выборными людьми, вносились въ проектъ, по ихъ

челобитью, различныя измѣненія, что такое исправленіе проекта въ многолюдномъ собраніи выборныхъ людей, необходимо, требовало времени и что въ концѣ уложенія сдѣлана помѣтка: „Совершена сія книга повелѣніемъ Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Русіи Самодержца . . . лѣта 7157-го Генваря въ 29 день“; то слѣдуетъ признать наиболѣе вѣроятнымъ, что утвержденіе окончательно исправленнаго проекта уложенія состоялось 29 января 1649 года. Въ томъ же году это соборное уложеніе было два раза напечатано и въ томъ же году вступило въ дѣйствіе.

Соборное уложеніе Царя Алексѣя Михайловича не было посвящено исключительно уголовному праву, но заключало въ себѣ обширные ряды узаконеній по многимъ отраслямъ права: по государственному праву, административному, военному, финансовому, уголовному и уголовно-судебному, гражданскому и гражданско-судебному и т. д. Это уложеніе, несомнѣнно, страдало нѣкоторой нестройностью, неполнотой, казуистичностью и излишнимъ многословіемъ; но тѣмъ не менѣе составляло замѣчательное произведеніе своей эпохи и во многихъ отношеніяхъ соотвѣтствовало дѣйствительнымъ потребностямъ и условіямъ жизни русскаго народа того времени.

По изданіи соборнаго уложенія 1649 г., русское законодательство, въ виду требованій жизни, продолжало свое дальнѣйшее развитіе. Уже къ концу XVII вѣка оказалось такое множество различныхъ дальнѣйшихъ узаконеній, что явилась потребность въ пересмотрѣ уложенія. И вотъ 18 февраля 1700 г. [П. С. З. (с. 1.) Т. IV № 1765.] состоялся указъ Царя Петра I объ учрежденіи особой комиссіи для составленія „новоуложенной книги“ или „новаго уложенья“ путемъ дополненій и исправленій уложенія 1649 года на основаніи послѣдующихъ узаконеній и боярскихъ приговоровъ. Комиссія составила окончательный проектъ „новоуложенной книги“ въ 1703 году, но этотъ проектъ не получилъ утвержденія (Таганцевъ — Рус. уг. право. Т. I. с. 195—196.).

30 марта 1716 г. русскій Царь Петръ I утвердилъ въ городѣ Данцигѣ обширный проектъ закона, извѣстнаго подъ именемъ „Устава Воинскаго“ [П. С. З. (с. 1.) Т. V. № 3006. Уставъ Воинскій.]. Этотъ законъ изложенъ на русскомъ и нѣмецкомъ языкѣ и состоитъ изъ четырехъ обширныхъ частей. 1-я носитъ названіе „Уставъ Воинскій“, 2-я — „Артикуль воинскій съ краткимъ толкованіемъ“, 3-я — „Краткое изображеніе Процессовъ или Судебныхъ тяжбебъ“ и 4-я — „О экзерциціи, о приуготовленіи къ маршу, о званіяхъ и о должности полковыхъ чиновъ“. Въ артикулѣ воинскомъ съ краткимъ толкованіемъ изложены постановленія о преступленіяхъ и наказаніяхъ.

Артикуль воинскій составлень на основаніи шведскаго военно-уголовнаго законодательства 1683 г., съ заимствованіями изъ нѣмецкаго и другихъ иностранныхъ законодательствъ.

Онъ не только заключаетъ въ себѣ законодательныя постановленія, спеціально относящіяся къ области военно-уголовнаго права (каковы статьи о преступленіяхъ и проступкахъ, связанныхъ съ нарушеніемъ обязанностей военной службы и воинской дисциплины, и статьи о наказаніяхъ для лицъ, состоящихъ на военной службѣ или при войскѣ), но содержитъ и много постановленій, относящихся къ области общаго уголовнаго права, примѣнимыхъ къ преступленіямъ и проступкамъ лицъ всякаго званія.

Въ виду этого обстоятельства, Петръ Великій указомъ 10 апрѣля 1716 г. [П. С. З. (с. 1.). Т. V № 3010.] распространилъ примѣненіе артикула воинскаго и на общіе уголовные суды. Этотъ артикуль долженъ былъ примѣняться въ нихъ на правахъ общаго уголовнаго закона, рядомъ съ соборнымъ уложеніемъ и другими общими уголовными законами.

Какъ соборное уложеніе 1649 г., такъ и артикуль воинскій 1716 г. продолжали дѣйствовать, въ качествѣ главныхъ источниковъ общаго уголовнаго права, въ Россійской Имперіи до 1 января 1835 г. [П. С. З. (с. 2.). Т. II. № 5947. Манифестъ 31 января 1833 г. объ изданіи Свода Законовъ Россійской Имперіи.]. Но оставаясь въ это время главными источниками общаго русскаго уголовнаго права, уложеніе и артикуль далеко не были единственными источниками этого права. Рядомъ съ уложеніемъ и артикуломъ дѣйствовало множество другихъ уголовныхъ узаконеній, а главнымъ образомъ — указовъ, и своимъ дѣйствіемъ то дополняло, то сокращало, то отмѣняло примѣненіе тѣхъ или другихъ постановленій уложенія и артикула.

Уже между уголовными постановленіями уложенія и артикула было не мало разногласій. Уголовныя же постановленія другихъ узаконеній, дѣйствовавшихъ рядомъ съ уложеніемъ и артикуломъ, въ свою очередь, нерѣдко не соотвѣтствовали не только постановленіямъ уложенія и артикула, но и другъ другу.

Это нестройное многозаконіе расшатывало правовой порядокъ въ государствѣ, сильно затрудняло отправленіе уголовнаго правосудія и открывало широкій просторъ судейскому произволу, проникнутому своекорыстіемъ и лицепріятіемъ. Не даромъ въ указѣ Петра Великаго 17 апрѣля 1722 г. [П. С. З. (с. 1.). Т. VI. № 3970.] отмѣчено, что въ судахъ играютъ въ законы „какъ въ карты, подбирая масть къ масти“ и добиваются указа „на указъ, дабы въ мутной водѣ удоб-

нѣ рыбу ловить“. Благосостояніе народа, государства и частныхъ лицъ требовало простаго, яснаго, краткаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и достаточно полнаго уголовного уложенія, а такого уложенія не было, и вмѣсто него дѣйствовала нестройная масса законовъ сначала съ однимъ соборнымъ уложеніемъ, а потомъ съ соборнымъ уложеніемъ и артикуломъ воинскимъ во главѣ.

Сознавая опасность и вредъ этого положенія вещей и желая устраненія зла, русскіе законодатели XVIII-го и первой четверти XIX-го вѣка, начиная Петромъ Великимъ и кончая Александромъ I, принимаютъ разнообразныя мѣры, чтобы твердо установить на будущее время однимъ законодательнымъ уложеніемъ или сводомъ, каково должно быть дѣйствующее право или, по меньшей мѣрѣ, каково должно быть дѣйствующее общее уголовное право въ русскомъ государствѣ. Для осуществленія этихъ цѣлей въ теченіе 125 лѣтъ, начиная съ 1700 г. [П. С. З. (с. 1.). Т. IV. № 1765.], учреждаются русскими государями различныя комиссіи, но совершенно безуспѣшно.

Однѣ изъ этихъ комиссій, пробывъ нѣсколько времени или даже нѣсколько лѣтъ, прекратили свое существованіе, не выработавъ никакихъ порученныхъ имъ проектовъ законодательства; ни проектовъ уложенія или свода, обнимающаго все дѣйствующее русское право, ни проектовъ уложенія или свода, обнимающаго дѣйствующее общее русское уголовное право.

Такова была, напр., Комиссія „для сочиненія проекта новаго Уложенія“, провозглашенная манифестомъ Императрицы Екатерины II 14 декабря 1766 г. ¹⁾ и учрежденная 30 іюля 1767 г. ²⁾. Въ руководство этой Комиссіи и данъ былъ Императрицей Екатериной II 30 іюля 1767 г. ея знаменитый наказъ ³⁾.

1) П. С. З. (с. 1.). Т. XVII. № 12801. Именной указъ 14 декабря 1766 г. Сенату съ манифестомъ „объ учрежденіи въ Москвѣ Комиссіи для сочиненія проэкта новаго Уложенья, и о выборѣ въ оную Депутатовъ“. „Какъ намѣреніе Наше есть, съ Божіею помощію въ будущемъ 1767 году въ Москвѣ учредить Комиссію для сочиненія проэкта новаго Уложенья; то Мы чрезъ сіе повелѣваемъ“.

2) П. С. З. (с. 1.). Т. XVIII. № 12948. Обрядъ управленія Комиссіи о сочиненіи проэкта новаго Уложенія 30 іюля 1767 г.

3) П. С. З. (с. 1.). Т. XVIII. № 12949. Наказъ, данный 30 іюля 1767 г. Комиссіи о сочиненіи проэкта Новаго Уложенія. Этотъ наказъ изданъ на двухъ языкахъ: русскомъ и французскомъ. Онъ составленъ самой Императрицей Екатериной II въ духъ передовыхъ гуманныхъ идей XVIII вѣка, подъ сильнымъ влияніемъ сочиненія Монтескьё „О духъ законовъ“ и сочиненія Беккариа „О преступленіяхъ и наказаніяхъ“.

Другія же комиссіи хотя и выработали съ своей стороны или проектъ свода, обнимающаго все дѣйствующее русское законодательство, или, по крайней мѣрѣ, проектъ русскаго уголовного уложения или уголовного свода; но за то эти проекты не удостоились Высочайшаго утверженія.

Такъ, комиссія, учрежденная Царемъ Петромъ Великимъ 18 февраля 1700 г. для составленія „новоуложенной книги“ или, точнѣе, новаго пополненнаго свода дѣйствующихъ русскихъ узаконеній, составила въ 1703 г. окончательный проектъ „новоуложенной книги“; но онъ не получилъ Высочайшаго утверженія¹⁾.

Комиссія, учрежденная Сенатомъ 24 августа 1754 г. [П. С. З.

Основные идеи наказа Императрицы Екатерины II въ отношеніи къ уголовному праву состоятъ въ слѣдующемъ.

Верховная государственная власть, по мнѣнію Императрицы Екатерины II, имѣетъ своею цѣлью руководить людьми для доставленія имъ наибольшаго благосостоянія. Эта цѣль ярко выставлена Императрицей въ отвѣтъ на вопросъ: „Какой предлогъ самодержавнаго правленія?“ „Не тотъ“, отвѣчаетъ Императрица (Наказъ. Гл. II. ст. 13.), „чтобъ у людей отнять естественную ихъ вольность: но чтобы дѣйствія ихъ направить къ полученію самаго большаго ото всѣхъ добра“.

Средствомъ къ достиженію этой цѣли въ области уголовного права служить уголовный законъ (Наказъ. Введеніе. ст. 3. — Гл. X. ст. 145—148.).

Только онъ долженъ опредѣлять, какія дѣянія составляютъ преступленія и какимъ подлежатъ наказаніямъ (Гл. X. ст. 148—149.).

Право изданія уголовныхъ законовъ принадлежитъ только одному законодателю (Гл. X. ст. 148—149.).

Для примѣненія уголовного закона въ жизни существуетъ судъ (Гл. III. ст. 20. — Гл. X. ст. 148; 151—152.).

Уголовный судъ не долженъ создавать новыхъ правилъ о преступленіяхъ и наказаніяхъ, но долженъ примѣнять лишь существующіе уголовные законы къ случаямъ жизни, тщательно изслѣдуя, „такой-то человѣкъ сдѣлалъ ли, или не сдѣлалъ дѣйствія противнаго закону“ (Гл. X. ст. 151.). Какъ оправданіе, такъ и присужденіе подсудимаго уголовнымъ судомъ къ наказанію должно быть логическимъ заключеніемъ такого силлогизма, въ которомъ постановленіе уголовного закона составляетъ большую посылку, а дѣяніе подсудимаго — малую (Гл. X. ст. 152.).

Уголовному суду должно быть предоставлено право толкованія уголовныхъ законовъ, но только грамматическаго (Гл. X. ст. 151; 153.).

Наказъ Императрицы Екатерины II не получилъ силы дѣйствующаго закона въ Россійской Имперіи, но тѣмъ не менѣе оказалъ большое вліяніе на послѣдующія усовершенствованія русскаго уголовного законодательства, особенно въ XIX-мъ вѣкѣ.

1) Таганцевъ — Рус. уг. право. Т. I. с. 195—196. Подлинникъ проекта „Новоуложенной книги“ находится, по свидѣтельству Н. С. Таганцева (Рус. уг. право. Т. I. с. 196 прим. 1.), въ библиотекѣ Академіи Наукъ.

(с. 1.). Т. XIV. № 10283.] для исполненія повелѣнїя Императрицы Елисаветы 11 марта того же года „о сочиненїи ясныхъ и понятныхъ законовъ по обстоятельству нынѣшнихъ временъ“, закончила зимою 1755 г. проекты двухъ изъ четырехъ частей „новоуложенной книги“. Проектъ одной изъ нихъ былъ посвященъ судоустройству и судо-производству, а проектъ другой опредѣлялъ нѣкоторыя правила розыскаго уголовного процесса, но главнымъ образомъ былъ проектомъ уголовного свода и носилъ названїе: „Новоуложенной книги часть вторая: о розысныхъ дѣлахъ и какія за разныя злодѣяства и преступленія казни, наказанїя и штрафы положены“¹⁾. 25 іюля 1755 г. оба эти проекта, по разсмотрѣнїи ихъ въ Сенатѣ, были поднесены на утвержденїе Императрицы Елисаветы, но она отказала въ немъ²⁾. Проектъ уголовного свода не былъ утвержденъ потому, что щедро расточалъ смертную казнь, въ качествѣ наказанїя, не только простую, но и квалифицированную; Императрица же Елисавета была рѣшительной противницей смертной казни (Таганцевъ — Рус. уг. право. Т. I. с. 197.).

Наконецъ, комиссія составленїя законовъ, учрежденная Императоромъ Павломъ, на основанїи его указа 16 декабря 1796 г. [П. С. З. (с. 1.). Т. XXIV. № 17652.], и преобразованная указомъ Императора Александра I 28 февраля 1804 г. [П. С. З. (с. 1.). Т. XXVIII. № 21187.], воспользовалась проектомъ уголовного уложенїя Россійской Имперїи, выработаннымъ трудами члена этой комиссіи, нѣмецкаго ученаго, доктора философіи Людвигъ Генриха Якоба³⁾ и составила съ помощью

1) Проекты уголовного уложенїя 1754—1766 годовъ. Новоуложенной книги часть вторая: о розысныхъ дѣлахъ и какія за разныя злодѣяства и преступленія казни, наказанїя и штрафы положены. Текстъ подъ редакціей А. А. Востокова. Предисловіе Н. Д. Сергѣевского. С.-Петербургъ. 1882.

2) Проекты уг. ул. 1754—1766 гг. Сергѣевскій — Предисловіе. с. VI.

3) Ludwig Heinrich Jakob родился въ Веттинѣ 26 февраля 1759 г., а умеръ въ Лаухштетѣ въ Германїи 22 іюля 1827 г. Въ 1785 году Якобъ прїобрѣлъ степень доктора философіи въ университетѣ въ Галле, въ 1789 г. сдѣлался экстраординарнымъ и въ 1791 г. ординарнымъ профессоромъ философіи въ томъ же университетѣ. Въ 1806 г. Якобъ перешелъ профессоромъ въ Харьковскій университетъ, въ 1809 г. назначенъ членомъ финансовой комиссіи въ Петербургѣ, 15 мая 1810 г. назначенъ членомъ комиссіи составленїя законовъ по уголовному отдѣленїю и вскорѣ сдѣланъ предсѣдателемъ этого отдѣленїя. По порученїю М. М. Сперанскаго, Якобъ, съ помощью переводчиковъ, составилъ проектъ уголовного уложенїя Россійской Имперїи на русскомъ языкѣ и закончилъ эту работу въ 1812 г. до ссылки Сперанскаго т. е. до 17 марта 1812 г. Этотъ проектъ раздѣлялся на двѣ части: общую и особенную. Онъ былъ первымъ изъ проектовъ русскихъ уголовныхъ уложенїи и сводовъ, въ которомъ появилась общая часть. Она была составлена

передѣлки въ 1812 году свой проектъ уголовного уложенія Россійской Имперіи. Этотъ проектъ былъ внесенъ въ Государственный Совѣтъ въ 1813 г., былъ рассмотрѣнъ и исправленъ Департаментомъ Законовъ въ многочисленныхъ засѣданіяхъ, начиная съ 11 января 1813 г. и кончая 25 апрѣля 1814 г., и потомъ, по мѣрѣ исправленія, былъ напечатанъ въ трехъ частяхъ, съ обозначеніемъ 1813 г., подъ именемъ „Проекта уголовного уложенія Россійской Имперіи“¹⁾, но Высочайшаго утвержденія не получила.

Этимъ неудачнымъ попыткамъ положилъ конецъ Императоръ Николай I. Сознывая всю „важность добраго и твердаго законо-

Якобомъ подъ вліяніемъ рукописной общей части проекта Баварскаго уголовного уложенія, присланной авторомъ ея, знаменитымъ нѣмецкимъ профессоромъ уголовного права, П. I. А. фонъ Фейербахомъ (Paul Johann Anselm von Feuerbach). Въ 1818 г. Якобъ напечаталъ свой проектъ уголовного уложенія Россійской Имперіи на нѣмецкомъ языкѣ и въ предисловіи рассказалъ о своемъ участіи въ трудѣ по составленію этого проекта. Ludwig Heinrich von Jakob — Entwurf eines Criminal-Gesetzbuches für das Russische Reich. Mit Anmerkungen über die bestehenden Russischen Criminalgesetze. Halle 1818. Des Criminal-Gesetzbuches für Russland Erster Theil. — Allgemeine Grundsätze über Verbrechen und Strafen. Des CG. f. R. Zweiter Theil. — Von den einzelnen Verbrechen und deren Bestrafung insbesondere.

Михаиль Михайловичъ Сперанскій родился 1 Января 1772 г., произведенъ Императоромъ Николаемъ I въ графы 1 января 1839 г., умеръ 11 февраля 1839 г.

1) Архивъ Государственнаго Совѣта. Т. IV. Журналы по дѣламъ Департамента Законовъ. Санктпетербургъ. 1874. Часть I. Рассмотрѣніе проектовъ уложеній гражданскаго, уголовного и торговаго. Приложение 3. Проектъ уголовного уложенія Россійской Имперіи. Часть I — Основанія уголовного права (Въ Санктпетербургѣ 1813 года). Часть II — О наказаніяхъ за государственныя и общественыя преступленія (Въ СПБ. 1813 г.). Часть III — О наказаніяхъ за частныя преступленія (Въ СПБ. 1813 г.). Почему 1813-й годъ поставленъ годомъ изданія каждой изъ этихъ трехъ частей проекта объяснить не трудно. Двѣ первыя части и двѣ первыя главы третьей части проекта были рассмотрѣны и исправлены Департаментомъ Законовъ въ его засѣданіяхъ съ 1 февраля по 20 декабря 1813 года (Рассмотрѣніе Департаментомъ Законовъ Проекта Уголовнаго Уложенія. с. 178—185.) и, по всей вѣроятности, по мѣрѣ исправленія и удобствъ печатанія, напечатаны въ 1813 г. Двѣ же послѣднія главы третьей части проекта т. е. 3-я и 4-я были рассмотрѣны и исправлены Департаментомъ Законовъ только въ его засѣданіяхъ съ 9 января по 25 апрѣля 1814 г. (Рассмотрѣніе. с. 185—186.). Онѣ были напечатаны только въ 1814 г., но были напечатаны безъ обозначенія года и переплетены вмѣстѣ съ началомъ третьей части, напечатаннымъ въ 1813 г., съ обозначеніемъ этого года. Слѣдуетъ замѣтить, что первая, общая часть этого проекта, составленная подъ вліяніемъ общей части проекта Якоба, оказала свое вліяніе на общую часть позднѣйшаго русскаго уголовного свода, узаконеннаго въ 1833 г., а именно, — на общую часть первой книги свода Законовъ Уголовныхъ, изданной въ 1832 г. подъ заглавіемъ „О преступленіяхъ и наказаніяхъ вообще“.

дательства“ и видя, что труды по составленію уложенія нашего законодательства, „съ давнихъ лѣтъ . . . предпріятыя, . . . не достигли своей цѣли“, Императоръ Николай I указомъ 26 января 1826 г. [П. С. З. (с. 2.). Т. I. № 114.] упразднилъ „Коммисію Составленія Законовъ“ и учредилъ вмѣсто нея, при Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, Особое Отдѣленіе, спеціально предназначенное къ выработкѣ нашего законодательства. Желая же, какъ можно болѣе, обезпечить успѣшное исполненіе этой трудной и чрезвычайно важной работы, Императоръ принялъ ее въ свое вѣдѣніе. Онъ рѣшительно измѣнилъ и самое направленіе ея. „Вмѣсто сочиненія новыхъ законовъ, сказалъ Императоръ Николай I въ засѣданіи Государственнаго Совѣта 19 января 1833 г., Я велѣлъ сперва собрать вполнѣ и привести въ порядокъ тѣ, которые уже существуютъ, а самое дѣло, по его важности, взялъ въ непосредственное Мое руководство, закрывъ прежнюю комиссію“ (Таганцевъ — Русс. уг. право. Т. I. с. 212.).

Завѣдываніе работами этого Особого Отдѣленія, названнаго вполсѣдствіи „Вторымъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи“, по выработкѣ нашего законодательства было поручено члену Государственнаго Совѣта М. М. Сперанскому. Второе Отдѣленіе, подъ энергичнымъ наблюденіемъ Императора Николая I и умѣлымъ руководствомъ М. М. Сперанскаго оправдало свое назначеніе.

Въ 1830 г. были опубликованы первые результаты работъ Второго Отдѣленія. Это были: 1) первое „Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи повелѣніемъ Государя Императора Николая Павловича составленное“, въ 45 томахъ, начиная съ соборнаго уложенія Царя Алексѣя Михайловича 29 января 1649 г. по вступленіе Императора Николая I на престоль т. е. по 12 декабря 1825 г. [П. С. З. (с. 2.). Т. I. № 1.] и 2) четыре первыхъ тома второго „Полнаго Собранія Законовъ Россійской Имперіи“, начиная со вступленія на престоль Императора Николая I¹⁾.

На основаніи Полнаго Собранія Законовъ Россійской Имперіи

1) Второе „Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи, повелѣніемъ Государя Императора Николая Павловича составленное“ содержитъ законы, начиная со вступленія на престоль Императора Николая I т. е. съ 12 декабря 1825 г. по восшествіе Императора Александра III на престоль т. е. по 1 марта 1881 г. [П. С. З. (с. 3.). Т. I. № 1.]. Третье „Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи“ содержитъ законы, начиная со вступленія на престоль Императора Александра III т. е. съ 1 марта 1881 г.

Второе Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи начало составлять проекты сводовъ по всѣмъ отдѣльнымъ частямъ дѣйствующаго русскаго законодательства, за исключеніемъ военнаго и мѣстнаго права. По мѣрѣ составленія этихъ проектовъ происходилъ пересмотръ ихъ. Онъ былъ оконченъ въ маѣ мѣсяцѣ 1832 г. Въ теченіе того же 1832 г. всѣ проекты сводовъ по всѣмъ отдѣльнымъ частямъ русскаго законодательства, за исключеніемъ военнаго и мѣстнаго права, были напечатаны подъ заглавіемъ : „Сводъ Законовъ Россійской Имперіи, повелѣніемъ Государя Императора Николая Павловича составленный“.

Въ основаніе этого свода положены русскіе законы, начиная съ соборнаго уложенія 29 января 1649 г. по 1 января 1832 г., при чемъ, въ случаѣ несоотвѣтствія постановленій одного закона постановленіямъ другого, предпочтеніе отдавалось, въ видѣ общаго правила, закону позднѣйшаго времени.

Манифестомъ 31 января 1833 г. [П. С. З. (с. 2.). Т. VIII. 1. № 5947.] Императоръ Николай I утвердилъ этотъ „Сводъ Законовъ Россійской Имперіи“ въ качествѣ закона, устраниющаго дѣйствіе всѣхъ предшествующихъ законовъ, на которыхъ онъ былъ основанъ, и объявилъ, что этотъ сводъ вступить въ дѣйствіе съ 1 января 1835 г. Съ этого дня Сводъ Законовъ Россійской Имперіи дѣйствительно вступилъ въ дѣйствіе въ Россійской Имперіи ¹⁾.

Сводъ Законовъ Россійской Имперіи, удостоившійся Высочайшаго утвержденія 31 января 1833 г., раздѣлялся на восемь книгъ, а эти 8 книгъ были раздѣлены въ „Общемъ Оглавленіи Свода Законовъ Россійской Имперіи“ на пятнадцать томовъ.

Восьмую книгу и вмѣстѣ съ тѣмъ пятнадцатый томъ Свода Законовъ Россійской Имперіи составлялъ „Сводъ Законовъ Уголовныхъ“.

Сводъ Законовъ Уголовныхъ раздѣлялся на двѣ книги.

„Книга I“ носила названіе: „О преступленіяхъ и наказаніяхъ вообще“, представляла собой не совсѣмъ полный сводъ дѣйствующаго русскаго общаго уголовного законодательства и раздѣлялась на один-

1) Тѣмъ же самымъ манифестомъ 31 января 1833 г. узаконено изданіе Продолженій Свода Законовъ Россійской Имперіи. Въ манифестѣ постановлено, что всѣ узаконенія, которыя были или будутъ изданы по общему русскому законодательству послѣ 1 января 1832 г., будутъ излагаемы вторично въ томъ самомъ порядкѣ и съ тѣмъ самымъ распредѣленіемъ по статьямъ и книгамъ, какъ это принято въ Сводѣ Законовъ, и въ такомъ изложеніи будутъ печатаемы въ ежегодномъ изданіи Продолженія Свода Законовъ. „Такимъ образомъ составъ законовъ, единажды устроенный, сохранится всегда въ полнотѣ его и единствѣ“.

надцать раздѣловъ. Первый раздѣлъ содержалъ общую часть постановленийъ книги уголовныхъ законовъ, а остальные — особенную. Эта книга была первымъ изъ русскихъ уголовныхъ сводовъ и уложеній, въ которомъ появилась общая часть. „Книга II“ имѣла названіе: „О судопроизводствѣ по преступленіямъ“ и содержала сводъ дѣйствующаго русскаго общаго уголовно-судебнаго законодательства.

Сводъ Законовъ Россійской Имперіи, утвержденный въ 1833 г. страдалъ нѣсколькими недостатками, а главнымъ образомъ неполнотой. Въ виду этого, Императоръ Николай I уже 29 октября 1836 г. повелѣлъ приступить къ систематическому исправленію Свода Законовъ и высказалъ мысль „что нужно начать съ исправленія законовъ уголовныхъ, коихъ недостатки въ особенности ощутительны“¹⁾.

Приведеніе этого повелѣнія въ исполненіе было поручено Министру Юстиціи Д. В. Дашкову²⁾ и Главноуправляющему Вторымъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, графу М. М. Сперанскому. По смерти же ихъ обоихъ, руководство этой работой перешло въ 1840 г. къ новому Главноуправляющему Вторымъ Отдѣленіемъ, графу Д. Н. Блудову³⁾.

4 ноября 1840 г. статсъ-секретарь Дегай представилъ графу Блудову первоначальный проектъ уложенія о наказаніяхъ, а съ декабря начались засѣданія особаго Комитета подъ предсѣдательствомъ графа Блудова для разсмотрѣнія и переработки этого проекта.

Между тѣмъ въ 1842 г., въ интересахъ нѣкотораго объединенія и пополненія дѣйствующаго русскаго законодательства, состоялось второе изданіе Свода Законовъ Россійской Имперіи и въ томъ числѣ Свода Законовъ Уголовныхъ. Высочайшее же утвержденіе этихъ сводовъ послѣдовало 4 марта 1843 г. [П. С. З. (с. 2.). Т. XVIII. № 16584.]. Въ этомъ изданіи Свода Законовъ Россійской Имперіи Сводъ Законовъ Уголовныхъ былъ пополненъ болѣе, чѣмъ на 300 статей, но составлялъ, по прежнему, восьмую книгу и вмѣстѣ съ тѣмъ пятнадцатымъ томъ и, по прежнему, раздѣлялся на двѣ книги. „Книга I“ носила названіе: „О преступленіяхъ и наказаніяхъ вообще“ и представляла не совсѣмъ полный сводъ дѣйствующаго русскаго общаго уголовного законодательства, а „Книга II“ имѣла названіе: „О судо-

1) Обзорніе хода работъ по составленію новаго уложенія. Журналъ Министерства Юстиціи. С.-Петербургъ. 1902 г. № 1. с. 264.

2) Дмитрій Васильевичъ Дашковъ родился въ 1784 г., а умеръ въ 1839.

3) Дмитрій Николаевичъ Блудовъ родился 5 апрѣля 1785 г., произведенъ Императоромъ Николаемъ I въ графы 18 апрѣля 1842 г., умеръ 19 февраля 1864 г.

производствѣ по преступленіямъ“ и содержала сводъ дѣйствующаго русскаго общаго уголовно-судебнаго права.

Новое изданіе Свода Законовъ Уголовныхъ не остановило работъ по составленію уложенія о наказаніяхъ, и къ концу мая мѣсяца 1843 г. былъ изготовленъ окончательный проектъ уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ. 27 мая 1843 г. этотъ проектъ былъ представленъ Императору Николаю I и, по Высочайшему повелѣнію 30 марта 1844 г., былъ внесенъ въ Государственный Совѣтъ. Въ Государственномъ Совѣтѣ была учреждена особая Комиссія для предварительнаго разсмотрѣнія этого проекта. Она одобрила главныя его основанія, но сдѣлала довольно много измѣненій, преимущественно редакціонныхъ. Вслѣдъ затѣмъ, исправленный проектъ уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ былъ разсмотрѣнъ и одобренъ Общимъ Собраніемъ Государственнаго Совѣта и 15-го августа 1845 г. [П. С. З. (с. 2.). Т. XX. 1. № 19283.] удостоился Высочайшаго утвержденія. Срокомъ введенія этого уложенія въ дѣйствіе назначено 1-е мая 1846 г.

„Уложеніе о Наказаніяхъ Уголовныхъ и Исправительныхъ“ 1845 г. раздѣлялось на двѣнадцать раздѣловъ: первый былъ посвященъ общей части, а остальные — особенной.

Это уложеніе не представляло законченной системы постановленій общаго уголовного права, проникнутой внутреннимъ единствомъ, послѣдовательностью и полнотой, а потому и не было уголовнымъ уложеніемъ въ строгомъ научномъ смыслѣ этого слова. Напротивъ, уложеніе о наказаніяхъ составляло въ дѣйствительности сводъ постановленій дѣйствующаго русскаго общаго уголовного права, пополненный нѣкоторыми новыми постановленіями: частью подъ вліяніемъ судебной практики, частью подъ вліяніемъ иностранныхъ законодательствъ, а частью подъ вліяніемъ другихъ различныхъ обстоятельствъ.

Уложеніе о наказаніяхъ 1845 г. уже съ самого своего появленія на свѣтъ страдало нѣсколькими недостатками. Среди нихъ особенно выдвигались на видъ: казуистичность и нѣкоторая неполнота постановленій, нѣкоторая непослѣдовательность въ проведеніи принциповъ и излишнее многословіе.

Въ 1857 г., въ видахъ нѣ котораго пополненія дѣйствующаго русскаго законодательства, было произведено третье изданіе Свода Законовъ Россійской Имперіи. Высочайшее утвержденіе этого Свода послѣдовало 12 мая 1858 г. [П. С. З. (с. 2.). Т. XXXIII. № 33140.].

XV-й томъ этого Свода былъ изданъ подъ заглавіями: „Законы уголовные“ и „Сводъ Законовъ Уголовныхъ“.

Этот томъ раздѣлялся на двѣ книги.

„Книга I“ содержала „Уложение о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ“, раздѣленное, по прежнему, на 12 раздѣловъ, но пополненное новыми статьями, а „Книга II“ — „Законы о судопроизводствѣ по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ“.

Въ первой половинѣ шестидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія Императоръ Александръ II произвелъ путемъ закона цѣлый рядъ глубокихъ, чрезвычайно важныхъ преобразованій въ строѣ жизни русскаго народа. Таковы были ¹⁾: освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости въ 1861 г., отмѣна однихъ изъ тѣлесныхъ наказаній и сильное сокращеніе примѣненія другихъ какъ освобожденіемъ отъ нихъ многочисленнаго ряда лицъ, такъ и другими способами въ 1863 г., преобразование университетовъ съ дарованіемъ имъ самоуправленія въ 1863 г., учрежденіе земскаго самоуправленія въ 1864 г., судебныя реформы 1864 г. и утвержденіе вмѣстѣ съ ними устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, и реформа цензуры въ 1865 г.

При такихъ важныхъ законодательныхъ реформахъ, уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ не могло остаться безъ измѣненій. На необходимость этихъ измѣненій особенно ярко указывалъ новый уголовный уставъ о проступкахъ, — „Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ Мировыми Судьями“.

Уже въ Комиссіи, учрежденной 27 марта 1859 г. для состав-

1) Важнѣйшими изъ преобразовательныхъ узаконеній этого времени до 1866 г. были: 1) „Общее Положеніе о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости“, Высочайше утвержденное 19 февраля 1861 г. [П. С. З. (с. 2.). Т. XXXVI. 1. № 36657.]; 2) именной указъ 17 апрѣля 1863 г. о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ существующей нынѣ системѣ наказаній уголовныхъ и исправительныхъ, произведшей отмѣну однихъ изъ тѣлесныхъ наказаній и сильное сокращеніе примѣненія другихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сокращеніе различныхъ наказаній, поражающихъ нѣкоторыя иныя блага, [П. С. З. (с. 2.). Т. XXXVIII. 1. № 39504.]; 3) „Общій Уставъ Императорскихъ Россійскихъ Университетовъ“, Высочайше утвержденный 18 іюня 1863 г. [П. С. З. (с. 2.). Т. XXVIII. 1. № 39752.]; 4) „Положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ“, Высочайше утвержденное 1 января 1864 г. [П. С. З. (с. 2.). Т. XXXIX. 1. № 40457.]; 5) Судебные Уставы, Высочайше утвержденные 20 ноября 1864 г. [П. С. З. (с. 2.). Т. XXXIX. 2. № 41473.], а именно: а) „Учрежденіе Судебныхъ Установленій“ (№ 41475.), б) „Уставъ Уголовнаго Судопроизводства“ (№ 41476.), в) „Уставъ Гражданскаго Судопроизводства“ (№ 41477.) и г) „Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ Мировыми Судьями“ (№ 41478.), и 6) Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта 6 апрѣля 1865 г. о нѣкоторыхъ перемѣнахъ и дополненіяхъ въ дѣйствующихъ нынѣ цензурныхъ постановленіяхъ [П. С. З. (с. 2.). Т. XL. 1. № 41990.].

ленія проектовъ новаго устройства губернскихъ и уѣздныхъ учреждений, возникла мысль о составленіи проекта устава о маловажныхъ проступкахъ. Второе Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи воспользовалось этой мыслью и предположило составить проектъ судебно-полицейскаго устава т. е. устава о тѣхъ проступкахъ, которые должны быть подсудны проектируемымъ мировымъ судьямъ.

Въ облегченіе составленія этого проекта и въ разъясненіе содержанія проектируемаго устава было сдѣлано извлеченіе изъ уложения о наказаніяхъ. Это извлеченіе содержало 605 статей уложения, посвященныхъ проступкамъ, предназначаемымъ къ передачѣ въ вѣдѣніе мировыхъ судей, и носило названіе: „Матеріалы для составленія проекта устава судебно-полицейскаго“.

23 марта 1861 года Главноуправляющій Вторымъ Отдѣленіемъ графъ Д. Н. Блудовъ представилъ Императору Александру II докладную записку о необходимости составленія судебно-полицейскаго устава о проступкахъ, передаваемыхъ въ вѣдѣніе мировыхъ судей, и въ поясненіе содержанія предполагаемаго устава приложилъ къ этой запискѣ эти „Матеріалы“.

Государь одобрилъ идеи графа Блудова, и съ помощью этихъ „Матеріаловъ“ члены особой Комиссіи при Второмъ Отдѣленіи: А. М. Александровичъ, Ф. А. Брунъ и Ф. С. Малевскій составили проектъ: „Устава о взысканіяхъ за проступки, подвѣдомые мировымъ судьямъ“.

Послѣ передѣлки этого проекта въ этой Комиссіи, онъ былъ разосланъ на разсмотрѣніе нѣкоторыхъ лицъ и снова передѣланъ, на основаніи ихъ замѣчаній.

Затѣмъ этотъ переработанный проектъ еще два раза подвергся переработкѣ зимой и весной 1864 г. и только тогда пріобрѣлъ свой окончательный видъ. 15-го мая 1864 г. окончательно выработанный проектъ „Устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ Мировыми Судьями“ былъ внесенъ въ Государственный Совѣтъ, гдѣ подвергся разсмотрѣнію и исправленію сначала въ соединенныхъ Департаментахъ Законовъ и Гражданскихъ Дѣлъ, а потомъ въ Общемъ Собраніи. По разсмотрѣніи и исправленіи Государственнымъ Совѣтомъ, проектъ устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, былъ утвержденъ Государемъ Императоромъ Александромъ II 20 ноября 1864 г., вмѣстѣ съ судебными уставами, въ качествѣ ихъ 4-й составной части, вмѣстѣ съ ними былъ обнародованъ и вмѣстѣ съ ними былъ введенъ въ дѣйствіе ¹⁾.

1) Н. С. Таганцевъ — Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ Мировыми Судьями. Изданіе 1885 г. С.-Петербургъ. 1902. Изданіе 14. с. V—VIII.

Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, стремился, съ своей стороны, въ своей области борьбы съ проступками, удовлетворить потребностямъ жизни русскаго народа, преобразуемой Царемъ-Освободителемъ въ духъ самоуправленія, свободы и уваженія къ личности, а потому во многихъ отношеніяхъ расходился съ уложеніемъ о наказаніяхъ, выработаннымъ при крѣпостномъ строѣ русской жизни.

Этотъ уставъ раздѣлялся на тринадцать главъ. Первая глава составляла общую часть и была посвящена изложенію общихъ правилъ о проступкахъ и наказаніяхъ, входящихъ въ вѣдомство мировыхъ судей. Остальныя же главы представляли особенную часть и были посвящены изложенію отдѣльныхъ проступковъ и наказаній, предоставленныхъ въ вѣдѣніе этихъ судей.

Въ 1883 г. судебныя уставы были изданы во второй разъ и имъ, по повелѣнію Императора Александра III, было присвоено названіе „Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II“. Высочайшее утвержденіе этого изданія послѣдовало 17 апрѣля 1884 г. [П. С. З. (с. 3.). Т. IV. № 2153.]. „Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ Мировыми Судьями“ былъ изданъ при этомъ вторично, въ качествѣ 5-й составной части Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II.

Нумерація статей въ этомъ изданіи устава о наказаніяхъ осталась та же, что была и въ первомъ изданіи 1864 г. Это достигнуто тѣмъ, что номера отмѣненныхъ или выключенныхъ статей остались на мѣстѣ, а при нихъ вмѣсто текста статей сдѣланы оговорки объ отмѣнѣ или выключеніи; каждая же новая статья обозначена номеромъ предшествующей статьи съ дополнительной цифрой справа наверху. Напр., если предшествующая старая статья означена цифрой 30; то слѣдующая новая статья означается цифрой 30¹.

Согласно Высочайше утвержденному мнѣнію Департамента Законовъ Государственнаго Совѣта 5 ноября 1885 г. о переработкѣ Свода Законовъ Россійской Имперіи Кодификаціоннымъ Отдѣломъ при Государственномъ Совѣтѣ [П. С. З. (с. 3.) Т. V. № 3261.], „Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ Мировыми Судьями“ былъ выдѣленъ изъ состава Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II и изданъ въ третій разъ въ 1885 г. Это изданіе удостоилось Высочайшаго утвержденія 22 января 1886 г. и, по Высочайшей волѣ, названо изданіемъ 1885 г.

„Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ Мировыми Судьями“, по изданію 1885 г., составляетъ одинъ изъ двухъ законодательныхъ сборниковъ дѣйствующаго русскаго общаго уголовного права.

Онъ раздѣляется точно также, какъ и уставъ 1864 г., на тринадцать главъ. Первая глава посвящена общей части, а остальные — особенной.

Нумерація статей въ уставѣ 1885 г. та же, что и въ уставѣ 1864 г. Это достигнуто тѣмъ же путемъ, какъ и при изданіи устава въ 1883 г. Но число статей въ уставѣ 1885 г. больше, чѣмъ въ уставѣ 1883 г. и чѣмъ въ уставѣ 1864 г.

Въ виду чрезвычайно важныхъ преобразованій, произведенныхъ Царемъ-Освободителемъ, Императоромъ Александромъ II въ строѣ жизни русскаго народа въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ XIX-го столѣтія, уложеніе о наказаніяхъ 1857 г., въ свою очередь, должно было подвергнуться измѣненіямъ. Необходимость измѣненій особенно ярко выступала наружу, благодаря тому, что рядомъ съ уложеніемъ о наказаніяхъ долженъ былъ дѣйствовать новый уголовный уставъ, построенный примѣнительно къ потребностямъ и условіямъ преобразованной русской жизни, уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, удостоившійся Высочайшаго утвержденія 20 ноября 1864 г.

И дѣйствительно, 27 декабря 1865 г., на основаніи подготовительныхъ работъ Второго Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, состоялось Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта „о согласованіи Уложенія о наказаніяхъ съ Уставомъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ Мировыми Судьями“ [П. С. З. (с. 2.). Т. XL. 2. № 42839.]. Этимъ закономъ было измѣнено большое число статей уложенія, и были указаны тѣ статьи, которыя отмѣнены или же замѣнены статьями устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями.

На основаніи Высочайше утвержденного мнѣнія Государственнаго Совѣта о согласованіи уложенія о наказаніяхъ съ уставомъ о наказаніяхъ было сдѣлано въ 1866 г. третье исправленное изданіе уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ. Уложеніе этого изданія содержало уже только 1711 статей вмѣсто прежнихъ 2304. Въ этомъ изданіи приняты во вниманіе всѣ надлежащія уголовныя узаконенія по 1 марта 1866 г. 5 мая того же года Императоръ Александръ II утвердилъ новое изданіе уложенія о наказаніяхъ и повелѣлъ немедленно ввести его въ дѣйствіе [П. С. З. (с. 2.). Т. XLI. 1. № 43265.].

Вслѣдъ за третьимъ изданіемъ уложенія о наказаніяхъ появился рядъ законовъ, внесшихъ многочисленныя измѣненія въ статьи уло-

женія¹⁾. Въ ряду этихъ законовъ находился, напр., уставъ о воинской повинности 1 января 1874.

Благодаря изданію этихъ новыхъ узаконеній, снова явилась необходимость въ переизданіи уложенія и вызвала законодательную работу.

25 ноября 1885 г. удостоилось Высочайшаго утвержденія мнѣніе Государственнаго Совѣта „объ измѣненіяхъ въ Сводѣ Законовъ, вызываемыхъ отмѣною заключенія въ рабоче-смирительныхъ домахъ и новымъ изданіемъ Уложенія о наказаніяхъ“ [П. С. З. (с. 3.). Т. V. № 3316.]. Этотъ законъ коснулся многихъ статей уложенія и при томъ отмѣнилъ однѣ и измѣнилъ другія.

Вслѣдъ за тѣмъ въ 1885 г., по Высочайшему повелѣнію, состоялось третье изданіе устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, и четвертое изданіе уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ. 22 января 1886 года Государь Императоръ Александръ III утвердилъ эти изданія и повелѣлъ называть ихъ изданіями 1885 года [П. С. З. (с. 3.). Т. VI. № 3468. Высочайшее повелѣніе.].

Въ четвертое изданіе уложенія о наказаніяхъ вошли всѣ надлежащія узаконенія, относящіяся къ уложенію, по 31 декабря 1885 г., за исключеніемъ правилъ о взысканіяхъ за нарушеніе постановленій о питейномъ и табачномъ сборѣ и акцизѣ съ сахара, какъ это предписано было Высочайшимъ повелѣніемъ 15 декабря 1883 г. (Уложеніе о нак. уг. и испр. Изданіе 1885 г. С.-Петербургъ. 1885. Предисловіе.).

Нумерація статей въ изданіи уложенія 1885 г. осталась та же, что была и въ изданіи уложенія 1866 г. Это достигнуто тѣмъ, что номера отмѣненныхъ или выключенныхъ статей оставлены на мѣстѣ, а при нихъ вмѣсто текста статей сдѣланы оговорки объ отмѣнѣ или

1) Важнѣйшими изъ этихъ узаконеній были: 1) „Уставъ о воинской повинности“ 1 января 1874 г. [П. С. З. (с. 2.). Т. XLIX. 1. № 52983. Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта о введеніи общей воинской повинности.]; 2) Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта 4 июня 1874 г. „о наказаніяхъ за составленіе противузаконныхъ сообществъ и участіе въ оныхъ“ [П. С. З. (с. 2.) Т. XLIX. 1. № 53606.]; 3) Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта 18 мая 1882 г. „объ измѣненіи правилъ о наказаніяхъ за кражу со взломомъ“ [П. С. З. (с. 3.). Т. II. № 890.]; 4) Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта 24 апрѣля 1884 г. „объ отмѣнѣ заключенія въ смирительномъ и рабочемъ домѣ, о закрытіи сихъ учреждений“ и т. д. [П. С. З. (с. 3.). Т. IV. № 2172.], и 5) Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта 11 июня 1885 г. „объ отмѣнѣ установленнаго Уложеніемъ о наказаніяхъ подраздѣленія каторжныхъ работъ на рудничныя, крѣпостныя и работы на заводахъ“ или, короче сказать, о классификаціи каторжныхъ работъ по срокамъ [П. С. З. (с. 3.). Т. V. № 3046.].

выключеніи; каждая же новая статья обозначена номеромъ предшествующей статьи съ дополнительной цифрой справа наверху. Хотя въ уложеніи 1885 г. точно также, какъ и въ уложеніи 1866 г., считается 1711 статей; тѣмъ не менѣе, за вычетомъ отмѣненныхъ и выключенныхъ статей, оказывается, что уложеніе 1885 г. имѣеть въ дѣйствительности меньше статей правового содержанія, чѣмъ имѣло уложеніе 1866 г., а именно — только 1560.

„Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ“, по изданію 1885 г., составляетъ одинъ изъ двухъ законодательныхъ сборниковъ дѣйствующаго русскаго общаго уголовного права.

Это уложеніе точно также, какъ уложеніе 1866 г., раздѣляется на двѣнадцать раздѣловъ. Первый посвященъ изложенію общей части, а остальные — особенной.

„Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ“, по изданію 1885 г., составляетъ первую часть XV-го тома Свода Законовъ Россійской Имперіи, а „Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ Мировыми Судьями,“ по изданію 1885 г., — вторую.

Переизданіе уложенія о наказаніяхъ и устава о наказаніяхъ въ 1885 г. не приостановило законодательной дѣятельности. Напротивъ, и въ послѣдующее время является много новыхъ законовъ, вносящихъ различныя измѣненія въ постановленія уложенія и устава.

Уголовныя узаконенія, которыми внесены какія-нибудь измѣненія въ постановленія уложенія о наказаніяхъ или устава о наказаніяхъ послѣ 1885 г., напечатаны въ двухъ изданіяхъ: 1) въ „Собраніи узаконеній и распоряженій Правительства, издаваемомъ при Правительствующемъ Сенатѣ“, за послѣдующіе годы, начиная съ 1886-го, и 2) въ „Статяхъ къ Пятнадцатому Тому Свода Законовъ“ Россійской Имперіи: а) по „Продолженію Свода Законовъ“ 1890 г., б) по Продолженію 1891 г., в) по Продолженію 1895 г. и г) по „Продолженію Свода Законовъ Россійской Имперіи 1902 года“ (Ч. II). Уголовныя узаконенія, вышедшія съ 1 января 1902 г., напечатаны въ настоящее время только въ I-хъ отдѣлахъ „Собранія узаконеній и распоряженій Правительства“ за соотвѣтствующіе годы.

Познакомившись съ уложеніемъ о наказаніяхъ и уставомъ о наказаніяхъ, перейдемъ къ оцѣнкѣ этихъ памятниковъ.

Если принять во вниманіе, что уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ и уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, составляютъ съ шестидесятихъ годовъ прошлаго XIX-го вѣка два законодательныхъ памятника, опредѣляющихъ дѣйствующее общее уголовное право Россійской Имперіи, и оцѣнить эти памятники,

съ точки зрѣнія интересовъ всесторонняго благосостоянія русскаго народа; то нельзя не признать, что замѣна уложенія о наказаніяхъ и устава о наказаніяхъ однимъ систематичнымъ уголовнымъ уложеніемъ, построеннымъ подъ руководствомъ интересовъ всесторонняго народнаго благосостоянія, въ полномъ соотвѣтствіи съ широкимъ ростомъ потребностей и условій жизни русскаго народа, давно уже является дѣйствительной необходимостью.

Убѣдиться въ этомъ весьма не трудно. Стоитъ только обратить вниманіе на недостатки уложенія о наказаніяхъ и рѣшительное несоотвѣтствие между нѣкоторыми существенными постановленіями уложенія и нѣкоторыми существенными постановленіями устава о наказаніяхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, великія преобразованія Царя-Освободителя, Императора Александра II въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ XIX-го столѣтія, будучи вызваны глубокимъ измѣненіемъ потребностей и условій русской жизни, сами, въ свою очередь, оказали могучее содѣйствіе широкому развитію потребностей и условій жизни русскаго народа. При такомъ положеніи вещей, уложеніе о наказаніяхъ 1845 г., выработанное въ старыя времена, глубоко проникнутыя духомъ крѣпостнаго права и закрѣпощенія, не могло уже удовлетворять потребностямъ и условіямъ жизни разкрѣпощеннаго русскаго народа и не могло удовлетворять ни въ шестидесятыхъ годахъ, ни въ послѣдующее время, не смотря на всѣ свои частичныя значительныя исправленія въ 1857 г. и даже въ 1866 и 1885. Уложеніе о наказаніяхъ какъ въ исправленномъ изданіи 1857 г., такъ и въ исправленныхъ изданіяхъ 1866 и 1885 г. постоянно болѣе или менѣе страдало однимъ и тѣмъ же непростительнымъ недостаткомъ, а именно — устарѣлостью содержанія т. е. глубокимъ несоотвѣтствіемъ содержанія съ современными потребностями и условіями жизни русскаго народа.

Этотъ недостатокъ ярко отмѣченъ и Государственнымъ Совѣтомъ въ засѣданіи 11 мая 1898 г. Государственный Совѣтъ призналъ, что „дѣйствующее уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, во многихъ отношеніяхъ, оказывается устарѣвшимъ вслѣдствіе измѣнившихся потребностей народной жизни подъ влияніемъ коренныхъ преобразованій, послѣдовавшихъ въ царствованія блаженныя памяти Императоровъ Александра II и Александра III, существеннымъ образомъ повліявшихъ и на складъ гражданскихъ правоотношеній, и на условія экономическаго и общественнаго быта“¹⁾.

1) Журналъ Министерства Юстиціи. С.-Петербургъ. 1902. № 1. Обзорніе хода работъ по составленію новаго уголовного уложенія. с. 292—293.

Вторым недостатком уложения о наказаниях во всех его изданиях служить нерѣдкое присутствіе противорѣчій между принципами, положенными въ основаніе различныхъ раздѣловъ уложения.

Третьимъ недостаткомъ уложения является отсутствіе опредѣленнаго точнаго масштаба, при распредѣленіи наказаній за преступленія и проступки.

Четвертымъ недостаткомъ уложения служить казуистичность опредѣленія преступленій и проступковъ или отсутствіе такихъ опредѣленій, въ которыхъ законный составъ предусматриваемаго преступленія или проступка обрисовывался бы правильно и полно путемъ описанія общихъ признаковъ этого уголовного правонарушенія.

Пятый недостатокъ уложения о наказанияхъ составляетъ неполнота содержанія, шестой — излишнее многословіе и седьмой — нерѣдкая неясность выраженій.

Что же касается попытки согласованія уложения о наказанияхъ съ уставомъ о наказанияхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, то она не избавила уложения отъ его недостатковъ и далеко не достигла цѣли. Такъ, хотя въ уложеніе и были внесены различныя измѣненія соотвѣтственно постановленіямъ устава о наказанияхъ, налагаемыхъ мировыми судьями; но дѣйствительнаго полнаго согласованія постановленій уложения и устава не было произведено. И въ уложеніи, и въ уставѣ осталось много такихъ постановленій, которыя не соотвѣтствуютъ другъ другу и порождаютъ вредное раздвоеніе законодательныхъ постановленій. Этотъ недостатокъ особенно подчеркиваютъ: Главноуправляющій Второго Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи князь С. Н. Урусовъ и Министръ Юстиціи Д. Н. Набоковъ въ ихъ всеподданнѣйшемъ докладѣ, удостоившемся Высочайшаго одобренія 22 апрѣля 1881 г. „За выдѣленіемъ изъ уложения маловажныхъ проступковъ въ уставъ о наказанияхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, говорятъ въ этомъ докладѣ кн. С. Н. Урусовъ и Д. Н. Набоковъ¹⁾, уголовные законы наши не составляютъ одного стройнаго цѣлаго, а содержатся въ двухъ совершенно отдѣльныхъ кодексахъ, при чемъ между постановленіями того и другаго встрѣчаются крайне рѣзкія противорѣчія, которыя не могли бы имѣть мѣста при существованіи единаго уголовного уложения“.

Важные недостатки уложения о наказанияхъ, а позднѣе и вредное значеніе раздвоенія въ нашемъ общемъ уголовномъ законодательствѣ, благодаря совмѣстному существованію и недостаточному соотвѣтствію

1) Ж. М. Ю. 1902. № 1. Обзорніе хода работъ. с. 281.

уложения о наказаніяхъ и устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, обратили на себя вниманіе и науки, и правительства, и законодателя. Сначала возникла мысль о необходимости полной переработки уложения о наказаніяхъ, а потомъ явилась идея о необходимости замѣны уложения о наказаніяхъ и устава о наказаніяхъ однимъ основательно обработаннымъ уложеніемъ, обнимающимъ все общее русское уголовное право.

Такъ, въ сентябрѣ 1862 года Главноуправляющій Вторымъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи графъ М. А. Корфъ представилъ Императору Александру II всеподданнѣйшій докладъ, въ которомъ излагалъ, что уложеніе о наказаніяхъ слѣдовало бы пересмотрѣть основательно въ полномъ объемѣ, но только безъ всякой поспѣшности и немедленного обращенія къ пересмотру. Этотъ взглядъ удостоился Высочайшаго одобренія 20 сентября 1862 г. (Ж. М. Ю. 1902 № 1. Обзорніе. с. 270—272.).

Въ свою очередь, Высочайше учрежденная Комиссія, подъ предсѣдательствомъ принца П. Г. Ольденбургскаго, для разсмотрѣнія отчета Министерства Юстиціи за 1867 г., признала, что уложеніе о наказаніяхъ, въ интересахъ обезпеченія успѣшности уголовного правосудія въ новыхъ судахъ, необходимо и неотложно требуетъ общаго пересмотра, и высказала заключеніе о необходимости обратитъ на эту потребность вниманіе Второго Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Императоръ Александръ II выразилъ свое согласіе на заключеніе Комиссіи, и резолюція Императора была сообщена Комитетомъ Министровъ въ апрѣлѣ 1870 года Министру Юстиціи графу К. И. Палену и Главноуправляющему Вторымъ Отдѣленіемъ князю С. Н. Урусову¹⁾).

Министръ Юстиціи, Главноуправляющій Вторымъ Отдѣленіемъ и Министръ Внутреннихъ Дѣлъ А. Е. Тимашевъ, по совѣщаніи другъ съ другомъ, пришли къ заключенію; что приступить къ общему пересмотру уложения о наказаніяхъ можно будетъ только тогда, когда будетъ установлена на новыхъ началахъ, выработанныхъ наукой и практикой, новая система наказаній уголовныхъ и исправительныхъ.

Для пересмотра старой системы наказаній, принятой въ уложеніи, и построенія новой, въ 1871 г., съ Высочайшаго соизволенія, была учреждена Комиссія, подъ предсѣдательствомъ Э. В. Фриша, бывшаго

1) Ж. М. Ю. 1902 г. № 1. Обзорніе. с. 275—276. — Журналъ Особаго Присутствія Государственнаго Совѣта, Высочайше учрежденнаго для обсужденія проекта уголовного уложения. С.-Петербургъ. 1902. с. 6.

въ то время Оберъ-Прокуроромъ Уголовнаго Кассационнаго Департамента Правительствующаго Сената. Эта Комиссія выработала проектъ новой лѣстницы наказаній или, точнѣе, проектъ II-й главы I-го раздѣла уложенія о наказаніяхъ и закончила свою работу въ апрѣлѣ 1872 г.

Въ мартѣ 1873 г. этотъ проектъ былъ внесенъ въ Государственный Совѣтъ. 30 ноября 1874 г. Государственный Совѣтъ отложилъ рассмотрѣніе этого проекта для совокупнаго обсужденія его вмѣстѣ съ проектомъ тюремной реформы, ожидаемымъ отъ Комитета, Высочайше учрежденнаго 19 мая 1873 г., подъ предсѣдательствомъ члена Государственнаго Совѣта Зубова (Ж. М. Ю. 1902. № 1. Обзорѣніе. с. 275—276.).

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ 1875 году Государь Императоръ Александръ II, заинтересовавшись преніями въ бельгійской палатѣ депутатовъ по вопросу о наказуемости предложенія учинить преступленіе, снова обратилъ вниманіе на наше уложеніе о наказаніяхъ съ его недостатками и 18 (30) мая 1875 г. повелѣлъ приступить къ общему пересмотру уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ и внести проектъ новаго уложенія о наказаніяхъ на утвержденіе въ законодательномъ порядкѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Министру Юстиціи, графу Палену повелѣно было озаботиться подготовленіемъ необходимаго матерьяла. Въ виду этого, Министерство Юстиціи циркулярнымъ распоряженіемъ 14 августа 1875 г. предложило чинамъ судебного вѣдомства доставить ихъ замѣчанія на уложеніе о наказаніяхъ и уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. (Ж. М. Ю. 1902. № 1. Обзорѣніе. с. 275—276. — Журналъ Особаго Присутствія Государственнаго Совѣта. с. 6.).

Между тѣмъ Комитетъ тюремныхъ преобразованій окончилъ свою работу, и его проектъ тюремной реформы былъ внесенъ въ Государственный Совѣтъ въ 1875 г., а въ теченіе 1876 г. были получены и отзывы различныхъ вѣдомствъ объ этомъ проектѣ. (Ж. М. Ю. 1902. № 1. Обзорѣніе. с. 276.).

Государственный Совѣтъ, приступивъ въ 1877 г. къ рассмотрѣнію проектовъ тюремной реформы и новой лѣстницы наказаній, нашель, что эти проекты не согласованы другъ съ другомъ, между тѣмъ какъ въ интересахъ дѣла тюремная реформа должна быть построена соотвѣтственно желательной системѣ наказаній, что тюремная реформа требуетъ скорѣйшаго осуществленія и что въ видахъ скорѣйшаго осуществленія ея необходимо выдѣлить изъ ея области вопросы, требующіе безотлагательнаго рѣшенія. Исполненіе намѣченныхъ работъ Государственный Совѣтъ находилъ нужнымъ поручить

особой Комиссіи. [П. С. З. (с. 2.). Т. LIV. 2. № 60268. Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта 11 декабря 1879 г.].

Согласно этому, по Высочайшему повелѣнію 28 февраля 1877 г., была учреждена при Государственномъ Совѣтѣ особая Комиссія, подъ предсѣдательствомъ члена Государственнаго Совѣта К. К. Грота. Выполнивъ свой трудъ, она внесла его на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта въ ноябрѣ 1878 г. (Ж. М. Ю. 1902. № 1. Обзорѣніе с. 276—277.).

Комиссія К. К. Грота представила Государственному Совѣту два своихъ проекта: 1) проектъ объ учрежденіи Главнаго Тюремнаго Управления въ составѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и 2) проектъ новой лѣстницы наказаній для уложенія, обработанный до мелкихъ подробностей.

Государственный Совѣтъ, разсмотрѣвъ проектъ Комиссіи К. К. Грота объ учрежденіи Главнаго Тюремнаго Управления и соглашаясь съ этимъ проектомъ по существу, представилъ на Высочайшее утвержденіе свое мнѣніе „объ учрежденіи въ составѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ Главнаго Тюремнаго Управления“. Это мнѣніе удостоилось Высочайшаго утвержденія 27 февраля 1879 г. [П. С. З. (с. 2.). Т. LIV. 1. № 59360.].

Обратившись къ разсмотрѣнію проекта Комиссіи К. К. Грота объ установленіи новой лѣстницы наказаній для уложенія во всей полнотѣ и подробностяхъ, Государственный Совѣтъ встрѣтилъ „сомнѣніе въ томъ, предстоитъ ли надобность и возможность утверждать теперь же всѣ подробности предполагаемой системы наказаній. Опасеніе стѣснить такую мѣрою будущихъ составителей новаго Уголовнаго Уложенія привело къ заключенію, что въ настоящее время слѣдуетъ, не предрѣшая еще всѣхъ относящихся до сего важнаго предмета подробностей, установить лишь въ общихъ чертахъ тѣ главные типы карательныхъ учрежденій, къ устройству коихъ нужно безотлагательно приступить путемъ тюремной реформы“ [П. С. З. (с. 2.). Т. LIV. 2. № 60268. 11 декабря 1879 г.].

При обсужденіи того же проекта въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта 19 ноября 1879 г., возникъ вопросъ, не своевременно ли было бы приступить къ подготовительнымъ работамъ по составленію новаго уложенія о наказаніяхъ.

Въ разъясненіе этого вопроса управлявшій въ то время Министерствомъ Юстиціи Товарищъ Министра Э. В. Фришъ обстоятельно изложилъ Государственному Совѣту вопіюшіе недостатки уложенія о наказаніяхъ и настоятельную необходимость коренного пересмотра,

подчеркнулъ сочувствіе Государя Императора Александра II такому пересмотру, указаль на облегченіе пересмотра вслѣдствіе состоявшагося опредѣленія главныхъ основаній карательной системы и въ заключеніе рѣшительно настаиваль на необходимости безотлагательнаго обращенія къ коренному пересмотру уложенія о наказаніяхъ.

Государственный Совѣтъ согласился въ этомъ отношеніи съ взглядомъ Э. В. Фриша. (Ж. М. Ю. 1902. № 1. Обзорѣніе с. 280—282.).

Такимъ образомъ, Государственный Совѣтъ, обсудивъ докладъ Комиссіи К. К. Грота объ установленіи новой лѣстницы наказаній для уложенія, разошелся съ Комиссіей и составилъ мнѣніе, далеко несогласное съ ея предложеніями. Въ этомъ мнѣніи Государственный Совѣтъ опредѣлилъ не всю лѣстницу наказаній, но только тѣ основныя положенія относительно устройства наказательнаго заключенія, которыя должны служить руководствомъ при преобразованіи тюремной системы и пересмотрѣ уложенія о наказаніяхъ. вмѣстѣ съ тѣмъ Государственный Совѣтъ высказался въ пользу того, чтобы Второму Отдѣленію Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи и Министерству Юстиціи предоставлено было составить, по взаимному соглашенію, планъ работъ по пересмотру дѣйствующаго уложенія о наказаніяхъ и затѣмъ представить этотъ планъ на Высочайшее благоусмотрѣніе и утвержденіе Государя Императора, вмѣстѣ съ соображеніями о томъ, какимъ порядкомъ этотъ трудъ всего успѣшнѣе могъ бы быть приведенъ въ исполненіе.

Это мнѣніе Государственнаго Совѣта удостоилось Высочайшаго утвержденія со стороны Императора Александра II 11 декабря 1879 г. [П. С. З. (с. 2.). Т. LIV. 2. № 60268. Высочайше утвержд. мнѣніе Гос. Совѣта „объ основныхъ положеніяхъ, имѣющихъ служить руководствомъ при преобразованіи тюремной части и при пересмотрѣ Уложенія о наказаніяхъ“.]

Исполняя порученіе, возложенное на нихъ этимъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, Главноуправляющій Вторымъ Отдѣленіемъ князь С. Н. Урусовъ и Министръ Юстиціи Д. Н. Набоковъ представили Императору Александру III въ апрѣлѣ 1881 г. всеподданнѣйшій докладъ.

Въ этомъ докладѣ они прежде всего обстоятельно изложили глубокіе недостатки дѣйствующаго уложенія о наказаніяхъ, по изданію 1866 г., и вредное значеніе раздвоенія въ нашемъ общемъ уголовномъ законодательствѣ, происходящаго благодаря совмѣстному дѣйствію и недостаточному соотвѣтствію уложенія о наказаніяхъ и

устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, указали на настоятельную надобность въ составленіи одного уголовного уложенія въ замѣнъ этихъ двухъ кодексовъ и отмѣтили, что подготовительная работа къ составленію такого уложенія уже закончена.

Далѣе, князь С. Н. Урусовъ и Д. Н. Набоковъ изложили свои предположенія о порядкѣ работъ по составленію новаго уголовного уложенія. Для составленія проекта новаго уголовного уложенія предположено учредить особый Комитетъ изъ лицъ, близко знакомыхъ съ теоріею уголовного права и судебною практикою, подъ ближайшимъ руководствомъ Главноуправляющаго Вторымъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи и Министра Юстиціи и образовать изъ состава этого Комитета Редакціонную Комиссію, на которую возложить составленіе первоначальнаго проекта уголовного уложенія и объяснительной записки.

Наконецъ, для облегченія Комитета въ исполненіи его труда князь С. Н. Урусовъ и Д. Н. Набоковъ предположили дать въ руководство Комитету четыре указанія. (Ж. М. Ю. 1902. № 1. Обозрѣніе. с. 280—283.).

„I. Комитетъ, принявъ за основаніе начала, установленныя Высочайше утвержденнымъ 11 декабря 1879 г. мнѣніемъ Государственного Совѣта о преобразованіи тюремной части и существующей лѣстницы наказаній, сообразуетъ свои труды съ потребностями современнаго состоянія государства, указаніями судебного опыта при примѣненіи дѣйствующаго законодательства, а равно съ положеніями науки уголовного права и постановленіями уголовныхъ законодательствъ иностранныхъ государствъ.

II. Комитетъ долженъ составить проектъ одного уголовного уложенія, замѣняющаго собою нынѣ дѣйствующее уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ и уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями.

III. Комитетъ не включаетъ въ проектъ новаго уголовного уложенія тѣ изъ проступковъ по службѣ государственной и общественной, которые заключаются въ нарушеніи исключительно служебныхъ обязанностей и, по маловажности своей, не подлежатъ внесенію въ общее уложеніе, а должны войти въ особый дисциплинарный уставъ.

IV. Комитету предоставляется не вносить въ проектъ уложенія нарушеній уставовъ казенныхъ управленій и другихъ, включенныхъ въ уложеніе о наказаніяхъ, специальныхъ уставовъ, а ограничиться опредѣленіемъ общихъ основаній отвѣтственности за сіи нарушенія и предѣловъ ихъ наказуемости. Подробныя постановленія о сихъ нару-

шеніяхъ должны составлять предметъ отдѣльныхъ уставовъ по принадлежности“¹⁾).

Всѣ эти предположенія доклада удостоились Высочайшаго утвержденія со стороны Императора Александра III 22 апрѣля 1881 г. (Уголовное уложеніе. Т. X. с. 1. — Ж. М. Ю. 1902. № 1. Обзорніе. с. 280—284.).

Высочайшимъ повелѣніемъ 30 апрѣля 1881 г. назначены члены Комитета.

2 мая Комитетъ открылъ свои засѣданія, избралъ изъ своей среды Редакціонную Комиссію и предложилъ предсѣдательство въ ней Товарищу Министра Юстиціи Э. В. Фришу, сохранившему это предсѣдательство, не смотря на свои другія назначенія, до конца существованія этой Комиссіи.

Въ члены Комиссіи были избраны: 1) состоящіе на службѣ по Министерству Юстиціи — докторъ уголовного права Н. С. Таганцевъ и магистры уголовного права — Н. А. Неклюдовъ и И. Я. Фойницкій и 2) юристы-практики — В. Р. Лицкой, замѣщенный вскорѣ, по случаю смерти, В. К. Случевскимъ, и Е. Н. Розинъ.

Редакціонная Комиссія распредѣлила между Н. А. Неклюдовымъ, Н. С. Таганцевымъ и И. Я. Фойницкимъ подготовленіе проектовъ и объясненій къ нимъ по отдѣльнымъ частямъ уложенія.

Составленіе проекта общей части новаго уложенія было поручено Н. С. Таганцеву.

22 октября 1881 г. Редакціонная Комиссія начала разсмотрѣніе проекта общей части, составленнаго Н. С. Таганцевымъ, и посвятила на это 25 засѣданій.

Переработавъ этотъ проектъ и составивъ на основаніи этой переработки свой проектъ общей части уложенія, Редакціонная Комиссія въ ноябрѣ 1882 г., съ Высочайшаго разрѣшенія, разослала свой проектъ съ объяснительной запиской русскимъ ученымъ и практикамъ, съ просьбой о доставленіи замѣчаній. Кромѣ того, этотъ проектъ общей части уложенія вмѣстѣ съ объяснительной запиской былъ переведенъ на нѣмецкій языкъ, а безъ объяснительной записки — на французскій и разосланъ нѣсколькимъ иностраннымъ ученымъ.

1) Уголовное уложеніе. Представленіе въ Государственный Совѣтъ Министра Юстиціи и Предсѣдателя Высочайше учрежденной Редакціонной Комиссіи. Т. X. С.-Петербургъ. 1898. с. 1—2. Въ приведенномъ мною текстѣ, взятомъ изъ только что указанной книги, вставлено мною, передъ словомъ: „состоянія“, согласно тексту, приведенному въ „Обзорніи“ (Ж. М. Ю. 1902. № 1. с. 283.), очевидно, пропущенное слово: „современнаго“.

Полученныя замѣчанія были отпечатаны въ пяти томахъ.

Разсмотрѣнiе этихъ замѣчаний, пересмотръ и переработка проекта общей части уложенiя начались въ ноябрѣ 1882 г. Эта работа была окончена въ августѣ 1884 г., и переработанный проектъ общей части уголовного уложенiя съ объясненiями былъ напечатанъ.

Съ 13 октября 1882 г. Редакцiонная Комиссiя начала разсмотрѣнiе и переработку представляемыхъ ей проектовъ съ объяснительными записками по различнымъ отдѣламъ особенной части уложенiя, составленiе своихъ проектовъ по этимъ отдѣламъ, съ объясненiями, рассылку своихъ проектовъ съ объяснительными записками ученымъ и практикамъ съ просьбой о доставленiи замѣчаний, разсмотрѣнiе полученныхъ замѣчаний и затѣмъ пересмотръ, переработку и печатанiе переработанныхъ проектовъ по отдѣламъ особенной части уложенiя, съ объясненiями ¹⁾).

Весною 1895 г. проектъ уголовного уложенiя съ объясненiями былъ окончательно изготовленъ Редакцiонной Комиссiей, и 19 апрѣля 1895 г., по докладу Предсѣдателя ея Э. В. Фриша и Министра Юстици Н. В. Муравьева, состоялось Высочайшее повелѣнiе Государя Императора Николая II о дальнѣйшей судьбѣ этого проекта.

Государь Императоръ повелѣлъ: проекта уголовного уложенiя Редакцiонной Комиссiи новому обсужденiю въ полномъ составѣ Комитета, Высочайше учрежденнаго 22 апрѣля 1881 г., не подвергать, но дать этому проекту дальнѣйшее направленiе на слѣдующихъ основанiяхъ.

„I. Предоставить Предсѣдателю Редакцiонной Комиссiи, вслѣдъ за окончанiемъ Комиссiею трудовъ ея по проекту уголовного уложенiя и по дополнительнымъ къ оному предположенiямъ, передавать таковыя, съ объяснительными записками и матеріалами, Министру Юстици.

II. Предоставить Министру Юстици, не созывая вышеупомянутаго Комитета, сообщить выработанный Редакцiонною Комиссiею проектъ уголовного уложенiя на заключенiе подлежащихъ вѣдомствъ, съ тѣмъ, чтобы отзывы ихъ по соответствующимъ частямъ проекта были доставлены въ Высочайше указанный четырехмѣсячный срокъ.

III. Предоставить затѣмъ Министру Юстици, совмѣстно съ

1) Уголовное уложенiе. Т. X. с. 2—4. — Таганцевъ — Рус. уг. право. Т. I. с. 226—227. — Н. С. Таганцевъ — Уголовное уложенiе 22 марта 1903 г. С.-Петербургъ. 1904. с. 1—2.

Предсѣдателемъ Коммисіи: подвергнуть, при участіи Членовъ Редакціонной Коммисіи, проектъ обсужденію въ связи съ поступившими отзывами и внести исправленный, въ чемъ потребоваться можетъ, проектъ уголовного уложенія, а также дополнительныя къ оному законодательныя предположенія на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, съ изложеніемъ соображеній по замѣчаніямъ Министровъ и объясненій тѣхъ разномысліи, которыя могли бы представиться по содержанію постановленій проекта“. (Уголовное уложеніе. Т. X. с. 4—5.).

На основаніи этого Высочайшаго повелѣнія Предсѣдатель Редакціонной Коммисіи Э. В. Фришъ въ маѣ 1895 г. препроводилъ Министру Юстиціи Н. В. Муравьеву проектъ уголовного уложенія съ объяснительной запиской въ восьми томахъ ¹⁾).

Въ іюлѣ того же года этотъ проектъ сообщенъ былъ всѣмъ Министрамъ и Главноуправляющимъ, и замѣчанія полученныя отъ нихъ въ теченіе 1895—1897 г., подвергнуты разсмотрѣнію въ особыхъ собраніяхъ высшихъ чиновъ Министерства Юстиціи, подъ предсѣдательствомъ Министра Юстиціи Н. В. Муравьева, при участіи Предсѣдателя Редакціонной Коммисіи Э. В. Фриша и членовъ ея: Н. А. Неклюдова, Н. С. Таганцева и И. Я. Фойницкаго.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1897 г. переработка проекта уголовного уложенія Редакціонной Коммисіи на этихъ собраніяхъ была закончена. Выработанный путемъ этой переработки новый проектъ былъ напечатанъ подъ заглавіемъ: „Уголовное уложеніе. Проектъ, -измѣненный Министромъ Юстиціи по соглашенію съ Предсѣдателемъ Высочайше учрежденной Редакціонной Коммисіи“ ²⁾). Этотъ проектъ, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 19 апрѣля 1895 г., съ Высочайшаго соизволенія былъ представленъ 14 марта 1898 г. въ Государственный Совѣтъ, вмѣстѣ съ проектомъ уголовного уложенія Редакціонной Коммисіи и другими матерьялами. (Уголовное уложеніе. Т. X. с. 1; 5; 349—350. — Ж. М. Ю. 1902. № 1. Обзорѣніе. с. 291—293. — Таганцевъ — Рус. уг. право. Т. I. с. 227. — Таганцевъ — Уг. уложеніе. с. 2—3.).

Сознавая ³⁾ глубокое значеніе уголовного законодательства для

1) Этотъ проектъ напечатанъ вторично въ 1897 г. въ восьми томахъ подъ заглавіемъ: „Уголовное уложеніе. Проектъ Редакціонной Коммисіи и объясненія къ нему“. Т. I—VIII. С.-Петербургъ 1897.

2) Мнѣ извѣстно лишь изданіе этого проекта, напечатанное подъ этимъ заглавіемъ въ С.-Петербургѣ въ 1898 г. („С.-Петербургъ. 1898“.).

3) „Государственный Совѣтъ, въ Соединенныхъ Департаментахъ Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ, Законовъ и Государственной Экономіи, говоритъ „Обзорѣніе хода работъ по составленію новаго уголовного уложенія“ (Ж. М. Ю. 1902 № 1.

государства и народа, сознавая особенную важность замѣны одного уголовного уложенія другимъ и озабочиваясь всестороннимъ обсужденіемъ проекта уголовного уложенія, Государственный Совѣтъ въ засѣданіи 11 мая 1898 г. пришелъ къ заключенію, что представлялось бы наиболѣе цѣлесообразнымъ поручить предварительное обсужденіе проекта уголовного уложенія Особому Совѣщанію. Въ составъ этого Особого Совѣщанія должны были бы войти члены Государственного Совѣта, по назначенію Его Императорскаго Величества, Министръ Юстиціи, Государственный Секретарь, Товарищъ Министра Юстиціи,

с. 292—293.), обозрѣвъ, въ засѣданіи 11-го мая 1898 года, сіе важное и сложное дѣло, принявъ во вниманіе, что полное измѣненіе уголовныхъ законовъ, какимъ неизбѣжно должна сопровождаться замѣна одного уголовного кодекса другимъ, не можетъ не отражаться многими важными послѣдствіями на всѣхъ сторонахъ государственной жизни. Разграничивая область дозволеннаго отъ недозволеннаго и противодѣйствуя угрозою наказанія и мѣрами исправительными развитію среди населенія преступныхъ наклонностей и побужденій, уголовное законодательство является не только необходимою охраною гражданскаго порядка, но въ то же время и могущественнымъ средствомъ нравственнаго воспитанія народа. Вслѣдствіе сего, для самыхъ насущныхъ интересовъ государственнаго быта представляется въ высшей степени важнымъ содержаніе дѣйствующихъ карательныхъ правилъ. Предусматриваемые уголовными законами виды преступныхъ дѣяній должны исчерпывать съ должною полнотою проявленія преступности, наблюдаемая въ дѣйствительности, а предоставляемая сими законами въ распоряженіе судебной власти карательныя и исправительныя мѣры должны быть установлены такимъ образомъ, дабы онѣ, при современномъ уровнѣ народной нравственности, съ наибольшимъ успѣхомъ служили къ обезпеченію государственнаго порядка, а также охранѣ общественныхъ интересовъ и правъ отдѣльныхъ лицъ. Поэтому воздѣйствіе уголовного законодательства на жизнь страны полезно и благотворно до тѣхъ поръ, пока оно находится въ соотвѣтствіи съ нравственнымъ состояніемъ народа. Дѣйствующее уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, во многихъ отношеніяхъ, оказывается устарѣвшимъ вслѣдствіе измѣнившихся потребностей народной жизни подъ вліяніемъ коренныхъ преобразованій, послѣдовавшихъ въ царствованія блаженныя памяти Императоровъ Александра II и Александра III, существеннымъ образомъ повліявшихъ и на складъ гражданскихъ правоотношеній, и на условія экономическаго и общественнаго быта. Новое уголовное уложеніе должно устранить эти недостатки примѣняемой у насъ уголовной системы. Въ этомъ заключается важное государственное значеніе труда, обработаннаго въ особой Высочайше учрежденной комисіи, соображеннаго въ центральныхъ вѣдомствахъ и представленнаго въ высшее — законосовѣщательное — учрежденіе, для обсужденія и поднесенія, въ окончательномъ видѣ, на утвержденіе Верховной власти. Такое значеніе сего труда предугазано Государемъ Императоромъ. На всеподданнѣйшей запискѣ Министра Юстиціи, статсъ-секретаря Муравьева, о внесеніи проекта новаго уголовного уложенія въ Государственный Совѣтъ Его Императорскому Величеству благоугодно было Собственноручно начертать : „Желаю успѣха этому крупному дѣлу“.

Первоприсутствующій въ Уголовномъ Касаціонномъ Департаментѣ Правительствующаго Сената (Н. С. Таганцевъ), а также всѣ прочіе Министры и Главноуправляющіе отдѣльными частями или ихъ Товарищи. Исправленный этимъ Совѣщаніемъ проектъ уголовного уложенія, вмѣстѣ съ заключеніями этого Совѣщанія, долженъ былъ бы подлежать разсмотрѣнію Государственнаго Совѣта, по общему порядку, сперва въ Соединенныхъ Департаментахъ, а потомъ въ Общемъ Собраніи. (Ж. М. Ю. 1901. № 1. Обзорѣніе. с. 293.).

Согласно этому заключенію Государственнаго Совѣта, послѣдовало Высочайшее повелѣніе 3 іюня 1898 г. объ образованіи Особаго Совѣщанія, при Государственномъ Совѣтѣ, подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Департамента Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ Государственнаго Совѣта Э. В. Фриша, съ участіемъ Н. С. Таганцева, для предварительнаго разсмотрѣнія проекта уголовного уложенія¹⁾.

Остановившись на вопросѣ о введеніи новаго уголовного уложенія въ дѣйствіе, Особое Совѣщаніе признало нужнымъ предоставить Министру Юстиціи своевременно внести въ Государственный Совѣтъ надлежащія предположенія относительно согласованія судебныхъ уставовъ съ новымъ уголовнымъ уложеніемъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Особое Совѣщаніе признало необходимымъ, чтобы Министромъ Юстиціи въ дополненіе къ проекту уголовного уложенія своевременно были представлены на законодательное разсмотрѣніе также и предположенія о всѣхъ тѣхъ измѣненіяхъ въ дѣйствующемъ законодательствѣ, безъ которыхъ примѣненіе новаго уложенія оказалось бы невозможнымъ.

Въ виду этихъ заключеній Особаго Совѣщанія, по всеподданнѣйшему докладу Министра Юстиціи Н. В. Муравьева, послѣдовало Высочайшее повелѣніе 16 ноября 1898 года. Государь Императоръ повелѣлъ: 1) образовать особую Комиссію, подъ предсѣдательствомъ Первоприсутствующаго въ Уголовномъ Касаціонномъ Департаментѣ Правительствующаго Сената Н. С. Таганцева для составленія проекта узаконеній, дополнительныхъ къ проекту уголовного уложенія, за исключеніемъ судопроизводственныхъ правилъ, подлежащихъ разработкѣ въ Высочайше учрежденной Комиссіи для пересмотра законоположеній

1) Журналъ Высочайше учрежденнаго Особаго Совѣщанія при Государственномъ Совѣтѣ для предварительнаго разсмотрѣнія проекта уголовного уложенія. С.-Петербургъ. 1901. с. 1—2. — Ж. М. Ю. 1902. № 1. Обзорѣніе. с. 294. — Таганцевъ — Рус. уг. право. Т. I. с. 227. — Таганцевъ — Уг. уложеніе с. 3.

по судебной части, и 2) предоставить Министру Юстиции подвергнуть обсужденію этотъ проектъ дополнительныхъ узаконеній и съ своимъ заключеніемъ внести въ Государственный Совѣтъ. (Журналъ Особаго Совѣщанія при Госуд. Совѣтѣ. с. 3—6. — Ж. М. Ю. 1902. № 1. Обзорніе. с. 297—299.).

Особое Совѣщаніе при Государственномъ Совѣтѣ посвятило самому пересмотру и переработкѣ проекта уголовного уложенія 58 засѣданій, начиная съ 7 октября 1898 г. и кончая 17 мая 1900 г. [Таганцевъ — Рус. уг. Право. Т. I. с. 227.]¹⁾). Проектъ уголовного уложенія, измѣненный Министромъ Юстиціи по соглашенію съ Предсѣдателемъ Высочайше учрежденной Редакціонной Коммисіи, былъ рассмотрѣнъ и переработанъ. На основаніи этой переработки былъ составленъ Особымъ Совѣщаніемъ свой проектъ уголовного уложенія. Онъ напечатанъ подъ заглавіемъ: „Проектъ, исправленный по заключеніямъ Особаго Совѣщанія. Уголовное уложеніе“.

26 мая 1901 г. состоялось послѣднее засѣданіе Особаго Совѣщанія при Государственномъ Совѣтѣ. Это засѣданіе было посвящено составленію заключеній Особаго Совѣщанія о дальнѣйшемъ движеніи исправленнаго проекта уголовного уложенія, о проектѣ нѣкоторыхъ дополнительныхъ узаконеній къ проектируемому уголовному уложенію, выработанномъ Особой Комиссіей подъ предсѣдательствомъ Н. С. Таганцева, закончившей свои работы въ Маѣ мѣсяцѣ 1902 г., (Журналъ Особаго Совѣщанія при Госуд. Совѣтѣ. с. 539—543. Отдѣлы I—V. — Таганцевъ — Рус. уг. право. Т. I. с. 227—228.), и о проектѣ порученій Министрамъ Юстиціи, Иностранныхъ Дѣлъ и Внутреннихъ Дѣлъ по выработкѣ необходимыхъ мѣропріятій и узаконеній, вызываемыхъ предстоящимъ утвержденіемъ и введеніемъ проектируемаго уголовного уложенія (Журналъ Особаго Совѣщанія при Госуд. Совѣтѣ. с. 543—545. Отдѣлы VI—VIII.).

6 октября 1901 г. состоялось Высочайшее повелѣніе образовать въ Государственномъ Совѣтѣ для обсужденія проекта уголовного уложенія Особое Присутствіе подъ предсѣдательствомъ члена Государственнаго Совѣта, графа К. И. Палена, съ участіемъ Первоприсутствующаго въ Уголовномъ Кассационномъ Департаментѣ Правительствующаго Сената Н. С. Таганцева, и заключенія этого Присутствія относительно этого проекта внести на рассмотрѣніе Общаго

1) Журналъ Особаго Совѣщанія при Госуд. Совѣтѣ (с. 2.) отмѣчаетъ, что всѣхъ засѣданій Особаго Совѣщанія было 59: 1-е — 7 октября 1898 г., 58-е — 17 мая и 59-е — 26 мая 1901 г.

Собрания Государственного Совѣта (Ж. М. Ю. 1902. № 1. Обзорніе. с. 300. — Журналъ Особаго Присутствія Госуд. Совѣта. с. 1—2.).

Особое Присутствіе Государственного Совѣта посвятило проекту уголовного уложенія вмѣстѣ съ вышеупомянутыми проектируемыми дополнительными узаконеніями¹⁾ и порученіями Министрамъ Юстиціи, Иностранныхъ Дѣлъ и Внутреннихъ Дѣлъ²⁾ 15 засѣданій, начиная съ 19 декабря 1901 г. и кончая 17 мая 1902 г.³⁾ Проектъ уголовного уложенія, исправленный по заключеніямъ Особаго Совѣщанія при Государственномъ Совѣтѣ, былъ пересмотрѣнъ и переработанъ. На основаніи этой переработки былъ составленъ Особымъ Присутствіемъ Государственного Совѣта свой исправленный проектъ уголовного уложенія. Онъ напечатанъ подъ заглавіемъ: „Проектъ, исправленный по заключеніямъ Особаго Присутствія Государственного Совѣта. Уголовное уложеніе“.

Этотъ проектъ уголовного уложенія, исправленный по заключеніямъ Особаго Присутствія Государственного Совѣта, былъ внесенъ вмѣстѣ съ журналомъ этого Присутствія на разсмотрѣніе Общаго Собранія Государственного Совѣта въ концѣ 1902 г.⁴⁾

Общее Собраніе Государственного Совѣта посвятило этому проекту одно засѣданіе 10 февраля 1903 г.⁵⁾

Въ этомъ засѣданіи проектъ уголовного уложенія, исправленный по заключеніямъ Особаго Присутствія Государственного Совѣта, былъ разсмотрѣнъ Общимъ Собраніемъ Государственного Совѣта.

Общее Собраніе Государственного Совѣта единогласными заключеніями одобрило большинство статей этого проекта [Журналъ Общаго Собранія. с. 72—74; 107.], исправило многія изъ статей этого проекта, но большею частью только относительно формы изложенія [Журналъ Об. Собр. с. 107.], а болѣе или менѣе важныя дополненія или измѣненія внесло только въ семь статей [Журналъ Об. Собр. с. 24—29; 66—69; 72; 81—82; 106—111.]⁶⁾, пере-

1) Выше с. 127. — Журналъ Особаго Присутствія. с. 328—332; 338—341.

2) Выше с. 127. — Журналъ Особаго Присутствія. с. 328; 332—338; 341—345.

3) Журналъ Особаго Присутствія с. 1.

4) Это время указано мнѣ Н. С. Таганцевымъ въ письмѣ отъ 18 сентября 1903 г.

5) Журналъ Общаго Собранія Государственного Совѣта по проекту уголовного уложенія. С.-Петербургъ. 1903. с. 1.

6) Напр., 1-я часть 39-й статьи уголовного уложенія 1903 г., опредѣляющая состояніе невмѣняемости имѣетъ тотъ видъ, въ которомъ она изложена по ис-

несло двѣ статьи проекта [577-ю и 578-ю] изъ 31-й главы въ 16-ю главу¹⁾, сдѣлало изъ двухъ статей проекта [172-й и 217-й] четыре статьи²⁾, внесло двѣ новыхъ статьи [Журналъ Об. Собр. с. 66; 81—82; 108; 109—110.]³⁾ и исключило одну статью проекта [413-ю. — Журналъ Об. Собр. с. 74; 109.]⁴⁾. Эти единогласныя заключенія положено представить на Высочайшее утвержденіе [Журналъ Об. Собр. с. 107; 112.].

Нѣкоторыя изъ статей проекта уголовного уложенія вызвали непримиримое разногласіе въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта. Разныя мнѣнія образовались по семнадцати спорнымъ пунктамъ (Журналъ Об. Собр. с. 8—24; 29—66; 69—72; 74—81; 82—106; 111—112.). Эти разныя мнѣнія положено „представить на Высочайшее благоусмотрѣніе и разрѣшеніе Его Императорскаго Величества“ (Журналъ Об. Собр. с. 111—112.).

Затѣмъ, Государственный Совѣтъ въ Общемъ Собраніи положилъ: по утвержденіи единогласныхъ заключеній Общаго Собранія Государственнаго Совѣта и разрѣшеніи возникшихъ разномысліи Государемъ Императоромъ, исправить проектъ уголовного уложенія согласно резолюціямъ Его Императорскаго Величества и поднести къ Высочайшему утвержденію и подписанію вмѣстѣ съ проектомъ Именного указа Правительствующему Сенату объ утвержденіи этого уложенія (Журналъ Об. Собр. с. 107; 112—113.).

16 марта 1903 года Государь Императоръ Николай II утвердилъ единогласныя заключенія Общаго Собранія Государственнаго Совѣта относительно статей проекта уголовного уложенія и рѣшилъ установившіяся разномыслія⁵⁾. По четырнадцати изъ семнадцати спорныхъ

правленіи Общимъ Собраніемъ Государственнаго Совѣта (Журналъ Об. Собр. с. 24—29; 107—108.).

1) Изъ этихъ двухъ статей проекта образовалось двѣ статьи уголовного уложенія 1903 г.: 327-я и 328-я.

2) Изъ 172-й статьи проекта сдѣлано двѣ статьи уголовного уложенія 1903 г.: 172-я и 679-я. Изъ 217-й статьи проекта образовано также двѣ статьи уголовного уложенія 1903 г.: 217-я и 218-я.

3) Одна изъ этихъ новыхъ статей образовала 228-ю, а другая — 480-ю статью уголовного уложенія 1903 г.

4) Проектъ уголовного уложенія, исправленный по заключеніямъ Особого Присутствія Государственнаго Совѣта, въ 413-й статьѣ постановлялъ: „Лицо православнаго вѣроисповѣданія, виновное во вступленіи завѣдомо въ четвертый бракъ, наказывается: арестомъ“.

5) Журналъ Общаго Собранія Государственнаго Совѣта, с. 129—133. 17 Марта 1903 г. — Г. Г. Е в а н г у л о в ъ — Уголовное уложеніе. С.-Петербургъ 1903 г. с. 17.

пунктовъ Государю Императору угодно было утвердить мнѣніе большинства (Журналь Об. Собр. с. 129—133.), по двумъ — мнѣніе меньшинства (Журналь Об. Собр. с. 131 п. 10; 132 п. 15.), а по одному пункту — мнѣніе, высказанное 33-мя Членами и Предсѣдателемъ Государственного Совѣта, Великимъ Княземъ Михаиломъ Николаевичемъ, вопреки мнѣнію другихъ 33-хъ Членовъ и Первоприсутствующаго въ Уголовномъ Кассационномъ Департаментѣ Правительствующаго Сената, Н. С. Таганцева (Журналь Об. Собр. с. 77—81; 132 п. 14-й.).

Проектъ уголовного уложенія, исправленный согласно этимъ Высочайшимъ резолюціямъ, былъ утверждёнъ Государемъ Императоромъ Николаемъ II 22 марта 1903 г.

Объ утверженіи уголовного уложенія данъ Высочайшій указъ Правительствующему Сенату 22 марта 1903 г.¹⁾ Въ этомъ указѣ сказано, что срокъ вступленія уголовного уложенія въ дѣйствіе будетъ опредѣленъ впослѣдствіи особымъ Высочайшимъ указомъ.

Высочайше утвержденное уголовное уложеніе обнародовано Правительствующимъ Сенатомъ въ „Собраніи узаконеній и распоряженій Правительства“ 16 апрѣля 1903 г.²⁾

Уголовное уложеніе раздѣляется на 37 главъ и содержитъ 687 статей. Первая глава посвящена общей части, а остальныя — особенной.

Одновременно съ уголовнымъ уложеніемъ утверждёнъ Государемъ Императоромъ и проектъ нѣкоторыхъ дополнительныхъ узаконеній къ уголовному уложенію (Высочайше утвержденное мнѣніе Государственного Совѣта 22 марта 1903 г. по проекту уголовного уложенія. Собр. уз. 16 Апрѣля 1903 г. Отдѣлъ I. № 38. ст. 416.).

Содержаніе этихъ дополнительныхъ узаконеній весьма разнообразно. Особеннаго вниманія заслуживаетъ послѣднее изъ нихъ. Оно предписываетъ сохранить силу закона и по вступленіи уголовного уложенія въ дѣйствіе за льготными постановленіями объ отбываніи кратковременнаго ареста, узаконенными для дворянъ, чиновниковъ и офицеровъ, содержащимися въ уложеніи о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, а именно — въ 57-й статьѣ его и двухъ примѣчаніяхъ къ ней, по изданію 1885 г., не предусмотрѣнными въ уго-

1) Собрание узаконеній и распоряженій Правительства, издаваемое при Правительствующемъ Сенатѣ. 16 Апрѣля 1903 г. Отдѣлъ первый. № 38. Ст. 416. Объ утверженіи уголовного уложенія. Указъ Правительствующему Сенату.

2) Собр. уз. 16 Апрѣля 1903 г. Отдѣлъ I. № 38. ст. 416. Объ утверженіи уголовного уложенія. Приложение. Уголовное уложеніе.

ловномъ уложеніи (Собр. уз. 16 Апрѣля 1903 г. Отд. I. № 38. ст. 416. Высочайше утвержд. мнѣніе Гос. Совѣта. Отдѣлъ IV.). Вмѣсто того, чтобы издавать это дополнительное узаконеніе къ уголовному уложенію, было бы гораздо проще и правильнѣе ввести соотвѣтствующее измѣненіе въ 21-ю статью уголовного уложенія, специально посвященную изложенію предписаній объ арестѣ.

При разсмотрѣніи проекта уголовного уложенія, Государственный Совѣтъ обратилъ вниманіе на цѣлый рядъ различныхъ вопросовъ, которые стоятъ въ связи съ уголовнымъ уложеніемъ и своимъ рѣшеніемъ могутъ оказать существенное вліяніе на успѣшное приведеніе этого уложенія въ дѣйствіе. Озабочиваясь основательной разработкой этихъ вопросовъ и своевременнымъ внесеніемъ надлежащихъ законопроектовъ по нимъ на разсмотрѣніе законодателя, Государственный Совѣтъ призналъ необходимымъ раздѣлить эти вопросы на три группы и предоставить выработку проектовъ относительно необходимыхъ мѣропріятій и узаконеній по одной изъ нихъ — Министру Юстиціи, по другой — Министрамъ Юстиціи и Иностранныхъ Дѣлъ и по третьей — Министрамъ Юстиціи и Внутреннихъ Дѣлъ.

Это постановленіе Государственнаго Совѣта удостоилось Высочайшаго утвержденія 22 марта 1903 г. 1).

Этимъ постановленіемъ Министру Юстиціи предоставлено выработать мѣры къ приведенію тюремной части въ соотвѣтствіе съ новымъ уложеніемъ и своимъ предположеніямъ по этому предмету, въ связи съ финансовою стороною дѣла и вопросомъ о срокѣ ихъ осуществленія, дать дальнѣйшее движеніе въ установленномъ порядкѣ, по возможности, въ непродолжительномъ времени (Выс. утвержд. постановленіе Гос. Совѣта ст. I. п. 1.). Кромѣ того, Министру Юстиціи

1) Это Высочайше утвержденное постановленіе Общаго Собранія Государственнаго Совѣта не обнародовано. Съ содержаніемъ его знакомить насъ „Всеподданнѣйшій докладъ Министра Юстиціи Статсъ Секретаря Н. В. Муравьева объ образованіи особой Коммисіи для разработки мѣропріятій, вызываемыхъ изданіемъ новаго уголовного уложенія“, напечатанный въ Журналѣ Министерства Юстиціи за 1903 г. (№ 6. с. 35—43.). На основаніи этого доклада и изложено мною содержаніе этого постановленія. Содержаніе этого постановленія, проектированное Особымъ Совѣщаніемъ при Государственномъ Совѣтѣ, напечатано въ „Журналѣ Высочайше учрежденнаго Особаго Совѣщанія при Государственномъ Совѣтѣ для предварительнаго разсмотрѣнія проекта уголовного уложенія“ (с. 543—545. Отдѣлы VI, VII и VIII.). Содержаніе же этого постановленія, проектированное Особымъ Присутствіемъ Государственнаго Совѣта, напечатано въ „Журналѣ Особаго Присутствія Государственнаго Совѣта, Высочайше учрежденнаго для обсужденія проекта уголовного уложенія (с. 341—345. Отдѣлы VI, VII и VIII.).

предоставлено войти въ обсужденіе вопросовъ: а) о желательности дополненія уголовного уложенія правиломъ, что приговоренный къ заключенію въ тюрьмѣ или къ аресту за преступное дѣяніе, учиненное вслѣдствіе привычки къ пьянству, можетъ быть, по опредѣленію суда, помѣщенъ, непосредственно по отбытіи тюремнаго заключенія или ареста, въ надлежащее врачебное заведеніе на необходимый для излеченія срокъ [Пост. ст. I. п. 2. лит. а.], в) о возможности включенія условнаго осужденія въ систему карательныхъ мѣръ [Пост. ст. I. п. 2. лит. в.], г) о своевременности примѣненія условнаго досрочнаго освобожденія лицъ, приговоренныхъ къ лишенію свободы [Пост. ст. I. п. 2. лит. г.] и т. д. По обсужденіи же этихъ вопросовъ, Министру Юстиціи предоставлено внести свои предположенія по этимъ предметамъ на законодательное разсмотрѣніе въ установленномъ порядкѣ.

Въ свою очередь, Министрамъ Юстиціи и Иностранныхъ Дѣлъ предоставлено подвергнуть вопросъ о выдачѣ преступниковъ всесторонней разработкѣ и представить свои предположенія по этому предмету на законодательное разсмотрѣніе въ установленномъ порядкѣ (Пост. ст. II.).

Наконецъ, тѣмъ же постановленіемъ предоставлено Министрамъ Юстиціи и Внутреннихъ Дѣлъ войти въ обсужденіе вопросовъ: 1) о возможности изыятія дѣлъ о кражѣ и мошенничествѣ изъ подсудности волостныхъ судовъ съ передачею преступныхъ дѣяній этого рода въ вѣдѣніе подлежащихъ судебныхъ установленій, а равно о пересмотрѣ, примѣнительно къ новому уложенію, правилъ уголовной подсудности для установленій, образованныхъ по закону 12 іюля 1889 г. [Пост. ст. III. п. 1.], 2) о разработкѣ правилъ принудительнаго труда въ работныхъ домахъ и при общественныхъ работахъ [Пост. ст. III. п. 2.] и 3) о пересмотрѣ, въ видахъ согласованія съ новымъ уголовнымъ уложеніемъ, перечня лицъ, изыятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній [Пост. ст. III. п. 3.]. По обсужденіи же этихъ вопросовъ, Министрамъ Юстиціи и Внутреннихъ Дѣлъ предоставлено представить свои предположенія по этимъ вопросамъ на законодательное разсмотрѣніе въ установленномъ порядкѣ.

Забываясь о скорѣйшемъ успѣшномъ приведеніи этого постановленія въ исполненіе, Министръ Юстиціи Н. В. Муравьевъ представилъ Государю Императору Николаю II всеподданнѣйшій докладъ (Ж. М. Ю. 1903 г. № 6. Докладъ. с. 35—43.). Въ этомъ докладѣ Министръ Юстиціи полагалъ необходимымъ: а) преобразовать Высочайше учрежденную Комиссію о мѣропріятіяхъ по отмѣнѣ ссылки въ Особую Комиссію для разработки мѣропріятій, вызываемыхъ изданіемъ новаго уголовного уложенія, б) составить эту Особую Комиссію подъ пред-

сѣдательствомъ Министра Юстиціи изъ чиновъ Министерства Юстиціи, нѣсколькихъ сенаторовъ и другихъ лицъ, в) предоставить Предсѣдателю Комиссіи право приглашать въ составъ ея, на правахъ членовъ, всѣхъ тѣхъ лицъ, участіе которыхъ въ трудахъ ея будетъ признано полезнымъ по ихъ служебному положенію, научнымъ познаніямъ или практической опытности, и г) по мѣрѣ составленія отдѣльныхъ предположеній въ Комиссіи, опубликовывать ихъ во всеобщее свѣдѣніе и давать имъ дальнѣйшее направленіе въ установленномъ порядкѣ непосредственно, безъ предварительнаго сношенія съ вѣдомствами, представители которыхъ принимали участіе при разсмотрѣніи этихъ предположеній въ Комиссіи (Ж. М. Ю. 1903. № 6. Докладъ. с. 41—43.).

13 мая 1903 года Государь Императоръ Николай II утвердилъ предположенія Министра Юстиціи объ учрежденіи Особой Комиссіи для разработки мѣропріятій, вызываемыхъ изданіемъ новаго уголовного уложенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ, согласно представленію Министра Юстиціи, назначилъ членами этой Комиссіи трехъ сенаторовъ, имѣющихъ степень доктора уголовного права: Н. Ф. Кони, Н. С. Таганцева и И. Я. Фойницкаго, а также сенатора В. К. Случевского, состоящаго преподавателемъ уголовного судопроизводства въ Училищѣ Правовѣдѣнія, (Ж. М. Ю. 1903. № 6. Докладъ. с. 1; 41—43.).

§ 18. Дѣйствующее общее уголовное право Россійской Имперіи или, короче сказать, дѣйствующее русское уголовное право, его источникъ — законъ и внѣшнія формы воплощенія этого источника: уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, по изданію 1885 года, съ соотвѣтствующими дальнѣйшими узаконеніями, и уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, по изданію 1885 г., съ соотвѣтствующими дальнѣйшими узаконеніями. Уголовное уложеніе 22 марта 1903 года.

Дѣйствующее общее уголовное право Россійской Имперіи или, короче сказать, дѣйствующее русское уголовное право имѣетъ своимъ источникомъ законъ.

Оно установлено двумя законодательными сборниками съ относящимися къ нимъ послѣдующими узаконеніями: 1) „Уложеніемъ о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ“, по изданію 1885 г., съ соотвѣтствующими дальнѣйшими узаконеніями, и 2) „Уставомъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ Мировыми Судьями“, по изданію 1885 г. съ соотвѣтствующими позднѣйшими узаконеніями.

Уголовныя узаконенія, которыми внесены какія-нибудь измѣненія въ постановленія уложенія о наказаніяхъ или устава о наказаніяхъ

послѣ 1885 г., напечатаны въ двухъ изданіяхъ: 1) въ „Собраніи узаконеній и распоряженій Правительства, издаваемомъ при Правительствующемъ Сенатѣ“, за послѣдующіе года, начиная съ 1886-го, и 2) въ „Статьяхъ къ Пятнадцатому Тому Свода Законовъ“: а) по „Продолженію Свода Законовъ“ 1890 г., б) по Продолженію 1891 г., в) по Продолженію 1895 г., и г) по „Продолженію Свода Законовъ Россійской Имперіи 1902 года“ (Ч. II.). Уголовныя узаконенія, вышедшія съ 1 января 1902 г., напечатаны въ настоящее время только въ I-хъ отдѣлахъ „Собранія узаконеній и распоряженій Правительства“ за соотвѣтствующіе года, начиная съ 1902-го.

22 марта 1903 года Государь Императоръ Николай II утвердилъ проектъ уголовного уложенія. Новое „уголовное уложеніе“ должно замѣнить собою оба прежнихъ уголовныхъ сборника, съ относящимися къ нимъ узаконеніями: и уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, и уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. Высочайше утвержденное уголовное уложеніе обнародовано Правительствующимъ Сенатомъ въ „Собраніи узаконеній и распоряженій Правительства“ 16 апрѣля 1903 года¹⁾. Срокъ вступленія уголовного уложенія въ дѣйствіе еще не опредѣленъ. Онъ будетъ назначенъ впоследствии особымъ Высочайшимъ указомъ²⁾. По вступленіи въ дѣйствіе уголовное уложеніе будетъ источникомъ дѣйствующаго общаго уголовного права Россійской Имперіи.

Законъ не только служить источникомъ дѣйствующаго общаго уголовного права Россійской Имперіи, но является въ то же время и единственнымъ источникомъ этого права. Здѣсь нѣтъ мѣста ни международнымъ договорамъ Россійской Имперіи съ другими государствами, ни обычаямъ, одобреннымъ ею, ни правиламъ религіозныхъ союзовъ людей, одобреннымъ ею. Это ясно и несомнѣнно указано самимъ русскимъ законодателемъ: 1) въ 1-й и 90-й статьѣ уложенія о наказаніяхъ и 1-й статьѣ устава о наказаніяхъ, 2) въ постановленіяхъ о законномъ толкованіи и законномъ аналогическомъ пополненіи законовъ уголовными судами, при рѣшеніи уголовныхъ дѣлъ, и 3) въ постановленіяхъ о силѣ, присвоенной закономъ законному толкованію и законному аналогическому пополненію законовъ.

1) Собр. уз. 16 апрѣля 1903 г. Отдѣлъ первый. № 38. ст. 416. Объ утвержденіи уголовного уложенія. Приложение. Уголовное уложеніе.

2) Собр. уз. 16 апрѣля 1903 г. Отдѣлъ I. № 38. ст. 416. Объ утвержденіи уголовного уложенія. Именной Высочайшій указъ Правительствующему Сенату 22 марта 1903 г.

Убѣдиться въ этомъ не трудно.

„Преступленіемъ или проступкомъ, говоритъ 1-я статья уложенія о наказаніяхъ, признается какъ самое противозаконное дѣяніе, такъ и неисполненіе того, что подъ страхомъ наказанія закономъ предписано“. „Наказанія за преступленія и проступки, провозглашаетъ 90-я статья уложенія, опредѣляются не иначе, какъ на точномъ основаніи закона“.

„За проступки, означенные въ семъ уставѣ, постановляетъ 1-я статья устава о наказаніяхъ, Мировые Судьи опредѣляютъ, на основаніи изложенныхъ ниже правилъ, слѣдующія наказанія“¹⁾.

1) Уголовное уложеніе, устанавливая понятія о преступномъ дѣяніи и наказаніи въ области русскаго общаго уголовного права, узаконеннаго на будущее время, въ свою очередь, несомнѣнно, признаетъ, что въ этой области преступны только тѣ дѣянія, которыя признаны преступными со стороны закона, и правомѣрны только тѣ наказанія, которыя установлены закономъ. Это не выражено въ уголовномъ уложеніи прямо и просто, но за то указано косвенно.

Въ самомъ дѣлѣ, 1-я статья уголовного уложенія, предназначенная законодателемъ къ опредѣленію общаго понятія о преступленіи въ области русскаго общаго уголовного права, говоритъ: „Преступнымъ признается дѣяніе, воспрещенное, во время его учиненія, закономъ подъ страхомъ наказанія“. Отсюда ясно, что уголовное уложеніе предусматриваетъ преступныя дѣянія и выставляетъ разграничительнымъ признакомъ преступности дѣянія воспрещенность дѣянія закономъ подъ страхомъ наказанія.

Но мы знаемъ, что наше русское законодательство точно также, какъ и законодательство всякаго другого культурнаго государства, запрещаетъ подъ страхомъ наказанія не только преступныя дѣянія, но и дисциплинарныя. Зачисленіе дисциплинарныхъ дѣяній въ преступныя составляетъ несомнѣнное и рѣзкое отступленіе отъ правильной расцѣнки человѣческихъ дѣяній въ жизни культурнаго народа и вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно и сильно нарушаетъ интересы всесторонняго народнаго благосостоянія. Въ виду этого, естественно возникаютъ вопросы, неужели наше новое уголовное уложеніе дѣйствительно дѣлаетъ эту непростительную ошибку, или же, избѣгнувъ ея, оно впадаетъ лишь въ редакціонную ошибку. А эта редакціонная ошибка состоитъ въ томъ, что составныя части законнаго разграничительнаго признака преступности дѣянія въ области нашего общаго уголовного права изложены неточно.

Логическая необходимость отрицательнаго рѣшенія по первому вопросу и утвердительнаго по второму не подлежитъ сомнѣнію.

Изъ сопоставленія 1-й статьи уголовного уложенія со статьями 4-й и 5-й, а также со 2-й и 3-й частью 14-й статьи становится очевидно, что въ области нашего общаго уголовного права и на будущее время будетъ дѣйствовать только одинъ источникъ права — законъ, а главной внѣшней формой воплощенія этого источника будетъ служить уголовное уложеніе.

Далѣе, изъ сопоставленія 1-й статьи уголовного уложенія со статьей 4-й и съ 1-мъ пунктомъ 5-й статьи очевидно, что „дѣянія, наказуемая по . . . уставамъ

Эти общія руководящія постановленія нашего законодателя о преступленіи, проступкѣ и наказаніи не только характеризуютъ общее понятіе нашего законодателя объ уголовномъ правонарушеніи и общее понятіе о наказаніи въ области нашего общаго уголовного права, но вмѣстѣ съ тѣмъ ясно и несомнѣнно указываютъ намъ, что онъ твердо и несомнѣнно признаетъ въ этой области два разумныхъ общихъ правила: 1) преступно — только то, что законъ призналъ преступнымъ (*nullum crimen sine lege*), и 2) не должно быть никакого наказанія, кромѣ установленнаго закономъ (*nulla poena sine lege*).

Но этого мало. Нашъ законодатель ясно и несомнѣнно подтверждаетъ эти общія правила какъ въ своихъ постановленіяхъ о за-

дисциплинарнымъ“, не подлежатъ дѣйствию уголовного уложенія, а эти дѣянія и представляютъ собой не что иное, какъ дисциплинарныя правонарушенія.

Въ виду этихъ выводовъ, становится ясно, что уголовное уложеніе не считаетъ дисциплинарныхъ проступковъ, воспрещенныхъ закономъ подъ страхомъ наказанія, преступными дѣяніями, а потому, выставляя въ 1-й статьѣ воспрещенность дѣянія закономъ подъ страхомъ наказанія за общій разграничительный признакъ преступности дѣянія въ области нашего общаго уголовного права, дѣлаетъ лишь редакціонную ошибку, хотя и въ свою очередь важную. Эта ошибка состоитъ въ томъ, что, при изложеніи законнаго разграничительнаго признака преступности дѣянія въ области нашего общаго уголовного права, отмѣчена одна важная черта этого признака — предусмотрѣнность дѣянія закономъ подъ страхомъ наказанія, но не отмѣчена другая, также весьма важная черта — предусмотрѣнность дѣянія закономъ въ качествѣ преступнаго дѣянія. Чтобы выразить въ первой статьѣ уголовного уложенія во всей точности тѣ идеи о понятіи преступленія, которыя оно дѣйствительно проводитъ косвеннымъ путемъ въ своихъ постановленіяхъ т. е. тѣ идеи, которыя вытекаютъ съ логической необходимостью изъ сопоставленія статей 1-й, 4-й, 5-й и 14-й, нужно было бы изложить эту 1-ю статью слѣдующимъ образомъ: „Преступно только то дѣяніе, которое предусмотрѣно закономъ, дѣйствующимъ во время его учиненія, признано преступнымъ и обложено наказаніемъ“. Это было бы ясно, просто и точно.

Что касается идеи о недопустимости никакихъ иныхъ наказаній въ области нашего общаго уголовного права, кромѣ установленныхъ закономъ, то эта идея также, несомнѣнно, выражена въ нашемъ уголовномъ уложеніи, но не прямо, а только косвенно. Она вытекаетъ съ логической необходимостью изъ сопоставленія 1-й и 14-й статьи уголовного уложенія со статьями: 4—5; 2—3; 15—35 и 53—67. Наказанія, которыми обложены преступныя дѣянія, предусмотрѣнныя уголовнымъ уложеніемъ, опредѣлены исчерпывающимъ образомъ статьями самого же уложенія (ст. 2—3; 15—35; 36 часть 2-я; 37-я ч. 2; 53—67.).

Нельзя не пожалѣть, что двадцатидвухлѣтніе труды по составленію нашего новаго уголовного уложенія не привели къ прямому, простому и точному выраженію такихъ двухъ важныхъ и общеизвѣстныхъ принциповъ культурнаго уголовного права, какъ *nullum crimen sine lege*, *nulla poena sine lege*.

конномъ толкованіи ¹⁾ и законномъ аналогическомъ пополненіи законовъ уголовными судами ²⁾, при рѣшеніи уголовныхъ дѣлъ, такъ и въ своихъ постановленіяхъ о законной силѣ законнаго толкованія и законнаго аналогическаго пополненія законовъ ³⁾. Со всѣми этими постановленіями нашего законодательства мы подробно познакомимся впоследствии, когда будемъ изучать толкованіе и аналогическое пополненіе уголовныхъ законовъ уголовными судами и законную силу законнаго судебнаго толкованія и аналогическаго пополненія законовъ.

Подводя общій итогъ постановленіямъ дѣйствующаго русскаго законодательства: 1) относительно общаго понятія объ уголовномъ правонарушеніи и общаго понятія о наказаніи въ области нашего общаго уголовного права, 2) относительно законнаго толкованія и законнаго аналогическаго пополненія нашихъ общихъ уголовныхъ законовъ уголовными судами, при рѣшеніи уголовныхъ дѣлъ, и 3) относительно силы, присвоенной закономъ этому законному толкованію и законному аналогическому пополненію нашихъ общихъ уголовныхъ законовъ, мы приходимъ къ выводу, что законъ не только служитъ источникомъ дѣйствующаго общаго уголовного права Россійской Имперіи, но является и единственнымъ источникомъ этого права.

§ 19. Подраздѣленіе дѣйствующаго русскаго общаго уголовного права на двѣ части: общую и особенную и соотвѣтствующее подраздѣленіе уголовного уложенія.

Дѣйствующее общее уголовное право Россійской Имперіи можетъ быть раздѣлено по содержанію на двѣ части: общую и особенную.

Общей частью дѣйствующаго русскаго общаго уголовного права называется совокупность правилъ этого права, опредѣляющихъ въ общемъ видѣ общее понятіе объ уголовномъ правонарушеніи, общія понятія о преступленіи и проступкѣ и общее понятіе о наказаніи, принятыя въ этомъ правѣ.

Особенной же частью дѣйствующаго русскаго общаго уголовного права называется совокупность правилъ этого права, опредѣляющихъ въ общемъ видѣ, какія правонарушения преступны и какими наказаніями они обложены въ Россійской Имперіи.

1) Уст. уг. суд. ст. 12; 13; 916²; 916³; 930.

2) Ул. ст. 1 и 151. — Уст. уг. суд. ст. 12 и 771.

3) Св. Зак. Т. I. Ч. I. ст. 68 и 69. — Уст. уг. суд. ст. 12; 930 и 933. —

П. П. Пусторослевъ — Конспектъ лекцій по особенной части русскаго уголовного права. Вып. I. Юрьевъ. 1902, с. 15—24.

Общая часть дѣйствующаго русскаго общаго уголовного права содержится: 1) въ постановленіяхъ I-го раздѣла уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, по изданію 1885 г., съ соотвѣтствующими дальнѣйшими узаконеніями, и 2) въ I-й главѣ устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, по изданію 1885 г., съ соотвѣтствующими дальнѣйшими узаконеніями.

Общія правила о преступленіяхъ, проступкахъ и наказаніяхъ, содержащіяся въ уложеніи о наказаніяхъ, отличаются обыкновенно большей полнотой и ясностью, чѣмъ общія правила о проступкахъ и наказаніяхъ, заключающіяся въ уставѣ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями.

Между общими правилами уложенія о наказаніяхъ и общими правилами устава о наказаніяхъ во многихъ отношеніяхъ нѣтъ противорѣчій, но за то во многихъ случаяхъ существуетъ несомнѣнное противорѣчіе.

Въ случаѣ противорѣчія, смыслъ постановленій устава о наказаніяхъ не можетъ быть истолковываемъ на основаніи постановленій уложенія о наказаніяхъ. Дѣло въ томъ, что законъ, болѣе поздній не можетъ быть отмѣняемъ закономъ, болѣе раннимъ, а уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, удостоился Высочайшаго утвержденія, при первомъ своемъ изданіи, гораздо позднѣе, чѣмъ уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, при первомъ его изданіи: уставъ утвержденъ впервые въ 1864 г., а уложеніе — въ 1845.

Въ случаѣ же отсутствія противорѣчія, толкованіе постановленій устава о наказаніяхъ на основаніи постановленій уложенія о наказаніяхъ возможно и допустимо.

Особенная часть дѣйствующаго русскаго общаго уголовного права содержится: 1) въ постановленіяхъ одиннадцати послѣднихъ раздѣловъ (II—XII) уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, по изданію 1885 г., съ соотвѣтствующими дальнѣйшими узаконеніями, и 2) въ постановленіяхъ двѣнадцати послѣднихъ главъ (II—XIII) устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, по изданію 1885 г., съ соотвѣтствующими дальнѣйшими узаконеніями.

Что касается уголовного уложенія, то оно въ свою очередь раздѣляется на двѣ части: общую и особенную. Общая часть его изложена въ его I-й главѣ, а особенная — въ остальныхъ тридцати шести главахъ (II—XXXVII).

§ 20. Пособія къ изученію русскаго уголовного права.

Пособія къ изученію общей и особенной части дѣйствующаго общаго уголовного права Россійской Имперіи раздѣляются на три

группы. Первая группа состоитъ изъ пособій къ изученію текста дѣйствующихъ общихъ уголовныхъ законовъ Россійской Имперіи, вторая — изъ пособій къ изученію судебной практики по общей и особенной части общаго уголовного права Россійской Имперіи и третья — изъ литературныхъ пособій къ изученію одной изъ этихъ частей или ихъ обѣихъ.

I. Пособія къ изученію текста дѣйствующихъ общихъ уголовныхъ законовъ Россійской Имперіи.

Пособіями къ изученію текста дѣйствующихъ общихъ уголовныхъ законовъ Россійской Имперіи служатъ официальныя и частныя изданія текста этихъ законовъ. Изучать общее уголовное законодательство Россійской Имперіи нужно по официальнымъ изданіямъ, а не по частнымъ. Въ частныхъ изданіяхъ могутъ быть ошибки, а потому пользоваться частными изданіями можно не иначе, какъ послѣ тщательной провѣрки излагаемаго ими текста законовъ съ текстомъ официального изданія.

А. Официальныя изданія. 1. Сводъ законовъ уголовныхъ. Часть первая. Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ. Изданіе 1885 года. С.-Петербургъ, 1885.

2. Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ Мировыми Судьями. Изданіе 1885 года. С.-Петербургъ. 1885.

3. Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ. Изданіе 1885 года, со включеніемъ статей по Продолженіямъ 1890 и 1891 годовъ. Санктпетербургъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи всѣ статьи уложенія, не снабженныя указаніями на позднѣйшія узаконенія, приводятся по этому изданію, со включеніемъ мною лишь надлежащихъ статей по Продолженію 1902 г.

4. Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ Мировыми Судьями. Изданіе 1885 года, со включеніемъ статей по продолженіямъ 1890 и 1891 годовъ. Санктпетербургъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи всѣ статьи устава о наказаніяхъ, не снабженныя указаніями на позднѣйшія узаконенія, приводятся по этому изданію, со включеніемъ мною лишь надлежащихъ статей по Продолженію 1902 г.

5. Статьи къ Пятнадцатому Тому Свода Законовъ: а) по Продолженію 1890 года, б) по продолженію 1891 г., в) по Продолженію 1895 г. и г) по Продолженію 1902 г. (Продолженіе Свода Законовъ Россійской Имперіи 1902 года. Часть вторая. Статьи къ Томамъ VIII ч. 2, IX, X, XI ч. 1, XII ч. 2 и XIII—XVI.).

6. Собраніе узаконеній и распоряженій Правительства, издаваемое при Правительствующемъ Сенатѣ. Годы 1902—1903.

Б. Частныя изданія. 1. Уложеніе о наказаніяхъ, уголовныхъ и исправительныхъ 1885 года. Издано Н. С. Таганцевымъ. Изданіе одиннадцатое. С.-Петербургъ. 1901.

2. Уставъ о наказаніяхъ. Изданіе 1885 года, дополненное по послѣдующимъ продолженіямъ, съ приложеніемъ Сборника законовъ, извлеченныхъ изъ всѣхъ XVI томовъ Свода Законовъ, нарушеніе которыхъ наказуется по уставу о наказаніяхъ. Составилъ А. А. Леонтьевъ. С.-Петербургъ. 1894.

3. Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. Изданіе 1885 г. Изданъ Н. С. Таганцевымъ. Изданіе четырнадцатое. С.-Петербургъ. 1902.

Уголовное уложеніе, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г., не вступило еще въ дѣйствіе, а потому и не представляетъ дѣйствующаго уголовного права. Пособіями къ изученію текста уголовного уложенія служатъ официальные и частныя изданія.

А. Официальные изданія. 1. Уголовное уложеніе. Приложеніе къ „Собранію узаконеній и распоряженій Правительства“ за 1903 г. № 38. Отдѣлъ I. ст. 416.

Б. Частныя изданія. 1. Уголовное уложеніе, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 года. Изданіе Государственной Канцеляріи. С.-Петербургъ. 1903.

2. Высочайше утвержденное 22 марта 1903 года уголовное уложеніе. С.-Петербургъ 1903.

3. Г. Г. Евангуловъ — Уголовное уложеніе. (Высочайше утвержденное 22 Марта 1903 г.). Текстъ закона съ очеркомъ основныхъ положеній и существенныхъ отличій его отъ дѣйствующаго законодательства и съ алфавитнымъ предметнымъ указателемъ. С.-Петербургъ. 1903.

4. Уголовное уложеніе 22 Марта 1903 г. съ мотивами, извлеченными изъ объяснительной записки редакціонной комиссіи, представленія Мин. Юстиціи въ Государственный Совѣтъ и журналовъ — особаго совѣщанія, особаго присутствія департаментовъ и общаго собранія Государственнаго Совѣта. Изданіе Н. С. Таганцева. С.-Петербургъ. 1904.

II. Пособія къ изученію судебной практики по общей и особенной части общаго уголовного права Россійской Имперіи.

А. Официальные изданія. 1. Рѣшенія Кассационныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената. 1866. С.-Петербургъ. Рѣ-

шенія Уголовнаго Кассационнаго Департамента за 1866 г. изложены на стр. 1—27.

2. Рѣшенія уголовнаго Кассационнаго Департамента Правительствующаго Сената. За 1867—1903. С.-Петербургъ. Эти рѣшенія изданы за каждый годъ отдѣльно.

3. Рѣшенія Общаго Собранія Кассационныхъ Департаментовъ и Общаго Собранія Перваго и Кассационныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената или, по позднѣйшему заглавію съ 1877 года, рѣшенія Общаго Собранія Перваго и Кассационныхъ Департаментовъ и Кассационныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената. За 1869—1903 годъ. С.-Петербургъ.

Б. Частныя изданія. 1. Г. И. Трахтенбергъ — Указатель юридическимъ вопросамъ, разрѣшеннымъ уголовнымъ кассационнымъ и общимъ собраніемъ кассационныхъ департаментовъ Сената. С.-Петербургъ. 1874. Тутъ находятся рѣшенія по 1 января 1874 года.

2. Г. И. Трахтенбергъ — Алфавитный указатель вопросовъ разрѣшенныхъ уголовнымъ кассационнымъ и общимъ собраніемъ кассационныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената. 1866—1880. Изданіе третье. С.-Петербургъ. 1881.

3. Сборникъ циркулярныхъ указовъ. Министерства Юстиціи изданіе 2-е. Составленъ по распоряженію г. Министра Юстиціи . . . В. В. Поповымъ. С.-Петербургъ. 1890. Это — „сборникъ циркулярныхъ указовъ кассационныхъ департаментовъ, общаго оныхъ собранія и соединеннаго присутствія I-го и кассационныхъ департаментовъ правительствующаго сената“ съ 15 мая 1868 г. по 30 іюня 1890 г. включительно.

4. А. К. Гаугеръ — Сборникъ рѣшеній Общаго Собранія Кассационныхъ и Перваго съ Кассационными Департаментовъ Правительствующаго Сената за 30 лѣтъ (съ 1866—1896 г.). Изданіе 2. С.-Петербургъ. 1897. Тутъ находятся рѣшенія съ 1866 года по 1895 включительно. — Дополненіе къ сборнику рѣшеній Общаго Собранія Кассационныхъ и Перваго съ Кассационными Департаментовъ Правительствующаго Сената. Изданному (2-мъ изд.) въ 1897 г. и составленному подъ редакціей А. К. Гаугера. Рѣшенія Общаго Собранія за 1896—1900 г. С.-Петербургъ. 1901.

5. Систематическій указатель вопросовъ, разрѣшенныхъ опредѣленіями Общаго Собранія Кассационныхъ и съ участіемъ I и II Департаментовъ Правительствующаго Сената съ 1866 по 1 января 1900 г. Составилъ Н. Н. Быстровъ. С.-Петербургъ. 1901.

6. Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1885 г.

Издано Н. С. Таганцевымъ. 11 изданіе. С.-Петербургъ 1901. Въ этомъ изданіи между прочимъ помѣщены: „извлеченія изъ рѣшеній уголовного кассационнаго департамента Правительствующаго Сената по 1 января 1901 г.“ и „извлеченія изъ рѣшеній общихъ собраній кассационныхъ департаментовъ и кассационныхъ департаментовъ и 1-го по 1 іюля 1900 г.“

7. Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. Изданіе 1885 г. Съ дополненіями по продолженію 1895 г., съ приложеніемъ мотивовъ и извлеченій изъ рѣшеній кассационныхъ департаментовъ Сената. Изданъ Н. С. Таганцевымъ. 14 изданіе. С.-Петербургъ. 1902. Въ текстъ этого устава введены измѣненія, внесенныя узаконеніями 1896—1902 г.

Во избѣжаніе ошибокъ и недоразумѣній необходимо изучать рѣшенія Сената по официальнымъ изданіямъ. Частными же изданіями, сборниками, извлеченіями и указателями слѣдуетъ пользоваться только въ качествѣ пособій, облегчающихъ изученіе сенатскихъ рѣшеній по официальнымъ изданіямъ.

III. Литературныя пособія къ изученію общей и особенной части общаго уголовного права Россійской Имперіи.

1. Учебникъ уголовного права профессора П. Д. Калмыкова, изданный А. Любавскимъ. Часть общая. Часть особенная. Санктпетербургъ. 1866. Въ общей части этого учебника уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ приводится по изданію 1857 г., а въ особенной — по изданію 1866 г.

2. А. Лохвицкій — Курсъ русскаго уголовного права. 2-е изданіе. Санктпетербургъ. 1871. Первое изданіе было сдѣлано въ С.-Петербургѣ въ 1867 г. Въ этомъ учебникѣ изложена общая и особенная часть русскаго уголовного права.

3. Н. Неклюдовъ — Руководство для Мировыхъ Судей. 2-е изданіе. С.-Петербургъ. 1874. Томъ II. Здѣсь изложены проступки, подсудные мировымъ судамъ, предусмотрѣнные какъ уставомъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, такъ и уложеніемъ о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ. Второй томъ этого руководства былъ изданъ въ 1-й разъ въ Петербургѣ въ 1868 г.

4. Н. А. Неклюдовъ — Общая часть уголовного права (Конспектъ). С.-Петербургъ. 1875.

5. Н. А. Неклюдовъ — Руководство къ особенной части русскаго уголовного права (С.-Петербургъ): I) томъ I — преступленія

и проступки противу личности (1876), II) томъ II — преступленія и проступки противу собственности (1876), III) томъ III — преступленія: 1) противу брака и правъ семейственныхъ; 2) противу законовъ о состояніяхъ; 3) общеопасныя преступленія (поджогъ и т. п.) (1878), и IV) томъ IV — сокрытіе истины; сокрытіе своей личности; лжеприсяга и лжесвидѣтельство; ложный доносъ и ябеда; подлогъ и поддѣлка (1880).

6. Руководство особенной части русскаго уголовного права. Издано по лекціямъ, читаннымъ въ Военно-Юридической Академіи Профессоромъ Уголовнаго Права Докторомъ Правъ Н. А. Неключовымъ. Издатель капитанъ К. Л. Харченко. С.-Петербургъ. 1887.

7. Н. С. Таганцевъ — Курсъ русскаго уголовного права. Часть общая. Книга I-я. Ученіе о преступленіи. Санктпетербургъ. Три выпуска: 1-й — въ 1874 г., 2-й — въ 1878 и 3-й — въ 1880.

8. Н. С. Таганцевъ — Лекціи по русскому уголовному праву. Часть общая. С.-Петербургъ. Четыре выпуска: 1-й — въ 1887 г., 2-й — въ 1888, 3-й — въ 1890 и 4-й — въ 1892. Въ этихъ четырехъ выпускахъ изложена вся общая часть русскаго уголовного права.

Въ 1902 г. вышло 2-е пересмотрѣнное и дополненное изданіе этихъ лекцій подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Русское уголовное право. Лекціи Н. С. Таганцева. Часть общая“. Томы I и II. С.-Петербургъ. 1902. Въ этомъ изданіи Н. С. Таганцевъ излагаетъ нашъ дѣйствующій уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, и наше дѣйствующее уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ такъ, какъ будто бы эти законы были уже отмѣнены и прекратили свое дѣйствіе; подъ именемъ же дѣйствующаго уголовного уложенія изложенъ лишь проектъ уголовного уложенія и даже не послѣдній, а именно — проектъ уголовного уложенія, исправленный по заключеніямъ Особаго Совѣщанія, при Государственномъ Совѣтѣ, въ 1898 — 1900 г. (выше с. 124—127.). Напр., на 150-й страницѣ I-го тома общей части „Русскаго уголовного права“, Н. С. Таганцевъ говоритъ: „Дѣйствующее уложеніе въ сущности сохранило систему устава о наказ. По ст. 137 опредѣляется денежная пеня до 50 рублей за всякое неисполненіе обязательнаго постановленія власти, если за таковое не опредѣлено закономъ особаго наказанія“. Если мы возьмемъ наше дѣйствительно дѣйствующее уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ и посмотримъ 137-ю статью (по прод. 1902 г.); то прочтемъ: „Дѣти, коимъ менѣе десяти лѣтъ

отъ роду, не подвергаются судебному пресѣдованію и опредѣленному въ законахъ наказанію“ и т. д. Если мы заглянемъ въ 137-ю статью Высочайше утвержденнаго уголовного уложенія, еще не вступившаго въ дѣйствіе; мы увидимъ слова: „Виновный въ нарушеніи правилъ о нейтралитетѣ, въ установленномъ порядкѣ обнародованныхъ, наказывается: заключеніемъ въ крѣпости“. Если мы раскроемъ проектъ уголовного уложенія, исправленный по заключеніямъ Особаго Присутствія Государственнаго Совѣта ¹⁾ въ 1901—1902 г. (выше с. 127—128.); то прочтемъ: „Виновный въ нарушеніи правилъ о нейтралитетѣ, въ установленномъ порядкѣ обнародованныхъ, наказывается: заключеніемъ въ крѣпости“. Гдѣ же въ самомъ дѣлѣ находится приведенная Н. С. Таганцевымъ 137-я статья мнимо дѣйствующаго уложенія? Ее содержитъ проектъ уголовного уложенія, исправленный по заключеніямъ Особаго Совѣщанія при Государственномъ Совѣтѣ ²⁾. Опасные примѣры выдачи статей этого проекта за статьи дѣйствующаго уложенія можно найти въ изобиліи и въ I-мъ, и во II-мъ томѣ разсматриваемаго сочиненія Н. С. Таганцева ³⁾.

Второе пересмотрѣнное и дополненное изданіе сочиненія Н. С. Таганцева подъ заглавіемъ „Русское уголовное право“ поражаетъ безпримѣрными превращеніями: дѣйствительно дѣйствующій уставъ о наказаніяхъ, дѣйствительно дѣйствующее уложеніе о наказаніяхъ преданы мнимою смерти, а проектъ уголовного уложенія, составленный Особымъ Совѣщаніемъ при Государственномъ Совѣтѣ, превращенъ въ уложеніе, и этому мнимому уложенію придано мнимое дѣйствіе. Въ предисловіи къ этому изданію (Рус. уг. право. Т. I. с. I—II.), Н. С. Таганцевъ и самъ даетъ нѣкоторыя указанія на то, какъ онъ поступилъ съ уложеніемъ и уставомъ о наказаніяхъ, только въ этихъ указаніяхъ нѣтъ исчерпывающей точности.

9. А. Э. К и с т я к о в с к і й — Элементарный учебникъ общаго

1) Уголовное уложеніе. Проектъ, исправленный по заключеніямъ Особаго Присутствія Государственнаго Совѣта. ст. 137. стр. 65.

2) Уголовное уложеніе. Проектъ, исправленный по заключеніямъ Особаго Совѣщанія. ст. 137. стр. 65.

3) Большія неожиданности получаютъ, напр., относительно статей 276-й, 453-й и 554-й на 786-й страницѣ I-го тома „Русскаго уголовного права“ Н. С. Таганцева, или относительно 7-го пункта 33-й статьи на 1062-й страницѣ II-го тома того же сочиненія, или относительно 71-й статьи на 1458-й страницѣ того же II-го тома; если мы, слѣдуя сочиненію Н. С. Таганцева, примемъ ихъ за статьи дѣйствующаго уложенія, а не за статьи проекта, исправленнаго по заключеніямъ Особаго Совѣщанія, какъ это есть въ дѣйствительности.

уголовнаго права. Общая часть. Томъ I. Кіевъ. 1875. Этотъ учебникъ напечатанъ въ Кіевѣ еще два раза: во 2-й разъ — въ 1882 г. и въ 3-й — въ 1891. Последнее изданіе носитъ слѣдующее заглавіе: Элементарный учебникъ общаго уголовнаго права съ подробнымъ изложеніемъ началъ русскаго уголовнаго законодательства. Часть общая. Третье изданіе, печатанное безъ перемѣнъ со второго А. Ѳ. Кистяковскаго. Кіевъ. 1891.

10. Н. Д. Сергѣевскій — Русское уголовное право. Посobie къ лекціямъ. Часть общая. Изданіе пятое съ дополненіями проф. А. А. Жижиленко. С.-Петербургъ. 1904. Предшествующія изданія этого учебника Н. Д. Сергѣевскаго, безъ всякихъ дополненій А. А. Жижиленко, напечатаны въ Петербургѣ въ 1887, 1890, 1896 и 1900 г.

11. С. Будзинскій — О преступленіяхъ въ особенности. Сравнительное изслѣдованіе. Москва. 1887.

12. Л. Е. Владиміровъ — Учебникъ русскаго уголовнаго права. Общая часть. Харьковъ. 1889.

13. И. Я. Фойницкій — Ученіе о наказаніи въ связи съ тюремнѣдніемъ. С.-Петербургъ. 1889. Печатаніе 2-го изданія этой книги начато въ 1903 г.

14. И. Я. Фойницкій — Курсъ уголовнаго права. Часть особенная. Посягательства личныя и имущественныя. 4-е изданіе. С.-Петербургъ. 1901. Предшествующія изданія этого курса напечатаны въ С.-Петербургѣ въ 1890, 1893 и 1900 г. Въ заглавіи первыхъ двухъ изданій стояло: „Посягательства на личность и имущество“.

15. Я. Г. Сѣверскій — Особенная часть русскаго уголовнаго права. Краткій обзоръ началъ отъ уложенія Царя Алексѣя Михайловича до уложенія о наказаніяхъ 1885 г. включительно. С.-Петербургъ. 1892 г.

16. В. В. Есиповъ — Очеркъ русскаго уголовнаго права. Часть общая. 2-е изданіе. Варшава. 1898. Первое изданіе этого очерка напечатано въ Варшавѣ въ 1894 г. Въ 1903 году начато печатаніе 3-го изданія этого очерка.

17. В. В. Есиповъ — Уголовное право. Часть особенная. Преступленія личныя и имущественныя. 2-е изданіе. С.-Петербургъ. 1899. Первое же изданіе этого учебника было сдѣлано въ Варшавѣ въ 1895 г. въ двухъ выпускахъ: Выпускъ I-й — „Преступленія личныя“ и выпускъ II-й — „Преступленія имущественныя“. — Преступленія противъ государства и общества. С.-Петербургъ. 1902.

18. В. В. Есиповъ — Уголовное уложеніе 1903 года, его характеръ и содержаніе. Варшава. 1903.

19. А. К. Вульфертъ — Лекціи по общей части уголовного права: курсъ, читанный въ Военно-Юридической Академіи въ 1894—1895 г. С.-Петербургъ. 1895.

20. А. К. Вульфертъ — Лекціи по особенной части русскаго уголовного права, читанныя въ военно-юридической академіи въ 1895 г. Издатели: Салатко-Петрище и Васильяновъ. С.-Петербургъ. 1896. — Лекціи по особенной части русскаго уголовного права, читанныя въ Военно-Юридической Академіи 1896 г. Ординарнымъ Профессоромъ А. К. Вульфертъ. Выпускъ второй. Издатель Сотникъ Д. Петровъ. С.-Петербургъ. 1897. — Лекціи по особ. части рус. уг. права, читанныя въ военно-юридической академіи въ 1897 г. Выпускъ 3-й. Издатель поручикъ В. Д. Тимашевъ. С.-Петербургъ. 1898. — Лекціи по особенной части русскаго уголовного права, читанныя въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Александровскомъ Лицеѣ въ 1898—99 году ординарнымъ профессоромъ Александровской Военно-Юридической Академіи А. К. Вульфертъ. С.-Петербургъ. 1899.

21. Л. С. Бѣлогриць-Котляревскій — Очерки курса русскаго уголовного права. Общая и особенная часть. Лекціи. На корешкѣ обложки этой книги напечатано: „Кіевъ. 1898 г.“, а на оборотѣ страницы заглавія — „Кіевъ. 1896“. Въ виду этихъ данныхъ открывается вопросъ, была ли напечатана въ 1898 г. вся эта книга или только ея обложка. Оставляя этотъ вопросъ открытымъ, я буду называть эту книгу изданіемъ 1896 или 1898 г. Первое изданіе „Очерковъ курса русскаго уголовного права“ проф. Л. С. Бѣлогриць-Котляревскаго было сдѣлано, несомнѣнно, въ Кіевѣ въ 1896 г. Въ 1903 году снова начато печатаніе этого учебника въ Кіевѣ подъ заглавіемъ: Учебникъ русскаго уголовного права Общая и особенная части Ординарнаго профессора Университета Св. Владиміра Л. С. Бѣлогриць-Котляревскаго.

22. Л. А. Бѣлявскій и А. Л. Рубиновскій — Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1885 года въ толкованіи юристовъ Практическое руководство для судебныхъ дѣятелей. С.-Петербургъ. 1902.

23. П. П. Пусторослевъ — Конспектъ лекцій по особенной части русскаго уголовного права. Выпускъ I. Введеніе. Преступленія и проступки противъ вѣры. Государственныя преступленія. Юрьевъ. 1902.

24. В. Д. Набоковъ — Элементарный учебникъ особенной части русскаго уголовного права. Выпускъ I. Книга I — Посягатель-

ства на блага тѣлесной личности. Книга II — Посягательства на имущественныя блага. С.-Петербургъ. 1903. Въ этомъ первомъ выпускѣ учебника нашъ дѣйствующій уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, и наше дѣйствующее уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ изложены авторомъ, вопреки дѣйствительности, въ видѣ законовъ, уже отмѣненныхъ и прекратившихъ свое дѣйствіе. Напротивъ, подъ именемъ дѣйствующаго уголовного уложенія авторъ излагаетъ въ первыхъ шестидесяти восьми изъ семидесяти четырехъ параграфовъ своего учебника проектъ уголовного уложенія, исправленный по заключеніямъ Особого Присутствія Государственного Совѣта въ 1901—1902 г. (выше с. 128.), а въ шести послѣднихъ параграфахъ (§§ 69—74) уголовное уложеніе 22 марта 1903 г., еще не вступившее въ дѣйствіе. На это сдѣланы нѣкоторыя указанія самимъ авторомъ въ его предисловіи къ своему учебнику (Элем. учебникъ. с. I—II.). Нельзя, однако, не замѣтить, что въ появленіи еще новаго учебника уголовного права съ превращеніями (выше с. 143—144.) нѣтъ ничего отраднаго. Въ области науки, въ области изслѣдованія истины нельзя отступать отъ дѣйствительности и даже съ оговоркой въ предисловіи излагать желаемое и ожидаемое въ видѣ настоящаго. Храмъ науки есть храмъ истины. Превратное изложеніе дѣйствительности — не наука.

25. Г. Г. Евангуловъ — Уголовное уложеніе. (Высочайше утвержденное 22 Марта 1903 г.). Текстъ закона съ очеркомъ основныхъ положеній и существенныхъ отличій его отъ дѣйствующаго законодательства и съ алфавитнымъ предметнымъ указателемъ. С.-Петербургъ. 1903.

26. А. К. фонъ-Резонъ — Уголовное уложеніе. Краткое изложеніе главныхъ положеній его въ сопоставленіи съ дѣйствующимъ правомъ. С.-Петербургъ. 1903.

§ 21. Дѣйствующее особенное уголовное право Россійской Имперіи, его виды (8), ихъ источники и внѣшнія формы воплощенія этихъ источниковъ.

Особенное уголовное право, дѣйствующее въ Россійской Имперіи, раздѣляется на восемь видовъ.

Первымъ видомъ особеннаго уголовного права въ Россійской Имперіи является русское военно-уголовное право.

Оно раздѣляется на двѣ вѣтви.

Первой вѣтвью русскаго военно-уголовнаго права служить русское военно-сухопутное уголовное право. Оно предназначено для русской арміи.

Первымъ русскимъ военно-уголовнымъ уложеніемъ для арміи является „Артикуль воинскій съ краткимъ толкованіемъ“, утвержденный Царемъ Петромъ I въ городѣ Данцигѣ 30 марта 1716 г. (См. выше с. 7 прим. 2; с. 87—88.).

Дѣйствующее русское военно-сухопутное уголовное право имѣть только одинъ источникъ — законъ.

Внѣшними формами воплощенія этого источника служатъ: „Воинскій уставъ о наказаніяхъ“, по изданію 1879 г. (выше с. 10 прим. 1.), и соотвѣтствующія дальнѣйшія узаконенія.

Вторую вѣтвь русскаго военно-уголовнаго права составляетъ русское военно-морское уголовное право. Оно предназначено для русскаго флота.

Первымъ русскимъ военно-уголовнымъ уложеніемъ для флота является „Книга V Устава Морского“, утвержденнаго Царемъ Петромъ I 13 января 1720 г. [П. С. З. (с. 1.). Т. VI. № 3485. Уставъ Морской. Книга V. — О Штрафахъ.].

Дѣйствующее русское военно-морское уголовное право имѣть только одинъ источникъ — законъ.

Внѣшними формами воплощенія этого источника служатъ: „Военно-морской уставъ о наказаніяхъ“, по изданію 1886 г. (выше с. 10 прим. 2.), и соотвѣтствующія дальнѣйшія узаконенія.

Второй видъ особеннаго уголовного права Россійской Имперіи составляетъ крестьянское уголовное право Россійской Имперіи.

Оно раздѣляется на пять вѣтвей.

Первую вѣтвь представляетъ крестьянское уголовное право, дѣйствующее въ тѣхъ мѣстностяхъ Россійской Имперіи, въ которыхъ введено „Положеніе о Земскихъ Участковыхъ Начальникахъ“ (выше с. 10 прим. 4.). Это положеніе введено въ сорока трехъ губерніяхъ Европейской Россіи. Оно введено въ губерніяхъ: Астраханской, Бессарабской, Виленской, Витебской, Владимірской, Вологодской, Воронежской, Вятской, Гродненской, Екатеринославской, Казанской, Калужской, Ковенской, Костромской, Курской, Минской, Могилевской, Московской, Нижегородской, Новгородской, Олонецкой, Оренбургской, Орловской, Пензенской, Пермской, Полтавской, Псковской, Рязанской, Самарской, Санктпетербургской, Саратовской, Симбирской, Смоленской, Ставропольской, Таврической, Тамбовской, Тверской, Тульской, Уфимской, Харьковской, Херсонской, Черниговской и Ярославской (Св. Зак. Т. IX. Особое приложеніе. Кн. III. Введеніе. ст. 1. — Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта 8 іюня 1903 г. о распространеніи законоположеній 12 іюля 1889 года на губерніи

Виленскую, Гродненскую и Ковенскую и объ ассигнованіи необходимых на сіе кредитовъ. Собр. уз. 1903. Отд. I. № 86. ст. 985.).

Единственнымъ источникомъ крестьянскаго уголовного права въ мѣстностяхъ, подчиненныхъ „Положенію о Земскихъ Участковыхъ Начальникахъ“, служитъ законъ.

Внѣшними формами воплощенія этого источника выступаютъ: 1) „Общее Положеніе о крестьянахъ“, по изданію 1902 г. [выше с. 10—11 и прим. 1 на с. 11.], и 2) „Сельскій судебный уставъ для государственныхъ крестьянъ“, по изданію 1857 г. [выше с. 11 прим. 2.]. Этотъ сельскій судебный уставъ очень устарѣлъ. Онъ былъ выработанъ въ тридцатыхъ годахъ прошлаго XIX-го вѣка, удостоился Высочайшаго утвержденія 23 марта 1839 г. и съ тѣхъ поръ не получилъ никакихъ существенныхъ измѣненій.

Второю вѣтвью служитъ крестьянское уголовное право, дѣйствующее въ тѣхъ мѣстностяхъ Европейской Россіи, „въ которыхъ не введено Положеніе о Земскихъ Участковыхъ Начальникахъ“ (выше с. 11 прим. 3.). Такихъ мѣстностей — пять, а именно — четыре губерніи: Архангельская (Св. Зак. Т. IX. Особое приложеніе. Кн. III. Вв. ст. 1. п. 5.), Волынская, Кіевская и Подольская (тамъ же ст. 1. п. 2.) и одна область — область Войска Донскаго (тамъ же ст. 1 п. 4.).

Единственнымъ источникомъ крестьянскаго уголовного права въ этихъ пяти мѣстностяхъ служитъ законъ.

Внѣшними формами воплощенія этого источника выступаютъ: 1) „Общее Положеніе о крестьянахъ“, по изданію 1902 г. [выше с. 11 прим. 4.], и 2) „Сельскій судебный уставъ для государственныхъ крестьянъ“, по изданію 1857 г. (выше с. 11 прим. 5.).

Третью вѣтвь составляетъ крестьянское уголовное право, дѣйствующее въ Черноморской губерніи и пяти Закавказскихъ: Бакинской, Елисаветпольской, Кутаисской, Тифлисской и Эриванской (Св. Зак. Т. IX. Особое приложеніе. Кн. I. Разд. V. ст. 390. — Кн. III. Вв. ст. 1. п. 3. — См. выше с. 11—12 прим. 6 на с. 11.).

Источникомъ этого права служитъ только законъ.

Внѣшними формами воплощенія этого источника являются: „Дополнительныя къ Общему Положенію о крестьянахъ правила“, по изданію 1902 г. (выше с. 11—12 прим. 1 на с. 12.).

Четвертую вѣтвь представляетъ крестьянское уголовное право, дѣйствующее въ тѣхъ мѣстностяхъ Сибири и Средней Азіи, въ которыхъ введено „Временное Положеніе о Крестьянскихъ Начальникахъ“ (выше с. 12 прим. 2—3.). Такихъ мѣстностей — одиннадцать: четыре губерніи и семь областей. Это — губерніи: Енисейская, Иркутская,

Тобольская и Томская въ Сибири¹⁾ и области: Забайкальская²⁾, Амурская и Приморская³⁾ въ Сибири и Акмолинская, Семипалатинская, Тургайская и Уральская⁴⁾ въ Средней Азіи.

Слѣдуетъ замѣтить, что Комиссія, Высочайше учрежденная при Намѣстникѣ Дальняго Востока для выработки проектовъ относительно желательныхъ преобразований, одобрила осенью 1903 г. проектъ переустройства Приморской области. По этому проекту Приморская область раздѣляется на двѣ области: на Приморскую и Камчатскую. Въ первую входятъ уѣзды: Хабаровскій и Южно-Уссурійскій, а во вторую — Удскій, Охотскій, Петропавловскій, Гижигинскій и Анадырскій и Командорскіе острова.

Законъ служить единственнымъ источникомъ крестьянскаго уголовного права въ мѣстностяхъ, подчиненныхъ „Временному Положенію о Крестьянскихъ Начальникахъ“.

Внѣшними формами воплощенія этого источника служить: 1) „Общее Положеніе о крестьянахъ“, по изданію 1902 г. [выше с. 12 прим. 4.], 2) „Дополнительныя къ Общему Положенію о крестьянахъ правила“, по изданію 1902 г. [выше с. 12 прим. 5.], и 3) „Сельскій судебный уставъ для государственныхъ крестьянъ“, по изданію 1857 г. [выше с. 12 прим. 6.).

Наконецъ, пятой вѣтвью является крестьянское уголовное право, дѣйствующее въ трехъ Прибалтійскихъ губерніяхъ: Лифляндской, Курляндской и Эстляндской (выше с. 12 прим. 7.).

Единственнымъ источникомъ этого уголовного права служить законъ.

Внѣшними формами воплощенія этого источника выступаютъ: 1) „Волостной судебный уставъ“, по изданію 1889 г. [выше с. 13 прим. 1.], съ соотвѣтствующими дальнѣйшими узаконеніями, и 2) „Положеніе о крестьянахъ Лифляндской Губерніи“ 1860 г. [выше с. 13 прим. 2.].

Третій видъ особеннаго уголовного права, дѣйствующаго въ Россійской Имперіи, составляетъ религіозно-уголовное право, дѣйствующее въ Россійской Имперіи.

Оно раздѣляется на шесть вѣтвей.

1) Св. Зак. Т. IX. Особое приложеніе. Кн. III. Вв. ст. 1 п. 7, а также Разд. VII. ст. 405.

2) Св. Зак. Т. IX. Особ. приложеніе. Кн. III. Вв. ст. 1 п. 7, а также Разд. VII. ст. 405 прим. 1.

3) Собр. уз. 1902. № 68 ст. 677.

4) Собр. уз. 1902. № 71 ст. 737.

Первой вѣтвью является церковно-уголовное право, дѣйствующее относительно православныхъ христіанъ въ Россійской Имперіи.

Оно имѣеть два источника: 1) законъ Россійской Имперіи и 2) правила православной церкви, одобренныя закономъ Россійской Имперіи (выше с. 13 прим. 4.).

Внѣшними формами воплощенія закона, служащаго источникомъ православнаго церковно-уголовнаго права въ Россійской Имперіи, выступаютъ: 1) „Уставъ Духовныхъ Консисторій“, по изданію 1883 г. [выше с. 13 прим. 4—5.], 2) „Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ“ [ст. 58 съ прим. 1, по прод. 1902 г.; 86.], 3) „Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ Мировыми Судьями“ [ст. 5.], и 4) „Уставъ Уголовнаго Судопроизводства“, по изданію 1892 г. [выше с. 13 прим. 7.].

Вторую вѣтвь представляетъ церковно-уголовное право, дѣйствующее относительно христіанъ римско-католическаго и армяно-католическаго исповѣданій въ Россійской Имперіи, третью — церковно-уголовное право, дѣйствующее относительно христіанъ евангелическо-лютеранскаго, евангелическо-аугсбургскаго и евангелическо-реформатскаго исповѣданій въ Россійской Имперіи, и четвертую — церковно-уголовное право, дѣйствующее относительно христіанъ армяно-грегоріанскаго исповѣданія въ Россійской Имперіи.

Церковно-уголовное право каждой изъ этихъ трехъ вѣтвей имѣеть два источника: 1) законъ Россійской Имперіи и 2) церковныя правила соотвѣтствующихъ исповѣданій, одобренныя закономъ Россійской Имперіи, а именно — церковныя правила римско-католическаго и армяно-католическаго исповѣданій — относительно второй вѣтви, церковныя правила евангелическо-лютеранскаго, евангелическо-аугсбургскаго и евангелическо-реформатскаго исповѣданій — относительно третьей вѣтви и церковныя правила армяно-грегоріанскаго исповѣданія — относительно четвертой (выше с. 14 прим. 1.).

Внѣшними формами воплощенія этого закона служатъ: 1) „Уставы Духовныхъ Дѣлъ Иностранныхъ Исповѣданій“, по изданію 1896 г. [выше с. 14 прим. 2.], съ соотвѣтствующими дальнѣйшими узаконеніями, 2) „Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ“ [ст. 58 съ прим. 1, по прод. 1902; 86.], 3) „Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ Мировыми Судьями“ [ст. 5.], и 4) „Уставъ Уголовнаго Судопроизводства“ [ст. 1016; 1028; 1029.].

Пятою вѣтвью является религіозно-уголовное право, дѣйствующее относительно магометанъ въ Россійской Имперіи.

Оно имѣеть два источника: 1) законъ Россійской Имперіи и

2) правила магометанской вѣры, одобренныя закономъ Россійской Имперіи (выше с. 14 прим. 3.).

Внѣшними формами воплощенія этого закона выступаютъ: 1) „Уставы Духовныхъ Дѣлъ Иностранныхъ Исповѣданій“, по изданію 1896 г. [выше с. 14—15 прим. 1 на с. 15.], 2) „Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ“ [ст. 1585 съ прим.] и 3) „Уставъ Уголовнаго Судопроизводства“ [ст. 1028.].

Наконецъ, шестой вѣтвью служитъ религіозно-уголовное право, дѣйствующее относительно лицъ, исповѣдующихъ ламайскую вѣру въ Россійской Имперіи.

Это право имѣетъ два источника: 1) законъ Россійской Имперіи и 2) правила ламайской вѣры, одобренныя закономъ Россійской Имперіи (выше с. 15 прим. 2.).

Внѣшними формами воплощенія этого закона являются: 1) „Уставы Духовныхъ Дѣлъ Иностранныхъ Исповѣданій“, по изданію 1896 г. [выше с. 15 прим. 3.] и 2) „Уставъ Уголовнаго Судопроизводства“ [ст. 1028.].

Четвертый видъ особеннаго уголовного права, дѣйствующаго въ Россійской Имперіи, представляетъ инородческое уголовное право, т. е. обычное право нѣкоторыхъ некультурныхъ инородческихъ племенъ Россійской Имперіи, напр., самоѣдовъ, чукчей, дѣйствующее съ разрѣшенія закона Россійской Имперіи въ узаконенныхъ предѣлахъ (выше с. 15—16 прим. 4.; с. 94—95 съ прим. 2 на с. 94.).

Источникомъ этого права служитъ обычай, одобренный закономъ Россійской Имперіи (выше с. 15—16 прим. 4; с. 94 прим. 2.).

Пятый видъ особеннаго уголовного права составляетъ уголовное право, дѣйствующее относительно каторжныхъ и ссыльно-поселенцевъ въ Россійской Имперіи.

Оно имѣетъ только одинъ источникъ — законъ.

Этотъ источникъ воплощается въ „Уставъ о ссыльныхъ“, по изданію 1890 г. (выше с. 16 прим. 1.), съ соответствующими дальнѣйшими узаконеніями.

Шестымъ видомъ особеннаго русскаго уголовного права является русское финансово-уголовное право.

Оно раздѣляется на двѣ вѣтви.

Первую вѣтвь составляетъ русское акцизно-уголовное право.

Оно имѣетъ только одинъ источникъ — законъ.

Этотъ источникъ воплощается въ „Сводъ Уставовъ объ Акцизныхъ Сборахъ“, по изданію 1901 г. (выше с. 16 прим. 2.), съ соответствующими дальнѣйшими узаконеніями.

Вторую вѣтвь образуетъ русское таможенно-уголовное право.

Оно имѣетъ также только одинъ источникъ — законъ.

Этотъ источникъ воплощается въ „Сводѣ Учрежденій и Уставовъ Таможенныхъ“, по изданію 1892 г. (выше с. 16—17 и прим. 1 на с. 17.), съ соответствующими дальнѣйшими узаконеніями.

Седьмой видъ особеннаго уголовного права, дѣйствующаго въ Россійской Имперіи, представляетъ уголовное право, дѣйствующее въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ¹⁾, составляющемъ обособленную

1) Конституція Финляндіи [Précis du droit public du grand duché de Finlande par L. Mechain, membre du sénat impérial de Finlande, ancien professeur de droit à l'université d'Helsingfors] переведена и дополнена примѣчаніями по русскимъ документамъ К. Ординамъ. С.-Петербургъ. 1888. — К. Ординъ. — Покореніе Финляндіи. С.-Петербургъ. Тома I и II. С.-Петербургъ. 1889. Императорскою Академіею Наукъ удостоено преміи Митрополита Макарія. — Рих. Даниельсонъ — Соединеніе Финляндіи съ Россійскою Державою. По поводу сочиненія К. Ордина „Покореніе Финляндіи“. Переводъ. Гельсингфорсъ. 1890. — Н. М. Коркуновъ — Финляндское Великое Княжество. Юридическая Лѣтопись. 1890. № 4. с. 317—329. — Э. Еленевъ — Финляндскій современный вопросъ по русскимъ и финляндскимъ источникамъ. С.-Петербургъ. 1891. — Н. М. Коркуновъ — Финляндскій сеймъ. Юрид. Лѣтопись. С.-Петербургъ. 1891. № 1. с. 3—16. — Н. С. Таганцевъ — Высочайшій манифестъ 1/13 декабря 1890 г. и финляндское уголовное уложеніе. Юрид. Лѣтопись. 1891 г. № 2. с. 97—146. — Н. М. Коркуновъ — Русское государственное право. Томъ I. Введеніе и общая часть. С.-Петербургъ. 1893. с. 141—153. — Э. Еленевъ — Ученіе о финляндскомъ государствѣ. С.-Петербургъ. 1893. — Geschichte der europäischen Staaten. Herausgegeben von X. H. L. Heeren, F. A. Ukert, W. v. Giesebrecht und K. Lamprecht. Geschichte Finlands. Von M. G. Schybergson. Deutsche Bearbeitung von Fritz Arpheim. Gotha 1896. — В. В. Ивановскій — Русское государственное право. Томъ I. Верховная власть и ея органы. Выпускъ 5-й. Мѣстныя установленія окраинъ. Финляндія. Царство Польское. Кавказъ. Туркестанъ. Сибирь. 1897. Казань. § 53. Государственныя установленія Финляндіи. с. 304—327. — Финляндія. Изданіе О. Н. Поповой. Подъ редакціей Д. Протопопова. С.-Петербургъ. 1898. Это сборникъ статей различныхъ авторовъ. — Frantz Despagnet — La question finlandaise au point de vue juridique. Paris. 1900. — La constitution du Grand-Duché de Finlande. Recueil des lois fondamentales et autres actes officiels qui déterminent ou éclaircissent la situation politique du Grand-Duché avec un aperçu du développement historique du droit public de la Finlande et un commentaire aux lois fondamentales de 1772 et de 1789. Paris. 1900. Этотъ сборникъ безъ обозначенія имени автора составленъ, какъ видно изъ предисловія редакціоннаго комитета (р. 5.), финляндскими юристами, но какими именно, не сказано. — Э. Н. Берендтсъ — Объ источникахъ финляндскаго права. Ж. М. Ю. 1901. № 10. с. 121—140. — М. Бородкинъ. — Финляндія въ русской печати. Матеріалы для библиографіи. С.-Петербургъ. 1902. — Н. Д. Сергѣевскій — Къ вопросу о финляндской автономіи и основныхъ законахъ. С.-Петербургъ. 1902. — Н. С. Таганцевъ — Русское уголовное право. Лекціи 2-е изданіе. Часть общая. Томъ I. с. 246—252. — Л. Мехелинъ — Къ вопросу о финляндской автономіи и основ-

часть Россійской Имперіи, или, короче сказать, финляндское уголовное право.

Признаніе финляндскаго уголовного права однимъ изъ видовъ особеннаго уголовного права, дѣйствующаго въ Россійской Имперіи, имѣетъ свое основаніе въ томъ, что Великое Княжество Финляндское составляетъ не государство, соединенной личной или реальной уніей съ Россійской Имперіей, но лишь обособленную часть Россійской Имперіи, надѣленную по волѣ русскихъ Императоровъ участіемъ населенія этой окраины въ ея мѣстномъ управленіи, въ ея мѣстномъ отправленіи правосудія и въ ея мѣстномъ законодательствѣ¹⁾.

Въ самомъ дѣлѣ, Финляндія до приобрѣтенія ея Россією принадлежала Швеціи и составляла шведскую провинцію, получившую съ 1581 г. почетный титулъ Великаго Княжества. Шведское конституціонное государственное устройство распространялось не только на Швецію, но и на Финляндію. Населеніе Финляндіи точно также, какъ и Швеціи, посылало представителей отъ cadaго изъ четырехъ своихъ сословій, а именно — отъ дворянства, духовенства, горожанъ и крестьянъ въ Государственный Сеймъ или въ Риксдагъ въ Стокгольмъ и при посредствѣ этихъ представителей принимало участіе въ законодательной дѣятельности Шведскаго Королевства. Въ концѣ XVIII-го столѣтія и началѣ XIX-го государственное конституціонное устройство Шведскаго Королевства съ шведской Финляндіей включительно опредѣлялось главнымъ образомъ двумя шведскими законами. Одинъ изъ нихъ извѣстенъ подъ именемъ „Формы Правленія“. Онъ утвержденъ Шведскимъ Королемъ Густавомъ III и Государственными Чинами въ

ныхъ законахъ. Критика брошюры Н. Д. Сергѣевского. Переводъ съ шведскаго. Берлинъ. 1903. — П. Ш и л о в с к і й — Акты, относящіяся къ политическому положенію Финляндіи. С.-Петербургъ. 1903.

1) Вопросъ объ отношеніи Великаго Княжества Финляндскаго къ Россійской Имперіи вызываетъ большіе споры, нерѣдко доходящіе до утраты спорящими спокойной оцѣнки дѣйствительнаго значенія фактовъ. Желаящій познаться съ этими спорами найдетъ ихъ въ литературѣ, указанной мною выше въ примѣчаніи I на с. 153. Я же, не входя въ изложеніе этихъ споровъ, излагаю то рѣшеніе спорнаго вопроса, которое, по моему мнѣнію, по имѣющимся доказательствамъ, наиболѣе соотвѣтствуетъ фактамъ дѣйствительности.

Указывая въ своихъ лекціяхъ виды особеннаго уголовного права, дѣйствующаго въ Россійской Имперіи, я всегда относилъ къ числу ихъ и уголовное право, дѣйствующее въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ, составляющемъ особую часть Россійской Имперіи, но никогда не приводилъ основаній своего взгляда. Если бы кто-нибудь изъ слушателей пожелалъ узнать эти основанія; я могъ бы тотчасъ

Стокгольмъ 21-го августа 1772 г. Другой же законъ называется „Актомъ Соединенія и Безопасности“. Онъ утвержденъ Шведскимъ Королемъ Густавомъ III и Государственными Чинами въ Стокгольмѣ 21-го февраля и 3-го апрѣля 1789 г.¹⁾

Финляндія была приобрѣтена Россіей отъ Швеціи не сразу, а по частямъ, посредствомъ упорныхъ кровопролитныхъ войнъ Петра Великаго, Елисаветы и Александра I²⁾.

Это настойчивое стремленіе Россіи къ приобрѣтенію Финляндіи вызывалось различными потребностями. Во главѣ ихъ стояло двѣ. Одна заключалась въ томъ, чтобы обезпечить русскому народу возможность широкихъ безопасныхъ сношеній съ Западной Европой по Балтійскому морю и въ особенности по его Финскому заливу. А вторая состояла въ томъ, чтобы избавить Россію, а въ особенности ея новую столицу, Петербургъ, отъ близкаго сосѣдства съ стариннымъ испытаннымъ врагомъ, съ шведскимъ государствомъ, отодвинуть подальше шведскую границу и въ концѣ концовъ на большомъ разстояніи отдѣлиться отъ Швеціи Балтійскимъ моремъ³⁾.

дать объясненія. Печатая же въ настоящее время извлеченіе изъ своихъ лекцій и дѣлая ихъ достояніемъ публики, я считаю необходимымъ, во избѣжаніе недоразумѣній, высказать свой взглядъ и привести его основанія.

1) Ординъ — Покореніе Финляндіи. Т. II. Приложенія. с. 27—42 № 61 (Шведская конституція. — Образъ правленія утвержденный Его Королевскимъ Величествомъ и чинами Государства Швеціи 21-го августа 1772 года.); с. 43—46 № 62 (Шведская конституція. Утвержденный его королевскимъ величествомъ и государственнымъ чинами актъ соединенія и безопасности, отъ 21-го февраля и 3-го апрѣля 1789 года.); с. 46—47 № 63 (Шведская конституція. Его королевскаго (еличества увѣреніе, данное вѣрнымъ подданнымъ его и всѣмъ сословіямъ государства 21-го апрѣля 1772 г.). — *La constitution du Grand-Duché de Finlande*, p. 9—18; 41—72. — Сергѣевскій — Къ вопросу о финляндской автономіи. Приложенія. с. 61—82 (Приложеніе 3-е. — Форма Правленія 1772 года.); с. 83—88 (Приложеніе 4-е. — Актъ соединенія и безопасности 1789 г.). — Мехелинъ — Къ вопросу о финляндской автономіи. с. 44; 76; 162—164. — Шиловскій — Акты. с. 3; 16—76.

2) Война Россіи съ Швеціей изъ-за Финляндіи при Императрицѣ Екатеринѣ II не дала Россіи новыхъ поземельныхъ приобрѣтеній въ Финляндіи. Россія сохранила за собой лишь тѣ части Финляндіи, которыя были уже завоеваны и присоединены къ Россіи Петромъ Великимъ и Елисаветой. Про эти войны Петра Великаго, Елисаветы, Екатерины II и Александра I Шиловскій (Акты. с. 2.) и говоритъ, что „150,000 человѣкъ числятся выбывшими изъ строя русскихъ войскъ за эти четыре войны“.

3) Французскій Императоръ Наполеонъ I, какъ геніальный полководецъ, сразу понялъ необходимость приобрѣтенія Финляндіи Россією съ точки зрѣнія военныхъ интересовъ Россіи и отмѣтилъ это Императору Александру I еще до начала его войны съ Швеціей. На это указываетъ проектъ письма, собственноручно написанный Императоромъ Александромъ I въ мартѣ 1808 года Императору Наполеону I

Царь Петръ Великій отвоевалъ отъ Швеціи и присоединилъ къ русскому государству, по Ништатскому договору 1721 г.¹⁾, часть юго-восточной шведской Финляндіи, а именно — часть Кареліи и Выборгскій округъ съ городомъ Выборгомъ.

Императрица Елисавета, въ свою очередь, отвоевала отъ Швеціи и присоединила къ Россійской Имперіи, по Абоскому договору 1743 г.²⁾, другую часть юго-восточной шведской Финляндіи, а именно — Кюменгорскую провинцію и Нейшлотскій округъ съ городомъ и крѣпостью Нейшлотъ.

По докладу Сената, утвержденному Императрицей Елисаветой 14 января 1744 г.³⁾, часть шведской Финляндіи, присоединенная къ Россіи Царемъ Петромъ Великимъ, и часть, присоединенная самой Императрицей Елисаветой, соединены вмѣстѣ въ одну губернію и названы „Выборгской Губерней“.

о покореніи и присоединеніи шведской Финляндіи къ Россіи. Въ этомъ проектѣ Императоръ Александръ I между прочимъ пишетъ : „j'ai déclaré la Finlande Suédoise province Russe. Comme Votre Majesté l'a très bien jugé, la sûreté de ma capitale l'exigeoit“ (Я объявилъ Шведскую Финляндію Русской провинціей. Этого требовала безопасность моей столицы, какъ Ваше Величество очень хорошо это разсудили.). Проектъ этого письма напечатанъ г. Ординымъ какъ въ приложеніи къ сочиненію г. Мехелина (Mehelin — конституція Финляндіи [Précis] переведена К. Ординымъ. Приложение. с. 131—132.), такъ и въ сочиненіи „Покореніе Финляндіи“ (Т. II. с. 92.). „Подлинный проектъ, говоритъ г. Ординъ (Т. II. с. 92. прим. 1.), писанъ Александромъ Павловичемъ карандашемъ и находится въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, № 10“. Я привожу эту фразу по тексту приложенія г. Ордина къ вышеозначенному сочиненію г. Мехелина (с. 131.).

1) П. С. З. (с. 1.). Т. VI. № 3819. Трактатъ, заключенный на конгрессѣ въ Ништатѣ уполномоченными Министрами: съ Россійской Генераломъ-Фельдцейгмейстеромъ Графомъ Брюсомъ и Канцеляріи Совѣтникомъ Остерманомъ, а съ Шведской Лиліенштетомъ и барономъ Штремфельтомъ 30 августа 1721 года о вѣчномъ мирѣ между обоими Государствами. п. 4. — П. С. З. (с. 1.). Т. XI. № 8766. Ратификація Ея Императорскаго Величества 7 августа 1743 года на трактатъ вѣчнаго мира, заключенный съ Его Королевскимъ Величествомъ и Государствомъ Шведскимъ въ Абовѣ. п. 4.

2) П. С. З. (с. 1.). Т. XI. № 8748. Актъ увѣрительный постановляемаго между Россією и Шведскою Короною вѣчнаго мира, учиненный въ Абовѣ на Конгрессѣ чрезъ Министровъ Россійскихъ Генераль-Аншефа Румянцева и Любераса и Шведскихъ Барона Цедеркрейца и Секретаря Нолкена 16 іюня 1743 года. п. 2. — П. С. З. (с. 1.). Т. XI. № 8766. Ратификація Ея Императорскаго Величества 7 августа 1743 года на трактатъ вѣчнаго мира, заключенный . . . въ Абовѣ. п. 5.

3) П. С. З. (с. 1.). Т. XII. № 8856. Высочайше утвержденный докладъ Сената 14 генваря 1744 года объ учрежденіи Губерніи въ новозавоеванной Финляндіи, съ присовокупленіемъ къ ней Выборгской и Кексгольмской провинцій и т. д. Пункты: 1, 2 и 3.

13 декабря 1802 г. эта „Выборгская Губернія“, по указу Императора Александра I¹⁾, переименована въ „Финляндскую Губернію“.

Въ февраль 1808 г. началась война между Россіей и Швеціей.

6-го (18-го) февраля 1808 года главнокомандующій русской арміей графъ Буксгевденъ, по волѣ русскаго Императора Александра I, издалъ въ Фридрихсгамѣ прокламацію къ жителямъ шведской Финляндіи на шведскомъ и финскомъ языкѣ²⁾. Въ этой прокламаціи русскій главнокомандующій объявилъ населенію шведской Финляндіи, что, по волѣ русскаго Императора Александра, русскія войска вступятъ въ шведскую Финляндію и займутъ ее, что „Великое Княжество Финляндское отнынѣ и далѣе почитаться будетъ наравнѣ съ прочими завоеванными Россійской Имперіей областями, кои при кроткомъ правленіи предковъ Его Императорскаго Величества пользовались и теперь еще подъ скипетромъ Его пользуются благополучнымъ спокойствіемъ и сохраненіемъ своихъ привилегій, свободнаго вѣроисповѣданія, вольностей, правъ и другихъ преимуществъ“ и что жители шведской Финляндіи приглашаются „прислать депутатовъ . . . изъ каждой провинціи по узаконенному и при обыкновенныхъ сеймахъ наблюдаемому порядку“ . . . „въ городъ Абовъ для совѣщанія о всемъ, что ко благу вашей земли учинено быть можетъ“³⁾.

9-го (21-го) февраля 1808 г. русскія войска подъ начальствомъ графа Буксгевдена дѣйствительно вступили въ шведскую Финляндію и началась война⁴⁾.

До 6-го апрѣля 1808 г. русскіе побѣдоносно шли впередъ въ своихъ завоеваніяхъ и заняли почти всю шведскую Финляндію⁵⁾.

Въ это время побѣдъ, въ мартѣ мѣсяцѣ 1808 года Императоръ

1) П. С. З. (с. 1.). Т. XXVII. № 20552. Именной указъ Сенату 13 декабря 1802 года о переименованіи Выборгской Губерніи Финляндскою.

2) Даніельсонъ — Соединеніе Финляндіи. с. 48—49. — Schybergson — Geschichte Finlands. S. 477—478.

3) Русскій переводъ прокламаціи графа Буксгевдена напечатанъ К. Ординымъ въ сочиненіи „Покореніе Финляндіи“ (Т. II. с. 20—23.). Объ этой прокламаціи говоритъ и Schybergson (Geschichte Finlands. S. 477—478.).

4) Ординъ — Покореніе Финляндіи. Т. I. с. 374—375. — Schybergson — Geschichte Finlands. S. 477. — Шиловскій — Акты. с. 116; 125. — Описаніе войны между Россіей и Швеціей въ 1808 г. находится въ сочиненіяхъ Ордина и Шибергсона. Ординъ — Покореніе Финляндіи. Т. I. Глава X — „Шведская кампанія 1808 г.“. с. 370—414. — Schybergson — Geschichte Finlands. S. 477—508.

5) Ординъ — Покореніе Финляндіи. Т. I. с. 374—380. — Schybergson — Geschichte Finlands. S. 477—483. — Шиловскій — Акты. с. 116.

Александръ I объявилъ иностраннымъ Государствамъ ¹⁾ и Россіи ²⁾ о покореніи Финляндіи и присоединеніи ея къ Россійской Имперіи навсегда. Въ это же время велѣно Императоромъ Александромъ I привести жителей присоединенной Финляндіи къ присягѣ на подданство російскому престолу.

Съ 15 апрѣля 1808 г. счастье перешло на сторону шведовъ. Русскіе стали терпѣть пораженія и отступать, теряя только что завоеванныя мѣстности. Тогда населеніе сѣверной и средней Финляндіи поднялось противъ русскихъ, и началась партизанская война. Нѣсколько мелкихъ побѣдъ русскаго оружія не поправили труднаго положенія русскихъ войскъ. Такъ шло дѣло до 9-го (21-го) августа 1808 г. ³⁾.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1808 г., въ промежутокъ времени, отмѣченный неудачами и отступленіемъ русскихъ войскъ подъ напоромъ шведской арміи и возставшихъ финляндцевъ, произошло приведеніе жителей только что присоединенной южной и средней Финляндіи къ присягѣ на вѣрность престолу Россійской Имперіи ⁴⁾. А 5-го (17-го) іюня 1808 года Императоръ Александръ I издалъ манифестъ вѣрноподаннымъ обывателямъ новоприсоединенной Финляндіи. Въ этомъ манифестѣ Императоръ Александръ I выражалъ жителямъ новоприсоеди-

1) П. С. З. (с. 1.). Т. XXX. № 22899. Декларация 16 марта 1808 года о разрывѣ мира со Швеціею: . . . „Его Императорское Величество возвѣщаетъ всѣмъ Державамъ Европейскимъ, что отнынѣ часть Финляндіи, которая доселѣ именовалась Шведскою, и которую войска Россійскія не иначе могли занять, какъ выдержавъ разныя сраженія, признается областію, Россійскимъ оружіемъ покоренною, и присоединяется навсегда къ Россійской Имперіи“. Въ собственноручномъ проектѣ письма французскому Императору Наполеону I объ этомъ покореніи и присоединеніи шведской Финляндіи къ Россіи Императоръ Александръ I между прочимъ пишетъ: „j'ai déclaré la Finlande Suédoise province Russe. Comme Votre Majesté l'a très bien jugé, la sûreté de ma capitale l'exigeoit“. См. выше с. 155 прим. 3.

2) П. С. З. (с. 1.). Т. XXX. № 22911. Манифестъ 20 марта 1808 года о покореніи Шведской Финляндіи и о присоединеніи оной навсегда къ Россіи: . . . „Войска наши . . . повсюду встрѣчая непріятели и храбро поражая его, овладѣли и заняли всю почти Шведскую Финляндію.

Страну сію, оружіемъ Нашимъ такимъ образомъ покоренную, Мы присоединяемъ отнынѣ навсегда къ Россійской Имперіи, и вслѣдствіе того повелѣли Мы принять отъ обывателей ея присягу на вѣрное Престолу Нашему подданству“.

3) Ординъ — Покореніе Финляндіи. Т. I. с. 380—388. — Schuybergson — Geschichte Finlands. S. 483—504. — Шиловскій — Акты. с. 116—117.

4) Ординъ — Покореніе Финляндіи. Т. II. с. 109—125. — Даниельсонъ — Соединеніе Финляндіи. с. 56—61 (присяга финляндцевъ и принужденіе къ ней русскими). — Schuybergson — Geschichte Finlands. S. 491 (Шиббергсонъ говоритъ, что русскіе принудили финляндцевъ къ присягѣ угрозами тяжкихъ наказаній). — Шиловскій — Акты. с. 132—133.

ненной Финляндіи свое удовольствіе по поводу принесенія ими присяги „на вѣрное и вѣчное ихъ Скипетру Россійскому подданство“, рѣшительно подтверждалъ, что Финляндія присоединена къ Россійской Имперіи безповоротно навсегда, предостерегаль ихъ отъ искушеніи перехода на сторону шведовъ и призываль къ твердой и непоколебимой преданности относительно Россіи. „Вѣрные обыватели Финляндіи!“ говорилъ въ заключеніе манифестъ ¹⁾ — „Будьте тверды и непоколебимы въ преданности вашей къ Россіи. Слово Наше о сохраненіи васъ въ единствѣ есть непреложно; и Мы всегда Императорскою Нашею милостію пребудемъ вамъ благосклонны“.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1808 г. русскія войска, получивъ подкрѣпленія, двинулись впередъ; 9-го (21-го) августа одержали побѣду въ небольшой, но упорной стычкѣ при Карстулѣ и послѣ ряда блестящихъ побѣдъ графа Каменскаго завладѣли 2-го (14-го) декабря 1808 г. всей шведской Финляндіей, за исключеніемъ Аландскихъ острововъ ²⁾. Въ декабрѣ 1808 г. остатки шведскихъ войскъ и три тысячи фин-

1) Собраніе постановленій финляндскихъ. Томъ I. Узаконенія, обнародованныя на русскомъ языкѣ. Съ дополненіями. 1808—1839. Санктпетербургъ. 1902. По распоряженію Предсѣдателя Высочайше учрежденной 6 Апрѣля 1899 года при Государственной Канцеляріи Временной Коммиссии для составленія свѣдѣній по финляндскимъ законамъ и для систематизаціи финляндскихъ законовъ вообще. Царствованіе Государя Императора Александра Перваго. 1808. 1. — Юня 5. Высочайшій Его Императорскаго Величества Манифестъ. — О присоединеніи Великаго Княжества Финляндскаго къ Россіи (Приб. къ Улож. Финл., Спб., 1827 г., с. 230; Плас., I, р. 9): . . . „Въ чредѣ народовъ, Скипетру Россійскому подвластныхъ и единую Имперію составляющихъ, обыватели новоприсоединенной Финляндіи съ сего времени воспріали навсегда свое мѣсто. Отъ сего великаго состава противу воли и предопредѣленій Вышняго ничто отторгнуть ихъ не можетъ. То же самое Провидѣніе, которое споспѣшествовало храброму воинству Нашему въ обладаніи сея страны, будетъ покровительствовать Намъ въ неразрывномъ ея соблюденіи.“

Обыватели Финляндіи! Да запечатлѣются истины сіи неизгладимо въ сердцахъ вашихъ. Подъ сѣнію Престола Нашего покоятся многочисленныя народы; судьбы ихъ равно сердцу Нашему драгоцѣнны; вступивъ въ составъ Имперіи Нашей, вы пріобрѣли тѣмъ самымъ равныя права съ ними. Сверхъ древнихъ установленій, странъ вашей свойственныхъ и свято Нами хранимыхъ, новое поле вашей дѣятельности и трудолюбію открывается . . . Приверженность, единство и непоколебимая вѣрность есть единое возмездіе, коего Мы за все сіе отъ васъ требуемъ и ожидаемъ несомнѣнно . . .

Вѣрные обыватели Финляндіи! Будьте тверды и непоколебимы въ преданности вашей къ Россіи. Слово Наше о сохраненіи васъ въ единствѣ есть непреложно; и Мы всегда Императорскою Нашею милостію пребудемъ вамъ благосклонны“.

2) Ординъ — Покореніе Финляндіи. Т. I. с. 388—402; 412—414. — Schuybergson — Geschichte Finlands. S. 503—508. — Шилевскій — Акты. 117

скихъ согласно конвенціи, заключенной графомъ Каменскимъ 7-го (19-го) ноября въ Олькіоки, покинули Финляндію и ушли въ Швецію ¹⁾).

28-го февраля (10-го марта) 1809 г. отрядъ русской арміи подъ начальствомъ князя Багратіона двинулся по льду къ Аланскимъ островамъ. Между тѣмъ 1-го (13-го) марта шведскій Король Густавъ IV былъ свергнутъ съ престола, а затѣмъ Правителемъ Шведскаго Королевства былъ провозглашенъ дядя Густава IV, герцогъ Карль Зюдерманландскій ²⁾). Узнавъ о сверженіи Густава и приближеніи русскихъ войскъ, начальникъ шведскаго отряда на Аландскихъ островахъ фонъ Дёбельнъ послѣ неудачныхъ переговоровъ съ русскими о перемиріи, быстро отступилъ съ своимъ отрядомъ по льду въ Швецію. Начальникъ русскаго авангарда Кульневъ, не теряя времени, бросился за нимъ въ погоню и уже 8-го (20-го) марта очутился въ Швеціи въ Гриссельгамѣ въ ста верстахъ отъ столицы Швеціи, Стокгольма.

9-го (21-го) марта 1809 г. было заключено между Россіей и Швеціей перемиріе.

Между тѣмъ начальникъ другого русскаго отряда Барклай де Толли, въ свою очередь перейдя по льду Ботаннческой заливъ, вышелъ на шведскій берегъ близъ Умео, гдѣ стоялъ отрядъ финскихъ войскъ въ 1000 человекъ подъ начальствомъ Кронстедта. Находя себя не въ силахъ бороться съ русскими, Кронстедтъ рѣшился вступить въ соглашеніе съ ними. Ничего не зная о заключеніи общаго перемирія 9-го (21-го) марта 1809 г., противники того же числа заключили соглашеніе. На основаніи этого соглашенія, Кронстедтъ сдалъ Умео русскимъ и отступилъ съ своимъ отрядомъ, безъ боя.

Начальникъ третьяго русскаго отряда графъ Шуваловъ также двинулся въ Швецію, но обыкновеннымъ, сухимъ путемъ, и приблизился къ послѣднему значительному отряду шведско-финскихъ войскъ, стоявшему въ числѣ трехъ тысячъ человекъ, при Каликсѣ, подъ начальствомъ шведскаго генерала Гриппенберга. Получивъ извѣстіе о заключеніи соглашенія между Кронстедтомъ и Барклаемъ де Толли, генералъ Гриппенбергъ созвалъ военный совѣтъ и, согласно рѣшенію военнаго совѣта, 13-го (25-го) марта 1809 г. заключилъ въ Сейвисѣ въ Швеціи договоръ о сдачѣ съ графомъ Шуваловымъ. Согласно

1) Ординъ — Покореніе Финляндіи. Т. I. с. 401; 414. — Schybergson — Geschichte Finlands. S. 506—507. — La constitution du Grand-Duché de Finlande p. 21. — Шиловскій — Акты с. 134.

2) 25-го мая (6-го іюня) 1809 года Правитель Шведскаго Королевства Карль былъ провозглашенъ Шведскимъ Королемъ. Онъ царствовалъ подъ именемъ Карла XIII.

этому договору, отрядъ Гrippенберга долженъ былъ сдать свое оружіе русскимъ, а солдаты и офицеры должны были быть распущены по домамъ подъ честнымъ словомъ не поднимать оружія противъ Россіи. Только черезъ нѣсколько дней по заключеніи этого договора пришло извѣстіе объ общемъ перемиріи. Многіе изъ отряда Гrippенберга не хотѣли было сдавать оружія, но графъ Шуваловъ настоялъ на исполненіи своего договора и отобралъ оружіе.

Въ это время въ Швеціи было немного войскъ, финансы были крайне разстроены и продолжать войну противъ Россіи было трудно ¹⁾).

Во время этого почти безпомощнаго пребыванія Финляндіи въ рукахъ Россіи послѣдовало Высочайшее повелѣніе Императора Александра I 20-го января 1809 г. Этимъ повелѣніемъ предписывалось представителямъ сословій новоприсоединенной Финляндіи собраться, съ соблюденіемъ прежнихъ сеймовыхъ правилъ, 10 марта 1809 г. на Сеймъ въ городъ Борго для обсужденія тѣхъ предметовъ, которые Императору угодно будетъ предоставить на обсужденіе. Въ этомъ Высочайшемъ повелѣніи, написанномъ по-французски Императоръ Александръ I впервые называетъ новоприсоединенную Финляндію „le grand Duché de Finlande“ т. е. Великимъ Княжествомъ Финляндскимъ ²⁾).

1) Ординъ — Покореніе Финляндіи. Т. I. Гл. XI — „Компанія 1809 г.“. с. 415—428. — Schuybergson — Geschichte Finlands. S. 508—511. — Ш и л о в с к і й — Акты. 117.

2) Это Высочайшее повелѣніе не сохранилось въ подлинникѣ. Сохранился лишь проектъ этого повелѣнія, безъ начала и конца, на французскомъ языкѣ, съ собственноручной французской надписью М. М. Сперанскаго о Высочайшемъ подписаніи: „Signé par S. M. le 20 Janvier 1809 et expédié au général Sprengporten. Projet de lettre patente pour la convocation de la diète. Этотъ отрывокъ проекта напечатанъ по-французски Ординымъ въ сочиненіи „Покореніе Финляндіи“ (Т. II. с. 302—303.), согласно тексту, сохранившемуся въ бумагахъ М. М. Сперанскаго. Этотъ отрывокъ напечатанъ у Ордина въ слѣдующемъ видѣ: „Par les décrets de la Providence et les succès de Nos armes, le grand Duché de Finlande ayant été uni pour toujours à Notre Empire, le bien-être de ses habitants devient un des premiers objets de Notre sollicitude. Persuadés que pour atteindre à ce but salutaire tous les états de Finlande s'empresseront à Nous seconder de leurs efforts, Nous avons résolu conformément aux constitutions du pays de les réunir en diète, et en conséquence nous avons ordonné et l'ordonnons par ces présentes qu'une diète générale soit convoquée pour le dix du mois de mars de cette année dans la ville de Borgo. A cet effet les plénipotentiaires de tous les états s'y rendront de la manière prescrite dans les réglemens de diète pour discuter des objets que Nous trouverons bon de confier à leurs délibérations. — Donné à S-t Pétersbourg, le 20 Janvier 1809. Тотъ же отрывокъ проекта, но съ добавленіемъ начала и конца, по финляндскому изданію на шведскомъ языкѣ, напечатанъ въ русскомъ переводѣ Ш и л о в с к и мъ въ изданіи „Акты“ (с. 135—136.).

14-го (26-го) марта 1809 года Императоръ Александръ I прибылъ въ Ловизу, а на слѣдующій день состоялся торжественный въѣздъ Государя въ городъ Борго¹⁾.

15-го (27-го) марта 1809 года Императоръ Александръ I подписалъ „Грамоту“. Она написана и подписана по-русски, но не дошла до насъ ни въ подлинникѣ, ни современномъ ему официалномъ шведскомъ переводѣ²⁾. Текстъ же ея, напечатанный съ Высочайшаго соизволенія въ 1827 г. въ „Прибавленіи къ изданному по Высочайшему повелѣнію съ переводомъ на Россійскій языкъ Уложенію, существующему въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ“, изложенъ слѣдующимъ образомъ³⁾: „Произволеніемъ Всевышняго вступивъ въ обла-

1) Относительно событій, происшедшихъ въ городѣ Борго во время пребыванія Императора Александра I въ мартѣ мѣсяцѣ 1809 г. см. слѣдующую литературу: *Mechelin* — Конституція Финляндіи [Précis] переведена и дополнена примѣчаніями по рус. источникамъ К. Ординымъ. с. 11—13. — Ординъ — Покореніе Финляндіи. Т. II. с. 332—360. — Даніельсонъ — Соединеніе Финляндіи. с. 91—132. — Еленевъ — Ученіе о финляндскомъ государствѣ. с. 3—5. — *Schuybergson* — *Geschichte Finlands*. S. 533—538. — В. Скалонъ — Политическое положеніе Финляндіи и „Финляндскій вопросъ“. Финляндія. с. 34—35. — *La constitution du Grand-Duché de Finlande*. p. 23—25. — Шиловскій — Акты. с. 134—137; 138—142.

2) Шиловскій — Акты. с. 9. — „По свѣдѣніямъ Кастрена, говоритъ г. Ординъ (Покореніе Финляндіи. Т. II. с. 335 прим. 1.), и подлинникъ, и современный ему шведскій переводъ, сгорѣли въ Або, во время пожара“.

3) Собраніе постановленій финляндскихъ. Т. I. Узаконенія, обнародованныя на русскомъ языкѣ. Царствованіе Государя Императора Александра Перваго. 1809. 2. — Марта 15. Всемилостивѣйшій Его Императорскаго Величества Манифестъ объ утвержденіи правъ Великаго Княжества Финляндіи (Приб.къ Улож. Финл., Спб., 1827 г., с. 233; Плас., I, p. 19).

Эта грамота называется у финляндцевъ „Актомъ удостовѣренія“ (*Försäkrings-Act*) или „удостовѣреніемъ финляндской конституціи“. Официальный шведскій переводъ этой грамоты, какъ видно изъ русскаго перевода его и объясненій г. Шиловскаго (Акты. с. 9—10.), сильно отличается въ нѣкоторыхъ важныхъ отношеніяхъ отъ русскаго текста. Особенно важны три различія.

Во первыхъ, русское слово: „грамота“ переведено шведскимъ словомъ: „*Försäkrings-Act*“, а „*Försäkring*“, „*Försäkrings-Act*“ есть шведскій юридическій терминъ. Этимъ терминомъ, по объясненію г. Шиловскаго (Акты. с. 9.), „въ шведской исторіи называется тотъ актъ обязательственнаго характера, который при вступленіи на престолъ даютъ Сейму Короли, утверждая тѣмъ положенія, ограничивающія ихъ власть“.

Во вторыхъ, русскія слова: „коренные законы“ не составляютъ юридическаго термина и означаютъ такіе законы, которые слѣдуетъ считать основными или главными въ данное время въ законодательствѣ страны, а между тѣмъ эти слова переведены шведскимъ словомъ: „*Grundlagar*“, а это — опять шведскій юридическій

даніе Великаго Княжества Финляндіи, признали Мы за благо симъ вновь утвердить и удостовѣрить религію, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояніе сего Княжества въ особенности и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались, обѣщая хранить оныя въ ненарушимой и непреложной ихъ силѣ и дѣйствиі; во удостовѣреніе чего и сію Грамоту собственноручнымъ подписаніемъ Нашимъ утвердить благоволили. Въ городѣ Борго, Марта 15 дня 1809 года. На подлинномъ подписано Собственною Его Императорскаго Величества рукою тако: „АЛЕКСАНДРЪ“.

16-го (28-го) марта 1809 года Императоръ Александръ I открылъ въ Борго Сеймъ представителей сословіи новоприсоединенной Финляндіи т. е. представителей дворянства, духовенства, горожанъ и крестьянъ. Открывая Сеймъ, Императоръ произнесъ рѣчь на французскомъ языкѣ. Эта рѣчь не дошла до насъ ни въ особомъ оффициально удостовѣренномъ современномъ текстѣ, ни въ протоколѣ сегомоваго засѣданія. Она извѣстна лишь изъ списка, никѣмъ не подписаннаго и не удостовѣреннаго ¹⁾. По свидѣтельству этого списка,

терминъ. Онъ „означаетъ, по объясненію г. Шиловскаго (Акты. с. 9.), тѣ основные важные законы, проводимые по соглашенію Сейма съ Королемъ, которыми опредѣляется королевская власть и ея организациа; на современномъ языкѣ grundlag можно перевести выраженіемъ „конституціонные законы““.

Въ третьихъ, русскія слова: „по конституціямъ ихъ“ переведены шведскими словами „согласно Конституци“.

Нечего и говорить, что, при рѣшеніи вопроса о томъ, что именно было даровано финляндцамъ грамотою Императора Александра I 15 марта 1809 г., нужно руководствоваться, за утратой подлиннаго русскаго текста, тѣмъ русскимъ текстомъ, который напечатанъ съ Высочайшаго соизволенія въ 1827 г. въ „Прибавленіи къ изданному по Высочайшему повелѣнію съ переводомъ на Россійскій языкъ Уложенію, существующему въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ“, а никакъ не шведскимъ переводомъ этой грамоты, содержащимъ невѣрную передачу русскихъ словъ и выражений, въ чьихъ бы выгодахъ ни были сдѣланы эти неправильности. Этого требуетъ и логика, и общепринятая юридическія правила толкованія. Невѣрность въ передачѣ истиннаго смысла, принадлежащаго подлинному акту, не создаетъ никакого права ни въ чью пользу. При дареніи же и пожалованіи, точное опредѣленіе того, что именно подарено или пожаловано, должно быть сдѣлано не иначе, какъ соотвѣтственно дѣйствительной волѣ лица, совершившаго дареніе или пожалованіе.

1) Эта рѣчь напечатана О р д и н ы м ъ (Покореніе Финляндіи Т. II. с. 342—343 и прим. 1 на с. 343.) по французскому тексту, найденному въ бумагахъ М. М. Сперанскаго. Смотрите объясненія Шиловскаго (Акты. с. 139.) относительно текста рѣчей Императора Александра I въ Борго 16 и 17 марта и 6 іюля 1809 г. Рѣчь Императора Александра I 16 марта 1809 г. напечатана у Шиловскаго

Императоръ Александръ I произнесъ въ этой рѣчи между прочимъ слѣдующія слова. „J'ai promis de maintenir votre constitution, vos loix fondamentales, сказалъ Онъ; votre réunion ici vous garantit ma promesse.

Cette réunion fera époque dans votre existence politique . . .

Je vous ferai connoître Mes dispositions sur les objets de votre assemblée“ ¹⁾.

Послѣ рѣчи Императора Генераль-Губернаторъ Спернгтпортень прочель шведскій переводъ ея.

Затѣмъ послѣдовали привѣтственные и благодарственные рѣчи членовъ Финляндскаго Сейма.

Послѣ этихъ рѣчей предсѣдатель Абоскаго Гофгерихта, фрейгеръ Тандефельтъ, исполнявшій обязанности канцлера, прочель четыре предложенія Его Императорскаго Величества Сейму, а именно — три вопроса, предложенные Императоромъ Александромъ I на обсужденіе Сейма: объ устройствѣ военной силы, о взиманіи податей и монетной системѣ и предложеніе объ избраніи двѣнадцати кандидатовъ на три года въ члены Правительствующаго Совѣта, учреждаемаго, по волѣ Императора, въ составѣ четырехъ отдѣленій подѣ предсѣдательствомъ генераль-губернатора ²⁾. При изложеніи послѣдняго предложенія было

(Акты. с. 139.), по списку, находящемуся „въ бумагахъ папки № 6 — 1809 г. Архива Ф. Ст.-Секр. — та (СПБ. Арх. Гос. Сов.)“. Я привожу извлеченія изъ нея по изданію Шиловскаго, такъ какъ у Шиловскаго сохранено старинное правописаніе, а у Ордина нѣтъ.

За отсутствіемъ достовѣрнаго текста этой рѣчи, составленнаго по меньшей мѣрѣ въ ближайшее время послѣ ея произнесенія, слѣдуетъ признать, что эта рѣчь, съ точки зрѣнія общепринятыхъ правилъ о письменныхъ доказательствахъ, не можетъ служить основаніемъ ни къ ограничительному, ни къ распространительному толкованію грамоты Императора Александра I 15 марта 1809 г.

1) Я обѣщаль сохранить вашу конституцію, ваши основные законы; ваше собраніе здѣсь служить порукой моего обѣщанія. Это собраніе составитъ эпоху въ вашемъ политическомъ существованіи . . . Я поставлю васъ въ извѣстность о моихъ распоряженіяхъ по предметамъ (вѣдѣнія) вашего собранія.

2) Эти четыре предложенія были составлены на французскомъ языкѣ. Списокъ ихъ найденъ въ бумагахъ М. М. Сперанскаго, при чемъ на списокѣ помѣчено рукою Сперанскаго: Propositions de S. M. I. remis aux états de la diète. Передъ изложеніемъ предложеній находится введеніе съ подписью: Expedié en conformité des ordres de S. M. I. Secrétaire d'Etat Speransky [Отправлено согласно приказаніямъ Его Императорскаго Величества. Статсъ-секретарь Сперанскій (Ординъ — Покореніе Финляндіи. Т. II. Приложенія. № 72 с. 55.)]. Это введеніе начинается слѣдующими словами: Sa Majesté Impériale, en réunissant les états de Finlande en une Diète générale, a bien voulu donner par là une preuve solemnelle de Ses intentions généreuses de conserver et maintenir inviolablement la religion, les loix, la constitution

указано, что Императоръ имѣеть намѣреніе предложить на разсмотрѣніе сословіи и проектъ устава Правительствующаго Совѣта, чтобы узнать ихъ мнѣнія (leurs avis) въ этомъ отношеніи ¹⁾.

По прочтеніи этихъ предложеній, Тандефельтъ передалъ ихъ маршалу (предводителю) дворянства, и церемонія кончилась.

Баронъ Маннергеймъ и фонъ Моріанъ пытались было добиться, чтобы Императоръ Александръ I принесъ Сейму присягу въ родѣ присяги Шведскихъ Королей, но эта попытка осталась безъ успѣха ²⁾. „Мы указали — передаетъ Кастрень“, въ переводѣ г. Ордина ³⁾, „слова Маннергейма — на форму по закону 1772 г., который, вмѣстѣ съ дополненіемъ 1789 г., былъ собственно основнымъ закономъ, сохраненіе коего обѣщано Е. И. Величествомъ. Противъ сего Сперанскій сдѣлалъ разныя замѣчанія на счетъ того, что при настоящихъ обстоятельствахъ это казалось непригоднымъ. Это могло быть справедливо, и мы не посмѣли предложить никакихъ измѣненій“.

17-го (29-го) марта 1809 г. въ церкви города Борго сеймовые

du pays, les droits et privilèges de tous les états en général et de chaque citoyen en particulier (Его Императорское Величество, созывая сословія Финляндіи на общій сеймъ, желалъ дать тѣмъ самымъ торжественное доказательство своихъ великодушныхъ намѣреній сохранить и соблюсти ненарушимо религію, законы, конституцію страны, права и преимущества всѣхъ сословіи вообще и каждаго гражданина въ частности.). Эти четыре предложенія со введеніемъ напечатаны у Ордина (Покореніе Финляндіи. Т. II. Приложенія № 72 с. 55—57. См. также с. 348—351.), по списку, найденному въ бумагахъ М. М. Сперанскаго. Извлеченіе изъ этихъ предложеній со введеніемъ напечатано и Ш и л о в с к и м ъ (Акты. с. 140.). Приведенное мною начало введенія напечатано по Шиловскому, такъ какъ у Шиловскаго сохранено старинное правописаніе.

1) Этотъ проектъ былъ препровожденъ на разсмотрѣніе Сейма въ концѣ іюня мѣсяца, не ранѣе 27-го іюня 1809 г., и Сеймъ сдѣлалъ въ этомъ отношеніи нѣсколько замѣчаній (Ординъ — Покореніе Финляндіи. Т. II. с. 392—393; Приложенія № 71 с. 53—54.).

2) Ординъ — Покореніе Финляндіи. Т. II. с. 352—353. — Ш и л о в с к і й — Акты. с. 135. — Въ присягѣ Шведскаго Короля Густава III 21 августа 1772 г. въ переводѣ Ш и л о в с к а г о (Акты. с. 47.), сказано: „наикрѣпчайше удостовѣряемъ Мы (försäkre), что будемъ Мы управлять и царствовать въ Королевствѣ согласно принятому Fundamendal-Lag“ (т. е. согласно основному закону, называемому „Формой Правленія“, утвержденному Королемъ Густавомъ III и Чинами Государства въ Стокгольмѣ 21 августа 1772 года), „отказываясь тѣмъ, какъ Мы о томъ уже объявили, отъ ненавистнаго Королевскаго Самодержавія, называемаго Абсолютизмомъ (Souverainitétén)“.

3) Ординъ (Покореніе Финляндіи. Т. II. с. 353.) указываетъ, что беретъ слова Маннергейма изъ сочиненія Кастрена (Castrén) — Landtagen i Borgo стр. 140.

представители сословій новоприсоединенной Финляндіи принесли свою вѣрноподданническую присягу Александру I, Императору и Самодержцу Всероссійскому, Великому Князю Финляндскому.

Послѣ ихъ присяги была прочтена Генераль - Губернаторомъ Спренгтпортенемъ Высочайшая грамота, пожалованная Императоромъ Александромъ I 15-го (27-го) марта 1809 г. въ ея переводѣ на шведскомъ языкѣ¹⁾.

Потомъ финляндскіе ораторы говорили свои благодарственные рѣчи.

Въ отвѣтъ на нихъ Императоръ сказалъ по-французски короткую рѣчь. Эта рѣчь не дошла до насъ ни въ особомъ оффиціально удосто- вѣренномъ современномъ текстѣ, ни въ протоколѣ. Она извѣстна лишь изъ списка, никѣмъ не удостовѣренного и не подписаннаго²⁾. По свидѣтельству этого списка, Императоръ сказалъ: *Je reçois avec sensibilité les sermens de fidélité que les habitans de la Finlande viennent de me prêter par l'organe de leurs représentans.*

1) Мехелинь (Mehelin — Конституція Финляндіи [Précis] переведена Ординымъ. с. 12.), Ординъ (Покореніе Финляндіи. Т. II. с. 355.) и финляндскіе юристы, составители сборника подъ заглавіемъ: „La constitution du Grand-Duché de Finlande“, пожелавшіе остаться неизвѣстными, утверждаютъ, что эта Высочайшая грамота была прочтена Генераль-Губернаторомъ послѣ принесенія присяги представителями сословій Финляндіи. Schybergs on же (Geschichte Finlands. S. 535.) и Шиловскій (Акты. с. 135.) полагаютъ, что эта грамота была прочтена раньше, чѣмъ представители сословій Финляндіи принесли присягу Императору Александру I. Первый взглядъ является болѣе правильнымъ. Онъ признаетъ ту послѣдовательность дѣйствій, которая была предписана церемоніаломъ принесенія присяги, одобреннымъ по удостовѣренію Статсъ-Секретаря Сперанскаго, Императоромъ Александромъ I 22 февраля 1809 г. (Шиловскій — Акты. с. 143.). Произвольное же отступленіе Генераль-Губернатора отъ Высочайше одобреннаго церемоніала и при томъ въ присутствіи самого Императора весьма мало вѣроятно. Но весьма легко могло случиться, что Генераль-Губернаторъ, зная эту грамоту, заранѣе еще до присяги сообщилъ ея содержаніе частнымъ образомъ представителямъ сословій Финляндіи, а потомъ они принесли присягу и вслѣдъ за ней послѣдовало торжественное чтеніе Высочайшей грамоты въ шведскомъ переводѣ.

2) Эта рѣчь напечатана Ординымъ (Покореніе Финляндіи. Т. II. с. 355—356 и прим. 2 на с. 356—357.) по французскому тексту, найденному въ бумагахъ М. М. Сперанскаго, а Шиловскимъ (Акты. с. 142.) — по французскому тексту, находящемуся „въ бумагахъ папки № 6—1809 г. Архива Ф. Ст.-Секр.—та (СПб. Арх. Гос. Сов.)“. Я привожу эту рѣчь по изданію Шиловскаго, сохранившему правописаніе безъ поправокъ. За исключеніемъ нѣкоторой разницы въ правописаніи нѣкоторыхъ словъ, текстъ этой рѣчи у Ордина и Шиловскаго одинаковъ: и слова тѣ же самыя, и фразы тѣ же самыя.

Les liens qui m'unissent à eux, affermis par ce mouvement spontané de leur affection, consacrés par cet acte solennel, en deviennent plus chers à mon coeur, plus conformes à mes principes.

En leur promettant de maintenir leur religion, leurs lois fondamentales, j'ai voulu leur montrer le prix que j'attache aux sentimens de la confiance et de l'amour¹⁾.

По окончаніи этой рѣчи, одинъ изъ герольдовъ дворянства, вступивъ передъ трономъ, провозгласилъ: „да здравствуетъ Александръ I Императоръ Всероссійскій, Великій Князь Финляндскій“! Присутствующіе отвѣтили кликами: „да здравствуетъ Александръ“! Потомъ послѣдовало короткое богослуженіе, и церемонія кончилась. Въ тотъ же день Государь уѣхалъ въ Гельсингфорсъ.

Возвращаясь въ Петербургъ, Императоръ Александръ I, по совѣтамъ Абоскаго епископа Тенгстрёма, издалъ въ Борго 23-го марта (4-го апрѣля) 1809 г. манифестъ жителямъ новоприсоединенной Финляндіи о принесеніи присяги представителями ея сословіи и пожалованіи со стороны Императора. Этотъ манифестъ написанъ по-французски. Онъ содержитъ между прочимъ слѣдующія важныя слова: *Ayant réuni les états de la Finlande en une Diète générale, et reçu leurs sermens de fidélité, NOUS avons voulu à cette occasion par un acte solennel, émané en leur présence et proclamé dans le sanctuaire de L'Être Suprême confirmer et assurer le maintien de la Religion, des loix fondamentales, des droits et des privilèges dont chaque état en parti-*

1) Съ чувствомъ принимаю Я присягу вѣрности, только что принесенную мнѣ жителями Финляндіи при посредствѣ ихъ представителей. Узы, соединяющія Меня съ ними, укрѣпленныя этимъ добровольнымъ выраженіемъ привязанности, освященныя этимъ торжественнымъ актомъ, становятся отъ этого еще дороже Моему сердцу, еще сообразнѣе съ Моими принципами. Обѣщая сохранить имъ ихъ религію, ихъ основныя законы, Я хотѣлъ показать имъ, какую цѣну придаю Я чувствамъ довѣрія и любви.

Замѣчательно, что въ официальномъ шведскомъ переводѣ этой рѣчи, изданномъ въ официальномъ финляндскомъ сборникѣ *Samling af Placater* въ 1821 г., сдѣланы, по словамъ Ш и л о в с к а г о (Акты. с. 142.), важныя дополненія сравнительно съ французскимъ текстомъ. Такъ, французскія слова: „acte solennel“ (торжественный актъ) переведены по-шведски словами: *högtidliga Förenings-Act*“ (торжественный актъ соединенія). Въ концѣ же рѣчи вставлена по-шведски цѣлая фраза, которая означаетъ: „Молю Бога дать мнѣ силу и мудрость править симъ достойнымъ народомъ по его законамъ и непоколебимому пути правды“. На несоответствіе шведскаго перевода французскому тексту рѣчи Императора Александра I 17-го (29-го) марта 1809 г. указано и О р д и н ы м ъ (Покореніе Финляндіи. Т. II. прим. 2 на с. 356—357.).

culier et tous les habitants de la Finlande en général ont joui jusqu'à présent ¹⁾).

7-го (19-го) іюля 1809 г. послѣдовало закрытіе Сейма Императоромъ Александромъ I. По произнесеніи рѣчей нѣкоторыми членами Сейма и прочтеніи зяключеній Сейма относительно четырехъ вопросовъ, предложенныхъ на его обсужденіе по Высочайшей волѣ, съ поименованіемъ кандидатовъ, выбранныхъ Сеймомъ на три года въ члены учреждаемаго Правительствующаго Совѣта, Императоръ Александръ I произнесъ по-французски рѣчь ²⁾). Эта рѣчь, по свидѣтельству г. Шиловскаго, не дошла до насъ ни въ особомъ оффиціально удостовѣренномъ современномъ текстѣ, ни въ протоколѣ Сейма. Она извѣстна лишь по рукописному списку, никѣмъ не удостовѣренному и никѣмъ не подписанному ³⁾). По свидѣтельству этого списка, Импе-

1) Соединивъ сословія Финляндіи на общемъ сеймѣ и принявъ ихъ присягу вѣрности, Мы пожелали подтвердить и удостовѣрить при этомъ случаѣ торжественнымъ актомъ, вышедшимъ въ ихъ присутствіи и провозглашеннымъ въ святилищѣ Всевышняго, сохраненіе религіи, основныхъ законовъ, правъ и преимуществъ, которыми каждое сословіе въ частности и всѣ жители Финляндіи вообще пользовались до настоящаго времени.

Этотъ манифестъ напечатанъ Даніельсономъ (Соединеніе Финляндіи. с. 100—101.) по-французски и при томъ, по свидѣтельству Даніельсона, согласно подлинному французскому тексту. Слова изъ этого манифеста, напечатанныя мною выше, взяты изъ изданія Даніельсона. Тотъ же манифестъ напечатанъ по-французски и Ординымъ (Покореніе Финляндіи. Т. II. прим. 2 на с. 358—359.), но съ исправленіемъ орфографіи, нѣкоторыми сокращеніями въ титулѣ и нѣкоторыми мелкими неточностями. Въ оффиціальномъ шведскомъ переводѣ этого манифеста, напечатанномъ въ 1821 г. въ оффиціальномъ финляндскомъ сборникѣ *Samling af Placater*, французскія слова: *loix fondamentales* (основные законы) переведены, по свидѣтельству Шиловскаго (Акты. с. 136.), шведскимъ юридическимъ терминомъ: *grundlagar*, означающимъ конституціонные законы (См. выше с. 162 прим. 3.). Копія съ подлиннаго французскаго манифеста 23-го марта (4-го апрѣля) 1809 г. хранится въ Архивѣ Финляндскаго Статсъ-Секретаріата въ папкѣ подъ № 7 за 1809 г.

2) *Mechelin* — Конституція Финляндіи [Précis] переведена Ординымъ с. 17—18. — Ординъ — Покореніе Финляндіи. Т. II. с. 392—413. — Даніельсонъ — Соединеніе Финляндіи с. 132—139. — Еленевъ — Ученіе о финляндскомъ государствѣ. с. 6—7. — *Schubergson* — *Geschichte Finlands*. S. 538—550. — Скалонъ — Политическое положеніе Финляндіи. Финляндія. с. 35—36. — *La constitution du Grand-Duché de Finlande*. p. 25—26. — Шиловскій — Акты. с. 139—141.

3) Шиловскій — Акты. с. 139. Этотъ списокъ хранится, по свидѣтельству Шиловскаго (с. 139.), въ Архивѣ Финляндскаго Статсъ-Секретаріата въ Петербургѣ въ папкѣ № 6 за 1809 г. Я привожу извлеченія изъ этой рѣчи, по изданію Шиловскаго. Эта рѣчь напечатана у Даніельсона (Соединеніе Финляндіи. с.

раторъ Александръ I произнесъ между прочимъ въ этой рѣчи слѣдующія слова. En réunissant les Etats de la Finlande en une Diète générale, сказалъ Онъ, j'ai voulu connoître les désirs et les sentimens de la nation sur ses veritables interêts.

J'appelai votre attention sur les objets les plus importans à votre prospérité . . .

Les avis que vous venez d'émettre portent le caractère de la sagesse et de l'amour de la patrie. Je les prendrai en considération dans l'oeuvre importante que Je médite pour votre prospérité.

. . . Portez dans le sein de vos provinces, imprimez dans l'esprit de vos compatriotes la même confiance qui a présidée ici à vos délibérations. Inspirez-leur la même conviction, la même assurance sur les objets les plus importans à votre existence politique: le maintien de vos loix, la sûreté personnelle, le respect inviolable à vos propriétés.

Ce peuple brave et loyal bénira la Providence qui a amené l'ordre de choses actuel. Placé désormais au rang des nations, sous l'empire de ses loix, il ne se ressouviendra de la domination passée que pour cultiver des rapports d'amitié lorsqu'ils seront rétablis par la paix.

Et moi, j'aurai recueilli le plus grand fruit de mes soins quand je verrai cette nation tranquile au dehors, libre dans l'intérieur, se livrant sous la protection des loix et des bonnes moeurs à l'agriculture et l'industrie, par le fait même de sa prospérité rendre justice à Mes intentions et bénir ses destinées ¹⁾.

135—136.) и у Ордина (Покореніе Финляндіи Т. II. с. 407—409.). Текстъ этой рѣчи у Даниельсона и Шиловскаго одинаковъ. Въ текстѣ же у Ордина исправлена старая ореографія.

1) Собирая сословія Финляндіи на общій Сеймъ, я хотѣлъ узнать желанія и убѣжденія народа относительно его истинныхъ интересовъ. Я обратилъ ваше вниманіе на предметы, наиболѣе важные для вашего благоденствія . . . Мнѣнія, которыя вы только что изложили, носятъ отпечатокъ мудрости и любви къ отечеству. Я приму ихъ въ соображеніе въ важномъ дѣлѣ, обдумываемомъ Мною въ видахъ вашего благоденствія . . . Несите въ нѣдра вашихъ провинцій, запечатлѣйте въ умѣ вашихъ соотечественниковъ то же самое довѣріе, которое господствовало здѣсь при вашихъ совѣщаніяхъ. Внушите имъ то же самое убѣжденіе, ту же самую увѣренность въ важнѣйшихъ предметахъ вашего политическаго существованія: въ сохраненіи вашихъ законовъ, въ личной безопасности, въ ненарушимомъ уваженіи къ вашей собственности. Этотъ храбрый и вѣрный закону народъ благословитъ Провидѣніе, которое ввело дѣйствующій порядокъ вещей. Поставленный отнынѣ въ ряду народовъ, подъ властью своихъ законовъ, онъ вспомнитъ о прошломъ господствѣ лишь для того, чтобы развитіе отношенія дружбы, когда они будутъ возстановлены миромъ. А я, я соберу лучшіе плоды моихъ попеченій,

По окончаніи рѣчи Государя Канцлеръ передалъ ей содержаніе на шведскомъ языкѣ, и затѣмъ послѣдовало закрытіе Сейма.

6-го (18-го) августа 1809 г., вмѣсто намѣченного ранѣе „Комитета Главнаго Правленія Финляндіи“¹⁾, учрежденъ Императоромъ Александромъ I для Финляндіи Правительствующій Совѣтъ. Регламентъ этого Совѣта составленъ на французскомъ языкѣ и утвержденъ Собственноручной подписью Императора Александра I 6-го августа на французскомъ языкѣ²⁾. Этотъ Правительствующій Совѣтъ вѣдаетъ

когда увижу, что этотъ народъ, спокойный извнѣ, свободный внутри, предаваясь подъ покровительствомъ законовъ и добрыхъ нравовъ земледѣлію и промышленности, уже самимъ фактомъ своего благоденствія отдаетъ справедливость Моимъ намѣреніямъ и благословляетъ свои судьбы.

1) Планъ учрежденія главнаго правленія въ Финляндіи, составленный на русскомъ и французскомъ языкѣ и утвержденный Императоромъ Александромъ I 19-го ноября 1808 года : „1) Учредить Комитетъ Главнаго Правленія Финляндіи, который бы имѣлъ верховное вліяніе на управленіе землею подъ непосредственнымъ начальствомъ Генераль-Губернатора“. Этотъ планъ напечатанъ по-русски и по-французски *О р д и н ы м ъ* (Покореніе Финляндіи. Т. II. с. 240—247).

2) Этотъ регламентъ имѣетъ слѣдующее заглавіе: *Réglement de S. M. l'Empereur Alexandre I Autocrate de toutes les Russies etc., pour l'organisation du Conseil de Régence dans le grand-duché de Finlande.* Французскій текстъ этого регламента напечатанъ : 1) *О р д и н ы м ъ* (Покореніе Финляндіи. Т. II. Приложенія. № 126. с. 153—161.) „съ печатнаго экземпляра, изданнаго въ Або, въ 1809 г., по-французски и по-шведски и съ французской копіи, имѣющейся при дѣлахъ Арх. М. Ин. Дѣль“, и 2) въ приложеніи къ № 3-му I-го тома „Собранія постановленій финляндскихъ“ (Приложенія. с. 3—6.) съ „черновика, хранящагося въ Архивѣ Государственнаго Совѣта“ (Собраніе пост. фин. с. 3 прим. *). Я пользуюсь обоими изданіями.

Русскій переводъ этого регламента напечатанъ какъ *О р д и н ы м ъ* (Покореніе Финляндіи. Т. II. Приложенія. № 126. с. 161—169.), такъ и въ I-мъ томѣ „Собранія постановленій финляндскихъ“ (1809. № 3. с. 3—8.), соотвѣтственно тексту русскаго перевода, напечатаннаго въ „Прибавленіи къ изданному по Высочайшему повелѣнію съ переводомъ на Россійскій языкъ уложенію, существующему въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ“ (Спб., 1827 г., с. 234.). Въ „Собраніи постановленій финляндскихъ“ этотъ русскій переводъ регламента носитъ слѣдующее заглавіе: „Высочайше Его Императорскаго Величества учрежденіе Правительствующаго Совѣта въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ“. У Ордина же стоитъ другое названіе: „Регламентъ правительственнаго совѣта, утвержденный Императоромъ Александромъ I-мъ 6-го августа 1809 г. въ Петергофѣ“. Въ „Собраніи постановленій финляндскихъ“ не приведено обращенія и титула Императора, а у Ордина они приведены. Далѣе же никакихъ существенныхъ различій въ обоихъ изданіяхъ этого перевода нѣтъ.

Въ официальномъ французскомъ введеніи къ регламенту Правительствующаго Совѣта два раза говорится объ интересахъ благосостоянія Финляндіи и оба раза это благосостояніе обозначается двумысленнымъ французскимъ выраженіемъ : „le bien-être de l'Etat“. Двумысленность же заключается въ томъ, что это выра-

главное управление Финляндіи (Réglement § 1.) и состоитъ, подъ предсѣдательствомъ Генераль-Губернатора Финляндіи (§ 2), изъ двухъ

женіе можетъ быть употребляемо какъ для того, чтобы обозначить благосостояніе государства, такъ и для того, чтобы обозначить благосостояніе края т. е. благосостояніе страны, составляющей не государство, а часть другого государства.

Нечего и говорить, что двусмысленность хороша въ загадкахъ, но не въ законахъ. Если же мы желаемъ разрѣшить встрѣтившуюся двусмысленность вполне правильно, то мы должны будемъ обратиться къ законамъ, изданнымъ во времена Императора Александра I относительно Финляндіи на русскомъ языкѣ, и посмотрѣть, какъ называется Финляндія въ этихъ законахъ, государствомъ или краемъ.

Изъ рассмотрѣнія этихъ законовъ, напечатанныхъ въ I-мъ томѣ „Собранія постановленій финляндскихъ“ за времена съ 5-го іюня 1808 г. по 10 марта 1825 г. (№№ 1—37.), оказывается, что Финляндія или Великое Княжество Финляндское ни разу не называется государствомъ, но нѣсколько разъ называется „краемъ“.

Такъ, въ Высочайшемъ манифестѣ Императора Александра I 17/29 декабря 1809 г. Финляндія называется „страною“ и „краемъ“ (№ 4).

Въ Высочайшихъ постановленіяхъ Императора Александра I отъ 20-го марта (1-го апрѣля) 1812 г. (Собр. пост. Фин. Т. I. № 11.), отъ 16 февраля (№ 14), 3-го апрѣля (№ 16), и 5-го октября (№ 17) 1816 г. и отъ 13-го (25-го) марта 1819 г. (№ 26) Финляндія называется „краемъ“.

Въ Высочайшемъ манифестѣ 9,21 февраля 1816 г. Великое Княжество Финляндіи нѣсколько разъ называется „краемъ“ (Собр. пост. фин. Т. I. № 15.). Этотъ манифестъ начинается словами: „Съ самаго присоединенія Великаго Княжества Финляндіи къ Имперіи Нашей, благоденствіе края сего всегда составляло одинъ изъ пріятнѣйшихъ предметовъ Нашихъ желаній и попеченій“. Далѣе въ этомъ манифестѣ стоятъ слѣдующія слова: „Нынѣ же по благополучномъ окончаніи вкупѣ съ союзными Намъ державами помощью Всевышняго дѣль, до безопасности Имперіи Нашей и спокойствія всей Европы относящихся, и достигши ожиданнаго давно случая, безъ препятствія отъ попеченій внѣшнихъ, посвятить занятія на управление внутренними дѣлами Государства Нашего, а въ числѣ оныхъ и касающимися особенно до Финляндіи, находимъ Мы для вящшаго ознаменованія намѣренія Нашего о упомянутомъ мѣстномъ управленіи края сего и непосредственнаго отношенія онаго къ лицу Нашему удобнѣйшимъ, согласно съ наименованіемъ вышняго правительства въ Государствѣ Нашемъ и присоединенномъ къ оному съ недавняго времени Царствѣ Польскомъ, дать и Финляндскому Вышнему Правительству названіе Финляндскаго Сената Нашего, безъ отмѣны однако же въ настоящемъ его составѣ, а еще менѣе того въ конституціи и законахъ, Нами для Финляндіи утвержденныхъ и силою сего во всѣхъ отношеніяхъ паки утверждаемыхъ“.

Принимая во вниманіе, что въ законахъ, изданныхъ Императоромъ Александромъ I на русскомъ языкѣ, ни Финляндія, ни Великое Княжество Финляндіи ни разу не названы государствомъ, но нѣсколько разъ названы „краемъ“, мы должны логически заключить, что законодатель, употребляя относительно Финляндіи во введеніи къ регламенту Правительствующаго Совѣта двусмысленное французское выраженіе: „le bien-être de l'Etat“, имѣлъ въ виду, по всей вѣроятности, выразить мысль объ интересахъ благосостоянія Финляндіи, какъ края.

Департаментовъ: Судебнаго и Хозяйственнаго (§ 1). Одна половина Членовъ Совѣта выбирается и назначается Государемъ Императоромъ изъ дворянства Финляндіи, а другая — изъ прочихъ сословій Финляндіи (§ 5), срокомъ на три года (§ 11).

Наконецъ, 5-го (17-го) сентября 1809 г. былъ заключенъ мирный договоръ между Россіей и Швеціей въ Фридрихсгамѣ. По этому договору Швеція навсегда уступила свою Финляндію въ собственность и державное обладаніе Россійской Имперіи. „Его Величество Король Шведскій какъ за Себя, такъ и за преемниковъ Его престола и Королевства Шведскаго, говоритъ IV-я статья этого договора, отказывается неотмѣняемо и на всегда въ пользу Его Величества Императора Всероссійскаго и преемниковъ Его престола и Россійской Имперіи, отъ всѣхъ Своихъ правъ и притязаній на Губерніи ниже сего означенныя, завоеванныя оружіемъ его Императорскаго Величества въ нынѣшнюю войну отъ Державы Шведской, а именно: на Губерніи Кимменегардскую, Ниландскую и Тавастгускую, Абовскую и Біернеборгскую съ островами Аландскими, Саволакскую и Карельскую, Вазовскую, Улеаборгскую и часть западной Ботніи до рѣки Торнео, какъ то постановлено будетъ въ слѣдующей статьѣ о назначеніи границъ.

Губерніи сіи со всѣми жителями, городами, портами, крѣпостями, селеніями и островами, а равно ихъ принадлежности, преимущества, права и выгоды будутъ отнынѣ состоять въ собственности и державномъ обладаніи Имперіи Россійской и къ ней навсегда присоединяются“¹⁾.

Въ подлинномъ французскомъ текстѣ вторая часть IV-й статьи Фридрихсгамскаго договора между Россіей и Швеціей относительно новозавоеванной Финляндіи выражена слѣдующимъ образомъ: „Ces Gouvernements avec tous les habitans, villes, ports, forteresses, villages et îles, ainsi que les dépendances, prerogatives, droits et émolumens appartiendront désormais en toute propriété et Souveraineté à l'Empire de Russie, et Lui restent incorporés“²⁾.

Отсюда ясно, что въ официальномъ русскомъ переводѣ этого регламента, изданномъ въ 1827 г. (Собр. пост. фин. Т. I. № 3.), двусмысленное французское выраженіе относительно Финляндіи: „le bien-être de l'Etat“ правильно переведено русскимъ выраженіемъ: „благосостояніе края“.

1) П. С. З. (с. 1.). Т. XXX. № 23883. Манифестъ 1 октября 1809 года о заключеніи мира между Россією и Швецією. Съ приложеніемъ мирнаго трактата, заключеннаго въ Фридрихсгамѣ 5/17 сентября. Трактатъ. ст. IV.

2) Ш и л о в с к і й — Акты. Примѣчаніе 1 на с. 119—120. „Подлинный текстъ официального изданія Стокгольмской Корол. Типографіи 1809 г. (Слб. Пуб. Б.)“. Art. IV. Этотъ Французскій текстъ говоритъ: „Эти губерніи со всѣми

VI-я статья Фридрихсгамскаго договора добавляетъ: „Поелику Его Величество Императоръ Всероссійскій самыми несомнѣнными опытами милосердія и правосудія ознаменовалъ уже образъ правленія своего жителямъ приобрѣтенныхъ имъ нынѣ областей: обезпечивъ по единственному побужденію великодушнаго своего соизволенія, свободное отправленіе ихъ вѣры, права собственности и преимущества; то Его Шведское Величество тѣмъ самымъ освобождается отъ священнаго впрочемъ долга, чинить о томъ въ пользу прежнихъ своихъ подданныхъ какія-либо условія“.

Познакомившись съ фактами, опредѣлимъ теперь вкратцѣ, какого рода соединеніе произошло между Россійской Имперіей и шведской Финляндіей, завоеванной Государемъ Россійской Имперіи, Императоромъ Александромъ I.

Декларациею 16-го марта 1808 года русскій Императоръ Александръ I объявилъ иностраннымъ европейскимъ государствамъ, „что отнынѣ часть Финляндіи, которая доселѣ именовалась Шведскою и которую войска Россійскія не иначе могли занять, какъ выдержавъ разныя сраженія, признается областію, Россійскимъ оружіемъ покоренною, и присоединяется навсегда къ Россійской Имперіи“ (выше с. 157—158 съ прим. 1 на стр. 158.).

Манифестомъ 20-го марта 1808 года Императоръ Александръ I объявилъ Россіи о покореніи шведской Финляндіи и присоединеніи послѣдней къ Россіи навсегда (в. с. 157—158 съ пр. 2 на с. 158.).

Манифестомъ 5-го іюня 1808 года Императоръ Александръ I рѣшительно подтвердилъ жителямъ новоприсоединенной Финляндіи, что она присоединена къ Россійской Имперіи безповоротно навсегда (выше с. 158—159 съ прим. 1 на с. 159.).

Отсюда ясно, что Императоръ Александръ I присоединялъ покоряемую шведскую Финляндію къ Россійской Имперіи не иначе, какъ въ качествѣ области или части, вводимой въ составъ русскаго государства т. е. Россійской Имперіи, а никакъ не въ качествѣ какого-нибудь государства, соединяемаго личной или реальной уніей съ Россійской Имперіей.

жителями, городами, портами, крѣпостями, селеніями и островами точно также, какъ и принадлежности, преимущества, права и выгоды будутъ принадлежать на правахъ полной собственности и верховенства отнынѣ Россійской Имперіи и остаются инкорпорированными въ ней“. Въ шведскомъ текстѣ того же изданія (Шилловскій — Акты. с. 120.) фраза: „et Lui restent incorporés“ переведена фразой тождественнаго содержанія: „och med detsamma blifva införlifvade“.

Въ Высочайшемъ повелѣніи 20 января 1809 года представителямъ сословіи новоприсоединенной Финляндіи собраться 10 марта 1809 года на Сеймъ въ городъ Борго для обсуждения вопросовъ, указанныхъ Высочайшей волей, Императоръ Александръ I впервые назвалъ новоприсоединенную Финляндію „le grand Duché de Finlande“ т. е. Великимъ Княжествомъ Финляндскимъ (выше с. 161 съ прим. 2.). Въ жалованной грамотѣ 15-го марта 1809 г. населенію новоприсоединенной Финляндіи Императоръ Александръ I назвалъ эту Финляндію по-русски „Великимъ Княжествомъ Финляндіи“ (выше с. 162—163 съ прим. 3 на с. 162.).

Императоръ Александръ I принялъ титулъ „Великаго Князя Финляндскаго“ и при томъ, вѣроятно, впервые 20 января 1809 г. 1). 17-го же марта 1809 года представители сословіи новоприсоединенной Финляндіи принесли присягу Александру I Императору и Самодержцу Всероссийскому, Великому Князю Финляндскому, а послѣ рѣчи Императора герольдъ дворянства провозгласилъ: „да здравствуетъ Александръ I Императоръ Всероссийскій, Великій Князь Финляндскій!“ (выше с. 165—167 съ прим. 1—2 на с. 166 и прим. 1 на с. 167.).

Ни эти факты, ни созывъ представителей сословіи новоприсоединенной Финляндіи Императоромъ Александромъ I на Сеймъ для обсуждения вопросовъ, указанныхъ Высочайшей волей, и представленія по нимъ заключеній на благоусмотрѣніе Императора (выше с. 164 съ прим. 2; с. 165 съ пр. 1; с. 168—169 съ пр. 1 на с. 169.), ни принесеніе присяги этими представителями Александру I, какъ Императору Всероссийскому, Великому Князю Финляндскому 17-го марта 1809 г. (выше с. 165—166.), ни пожалованіе грамоты Императоромъ Александромъ I 15-го марта 1809 г. о сохраненіи религіи, коренныхъ законовъ, правъ и преимуществъ, „коими каждое состояніе сего Кня-

1) „Здѣсь, говоритъ Даніельсонъ (Соединеніе Финляндіи. с. 91.), впервые русской Императоръ называетъ себя „Великимъ Княземъ Финляндскимъ и слова эти затѣмъ вошли въ составъ Императорскаго титула“. Это утвержденіе имѣетъ за себя вѣроятность. Признать же его достовѣрнымъ нельзя, такъ какъ Высочайшее повелѣніе 20 января 1809 г. не дошло до насъ ни въ его французскомъ подлинникѣ, ни въ его французской копіи, но сохранился лишь проектъ этого повелѣнія на французскомъ языкѣ, безъ начала и конца, и позднѣйшій шведскій переводъ. А вѣрно ли передаетъ этотъ переводъ слова французскаго подлинника, рѣшить не возможно. Русскій переводъ съ этого шведскаго перевода напечатанъ у Шилловскаго (Акты. с. 135.). Слѣдуетъ замѣтить, что титулъ Великаго Князя Финляндскаго былъ присвоенъ въ 1802 году второму сыну Шведскаго Короля Густава Адольфа IV, Карлу Густаву.

жества въ особенности и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались“, съ общаніемъ „хранить оныя въ ненарушимой и непреложной ихъ силѣ и дѣйстви“ (выше с. 162—163 съ прим. 3 на с. 162; с. 166.; с. 167—168 съ прим. 1 на с. 168.), нисколько не перемѣнили рода соединенія завоеванной шведской Финляндіи съ Россійской Имперіей. Чтобы перемѣнить этотъ родъ соединенія, общепринятый въ случаяхъ завоеванія провинціи однимъ государствомъ у другого, необходимо было, чтобы Государь Россійской Имперіи, Александръ I издалъ законъ, которымъ прямо, ясно и несомнѣнно возвелъ бы только что завоеванную шведскую провинцію, Финляндію, въ государство и присоединилъ бы это новое государство къ Россійской Имперіи на правахъ личной или реальной уніи. Но такого закона не было издано и, при малѣйшемъ пониманіи упорнаго вѣкового стремленія Россіи къ приобрѣтенію Финляндіи, при малѣйшемъ вниманіи къ развивающимся потребностямъ русскаго народа, не могло быть издано.

Напротивъ, Фридрихгамскій договоръ 5-го (17-го) сентября 1809 г., покончившій войну между Россіей и Швеціей, прямо, ясно и несомнѣнно указалъ, что завоеванная Россіей Финляндія входитъ въ составъ русскаго государства, какъ часть въ цѣлое. „Губерніи сіи . . . говоритъ русскій текстъ Фридрихгамскаго договора (ст. IV.) будутъ отнынѣ состоятъ въ собственности и державномъ обладаніи Имперіи Россійской и къ ней навсегда присоединяются“. Французскій текстъ того же договора говоритъ, что эти губерніи будутъ принадлежать отнынѣ Россійской Имперіи на правахъ полной собственности и верховенства и остаются инкорпорированными въ Россійской Имперіи (*et Lui restent incorporés.*). Ту же мысль ясно высказываетъ и шведскій текстъ того же договора, при чемъ въ свою очередь заявляетъ, что эти губерніи остаются инкорпорированными въ Россійской Имперіи (*och med detsamma blifva införlifvade*). Инкорпорация же (*l'incorporation, införlifvande*) есть опредѣленный юридическій терминъ. Онъ обозначаетъ, что земля, соединяющаяся съ другимъ Государствомъ, входитъ въ составъ этого государства, какъ часть въ цѣлое, а не составляетъ сама въ этомъ соединеніи никакого государства. Если бы земля, соединившаяся съ другимъ государствомъ, осталась въ этомъ соединеніи, въ свою очередь, государствомъ; въ такомъ случаѣ это соединеніе составило бы уже не инкорпорацию, но личную или реальную унію.

Если же въ Фридрихгамскомъ договорѣ 5-го (17-го) сентября 1809 года и самъ Александръ I, Императоръ Всероссійскій, Великій Князь Финляндскій, и Карлъ XIII, Король Шведскій, одинаково при-

знали, что соединеніе Финляндіи съ Россійской Имперіей составляетъ инкорпорацію Финляндіи Россійской Имперіей; то утверждать, будто оно составляетъ унію, и увѣрять, будто самъ русскій Императоръ Александръ I установилъ эту унію, это — отрицать несомнѣнные факты. Утверждать же, будто соединеніе Финляндіи съ Россійской Имперіей составляетъ въ одно и то же время и инкорпорацію, и унію, противно самой элементарной логикѣ. Логика рѣшительно признаетъ, что „въ одно и то же время въ одномъ и томъ же мѣстѣ извѣстный атрибутъ не можетъ и присутствовать, и отсутствовать“ ¹⁾.

Такимъ образомъ, опредѣляя родъ соединенія Россійской Имперіи съ завоеванной ею шведской Финляндіей, названной по волѣ русскаго Императора Александра I Великимъ Княжествомъ Финляндіи, и оставаясь при этомъ въ полномъ соотвѣтствіи съ историческими фактами и элементарными требованиями логики, мы должны признать, что это соединеніе составляетъ инкорпорацію Финляндіи, а не унію Финляндіи съ Россійской Имперіей. Эта Финляндія составляетъ лишь одну изъ частей русскаго государства т. е. одну изъ частей Россійской Имперіи, а вовсе не представляетъ финляндскаго государства, соединеннаго съ русскимъ государствомъ.

Войдя въ составъ Россійской Имперіи въ качествѣ одной изъ ея составныхъ частей, новопріобрѣтенная Финляндія не слилась съ прочими частями, но, по волѣ Императора Александра I, образовала изъ себя особую составную часть русскаго государства.

Эту новую часть Россійской Имперіи Императоръ Александръ I назвалъ въ 1809 г. по-французски „le grand Duché de Finlande“ т. е. Великимъ Княжествомъ Финляндскимъ (выше с. 161 съ прим. 2; с. 174.), а по-русски „Великимъ Княжествомъ Финляндіи“ (выше с. 162—163 съ прим. 3 на с. 162; с. 174.) и принялъ титуль Великаго Князя Финляндскаго (выше с. 174 съ прим. 1).

Манифестомъ же 11-го (23-го) декабря 1811 года Императоръ Александръ I отдѣлилъ Выборгскую или Финляндскую губернію, извѣстную подъ именемъ „старой Финляндіи“, отъ прочихъ русскихъ губерній и соединилъ ее съ новопріобрѣтенной „новой Финляндіей“ ²⁾ или, по выраженію манифеста 31-го декабря 1811 г. съ „Великимъ

1) С. Девонсъ — Основы науки, трактатъ о логикѣ и научномъ методѣ. Переводъ со второго англійскаго изданія М. Антоновича. С.-Петербургъ. 1881. с. 5.

2) П. С. З. (с. 1.). Т. XXXI. № 24907. Манифестъ 11 декабря 1811 г. о именованіи старой Финляндіи и новой Финляндіи совокупно Финляндіею.

Княжествомъ Финляндіи¹⁾ въ одно цѣлое подь однимъ и тѣмъ же именемъ Великаго Княжества Финляндіи и съ однимъ и тѣмъ же устройствомъ.

Въ такой связи съ Россійской Имперіей и почти въ такомъ²⁾ же обособленномъ поземельномъ или территоріальномъ составѣ остается Великое Княжество Финляндіи и до сихъ поръ. Ни одинъ изъ русскихъ Императоровъ ни разу не издалъ ни одного закона, который провозгласилъ бы, что Великое Княжество Финляндіи составляетъ государство и находится только въ уніи или соединеніи съ русскимъ государствомъ. Напротивъ, русскими Императорами и послѣ Фридрихсгамскаго договора съ Швеціею 1809 г. не разъ давались несомнѣнныя указанія, что Великое Княжество Финляндіи составляетъ лишь одну изъ частей русскаго государства, обладающую лишь особеннымъ устройствомъ. Эта мысль, несомнѣнно, проведена въ Высочайшемъ манифестѣ Императора Александра I 9/21 февраля 1816 г., въ Высочайшемъ рескриптѣ Императора Александра III 28-го февраля 1891 года Генераль-Губернатору Финляндіи, въ Высочайшемъ манифестѣ Императора Николая II 3-го (15-го) февраля 1899 г. и въ Высочайшемъ рескриптѣ Императора Николая II 8-го іюня 1899 года Финляндскому Генераль-Губернатору³⁾.

1) П. С. З. (с. 1.). Т. XXXI. № 24934. Манифестъ 31 декабря 1811 г. объ устройствѣ Выборгской Губерніи.

2) 1-го (13-го) февраля 1864 года Императоръ Александръ II повелѣлъ отдѣлить Сестрорѣцкій оружейный заводъ съ ближайшею землею отъ Выборгской губерніи Великаго Княжества Финляндскаго и присоединить къ С.-Петербургской губерніи, а границу между Россіей и Финляндіей соотвѣтственно этому измѣнить. П. С. З. (с. 2.). Т. XXXIX. 1. № 40551. Именной указъ Императора Александра II, объявленный Военному Министру Министромъ Статсъ-Секретаремъ Великаго Княжества Финляндскаго 1/13 февраля 1864 г. — Указатель хронологическій къ сборнику постановленій В. К. Финляндскаго. 1860—1900. С.-Петербургъ. 1901. По распоряженію Предсѣдателя Коммисіи для составленія свѣдѣній по финляндскимъ законамъ и систематизации сихъ законовъ. с. 13—14. Высочайшее Его Императорскаго Величества Объявленіе касательно отдѣленія Сестрорѣцкаго оружейнаго завода отъ Финляндіи и соединенія его съ С.-Петербургскою губерніею и объ измѣненіи согласно тому нынѣшней границы между Россійскою Имперіею и Великимъ Княжествомъ Финляндскимъ. Сборн. пост. Вел. Княж. Фин. 15 февраля 1864 г. № 5.

3) Высочайшій манифестъ Императора Александра I 9 21 февраля 1816 г. (Собр. пост. фин. Т. I. № 15.): . . . „нынѣ же . . . достигши ожиданнаго давно случая, безъ препятствія отъ попеченій внѣшнихъ, посвятить занятія на управленіе внутренними дѣлами Государства Нашего, а въ числѣ оныхъ и касающимися особенно до Финляндіи, находимъ Мы для вѣщаго ознаменованія намѣренія Нашего о упомянутомъ мѣстномъ управленіи края сего и непосредственнаго отношенія онаго

Самое устройство Великаго Княжества Финляндіи въ Россійской Имперіи съ 17-го Марта 1809 г., съ самага обнаруженія жалованной

къ лицу Нашему удобнѣйшимъ, согласно съ наименованіемъ вышняго правительства въ Государствѣ Нашемъ и въ присоединенномъ къ оному съ недавняго времени Царствѣ Польскомъ, дать и Финляндскому Вышнему Правительству названіе Финляндскаго Сената Нашего, безъ отмѣны однако же въ настоящемъ его составѣ, а еще менѣе того въ конституціи и законахъ, Нами для Финляндіи утвержденныхъ и силою сего во всѣхъ отношеніяхъ паки утверждаемыхъ“.

„Высочайшій рескриптъ“ (Императора Александра III 28-го февраля 1891 года) „генераль-губернатору Финляндіи“ (Правительственный Вѣстникъ. С.-Петербургъ. 6 марта 1891 г. № 51.): . . . „Финляндскій край, состоя съ начала нынѣшняго столѣтія, а въ нѣкоторой его части и ранѣе, въ собственноти и державномъ обладаніи Имперіи Россійской, получилъ по волѣ Блаженныя памяти Императора Александра I особый порядокъ внутренняго управленія и Всемиловѣйшее удостовѣреніе о сохраненіи за нимъ его правъ, преимуществъ, религіи и коренныхъ законовъ. Такое удостовѣреніе подтверждаемо было и его Державными Преемниками.

Сіи права и преимущества, особое церковное устройство и законы края не только сохраняють понынѣ свое дѣйствіе, но и получили во многихъ частяхъ своихъ дальнѣйшее развитіе, въ соотвѣтствіе потребностямъ населенія Финляндіи. Такимъ образомъ, судьба Великаго Княжества подъ Скипетромъ Россійскимъ доказала, что единеніе его съ Россією не препятствовало свободному развитію мѣстныхъ его учреждений, а достигнутое Финляндією благосостояніе непреложно свидѣтельствуетъ о соотвѣтствіи такого единенія собственнымъ ея выгодамъ. Тѣмъ не менѣе несогласованность нѣкоторыхъ постановленій Финляндіи съ общими государственными узаконеніями и недостаточная опредѣлительность законоположеній, касающихся отношеній Великаго Княжества къ Имперіи, подають къ сожалѣнію поводъ къ превратному пониманію дѣйствительнаго значенія мѣръ, принимаемыхъ въ видахъ достиженія цѣлей, общихъ всѣмъ частямъ Государства Россійскаго. Я надѣюсь, однако, что благоразуміе финскаго народа разсѣтетъ это заблужденіе, а правильное пониманіе собственныхъ выгодъ побудитъ его стремиться къ вѣщему скрѣпленію узъ, связывающихъ Финляндію съ Россією.

Поручаю вамъ передать, отъ Моего Имени Моимъ вѣрноподаннымъ въ Финляндіи, что Я расположенъ относиться съ прежнимъ благоволеніемъ, заботами и довѣріемъ къ финскому народу, неизмѣнно охраняя дарованныя ему Россійскими Монархами права и преимущества, и что въ мои намѣренія не входитъ измѣнять начала дѣйствующаго въ краѣ порядка внутренняго управленія.

Я . . . въ правѣ ожидать отъ преданнаго Мнѣ населенія Финляндіи единодушнаго содѣйствія къ осуществленію Моихъ предначертаній, клонящихся къ укрѣпленію государственной связи Великаго Княжества съ Имперією“.

Высочайшій манифестъ Императора Николая II 3-го (15-го) февраля 1899 г. [П. С. З. (с. 3.). Т. XIX. I. № 16447. Высочайше утвержденныя Основныя Положенія о составленіи, рассмотрѣніи и обнаруженіи законовъ, издаваемыхъ для Имперіи со включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго.]: . . . „Великое Княжество Финляндское, войдя съ начала нынѣшняго столѣтія въ составъ Россійской Имперіи, пользуется, по великодушному соизволенію блаженныя памяти Императора Алек-

грамоты Императора Александра I, Высочайше утвержденной 15-го марта 1809 г., отличается важными особенностями.

Онъ состоятъ въ томъ, что населенію Великаго Княжества Финляндскаго предоставлено русскими Государями пользование шведскими коренными законами, дѣйствовавшими во время присоединенія этой страны къ русскому государству, и участіе въ управленіи, въ отправленіи правосудія и въ законодательной дѣятельности относительно этой страны.

сандра Благословеннаго и Его Державныхъ Преемниковъ, особыми въ отношеніи внутренняго управления и законодательства учрежденіями, кои соотвѣтствуютъ бытовымъ условіямъ страны . . .

. . . Мы, въ непрестанной заботѣ о благѣ всѣхъ безъ различія вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ, признали полезнымъ, въ дополненіе дѣйствующихъ постановленій и въ руководство подлежащимъ учрежденіямъ Имперіи и Великаго Княжества, установить твердый и неизблжимый порядокъ ихъ дѣятельности по начертанію и изданію законовъ общегосударственныхъ . . .

Мы уповаемъ, что основанная на твердыхъ указаніяхъ положительнаго закона совмѣстная дѣятельность учреждений Имперіи и Великаго Княжества Финляндскаго по тѣмъ законодательнымъ дѣламъ, которыя касаются обоюдныхъ ихъ интересовъ, послужитъ къ вѣщему обезпеченію дѣйствительныхъ пользы и выгодъ Россійскаго Государства“.

„Высочайшій рескриптъ“ (Императора Николая II 8-го іюня 1899 года) „Финляндскому генераль-губернатору“ (Правительственный Вѣстникъ. 22 іюня 1899 г. № 132): „При закрытіи вами, 18-го минушаго мая, чрезвычайнаго сейма представители сословій довели до Моего свѣдѣнія о тревожномъ ихъ настроеніи, вызванномъ предстоящимъ преобразованіемъ воинской повинности въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ и обнародованіемъ манифеста 3-го февраля сего года.

Къ прискорбію Моему, изъ рѣчей ландмаршала и тальмановъ Я усматриваю, что земскіе чины не усвоили соображеній общегосударственной пользы, коими необходимость этихъ мѣръ обуславливается, и дозволили себѣ неумѣстныя о нихъ сужденія. Поручаю вамъ объявить во всеобщее свѣдѣніе, что сужденія сіи неправильны и не соотвѣтствуютъ установившемуся съ начала нынѣшняго столѣтія положенію дѣлъ, при коемъ Финляндія есть составная часть Государства Россійскаго, съ нимъ нераздѣльная.

Я желаю также, чтобы финскому народу было извѣстно, что, принявъ при востшествіи на Престолъ священный долгъ пешихъ о благѣ всѣхъ народностей, Россійской Державѣ подвластныхъ, Я призналъ за благо сохранить за Финляндіей особый строй внутренняго законодательства, дарованный ей Моими Державными Предками. Въ то же время Я принялъ на Себя, какъ наслѣдіе прошлаго, заботу объ опредѣленіи силою положительнаго закона отношеній Великаго Княжества къ Россійской Имперіи. Въ этихъ видахъ Мною утверждены основныя положенія 3-го февраля сего года, опредѣляющія правила объ изданіи общегосударственныхъ законовъ, касающихся Финляндіи. Въ порядкѣ, указанномъ симъ законодательнымъ актомъ, непоколебимымъ и впредь, получать дальнѣйшее направленіе труды чрезвычайнаго сейма и будутъ приняты въ соображеніе при окончательномъ начертаніи военнаго закона“.

Уже регламентъ Правительствующаго Совѣта, утвержденный Императоромъ Александромъ I 6-го августа 1809 г. для Великаго Княжества Финляндскаго (выше с. 170—172.), обеспечивалъ населенію этой страны нѣкоторое участіе въ ея внутреннемъ мѣстномъ управленіи и отправленіи правосудія. По этому регламенту, Правительствующій Совѣтъ вѣдалъ главное управленіе Финляндіи (Réglement § 1) и состоялъ, подъ предсѣдательствомъ Генераль-Губернатора Финляндіи (§ 2), изъ двухъ Департаментовъ: Судебнаго и Хозяйственнаго (§ 1). Членовъ Совѣта было четырнадцать (§ 4). Срокъ службы ихъ былъ въ три года (§ 11). Одна половина изъ нихъ выбиралась и назначалась Государемъ Императоромъ изъ дворянства Финляндіи, а другая — изъ трехъ остальныхъ сословій Финляндіи (§ 5). Правительствующему Совѣту принадлежало право назначенія на многія должности въ Финляндіи (§§ 8; 15; 41; 42 п. 6.) и право представленія кандидатовъ Государю Императору для назначенія на многія изъ болѣе важныхъ должностей, подлежащихъ замѣщенію по назначенію Высочайшей власти (§§ 7; 15; 42 п. 8.). Только немногія изъ высшихъ должностей въ Финляндіи, какъ напр., должность Генераль-Губернатора Финляндіи, должности Членовъ Правительствующаго Совѣта (§ 5), должность Прокура этого Совѣта (§ 6), замѣщались по выбору и назначенію Государя Императора. Правительствующій Совѣтъ назначалъ на должности и представлялъ Государю Императору въ качествѣ кандидатовъ для назначенія на должности въ Финляндіи только лицъ, имѣющихъ права финляндскаго гражданства.

Манифестъ Императора Александра I 9-го (21-го) февраля 1816 г. о переименованіи Правительствующаго Совѣта Финляндіи въ „Императорскій Финляндскій Сенатъ“ измѣнилъ лишь названіе, но оставилъ въ неприкосновенности и устройство, и вѣдомство, и власть, и дѣлопроизводство этого учрежденія. Этотъ манифестъ подтвердилъ, что въ Члены Финляндскаго Сената будутъ избираться и назначаться Высочайшей властью только коренные финляндцы или лица, приобрѣтшія финляндское гражданство ¹⁾.

Высочайшимъ постановленіемъ Императора Александра III 13 сентября 1892 года Императорскому Финляндскому Сенату данъ новый

1) Собраніе постановленій финляндскихъ. Т. I. 1816. № 15. Февраля 9, 21. Высочайшій Его Императорскаго Величества Манифестъ. — О именованіи Императорскаго Правительствующаго Совѣта Императорскимъ Финляндскимъ Сенатомъ (Приб. къ Улож. Финл., Спб., 1827 г., с. 325; Plac., II, p. 178). — См. выше с. 170 съ прим. 2.

регламентъ или новое „учрежденіе“¹⁾. Новое учрежденіе сохранило главныя начала прежняго регламента, но обогатилось различными преобразованіями, одни изъ которыхъ были выработаны различными Высочайшими постановленіями и повелѣніями, изданными въ промежутокъ времени между 1809 и 1892 годомъ, а другія были внесены при составленіи этого закона, въ виду новыхъ потребностей.

По новому учрежденію, Императорскій Финляндскій Сенатъ вѣдаетъ главне внутреннее управленіе Финляндіи (§ 1). Онъ состоитъ подъ предсѣдательствомъ Генераль-Губернатора (§ 2) изъ двухъ Департаментовъ: Судебнаго и Хозяйственнаго (§ 1). Каждый Департаментъ состоитъ по крайней мѣрѣ изъ десяти Сенаторовъ. Одинъ изъ Сенаторовъ Департамента состоитъ Вице-Предсѣдателемъ, а прочіе — Членами Департамента (§ 3). Выборъ и назначеніе Вице-Предсѣдателей и Членовъ Департаментовъ зависитъ отъ Государя Императора. „Они назначаются изъ коренныхъ финляндцевъ или изъ лицъ, водворившихся въ краѣ и право Финляндскаго гражданства пріобрѣвшихъ“ (§ 4). Вице-Предсѣдатели и Члены назначаются на три года (§ 6). Финляндскому Сенату принадлежитъ право назначенія на многія должности въ Финляндіи (§§ 9; 11; 30; 62—63; 83 п. 12—14; 98 п. 25, 27—28; 100 п. 9.) и право представленія кандидатовъ Государю Императору для назначенія на многія изъ болѣе важныхъ должностей, подлежащихъ замѣщенію по назначенію Высочайшей власти (§§ 9; 11; 29; 30; 83 п. 9; 100 п. 9.). Только немногія изъ высшихъ должностей въ Финляндіи, какъ напр., должность Генераль-Губернатора, должности Вице-Предсѣдателей и Членовъ Сената (§ 4), должности Прокурора и Товарища Прокурора Сената (§ 8), замѣщаются по выбору и назначенію Государя Императора. Императорскій же Финляндскій Сенатъ назначаетъ на должности и представляетъ Государю Императору въ качествѣ кандидатовъ для назначенія на должности въ Финляндіи только коренныхъ финляндцевъ или лицъ, водворившихся въ Финляндіи и пріобрѣтшихъ права финляндскаго гражданства.

Высочайшее Постановленіе Императора Николая II 23 іюля

1) Высочайшее Постановленіе объ учрежденіи Императорскаго Финляндскаго Сената, 13 Сентября 1892 года, и Высочайшее Постановленіе 23 Іюля 1896 года. С.-Петербургъ. 1900. По распоряженію Предсѣдателя Коммисіи для составленія свѣдѣній по финляндскимъ законамъ и систематизаціи сихъ законовъ. с. 1. Высочайшее Его Императорскаго Величества Постановленіе объ Учрежденіи Императорскаго Финляндскаго Сената. 13 Сентября 1892 г. (Сб. П. В. К. Ф., № 30). Этими буквами въ скобкахъ обозначается: „Сборникъ Постановленій Великаго Княжества Финляндскаго“.

1896 г. еще болѣе расширило право назначенія на должности, предоставленное Императорскому Финляндскому Сенату [§§ 1 п. 1; 2 п. 7.]¹⁾.

Отмѣтивъ, что населеніе Великаго Княжества Финляндскаго имѣтъ право участія во внутреннемъ мѣстномъ управленіи и отправленіи правосудія, обратимся теперь къ праву участія со стороны этого населенія въ законодательной дѣятельности.

Присоединивъ завоеванную шведскую Финляндію къ русскому государству и назвавъ ее Великимъ Княжествомъ Финляндіи, Императоръ Александръ I въ 1809 г. предоставилъ населенію этого края право участія въ законодательной дѣятельности по отношенію къ этому краю.

Еще въ манифестѣ 5-го (17-го) іюня 1808 г. (выше с. 159 съ прим. 1.) и въ Высочайшемъ повелѣніи 20-го января 1809 г. (выше с. 161 съ прим. 2.) заключались нѣкоторыя намеки на намѣреніе Императора Александра I дать населенію новоприсоединенной Финляндіи право участія въ законодательной дѣятельности относительно этой страны. Но закономъ, дѣйствительно даровавшимъ это право, была грамота Императора Александра I 15-го (27-го) марта 1809 г. (Собр. пост. фин. Т. I. № 2. — См. выше с. 162 съ прим. 3.), пожалованная, по доброй волѣ и милости Императора, вѣрноподданному населенію новоприсоединенной Финляндіи, недавно надѣленной со стороны Императора почетнымъ титуломъ Великаго Княжества.

Императоръ Александръ I провозгласилъ въ этой грамотѣ, что Онъ призналъ за благо вновь „утвердить и удостовѣрить“ Собственноручно подписанной грамотой „религію, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояніе сего Княжества въ особенности и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались, обѣщая хранить оныя въ ненарушимой и непреложной ихъ силѣ и дѣйстви“²⁾.

1) Высочайшее Постановленіе объ учрежденіи И. Фин. Сената и Высочайшее Постановленіе 23 іюля 1896 года. с. 50. Высочайшее Его Императорскаго Величества Постановленіе о предоставленіи Императорскому Сенату права окончательно рѣшать нѣкоторыя дѣла, до сего времени восходившія на Высочайшее благовозрѣніе, и объ измѣненіи нѣкоторыхъ правилъ относительно производства дѣлъ въ Императорскомъ Финляндскомъ Сенатѣ. 23 іюля 1896 г. (Сб. П. В. К. Ф., № 21).

2) Что Императоръ Александръ I дѣйствительно подтвердилъ и удостовѣрилъ этой грамотой сохраненіе религіи, коренныхъ законовъ, правъ и преимуществъ, которыми каждое сословіе въ частности и всѣ жители Финляндіи вообще пользовались до завоеванія Россіей, это несомнѣнно подтверждается такимъ вѣскимъ доказательствомъ, какъ манифестъ Императора Александра I 23-го марта (4-го апрѣля) 1809

Слова : „коренные законы“ не составляют никакого юридического термина и, согласно обыденному житейскому смыслу слова : „коренной“, означают такіе законы, которые слѣдуетъ считать основными или главными въ данное время въ законодательствѣ данной страны.

Въ числѣ „коренныхъ законовъ“, дѣйствовавшихъ въ шведской Финляндіи во время присоединенія ея къ Россійской Имперіи, несомнѣнно, находились на первомъ мѣстѣ основные государственные законы, опредѣлявшіе государственное устройство Шведскаго Королевства съ Финляндіей включительно.

Эти шведскіе основные государственные законы предоставляли народонаселенію Швеціи и Финляндіи право участія вмѣстѣ съ Шведскимъ Королемъ въ законодательной дѣятельности Шведскаго Королевства. Они опредѣляли, что населеніе Швеціи и Финляндіи принимаетъ участіе въ законодательной дѣятельности не иначе, какъ при посредствѣ Государственнаго Риксдага или Государственнаго Сейма, состоящаго изъ надлежащаго числа представителей отъ четырехъ сословій Швеціи и Финляндіи т. е. отъ рыцарства и дворянства или, короче сказать, отъ дворянства, отъ духовенства, отъ горожанъ и отъ земельныхъ крестьянъ. Въ этихъ законахъ опредѣлялось, какіе

года жителямъ новоприсоединенной Финляндіи о принесеніи присяги представителями сословій и пожалованіи со стороны Императора (выше с. 167—168.).

Въ пользу этихъ пожалованій говорить и другое гораздо менѣе вѣское доказательство, дошедшее до насъ не въ первоисточникѣ, но въ другомъ источникѣ, близкомъ къ первому. Это — введеніе къ предложеніямъ, сдѣланнымъ со стороны Императора Александра I финляндскому Сейму 16-го (28-го) марта 1809 г., найденное вмѣстѣ съ этими предложеніями въ особомъ спискѣ въ бумагахъ М. М. Сперанскаго, съ подписью М. М. Сперанскаго (выше с. 164 съ прим. 2.).

Наконецъ, въ пользу большинства изъ этихъ пожалованій свидѣтельствуетъ еще весьма вѣское и безспорное доказательство, это — Высочайшій манифестъ 9/21 февраля 1816 г. (Собр. пост. фин. Т. I. № 15.). „Бывъ удостовѣрены, говорить этотъ манифестъ, что конституція и законы, къ обычаямъ, образованію и духу Финляндскаго народа примѣненные, и съ давнихъ временъ положившіе основаніе гражданской его свободѣ и устройству, не могли бы быть ограничиваемы и отмѣняемы, безъ нарушенія оныхъ, Мы, при воспріятіи царствованія надъ симъ краемъ, не только торжественнѣйше утвердили конституцію и законы сіи съ принадлежащими на основаніи оныхъ каждому Финляндскому согражданину особенными правами и преимуществами, но по предварительномъ разсужденіи о семъ съ собравшимися Земскими края сего Чинами и учредили особенное Правительство подъ названіемъ Правительствующаго Совѣта, составленнаго изъ коренныхъ Финляндцевъ, который доселѣ управлялъ гражданской частію края сего и рѣшалъ судебныя дѣла, въ качествѣ послѣдней инстанціи, не зависѣвъ, ни отъ какой другой власти, кромѣ власти законовъ и сообразующейся съ оными Монаршей Нашей воли“.

вопросы подлежат рѣшенію не иначе, какъ путемъ закона, изданнаго съ согласія Государственнаго Сейма и Короля, и какіе подлежатъ единоличному рѣшенію Короля; хотя были, конечно, и такіе вопросы, относительно которыхъ не было опредѣлено ясно въ законѣ, кому принадлежитъ ихъ рѣшеніе.

Во главѣ этихъ основныхъ государственныхъ законовъ Шведскаго Королевства, узаконившихъ въ немъ ограниченіе монархической власти въ пользу народнаго представительства или „конституцію“ въ обыденномъ смыслѣ этого слова, прекрасно извѣстномъ и въ началѣ XIX-го вѣка, стояло два закона. Одинъ изъ нихъ извѣстенъ подъ именемъ „Формы Правленія“. Онъ утвержденъ Шведскимъ Королемъ Густавомъ III и Государственными Чинами 21-го августа 1772 г. Другой же законъ называется „Актомъ Соединенія и Безопасности“. Онъ утвержденъ тѣмъ же Королемъ и Государственными Чинами 21-го февраля и 3-го апрѣля 1789 г. Первый изъ этихъ законовъ сильно ограничиваетъ королевскую власть, а второй освобождаетъ ее отъ многихъ изъ этихъ ограниченій (выше с. 154—155 съ прим. 1 на с. 155.).

Признавъ за благо подтвердить и удостовѣрить своей жалованной грамотой сохраненіе коренныхъ законовъ, дѣйствовавшихъ въ шведской Финляндіи во время ея присоединенія къ Россійской Имперіи, Императоръ Александръ I не опредѣлилъ ни содержанія, ни названія этихъ законовъ. Тѣмъ не менѣе, зная, съ несомнѣнностью, что первое мѣсто въ ряду этихъ коренныхъ законовъ занимали основные государственные законы Шведскаго Королевства, узаконившіе въ этомъ королевствѣ ограниченіе монархической власти въ пользу народнаго представительства или конституцію, Императоръ Александръ I не могъ не знать, что, провозглашая сохраненіе шведскихъ коренныхъ законовъ въ Финляндіи, Онъ тѣмъ самымъ провозглашаетъ сохраненіе и основныхъ государственныхъ шведскихъ законовъ въ Финляндіи и тѣмъ самымъ съ своей стороны даетъ новоприсоединенной Финляндіи конституцію. Императоръ не могъ не знать, что въ такомъ смыслѣ неминусомъ поймутъ Его жалованную грамоту финляндцы и, при ихъ старинной привычкѣ и преданности этой конституціи, не могутъ понять иначе. При такихъ условіяхъ, нельзя не признать, что, провозглашая въ своей жалованной грамотѣ сохраненіе коренныхъ законовъ, дѣйствовавшихъ въ шведской Финляндіи во время присоединенія ея къ Россійской Имперіи, Императоръ Александръ I уже тѣмъ самымъ провозгласилъ сохраненіе и основныхъ государственныхъ шведскихъ законовъ въ присоединенной Финляндіи и тѣмъ самымъ далъ ей конституцію.

Правильность этого заключенія вполне подтверждается подлин-

ными словами двухъ послѣдующихъ законовъ Императора Александра I, изданныхъ на русскомъ языкѣ. Таковы — манифестъ 31 декабря 1811 г. [П. С. З. (с. 1.) Т. XXXI. № 24934. — Собр. пост. фин. Т. I. № 7.] и манифестъ 9 21 февраля 1816 г. (Собр. пост. фин. Т. I. № 15.).

Манифестъ 31 декабря 1811 г., опредѣляя надлежашія преобразования для Выборгской губерніи, только что присоединенной къ Великому Княжеству Финляндіи постановляетъ: „Порядокъ представленія всѣхъ сословій на сеймѣ Государственныхъ чиновъ учреждается въ Выборгской Губерніи на общихъ правилахъ, въ Конституціи Великаго Княжества Финляндіи опредѣленныхъ“.

Манифестъ же 9/21 февраля 1816 г. говоритъ: „Бывъ удосто- вѣрены, что конституція и законы, къ обычаямъ, образованію и духу Финляндскаго народа примѣненные, и съ давнихъ временъ положившіе основаніе гражданской его свободѣ и устройству, не могли бы быть ограничиваемы и отмѣняемы, безъ нарушенія оныхъ, Мы, при воспріятіи царствованія надъ симъ краемъ, не только торжественнѣйше утвердили конституцію и законы сіи съ принадлежащими на основаніи оныхъ каждому Финляндскому согражданину особенными правами и преимуществами, но по предварительномъ разсужденіи о семъ съ собравшимся Земскаго края сего Чинами и учредили особенное Правительство подъ названіемъ Правительствующаго Совѣта“ (выше с. 170 прим. 2.).

Введеніе къ предложеніямъ, сдѣланнымъ со стороны Императора Александра I Финляндскому Сейму 16-го (28-го) марта 1809 г., найденное вмѣстѣ съ этими предложеніями въ особомъ списокѣ, въ бумагахъ М. М. Сперанскаго, съ подписью М. М. Сперанскаго (выше с. 164 прим. 2.), въ свою очередь, указываетъ, что у Императора Александра I въ первой четверти 1809 г. было великодушное намѣреніе сохранить и соблюсти ненарушимо въ присоединенной Финляндіи „les loix, la constitution du pays“ (законы, конституцію страны).

Въ виду этихъ данныхъ, необходимо признать, что, провозглашая въ своей жалованной грамотѣ сохраненіе коренныхъ законовъ, дѣйствовавшихъ въ шведской Финляндіи во время присоединенія ея къ Россійской Имперіи, Императоръ Александръ I уже тѣмъ самымъ провозгласилъ сохраненіе и основныхъ государственныхъ шведскихъ законовъ въ присоединенной Финляндіи, опредѣляющихъ ограниченіе монархической власти въ пользу народнаго представительства или конституцію.

Здѣсь тотчасъ возникаетъ вопросъ, какіе же именно шведскіе конституціонные законы сохранены Императоромъ Александромъ I по Его жалованной грамотѣ въ новоприсоединенной Финляндіи.

Отвѣтъ на этотъ вопросъ представляетъ большія затрудненія. Дѣло въ томъ, что самъ Императоръ не далъ на этотъ вопросъ никакого яснаго и точнаго отвѣта ни въ самой жалованной грамотѣ 15-го (27-го) марта 1809 г., ни въ другихъ своихъ законахъ и указахъ.

Въ жалованной грамотѣ 1809 года Императоръ обѣщаль вѣрно-подданному населенію новоприсоединенной шведской Финляндіи „хранить“ „коренные законы“, дѣйствовавшіе въ этой странѣ во время присоединенія ея Имъ къ Россійской Имперіи, а, слѣдовательно, и основные шведскіе конституціонные законы „въ ненарушимой и непреложной ихъ силѣ и дѣйстви“.

Точное выполненіе этого обѣщанія, согласно его буквальному смыслу, было бы возможно, однако, только въ томъ случаѣ, если бы Императоръ Александръ I тотчасъ по провозглашеніи своей жалованной грамоты отнялъ новоприсоединенную Финляндію отъ Россійской Имперіи и возвратилъ Шведскому Королевству. Очевидно, только въ этомъ случаѣ коренные шведскіе законы, рассчитанные на государственное единство Финляндіи съ Шведскимъ Королевствомъ, были бы дѣйствительно сохранены въ „ненарушимой и непреложной ихъ силѣ и дѣйстви“. Но такой образъ дѣйствій, очевидно, стоялъ въ явномъ противорѣчьи и съ насущными интересами Россіи, и съ многочисленными предшествующими и послѣдующими несомнѣнными заявленіями Императора о безповоротномъ присоединеніи Финляндіи къ Россійской Имперіи навсегда, а потому, очевидно, вовсе не входилъ въ намѣренія Императора. А при такомъ положеніи вещей, мы логически обязаны признать, что буквальный смыслъ словъ обѣщанія Императора Александра I о сохраненіи шведскихъ коренныхъ законовъ, а въ томъ числѣ и конституціонныхъ въ новоприсоединенной Финляндіи въ „ненарушимой и непреложной ихъ силѣ и дѣйстви“ не соотвѣтствовалъ дѣйствительной волѣ обѣщателя.

При дареніи и пожалованіи, точное опредѣленіе того, что именно подарено или пожаловано, должно быть сдѣлано не иначе, какъ соотвѣтственно дѣйствительной волѣ лица, совершившаго дареніе или пожалованіе. Этотъ правильный юридическій принципъ долженъ быть примѣненъ и при толкованіи жалованной грамоты Императора Александра I населенію новоприсоединенной Финляндіи.

Императоръ Александръ I, несомнѣнно, желалъ присоединить завоеванную Имъ Финляндію къ Россійской Имперіи безповоротно, навсегда и связать эту Финляндію съ Россійской Имперіей крѣпкимъ государственнымъ единствомъ.

При такомъ соединеніи, коренные шведскіе законы, а въ осо-

бенности государственные не могли быть сохранены въ Финляндіи въ всей ихъ цѣлости, но необходимо должны были подвергнуться различнымъ измѣненіямъ въ разныхъ отношеніяхъ. Напр., 1-й параграфъ шведской „Формы Правленія“ требовалъ, чтобы Шведскій Король былъ лютераниномъ (Шиловскій — Акты. с. 25—26.), а Императоръ Всероссійскій долженъ былъ быть православнымъ.

Для правильнаго рѣшенія такихъ важныхъ вопросовъ, какъ вопросы о томъ, въ какихъ шведскихъ коренныхъ законахъ должны быть сдѣланы перемѣны для Финляндіи и какія — именно, необходимо было много осторожности, обдуманности и знанія дѣла, и, слѣдовательно, много труда и времени. А такого рѣшенія этихъ вопросовъ не было подготовлено къ открытію Сейма въ Борго и, за недостаткомъ времени и знанія дѣла, даже и не могло быть подготовлено.

Но Императоръ Александръ I, несомнѣнно, имѣлъ стремленіе и къ сохраненію шведскихъ коренныхъ, а въ томъ числѣ и государственныхъ конституціонныхъ законовъ въ присоединенной Финляндіи.

Примирить это стремленіе съ желаніемъ прочнаго присоединенія Финляндіи къ Россійской Имперіи, на крѣпкихъ связяхъ государственнаго единства, съ необходимостью различныхъ измѣненій въ шведскихъ коренныхъ законахъ, подлежащихъ приспособленію къ новому положенію Финляндіи, съ полной неподготовленностью проекта Главнаго Правленія Финляндіи и полнымъ отсутствіемъ проектовъ другихъ необходимыхъ измѣненій можно было только однимъ способомъ. Онъ состоялъ въ признаніи, что шведскіе коренные, а въ томъ числѣ и государственные конституціонные законы сохранять свою силу и дѣйствіе въ Финляндіи, присоединенной къ Россійской Имперіи, лишь въ большинствѣ своихъ важныхъ постановленій, а въ меньшинствѣ съ теченіемъ времени подвергнутся необходимымъ измѣненіямъ, при чемъ эти измѣненія будутъ произведены съ соблюденіемъ принциповъ, принятыхъ въ шведскихъ конституціонныхъ законахъ, дѣйствовавшихъ въ Финляндіи во время присоединенія ея къ Россійской Имперіи.

Обѣщаніе такого содержанія было, во первыхъ, выполнимо на дѣлѣ, хотя и съ большими затрудненіями; во вторыхъ, подходило къ смыслу жалованной грамоты Императора Александра I 15-го (27-го) марта 1809 г. гораздо ближе, чѣмъ подходили всѣ другія предположимыя и выполнимыя обѣщанія, и, въ третьихъ, хотя и не вполне, но въ весьма сильной степени соотвѣтствовало дѣйствительному образу дѣйствій Императора Александра I относительно присоединенной Имъ Финляндіи. Такъ, Императоръ не только далъ жалованную грамоту населенію этой Финляндіи о сохраненіи религіи, коренныхъ законовъ,

правъ и преимуществъ, которыми пользовались эти финляндцы до этого присоединенія; но и созвалъ Сеймъ представителей сословій этой Финляндіи для обсужденія предложеній Императора и представленія заключеній Императору по нѣкоторымъ важнѣйшимъ вопросамъ, касавшимся измѣненія нѣкоторыхъ коренныхъ шведскихъ законовъ въ Финляндіи, а именно — по вопросамъ объ устройствѣ вооруженной силы, взиманіи податей и налоговъ, монетной системѣ и Правительствующемъ Совѣтѣ (выше с. 164 съ прим. 2; 165 съ прим. 1.).

Судя по введенію къ предложеніямъ Императора Александра I этому Сейму (выше с. 164 прим. 2.), слѣдуетъ думать, что Императоръ Александръ I имѣлъ неправильное понятіе о юридическомъ положеніи Сейма, какъ народнаго представительства, по отношенію къ Монарху въ шведской конституціи. Императоръ полагалъ, что вопросы, подлежащіе, по этой конституціи, рѣшенію Монарха съ участіемъ Сейма, рѣшаются Монархомъ по совѣщаніи съ Сеймомъ, а не по соглашенію Монарха съ Сеймомъ, какъ этого требуетъ въ дѣйствительности шведскій законъ, извѣстный подъ именемъ „Формы Правленія (§§ 40—41. — См. Шиловскаго. Акты. с. 40.). Такъ, во введеніи къ предложеніямъ Императора Сейму говорится, что, созывая сословія Финляндіи на общій Сеймъ, Императоръ желалъ дать тѣмъ самымъ торжественное доказательство своихъ великодушныхъ намѣреній сохранить и соблюсти ненарушимо религію, законы, конституцію страны, права и преимущества всѣхъ сословій вообще и каждого гражданина въ частности. А между тѣмъ въ дѣйствительности Императоръ поставилъ этотъ Сеймъ въ положеніе лишь законосовѣщательнаго учрежденія. Сеймъ обсуждалъ предложенія Императора и представилъ по нимъ Императору не законопроекты, а только мнѣнія или заключенія, при чемъ по вопросу о денежномъ сборѣ въ замѣнъ поставки солдатъ по поселенной системѣ представилъ два различныхъ мнѣнія¹⁾. Окончательные же

1) „Результатомъ обсужденія этого вопроса на сеймѣ, говоритъ г. Мехелинъ (Къ вопросу о финляндской автономіи. с. 65.), были два альтернативныхъ проекта, изъ коихъ одинъ былъ утвержденъ манифестомъ 20 іюля (1 августа) 1810 г. Порядокъ рассмотрѣнія данного вопроса, продолжаетъ г. Мехелинъ, представляетъ, правда (если судить по болѣе строгимъ мѣриламъ позднѣйшаго времени), нѣкоторую неправильность. Но если принять въ соображеніе, что Земскимъ Чинамъ приходилось рассмотреть какъ это, такъ и два прочихъ, финансовыхъ предложенія, не получивъ отъ Монарха никакого положительнаго проекта или ближайшей разработки — что объясняется неимѣніемъ въ то время еще финляндскаго органа правленія, коимъ предложенія могли бы быть предварительно подготовлены — то отступленіе отъ формальнаго порядка, заключающееся въ представленіи двухъ альтернативныхъ отвѣтовъ на пропозиціи, не можетъ быть признано особенно знаменательнымъ“.

законопроекты по вопросам, предложенным со стороны Императора на обсуждение Сейма и получившим заключение или, как говорится, в манифесте Императора Александра I 17 29 декабря 1809 г. (Собр. пост. фин. Т. I. № 4.), „ответствия“ „отъ Чиновъ Сейма“, составлялись лишь по закрытии Сейма, безъ участія Сейма, и утверждались самимъ Императоромъ безъ всякаго соглашенія съ Сеймомъ. Императоръ Александръ I выразился вполне точно, когда сказалъ въ манифестѣ 9/21 февраля 1816 года (Собр. пост. фин. Т. I. № 15.): . . . „Мы . . . по предварительномъ разсужденіи съ собравшимися Земскими края сего Чинами и учредили особенное Правительство подъ названіемъ Правительствующаго Совѣта“. Если бы Императоръ Александръ I зналъ, что по точнымъ правиламъ шведской конституціи (Форма Правленія §§ 40—41.) Король и Сеймъ имѣютъ право издать новый общій законъ или отмѣнить старый общій законъ не иначе, какъ по взаимному соглашенію другъ съ другомъ; то, ставя Финляндскій Сеймъ лишь на положеніе законосовѣщательнаго собранія, безъ сомнѣнія, не указавъ бы на этотъ Сеймъ, какъ на торжественное доказательство своихъ великодушныхъ намѣреній сохранить и соблюсти ненарушимо законы и конституцію страны.

Подводя общій итогъ нашему краткому изслѣдованію содержанія жалованной грамоты Императора Александра I вѣрноподданному населенію новоприсоединенной Финляндіи или Великаго Княжества Финляндіи 15-го (27-го) марта 1809 г., мы приходимъ къ двумъ выводамъ.

1. Буквальный смыслъ словъ обѣщанія Императора Александра I о сохраненіи шведскихъ коренныхъ законовъ, а въ томъ числѣ и конституціонныхъ въ Великомъ Княжествѣ Финляндіи „въ ненарушимой и непреложной ихъ силѣ и дѣйстви“ не соответствуетъ дѣйствительной волѣ Императора Александра I, достоверно засвидѣтельствованной фактами того времени.

2. При толкованіи этого обѣщанія соответственно содержанію логически предположимой воли Императора Александра I и при томъ такой, которая, по имѣющимъ доказательствамъ, наиболѣе соответствуетъ фактамъ дѣйствительности, слѣдуетъ признать наиболѣе вѣроятнымъ, что Императоръ, высказывая это обѣщаніе, желалъ обѣщать, что шведскіе коренные законы, а въ томъ числѣ и государственные конституціонные сохранять свою силу и дѣйствіе въ Великомъ Княжествѣ Финляндіи въ большинствѣ своихъ важныхъ постановленій, а въ меньшинствѣ съ теченіемъ времени подвергнутся необходимымъ измѣненіямъ, при чемъ эти измѣненія будутъ произведены съ соблюденіемъ принциповъ, принятыхъ въ шведскихъ конститу-

ціонныхъ законахъ, дѣйствовавшихъ въ Финляндіи во время присоединенія ея къ Російской Имперіи въ 1808 г.

Въ виду этихъ выводовъ становится ясно, что Императоръ Александръ I своей жалованной грамотой 15-го (27-го) марта 1809 г. призналъ за населеніемъ Великаго Княжества Финляндіи право участія въ законодательной дѣятельности по отношенію къ этому краю, но не опредѣлилъ этого права настолько, насколько это необходимо для его осуществленія на дѣлѣ, или, короче сказать, далъ конституцію только въ принципѣ.

Боргскій Сеймъ, поставленный Императоромъ Александромъ I, вопреки яснымъ и несомнѣннымъ правиламъ тогдашней шведской конституціи, на положеніе лишь законосовѣщательнаго собранія, нисколько не способствовалъ собою выясненію права, признаннаго Императоромъ за населеніемъ Великаго Княжества Финляндіи, на участіе въ законодательной дѣятельности, но, пожалуй, съ своей стороны даже нѣсколько затемнилъ это право. Если Императоръ поставилъ Боргскій Сеймъ на положеніе лишь законосовѣщательнаго собранія; то естественно могъ возникнуть вопросъ, не имѣлъ ли Императоръ въ виду дать финляндцамъ такую конституцію, при которой Финляндскій Сеймъ занималъ бы положеніе лишь законосовѣщательнаго учрежденія.

Въ теченіе своего послѣдующаго шестнадцатилѣтняго царствованія Императоръ Александръ I не принялъ никакихъ мѣръ къ надлежащему опредѣленію права участія въ законодательной дѣятельности со стороны населенія Великаго Княжества Финляндіи и еще ни разу не созвалъ Финляндскаго Сейма¹⁾.

Давъ конституцію финляндцамъ только въ принципѣ, Императоръ Александръ I и сохранилъ ее за ними только въ принципѣ.

Вступивъ на „Престолъ Всеросійской Имперіи и нераздѣльные съ нимъ Престолы Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго“²⁾ 12-го декабря 1825-го г., Императоръ Николай I въ тотъ же день далъ грамоту населенію Великаго Княжества Финляндіи. „Объявляемъ черезъ сіе, провозгласилъ Императоръ Николай I въ этой грамотѣ, что, произволеніемъ Всевышняго вступивъ въ наслѣд-

1) Несозываніе Сейма не составляло, однако, нарушенія конституціи, такъ какъ, по точному смыслу 38-го параграфа Формы Правленія 1772 г., право созыва Сейма съ опредѣленіемъ времени, мѣста и предметовъ засѣданій всецѣло принадлежитъ Монарху, а, при малолѣтствѣ Монарха, — попечителю Монарха. (Ш и л о в с к і й — Акты. с. 39. Форма Правленія 1772 г. § 38.). — Мехелинъ — къ вопросу о финляндской автономіи. с. 115.

2) П. С. З. (с. 2.). Т. I. № 1. Манифестъ 12 декабря 1825 г. о вступленіи на Престолъ Государя Императора Николая Павловича.

ственное обладаніе Великаго Княжества Финляндіи, признали Мы за благо симъ вновь утвердить и удостовѣрить религію, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояніе сего Княжества въ особенности и всѣ подданные, оное населяющіе отъ мала до велика, по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались, обѣщая хранить оныя въ ненарушимой и непреложной ихъ силѣ и дѣйстви; въ удостовѣреніе чего и сію грамоту собственноручнымъ подписаніемъ Нашимъ утвердить благоволили. Въ С.-Петербургѣ, 12 Декабря 1825 года. „НИКОЛАЙ“¹⁾. Выраженіе: „доселѣ“ означало въ этой грамотѣ прошедшее время, но, несомнѣнно, уже не время шведскаго владычества, а время царствованія предшествующаго русскаго Императора и при томъ того именно русскаго Императора, послѣ котораго новый Русскій Императоръ, жалующій эту грамоту, вступилъ на престолъ.

Грамоты или манифесты такого рода жаловались населенію Великаго Княжества Финляндіи и послѣдующими русскими Императорами, по вступленіи на престолъ. Такъ, Императоръ Александръ II пожаловалъ свою грамоту населенію Великаго Княжества Финляндіи 19 февраля (3-го марта) 1855 г.²⁾, Императоръ Александръ III издалъ свой манифестъ 2-го (14-го) марта 1881 г.³⁾, а Императоръ Николай II — 25-го октября (6-го ноября) 1894 г.⁴⁾.

1) Собр. пост. фин. Т. I. № 39. (1825 г.) „Декабря 12 24. Высочайшес Его Императорскаго Величества удостовѣреніе обитателямъ Финляндіи (Plac., V, p. 56)“ — Ш и л о в с к і й — Акты. с. 11.

2) Собраніе постановленій финляндскихъ. Томъ III. Узаконенія, обнародованныя на русскомъ языкѣ. Съ дополненіями. 1850—1859. №№ 422—717. Санктпетербургъ. 1904. № 526. (1855 г.) „Февраля 19 (Марта 3). Высочайшее Его Императорскаго Величества удостовѣреніе ко всѣмъ жителямъ Финляндіи (Plac., XV, p. 250)“ — Ш и л о в с к і й. — Акты. с. 12—13.

3) Указатель хронологическій къ сборнику постановленій В. К. Финляндскаго. с. 101. Высочайшее Его Величества Государя Императора и Великаго Князя Александра Третьяго Утверженіе всѣмъ жителямъ Великаго Княжества Финляндскаго. Сбор. Пост. Вел. Княж. Фин. 14 2 марта 1881 г. № 7. — Сергѣевскій — Къ вопросу о финляндской автономіи. с. 20. — Ш и л о в с к і й — Акты. с. 13—14. По свидѣтельству г. Шиловскаго (с. 13.), текстъ этого манифеста приведенъ г. Шилоскимъ согласно подлиннику, а заголовокъ, отсутствующій въ подлинникѣ, напечатанъ согласно оффиціальному изданію, а именно — Сборнику Постановленій Великаго Княжества Финляндскаго за 1881 г.

4) Указатель хрон. къ сборнику постановленій В. К. Финляндскаго. с. 223. Высочайшій Его Величества Государя Императора и Великаго Князя Николая Втораго Манифестъ всѣмъ жителямъ Великаго Княжества Финляндскаго. Сбор. Пост. Вел. Княж. Фин. ноябр. 6 (окт. 25) 1894 г. № 40. — Сергѣевскій — Къ вопросу о финляндской автономіи. с. 20—21. — Ш и л о в с к і й — Акты. с. 14—15. По словамъ г. Шиловскаго (с. 14.), текстъ этого манифеста приведенъ г. Шилоскимъ

Всѣ эти грамоты или манифесты русскихъ Императоровъ Николая I, Александра II, Александра III и Николая II однородны по содержанию.

Каждый изъ этихъ Императоровъ, вступивъ въ наслѣдственное обладаніе Великимъ Княжествомъ Финляндіи, призналъ за благо „вновь утвердить и удостовѣрить“ религію, законы особой категоріи, права и преимущества, которыми „пользовались“ до изданія манифеста или грамоты этого Императора всѣ подданные, населяющіе это Княжество, вообще и каждое сословіе этого Княжества въ особенности, и обѣщать „хранить оныя въ ненарушимой и непреложной ихъ силѣ и дѣйствіи“.

Императорами Николаемъ I и Александромъ II признавалось за благо вновь утвердить и удостовѣрить „коренные законы“, а Императорами Александромъ III и Николаемъ II — „основные законы“.

Въ грамотѣ Императора Николая I стояло выраженіе: „по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались“; въ грамотѣ же Императора Александра II оно было замѣнено выраженіемъ: „по прежнимъ установленіямъ донинѣ пользовались“, а въ манифестахъ Императоровъ Александра III и Николая II — выраженіемъ: „по установленіямъ этого края до нынѣ пользовались“.

Всматриваясь въ содержаніе вышеозначенныхъ подтвердительныхъ грамотъ или манифестовъ, пожалованныхъ, по вступленіи на престоль, Императорами Николаемъ I, Александромъ II, Александромъ III и Николаемъ II населенію Великаго Княжества Финляндіи, нельзя не замѣтить, что каждый изъ этихъ актовъ несомнѣнно, хотя и косвенно признаетъ ограниченіе монархической власти въ пользу народнаго представительства или конституцію въ Великомъ Княжествѣ Финляндіи и при томъ признаетъ конституцію въ томъ видѣ, въ какомъ застала ее въ этомъ краѣ Императоръ, жалующій свою грамоту или манифестъ, по вступленіи на престоль послѣ своего предшественника. Это косвенное признаніе конституціи заключается въ подтвержденіи тѣхъ коренныхъ или основныхъ законовъ, которыми пользовалось населеніе этого края въ царствованіе предшествующаго русскаго Императора до изданія подтвердительной грамоты или манифеста со стороны новаго русскаго Императора, только что вступившаго на престоль. Дѣло въ томъ, что въ числѣ этихъ коренныхъ, а тѣмъ болѣе основныхъ законовъ находились на первомъ мѣстѣ основные государственные законы,

согласно подлиннику, а заголовокъ, отсутствующій въ подлинникѣ, напечатанъ согласно Сборнику Постановленій Вел. Княжества Фин. за 1894 г.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЪЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

выходятъ съ 1894 г. въ неопредѣленные сроки, не менѣе 4 разъ въ теченіе года.

Ученыя Записки распадается на два отдѣла: официальный и научный.

Въ официальномъ отдѣлѣ помѣщаются годовою отчетъ Университета, актовыя рѣчи, отзывы о диссертаціяхъ, обзорѣніе лекцій и т. п.

Въ научномъ отдѣлѣ помѣщаются работы преподавателей Университета; изъ студенческихъ же работъ печатаются (по возможности въ извлеченіи) лишь сочиненія, удостоенныя золотою медалю.

Научныя статьи **Ученыхъ Записокъ** печатаются какъ на русскомъ языкѣ, такъ и на одномъ изъ болѣе распространенныхъ западно-европейскихъ языковъ, а также на латинскомъ, по выбору автора.

Подписка принимается Правленіемъ Императорскаго Юрьевскаго Университета.

Подписная цѣна 6 руб. въ годъ.

Редакторъ **Е. Пассекъ.**
